Т. Зульфугаров

МУДРЕЦЫ, ЦАРИ, ПОЭТЫ

БИБЛИОТЕКА «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

МУДРЕЦЫ, ЦАРИ, ПОЭТЫ

КНИГА ПОЭМ

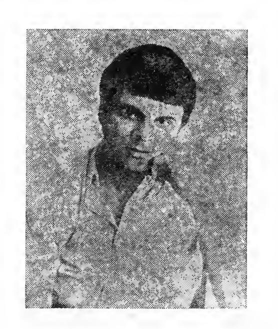
«ИЗВЕСТИЯ»

МОСКВА • 1983

ББК 84 Тадж 7
З-93

Художник И. УРМАНЧЕ

З $\frac{4702500000-053}{074(02)-83}$ 637—83 подписное



Т. Зульф…

КНИГА ДЕТСТВА МУШФИКИ

МИНДАЛЬ

...Стрела уж пущена, а птица еще поет в кустах...

Из народной поэзии

Почему так рано зацветает миндаль?..

Еще снег лежит на саманных плоских крышах кишлачных глинобитных убогих кибиток, еще талый малый азийский снег лежит на саманных крышах, еще снег небогатый лежит на крышах низких, а миндаль уже цветет. Цветет хладными дымными розовыми цветами.

Маленький Мушфики губами дотрагивается до этих ранних скорых смелых цветов, ему кажется: должны они быть теплыми, живыми, ласковыми, ведь одни они цветут среди февральского сырого безрадостного кишлака. Но цветы холодны и жестки — они точно отскакивают от юных доверчивых губ мальчика. Тогда Мушфики отрывает эти цветы губами, зубами от холодных, темных затаившихся веток и жует их, но они вначале безвкусны, а потом горчат на языке. Горькие, кислые ранние цветы. Мушфики выплевывает их. Ему грустно.

Почему так рано зацветает миндаль? Почему его цветы холодные? Почему горькие?..

Отец Мушфики, старый чабан Бобо Саид, говорит сыну: миндаль раньше всех цветет и позже всех дает

плоды. Тутовое дерево цветет позже всех и дает плоды раньше других деревьев. Мой мальчик, мой Мушфики, будь как тутовое дерево, как благодатная балхская шелковица.

Но Мушфики не согласен. Ему больше нравится миндаль, и то, что он одиноко цветет средь февральского, унылого, черного, талого кишлака. Пусть его цветы горьки. Зато они первые. Но и тутовник тоже жаль. Жаль его обрубленные ветви, пошедшие на корм шелковичному червю. Шахский тутовник растет у кибитки Мушфики. Он еще погружен в зимнюю спячку. Ствол его глух и дремуч. Мушфики влезает на дерево и гладит его по изуродованным ветвям. Словно это живое существо. Словно это побитая кишлачными мальчишками бездомная, бродячая собака. Отбившийся от стада волкодав с отрубленным хвостом. Дерево похоже на этого волкодава. У него ветви обрублены, а у волкодава хвост. Дерево похоже на летучую стаю волкодавов с обрубленными хвостами. На застывшую в сыром неприютном кишлачном небе стаю волкодавов...

Ах, ата, ата, отец, зачем в мире есть собаки с изуродованными хвостами и деревья с порубленными ветвями?..

Зачем я стою под тутовым еще спящим деревом, и провожу ладонью по лицу, и неожиданно чувствую, как над верхней пухлой моей детской губой растет, колеблется от сырого ветра робкий пушок. Это — начало усов. Это похоже на маленькие глухие рожки, пробивающиеся бугорками у годовалого нашего теленка.

Ах, ата, почему у меня так рано растут усы? Раньше всех моих сверстников-пастушат. Теперь все будут смеяться надо мной. Ах, ата, вы правы: лучше быть тутовым деревом, чем ранним горьким миндалем, одиноко цветущим средн февральского талого кишлака...

Мальчик бежит по кишлаку, в темные, мягкие пустынные поля. Он проваливается высокими башмаками-каушами в густую влажную землю, но бежит, бежит, бежит. Земля добрая. Мушфики нравится, как она проваливается и расползается под ногами. Уступчивая, ласковая земля, похожая на добрые влажные губы их единственной коровы Уляши, когда она облизывает новорожденного теленка...

Ата, ата, вы пасете большое стадо, а имеете всего одну корову. Почему, ата?..

Бежит мальчик в февральских пустынных полях. Один. На бегу лихорадочно дотрагивается ладонью до лица и чувствует захолодевшими пальцами упругий, щекочущий пушок над верхней пухлой губой. Растут усы. Молчат бесконечные, мяклые поля. Несется в полях сырой, огромный, беспутный ветер. И только кое-где в полях розовыми, дымными, живыми островками-облачками стоят невинные, беззащитные, миндальные расцветшие деревья. Мушфики подбегает к одному из деревьев и останавливается, не отрывая пальцев от острого пушка над губой. Растут усы. Цветут холодные первые деревья...

Мальчик снимает с головы ферганскую тюбетейку — под ней плетеной хлесткой змейкой извивается косичка на наголо стриженной голове: Мушфики единственный сын у чабана Бобо Саида. Вымоленный у Аллаха под выветрившимися стенами далекого засыпанного текучими кызылкумскими песками священного мазара Али Ата. Искусала безмолвные, узкие губы мать Мушфики, оя Кумри-ханум, когда рожала его: шариат запрещает роженице кричать в родах. Ребенок должен являться в святой тишине. Чтобы добрый Ангел реял, веял на его головкой, чтобы крики и стоны не спугнули его.

Так Кумри-ханум и умерла в родах с искусанными молчными губами. Может быть, если б ей позволено было кричать — она бы выжила?..

Мушфики не знал матери. Только имя от нее осталось. Как пустая, полая, звонкая кожа от змеи. Но теперь, под миндальным, веющим, сырым деревом Мушфики подумал о своей матери, и ему показалось, что он знает ее, что она, живая и трепетная, обнимает его, и он прижимается к ее щекам и длинным, густым косам, терпко пахнущим кислым молоком-чурготом, в которое женщины его родного кишлака Чептура опускают головы перед тем, как мыть их, и оттого косы становятся тучными и блестящими.

Ах, это сверкание пахучих женских и девичьих кос, вымытых в мятной, мускусной иранской воде и доходящих до самых пят!..

Мушфики стоял в полях под цветущим миндалем и быстрыми пальцами дергал пушок над губой. Больно было. Даже слезы на глазах выступили. Мальчик по-

нимал, что это напрасно. Так же напрасно, как стричь тутовые деревья: они все равно будут жить и плодоносить, пока жив ствол. Теперь кишлачные мальчишки будут обзывать его эмирским сарбазом-стражником. Сарбазы носят длинные, густые, устрашающие, обвислые усы...

Мушфики плакал злыми слезами. Ах, отец, зачем так рано зацветает миндаль? Зачем его цветы горькие? Как мои слезы... Зачем, отец?..

ЗОЛОТОЙ АНГЕЛ

...Дни жизни — даже горькие — цени:
Ведь навсегда уходят и они...

Санои

Я сижу в кибитке на старой цветастой курпаче и читаю Коран. «Благое пристанище уготовано тем, которые питают страх Божий... Сады и виноградники... Девы с едва округлившимися грудями и одинакового с вами возраста... Полные чаши... Тот, кто уверует и будет совершать добрые деяния, поселится и будет развлекаться в цветущих садах вечной услады...» В комнату влетает золотой вешний шмель. Он тяжело и сонно тычется о голые стены нищей нашей кибитки и, опасно близко прожужжав у моего лица, вылетает в окно и тут же пропадает, тонет в ослепительном майском утреннем небе. Я осторожно закрываю книгу и думаю о золотом шмеле. Почему он летает, а я не могу летать? Ведь я человек, венец творенья, а не могу парить, носиться в этом майском струящемся небе над сплошными, цветущими, урюковыми садами, пенно и безбрежно охватившими наш маленький кишлак до самых неблизких каратагских гор. Вот бы полетать над этими садами! Может быть, это и есть те самые «цветущие сады вечной услады»? Но эти сады скоро осыпятся. Я знаю. Это земные скоротечные сады. Быстроцветущие. Преходящие. Рождающие миллиарды золотых текучих плодов — жители кишлака не в силах их собрать, и золотые, спекшиеся, потрескавшиеся, палые, вялые урюки густо устилают садовую землю, и по ним так весело ступать босыми скользящими ногами! Бродить в этих вязких, палых, несметных плодах!

Слепых, никому ие нужных!.. Душистых! Липких! Бесконечных!.. Тут черви плодовые блаженствуют. Упиваются. В каждом палом урюке — свой червь вьется. Как хозяин. Ненавижу червей. Вынимаю их из урючин и давлю пяткой. Но сколько их, червей, я могу убить? Скольких?.. Они ж бесконечны, а я уже устал. Я сажусь у арыка, потом ложусь в теплую его скользящую мелкую воду и закрываю глаза. Долго лежу. Дремлю. Сплю в дремотной обволакивающей воде. Снится мне огромный золотой шмель. Он летит над цветущими садами. Я гляжу на иего и понимаю, что это ангел. Таких огромных шмелей не бывает. Это Золотой Ангел расцветших урюковых садов!.. Вот он спускается все ближе и ближе, я чувствую его дыхание, и тут из его открытого рта появляется, падает иа меня золотое змеиное жало. Я пытаюсь увернуться от быстрого, гибкого жала, но дикая, жгучая боль пронзает мою спину, и я уже понимаю, что это не сон, и, ие успев открыть глаза, разлепить тяжкие веки, выскакиваю из мелкого убаюкивающего арыка: надо мной с плетками-камчами в руках стоят два немых брата Хусейн и Хасан. Садовые сторожа. На их лицах радостные хищные улыбки. Они изо всех сил, упоенно полосуют, бьют меня хлесткими густыми плетками, и только когда промахиваются, урчат от злости, а камчи резко ударяют по воде, и летят тысячи хрустальных брызг... Я бегу по саду, я все еще ие проснулся, я все еще вижу Золотого Ангела (спаси, спаси меня от немых сторожей!), я поскальзываюсь на палых, податливых урюках и падаю на землю, и сторожа, сладострастно и глухо мыча, урча, улыбаясь, настигают меня и бьют, обжигают, обвивают живыми, змеиными стелющимися плетьми, и я вскакиваю и бегу, бегу, а потом поворачиваюсь и кричу в немые их сладкие звериные лица: что я сделал? Я съел несколько урюков. Палых. Они все равно погибли бы. Истлели. Ушли бы в землю. Неужели нельзя было их съесть? Червям можно, а человеку нельзя, да?.. Червям можно, а человеку нельзя!.. Я бегу по саду, стараюсь увернуться от ловких, точных, метких плетей. Моя спина похожа на раздавленный палый урюк... Я выбегаю из бесконечного сада. Сад этот принадлежит Аллаяр-баю диваи-беги. Он родственник бухарского эмира и его министр. Он давно уже уехал жить в Бухару. Он забыл про сад. Он оставил его немым сторожам Хусейну и Хасану...

Отец помазал мие спииу пальмовым маслом н какой-то целебиой, гиждуваиской, пахучей глииой. Он сказал: сын мой, помни, что, виляя хвостом, собака добывает себе пищу, а рыча н лая, только получает побон... Ах, отец, и опять я не согласеи с Вами. И ие соглашусь ни под плетьми, ни под смертиым топором казии. Не буду я ни перед кем хвостом вилять. Нет у меня хвоста. Как у волкодава...

Ночью я бредил н крнчал: Золотой Ангел! Золотой Аигел, иу почему червям можио, а человеку нельзя?.. Почему?..

АМАДЕРЯ

...Подстреленная птица — грусть моя —
Запряталась, глухую боль тая...

Омар Хайям

Раио созрели яблоки. Из-за соседиего дувала часто и тяжело падали оии во дворик-хавли чабаиа Саида. Но Мушфики ие подиимал их с земли. Пусть их ест, пьет червь. Яблоки иапрасно падали. Иныe раскалывались и разлетались от удара на сахаристые, зернистые, сочные куски. Мушфики глотал слюну... Над дувалом появилась девичья, юная, верткая головка с россыпью смоляных мелких косичек.

— Эй, Мушфики, почему ты не ешь иаши яблоки? — улыбчиво вопросила головка. Это соседская дочка, татарка Амадеря. Ей тринадцать лет. Оиа хохочет, хитро и остро сощурив рысьи свои быстрые глаза. Оиа влюблеиа в Мушфики и уже поиимает это. А Мушфики соиный. Не поиимает еще.

— Не хочу есть твои яблоки. Не хочу чужое брать,— говорит он тихо, вспомииая сады Аллаяра-бая диваибеги.

— А хочешь поцеловать меня?— иеожидаиио шепчет Амадеря, и вся появляется иа широком самаиином дувале. Оиа в длииином алом платье из фергаиского, маргелаиского шелка, из-под которого видиы цветастые павлиньи изоры-шаровары и узорчатые, ура-тюбинские мягкие ичиги. В малеиьких, хищных, кошачьих ее ушках сверкают тяжелые золотые серьги.

— Я никогда не целовался... Я не знаю, не умею это делать,— опускает глаза мальчик с усами над верхней пухлой губой.

Тогда татарка бесшумио и дерзко спрыгивает с дувала и подбегает к Мушфики. Оиа быстрая, ловкая, гибкая. Горячая!.. Она обвивает Мушфики тоикими, как ивовые вешние прутья, руками. От иее пахнет мускусной водой! Оиа рыщет по лицу Мушфики вольиыми щекочущими губами. Она ищет его губы. Мушфики испуганио крутит упругой головой во все стороиы. Но Амадеря сильная. Оиа находит его губы. Целуются. Потом татарка резко отталкивает Мушфики и мгиовеиио влезает на дувал. Озирается. Смеется. Серьги тяжелые золотые качаются. Качаются. Долго... Горят! Но еще сильиее горят щеки и губы Мушфики!..

— Хочешь еще поцеловать меия?— хохочет девочка с дувала.

— Да!— говорит мальчик.

— Тогда влезай на дувал,— приказывает Амадеря.

Мушфики влезает на дувал. Он стоит рядом с татаркой. Покориый.

— Спустись в иаш сад и сорви мие одио яблоко. Но только одио! Чтобы другие яблоки остались иа ветке нетроиутыми. Чтобы ни одно ие упало на землю. Сорви одно яблоко, не затронув другие. Сорви, Мушфики. Тогда можешь поцеловать меия! Спускайся, мальчик! Быстрее, пока ие вернулся с базара мой отец!..

Мушфики слезает с дувала и осторожно крадется по яблоиевому саду. Деревья склоиились под тяжестью переспелых тесиящихся яблок. Ииые ветви надломились. Падают плоды на землю. Звучио. Леиио. Текут. Мушфики остаиавливается под одной из яблоиь и, нежно и медлеиио касаясь пальцами плодов, пытается сорвать иапоеиное белое яблоко, ио от легкого движеиия ветка едва колеблется, и тут же десятки перезрелых яблок падают с дерева, больно ударяя мальчика по плечам и лицу. Сад перезрел, отяжелел. Ои осыпается летучими плодами даже от легкого дуиовения ветерка.

Хохочет с дувала ковариая Амадеря. Качаются, полыхают литые, тяжкие, золотые серьги в тонких ее сквозящих, кошачьих ушках.

Мушфики снова и снова берется осторожными, цепкими, дрожащими пальцами за очередное яблоко, но снова и снова с ветвей летят, свергаются перезрелые, дурманящие, ранние, избыточные яблоки, и Мушфики уже весь избит падучими рассыпчатыми плодами. Он в отчаянье. Он носится по перезрелому саду, и яблоки бьют, хлещут его по лицу, по плечам, по спине. Хрупкие, перезрелые, нетронутые яблоки!.. Хохочет татарка с дувала: Мушфики, сорви мне одно яблоко! Но только одно! Не задень другие яблоки! Не тронь! Не дай им сорваться с ветвей! Ах, Мушфики, ничего у тебя не получается. Ты слишком горячий! Ты наивный! Ты будешь несчастным в жизни! Ты хороший, Мушфики! Но ты больше никогда не поцелуешь меня! Эх, Мушфики!.. Где же твое яблоко?..

Амадеря смеется, извивается на дувале, но рысьи влюбленные глаза ее печальны. Мушфики устал. Стоит он под деревьями с опущенными руками. Налетает ветерок, и яблоки падают с ветвей и бьют Мушфики по голове и плечам, но он не обращает на них внимания. Он глядит на Амадерю. На ее круглые, пухлые, детские губы, похожие на весенние легкие облака в азиатском струящемся, переливчатом небе.

Татарка улыбается рысьими глазами, потом прислушивается к стуку копыт за высокими деревянными воротами: беги, Мушфики, приехал отец с базара. Быстрей! Ты оббил почти все яблоки! Отец не должен видеть тебя! Прощай, Мушфики!.. Я люблю тебя!.. Но ты не смог сорвать мне одно яблоко!.. Прощай!.. И татарка вдруг плачет. Плачет...

Почему она плачет?..

Ранним утром Мушфики просыпается от гортанного рева праздничной трубы-зулкарная. За дувалом, где живет Амадеря, слышны веселые частые голоса. Мушфики влезает на дувал и сонными глазами глядит в татарский двор. Двор полон празднично одетых мужчин в новых шелковых и парчовых чапанах, ослепительных миенбандах, тюбетейках, лаковых сапогах. Во главе нарядной толпы стоит сухонький маленький старичок в огромной белой чалме и столь же белом длинном парчовом чапане. Мушфики узнает его. Это мулла Гафур-махдум. Ишан.

Один из ближайших сподвижников Главного Муфтия Бухары. Он приезжает из Бухары в Чептуру только в особо знаменательные дни. Почему же он приехал сегодня? В руках у него переливаются, скользят миндалевидные малахитовые гиждуванские четки.

Мушфики спускается с дувала в яблоневый сад и осторожно ступает по садовой траве, чтобы не раздавить вчерашние сбитые им яблоки, бесчисленно белеющие на земле. Он подходит к праздничной толпе и прислушивается к разговорам. О чем они говорят? Эти сытые, вялые люди в дорогих одеждах... Они говорят о молодой невесте. О том, что она опаздывает. Кто эта невеста? И кто жених?.. О, Аллах, кого это две старухи выводят из расписной нарядной низкой двери татарского богатого дома? Кого это осыпают частыми золотыми монетами мальчишки с плоской крыши? Кто это, тоненький и робкий, скрывается, мается под тяжелой, серебристой, безвозвратной паранджой невесты?..

Толпа замирает.

Опускают головы мужчины.

Мулла Гафур-махдум читает суры из Корана: мужчины стоят выше женщин в силу тех качеств, которыми Аллах возвысил их над женщинами... Добродетельные женщины отличаются послушанием и преданностью: в отсутствие мужей они заботливо оберегают то, что повелено Аллахом хранить в целости. Делайте им внушение, если боитесь неповиновения с их стороны. Устраняйте от ложа и даже наносите удары им. Но ежели они повинуются вам — не ищите ссоры с ними. Аллах осведомлен обо всем. Он велик!.. Ля илляга иль Алагу Мухаммад Расуль Улла!.. Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его!..

Последние слова молитвы шепчут все собравшиеся. Мулла обращается к невесте: согласна ли ты стать добродетельной и верной женой Аллаяра-бая диван-беги, который из-за государственных дел при дворе солнцеподобного нашего эмира не смог сегодня присутствовать на свадебной церемонии? Согласна ли ты отдать ему свое тело?

— Нет,— говорит детский голосок из тяжелой паранджи.

— Согласна ли ты стать добродетельной н верной женой Аллаяра-бая диван-беги, который из-за государственных дел при дворе солнцеподобного нашего эмира не смог присутствовать сегодня на свадебной церемонии? Согласна ли ты отдать ему свое тело?— ровным голосом повторил традиционный троекратный вопрос мулла.

— Нет,— сказал тихий голосок и дрогнул.

— Согласна ли ты стать добродетельной и верной женой Аллаяра-бая диван-беги,— устало сказал старичок.— Согласна ли ты отдать ему свое тело?..

— Да,— сказала девочка в тяжелой парандже невесты после долгого, долгого молчания. А потом заплакала в душной парандже. Заплакала. Завсхлипывала. В тишине это было слышно явственно, но сонные празднчные мужчнны только хищно улыбнулнсь этим скрытым под паранджой сладким, невинным слезам.

— Идн за мной, дитя блаженное,— ласково сказал Гафур-махдум и повел девочку к воротам. За воротами стояли оседланные холеные ахалтекннские конн. Они переливались под кожей, похожей на шелк. Шелковые кони переливались. Томились. Тяготились ожнданьем... Атласные кони...

Но вот невесту посадили на головного покорного тихого жеребца, а с двух сторон от нее на черных арабских гладких скакунах поехали усатые эмирские сарбазы-стражники.

Мушфики долго глядел вослед медленному, богатому, торжественному каравану, пока он не затонул в обильной дорожной кишлачной пыли. Пока он не затонул в азиатской вечной всепобеждающей пыли. Пыль в это раннее утро была свежая, росная, алая. Алая. Конный свадебный караван затонул в алой утренней пыли. Алые, атласные кони утонули в алой пыли. Мушфнки подумал о том, что это хорошо, что свадьба уехала в утренней алой пыли, а не в вечерней, желтой. Ведь Амадеря любила алые платья... Пока они росли вместе, пока их разделял только саманный, сыпучий, широкий дувал — татарка всегда ходила в алых платьях. И вот теперь ее увезли в алой утренней свежей пыли...

...Согласна ли ты отдать ему свое тело?

Мушфики вернулся в татарский двор и пошел к дувалу. Он шел, опустив голову и ничего не видя вокруг. И вдруг вздрогнул: на земле вокруг него кротко и бесконечно лежали измятые, раздавленные вельможиными, лаковыми, скрипучими сапогами белые сахаристые яблоки. Его яблоки. Много яблок, и все, все были вдавлены в землю и смяты...

...Ах, Мушфики, ты слишком горячий! Наивный! Ты будешь несчастным в жизни! Эх, Мушфики, где же твое яблоко?.. Прощай, Мушфики! Я люблю тебя!.. Но ты не смог сорвать одно яблоко, не задев других. Ты не смог украсть меня тайком от других! Убежать со мной вместе, улететь, как птицы, как полевые голуби, в бескрайние, дальние, зыбкие, солнечные поля. Ты отдал меня другим. Ты задел, ты потревожил, ты разбудил другие яблоки... Других людей! Прощай, Мушфики! Я тону в алой пыли! Прощай!..

Отец, отец, это была любовь? Но зачем она такая быстрая, такая несчастная? Она быстрее чуткого бухарского оленя-хангула? Быстрее низвергающегося со скал водопада в глухом лесистом Варзобском ущелье? Быстрее нашей реки Коко, разбухающей, несущейся неукротимо, размывающей берега в дни вешних глиняных ливней? Разве любовь — это несчастье? Разве любовь — это смятые яблоки?..

...Согласна ли ты отдать ему свое тело?..
...Да...

ОТЕЦ

...И смерть напала на крепость его жизни...

Ходжа Самандар Термези

Чабан Саид стар. Он сидит на айване под густым виноградником и курит маковый опиум. Он желтый, как осенняя поздняя, квелая айва. Он уже давно не пасет стада. Он даже забыл имена любимых волкодавов, единственных спутников кочевой своей жизни... Он сидит в желтом дремливом дыму и сладостно бредит.

Он говорит: жизнь — это хмель. Кайф. Сладкий сонный дым. Не гони этот дым, сынок. Живи в нем. Дыши им. Тогда ты не увидишь ни нищих кишлаков, ни голодных детишек, ни высохших чахлых полей, ни сытых равнодушных правителей. Все потонет в божьем, благом, дурманящем дыму. В святом дыму. Пророк Мухаммад говорил, что он любит только женщин и молитву. Он забыл о желтом дыме. Азия любит желтый дым забвенья. Ищет его. И ты, Мушфики, ищи его. Ищи, пока не обмякнут, не порвутся жилы. Посмотри на мою шею. Она вся в жилах. Она как засохшая лоза. Мне мало осталось дышать этим дымом забвенья. У меня в жилах уже не кровь, а сладкий, мятный дым. Мне мало осталось, сынок. Я всю жизнь пас отары, тысячи овец и коров знали меня — и что? Всех их уже нет на земле, а я еще жив. Я пережил их... Я вспоминаю их, брожу среди них, как среди живых... И у меня даже есть собственная корова Уляша. Одна. От всех тех ушедших отар. Все остальное ушло в дым. Я бедняк, но я богаче самого эмира. У меня есть дым забвенья. Возьми, сынок, кальян. Попробуй его. И ты забудешь про любовь.

Шейх Джами сказал про любовь...

...Где ни пустила бы корней
Любовь, но все ж едва ли
Иные можно снять с ветвей
Плоды, кроме печали...

Ты познал первые плоды печали, Мушфики. Люди затоптали твои яблоки. Возьми кальян — и все затянется святым дымом-маревом... Возьми кальян, сынок!.. О Аллах, ты знаешь: я не верил в желтый дым, пока мне не попался тот баран... тот баран... баран-красавец! У него был курдюк круглый, как медный таз, в котором усопшая моя жена, оя Кумри-ханум, варила айвовое варенье... А ноги у него были, как у ахалтекинского жеребца... Это был баран-красавец! И я собственными руками зарезал его... это чудо природы, это божье чудо!.. Этого барана баранов!.. И он пошел на шашлык!.. С того дня этот баран стал мне сниться, он являлся мне на дальних смеркающихся пастбищах, у призрачных, одинокних, холодных костров... Я зарезал тысячи баранов, но такого красавца не видел... Не видел!.. Так мне явилась совершенная красота! Так мне явился Ангел Жизни в образе барана, ведь я чабан... В образе барана, которого я зарезал... В те дни я впервые вкусил дым каль-

на... Я искал того барана в желтом, ползучем, обволакивающем, дурном дыму... И он являлся мне, и глаза у него были текучие, печальные, туманные, как у моей умирающей Кумри, твоей матери... И я поверил в переселенье душ, как древние дервиши-суфии-арифы...

Чабан чабан пастух пастух сотронь сотронь ножом курдючного гиссарского барана у полдневного арыка травянистого мучительного илистого глинистого
Сотронь курдючного барана у арыка мшистого душистого полуденного мглистого
Сотронь сребрительным смирительным ножом сотронь дремливое баранье горло упоительное
Сотронь нарушь густым ножом полуденное горло уморительное длительное
Сотронь и выпусти в арыки кро́ви вьющиеся кроткие невинные безвинные нагие
И выпусти курчавые кудрявые младые кро́ви ярые да алые во потемневшие арыки загустевшие медлительно
И выпусти младые крови длинные извивные змеиные рубиновые крови длинные ой длинные ой краткие ой чистые уж глиняные глиняные в смолкнувших арыках
Или струятся густо илы? или роятся рыбьи икры? или текут бредут сбираясь мутны темны живы глины?
Вышли!
И просветлели преходящие бесследные арыки
И просветлели преходящие бесследные арыки
А унесли а уносили облако излитое пролитое а уносили марево живое уносили уносили уносили
А уносили облако плывучее певучее живучее излитое излитое излитое
А уносили облако излитое
Забытое? забытое? забытое? забытое? полузабытое? полуразмытое? навек навек разлитое размытое?
Чабан пастух у прерванного у раскрытого у горла вытекшего суетно молился суетно молился о молился о молился горестно молился
Молился отирая осушая нож о травы липкие молился упадая со ножом молился о молился
Ля илляга иль Алагу Мухаммад Расуль Улла
Ля илляга иль Алагу Мухаммад Расуль Улла
Молился пастух убийца

Я был убийца... Я убил чудо-барана с глазами Кумри... Аллах, прости мне! Вчера ночью, сынок, мне явился загробный Ангел Азраил. Он сказал мне: Саид, арба твоей жизни рассохлась, распалась, стала... отлетевшие одинокие ее истертые колеса покатились в дорожную, глубокую, летучую, рыхлую, золотую пыль и там оттрепетали, затихли... как крылья осенней поздней полевой бабочки... Пойдем, чабан Саид... Я ведь тоже Чабан... Я Чабан чабанов... Я Чабан ночи... Я Чабан усопших, Чабан мертвых.. Чабан тысячелетних чинар... Пойдем,

старый Саид... Возьми с собой свой кальян... Ты будешь Чабаном мертвых... Мертвых так легко пасти — они никуда не разбегаются... Я сказал Азраилу, что не хочу быть чабаном мертвых, а хочу быть чабаном земных чинар...

Мушфики, этой ночью я пропел свою последнюю касыду «Чабан и Ангел». Слушай — я спою тебе ее напоследок...

И ангел ночи был чабан разливчатых чинар
И ангел ночи был чабан разливчатых разливчатых чинар чинар
чинар
И Ангел Ночи Ангел Азьи был чабан чинар чинар растущих
пьющих в хладных родниках
И Ангел Ночи был Чабан чинар
И летал
И у залива пил у водопоя родниковых серных духовитых коз
полунощных плескал плескал плескал искал
И белое березовое осиянное неездешнее перо перо на утреннем
песке зернистом оставлял ронял ронял ронял терял
А утром шел чабан курдючных ройных слипшихся тоскующих
святых святых отар отар отар
И набредал на осиянное перо и поднимал и упадал молился
у святого родника
Аллах чего я только смертный пастырь смертных излнвающих
слепые семена земных земных отар отар отар
Аллах Аллах чего я не чабан небес чабан летуч чабан
разливчатых нощных раздумчивых чинар чинар чинар чинар
Чего я не чабан всевечных веющих во небеса всевечные чинар
чинар чинар
Чего я не чабан чинар Чабан Аллаховых Чинар
Чего я не чабан
И плакал смертно в чаще вещих многодумных набегающих чинар

Голос у отца был далекий, хриплый, гортанный... Последний голос... Отлетевшие, истертые, одинокие колеса его арбы покатились в дорожную, глубокую, рыхлую, золотую пыль и там оттрепетали, затихли, как крылья осенней поздней полевой бабочки...

— Сынок, дальний, сирота, прости меня, прости, но у Ангела Азраила те же глаза... того барана... той, умирающей Кумри... Прости, сынок... Ах, густ дым, как осенний, сырой костер палых листьев в урюковых садах родной Чептуры... Он ест глаза... ест душу... Ах, густ дым... сладок!.. Прощай, Мушфики. Прощай...

Дым!

Отец уже спал на айване, крепко сжав зубами кальян. Он умер.

С кальяном во рту. Навсегда ушел в дым забвенья.

Кишлачный мулла Ибрагим-ходжа отказался его хоронить как правоверного мусульманина.

Ибрагим-ходжа сказал: чабан Саид жил и умер, как кафир, как неверный. Он не признавал Великой Книги, а чтил только курящийся кальян забвенья. Коран говорит: для того, кто хочет возделывать поле будущей жизни, мы расширим его. А тот, кто желает возделывать поле мира сего — также его получит, но не будет иметь доли в ином мире.

Чабан Саид искал рай на земле, он забыл об иных вечноцветущих райских садах, и нет ему доли в ином мире!

— О высокочтимый господин Ибрагим-ходжа! Помилуйте усопшего. Ведь он пас и ваших баранов. Оберегал их от голода и волков в холодных горных лугах. Одиноким скитался со стадами по дальним глухим тропам и пустынным пастбищам. Будьте щедрым. Свершите над мертвым древний обряд погребенья, ведь Аллах говорит о безбрежной доброте и всепрощенье. Помилуйте хранителя преходящих овечьих стад, о высокодумный хранитель нетленных божественных истин! Помилуйте...— Мушфики на коленях стоял перед муллой Ибрагимом-ходжой на протертых пыльных кошмах глинобитной кишлачной мечети. По кошмам летала, витала, вилась жирная, жемчужная, тучная моль. Кошмы были в клочья изъедены ею. Ибрагим-ходжа поглядел с возвышения-минбара на кроткого, коленопреклоненного отрока и сказал, улыбчиво, сыто икнув: милость Аллаха не бесконечна. Аллах говорит: горе тем, сердца которых очерствели и закрылись для всякого воспоминания о Господе! они в явном заблуждении. А имеющие страх божий чувствуют при чтении Корана, как натягивается кожа их и сжимается на теле!.. А кожа чабана Саида пожелтела и высохла от сладкого дыма терьяка. Потому мы не будем читать святые суры над его неправедным телом, мой мальчик, мой сиротка Мушфики...

Тогда Мушфики встал с кошмы, изъеденной молью в клочья. Глаза его сверкали.

— За то, что вы не хотите похоронить моего отца по

шариату, за то, что вы забыли о добре, о щедрости и всепрощеиии — моль и тля съедят вашу мечеть и вас, как съели они эти кошмы!— крикнул мальчик и выбежал из мечети.

Ибрагим-ходжа вздрогнул от этих слов.

«Несчастья беспрерывио будут тяготеть иад иевериыми за деяния их!» — пробормотал ои суру из Корана и вздохиул, положил под язык щепотку горького табака-иаса, в который ои подмешивал немиого мака-дурмаиа, кукиара...

А в мальчишку вселился Иблис. И глаза у иего сверкали, как у хищиой камеииой куиицы, когда оиа нападает на куропатку-кеклика. Я — кеклик?.. Я служитель Аллаха. Кто может иапасть на меия в блажеиных пределах бухарского ханства? В иеоглядиых землях свящеиного Мавераинахра?.. Я — камениая куница!.. А мальчишка — кеклик!.. И мечеть вечиа и сокровеииа на азиатской святой земле, и нет на нее ии моли, ни тли поглощающей!.. Но глаза у этого сиротки сильиые, жгучие. Такие глаза бывают у странствующих дервишей. У безумцев. И у пророков... Ха-ха!.. В глухом пыльном невзрачном кишлаке родился пророк?! Никогда!.. Но пророки всегда рождаются и приходят с окраин... Там, иа окраинах, сильиее чувствуется, как гииют империи, как дымится Мавераниахр, как тревожны границы...

Но!..

От опиекурильщика родился пророк?! Такого не бывает! У мальчишки сумасшедшие глаза — и только! Он будет дервишем, простым бродячим сумасшедшим, блаженным странником-каландаром, спящим у арыков!.. Но слова, его слова...

...Моль и тля съедят вашу мечеть и вас, как съели они эти кошмы!..

Ибрагим-ходжа иа секунду закрыл глаза, и ему представилась огромная собориая мечеть Диван-беги в Бухаре... Мечеть, объятая кишащей, победиой, жалящей тлей! Как палая муха, окружеиная роящимися муравьями!..

У Ибрагима-ходжи голова туманилась, кружилась, уходила. Он опустился на кошмы, по которым витали,

вились, прыгали жемчужные моли. Теперь они казались мулле белой саранчой, белыми жемчужными конями с хищными мордами саранчи. Скакали погибельные несметные жемчужные кони... Грызли податливую мечеть белыми острыми кривыми зубами...

Белая саранча садилась на белую чалму Ибрагима-ходжи...

ДЕРВИШ-МУДЖАВИР ХОТАМ-ХОДЖА

...Он казался свечой в ночи страны...
Ходжа Самандар Термези

Пришли в кибитку покойного чабана Саида несколько желтых абрикосовых опиекурильщиков — друзей усопшего. Обмыли пергаментное его усохшее тело. Завернули в жесткий старый карбосовый саван, положили на похоронные носилки и понесли на далекий заброшенный мазар. Шли молча. В полях было дремотно. Сонно летали, улетали полевые дикие голуби. Струились весенние рисовые поля. Долго шли. Несли мертвого. Саван был легкий, как осенний кокон. Пришли на мазар святого Алауддина у подножия Каратагских гор. Мазар был древний, дряхлый. На каменных надгробиях-плитах давно истерлись, истлели, выветрились погребальные священные надписи. Глиняные дувалы почти сровнялись с землею, перешли в землю, осели, осыпались, распались, унесены были вековыми ветрами, размыты дождями. Дождь времен разрушил их. И только несметные золотые осы кружились, царили над мазаром. Это были священные кладбищенские осы. Они охраняли покой погребенных...

Мушфики вспомнил старинный рубаи, который он слышал от одного странствующего дервиша. Рубаи был посвящен смерти великого амира Тимура...

...Держава Тимура пылала. Пылила Тимура нога в ассирийских оазисах.
Владыка пришел на осиное дервишей кладбище. Осиное древо его обласкало опасливо.
И влез на минарет Хромец, и зло пустыне скалился,
И перстом повелительным кликнул загробного Ангела...

Теперь Мушфики понял, почему кладбище было назваио осииым. И подумал о величье амира, приказывающего даже Аигелу смерти Азраилу явиться в им изначенный срок. А где же осиное дерево?.. Вот оно. Плакучая ива одиноко росла среди мертвых тлениых иадгробий. Здесь, на кладбище, она росла какой-то особенно зеленой и живой. И вся трепетала, пронизаниая тысячами золотых роящихся ос. Она была и зеленой и золотой. Изумрудиой и золотой. Живой. Живой среди мертвого кладбища...

Теперь чабан Саид останется лежать здесь. И над ним будет веять изумрудиая ива.. Он будет не одии...

Абрикосовые опиекурильщики осторожно внесли мертвого Саида в глиияиый полуразвалившийся склеп и усадили его иа сыпучую, сырую, затхлую землю лицом к Мекке. Ои сидел как живой. Старый саван порвался, и из него выглянуло лицо Саида. Оио было веселое, улыбчивое...

Ах, отец, отец, неужели я оставлю вас здесь, на затхлой этой земле? Навек оставлю с этим уходящим улыбчивым лицом? Навек оставлю под землей? Никогда не увижу этого лица? Отец! Отец! Отец... Ата... Неужели... Навек оставлю... Уже оставляю... Уже душио мие в склепе... Уже ушли опиекурильщики... И мие тоже пора... Пора, отец!.. Прощайте!.. Я положу около вас ваш любимый чилим... Хотите — я зажгу огоиь в нем, ведь вас не пустят в вечиоцветущие сады. Вам скучно будет там... Прощайте, отец... Я ухожу наверх... Там ива изумрудиая плещется... Тут дышать тяжело... Я ухожу... Уже... уже... иавек... отец... Прощайте...

Мушфики вылез из склепа. Ои вспомнил вьющихся перламутровых червей, выходящих из палых золотых урюков... Теперь оии придут к его отцу... Перламутровые черви поползут по его пергаментному лицу...

Мушфики плакал. Он стоял под притихшей ивой. Он был сирота. Ои был одиноким, как эта кладбищенская ива. Одии во всем мире...

И тут ои услышал чей-то голос: иди сюда, отрок, впервые позиавший смерть. Теперь печаль, как вечиая

роса, падет на твои очн. Теперь перед тобою долго будут стоять могилы. И надгробиые плиты. Но зиай, что и мазары — эти обители смерти — тоже тленны. И тлеиность тленна. И смерть смертиа. И только вечна человеческая память. Глаголы поэтов и пророков. Мудрецов и масхарабозов. Их нельзя похороиить ии на одиом мазаре...

Мушфикн обериулся: среди осыпавшихся безымяииых склепов, заросших травой н колючкой, желтел иизкий шалаш нз засохшей, полевой травы. В шалаше лежал старик, едва прнкрытый пыльиымн лохмотьями. На голове у него был четырехугольиый желтый колпак. Рядом с ним поконлся грушевый остроконечиый посох. Глаза у старика слезилнсь от трахомы.

— Кто вы, домулло?— почтительио и испуганно спроснл Мушфнкн, по обычаю прикладывая руку к сердцу и отвешивая поклон старцу.

— Я дервиш-муджавнр Хотам-ходжа. Я живу при мазаре. Я кладбищеиский нищий. Я страж усопших... Одиажды, когда я был таким же юным отроком, как ты, я вышел ранннм утром нз родиой кибитки и пошел по дороге иа базар. Случайно я поглядел себе под ноги и увидел, как моя босая ступия неотвратимо наступает, убивает муравья. Я сделал иесколько шагов по теплой, дорожиой, ласковой пылн, а потом обериулся — раздавлеиный мной муравей лежал иа дороге. Я остаиовился н склоиился над мертвым муравьем. Из глаз моих на золотую дорожиую пыль полились слезы.

Так я впервые увндел смерть... С тех пор я стал дервишем-муджавиром, живущим при кладбищах. Я видел в мире только торжество тлена, царство смерти. Мне казалось, что земля — это бесконечный мазар. Тогда я сотворил касыду...

Крепчал тюльпана царскнй ствол.
Сосуд из красных лепестков дождем был полн.
Сосуд венчанный путннка понл.
И дальше путннк шел средь древностных могнл.
А мнр — лншь до поры запрятанный погост.
Испнл тюльпан н пал и холм возрос.

Я поселился на кладбище и погрузился в реку печалн. Но однажды ночью на кладбище забрел страиствующий певец-хаджн. Он сел иа каменную иадгробиую плиту, вытащил нз хурджииа иай-флейту н заиграл в

кладбищенской святой ночи. Он долго и нежно играл на флейте, и полная луна заслушалась его, и цикады примолкли, и усопшие загрустили в райских дальних садах. Потом он запел песню. Я запомнил ее слова. Вот они...

Могила дервиша растрескалась могила дервиша разветрилась
Развеялась могила дервнша могила дервиша рассеялась
Чего ж он у костра провидел чего ж он по миру-то бегал
Чего он обходнл миндальиые селенья
Чего его собаки ели
Чего ои знал чего лелеял
Чего глядел с иочиых мечетей чего в пустыне пел и мерил
Чего молнл за человеков
Чего упал в пчелнный клевер н закопал его иадменно
Другой ндущий по вселенной за инм идущнй тленно дервиш
Чего рукою иапоследок медовой ои воднл по иебу
И камень надмогильный беден бесследен
И тут запела флейта нежно
И сел иа камень юный дервнш.

Потом бродячий хафиз-хаджи сказал мне: я стар. Базар моей жизни опустел. Пришла ночь, когда и торговцы и покупатели спят, и приходит время ночных воров. Ангелы смерти Мункир и Некир склонились надо мной. Возьми мою флейту, возьми мои песни и иди к людям. Базар твоей жизни озарен молодыми, утренними лучами солнца. Ты заплакал над муравьем и забыл о муравейнике. Иди. Странствия освежают, расширяют душу. Она становится, как благословенный караван-сарай, через который протекают, проходят тысячи людей, и каждый оставляет свой след. Блаженны бродячие хафизы! Ведь даже птицы поднимаются каждую весну и осень в небеса странствий, а человек, в душе которого томятся сотни жаждущих птиц, дремлет на суфе после жирного сонного плова, завернувшись в халат лени, в окруженье пристальных, прилипчивых, ластящихся жен и детей!..

Один монгольский древний поэт сказал: есть у кочевников лишь родина коней!.. Он был прав...

Возьми мою свирель и иди к людям. Когда губы твои станут дрожать и не смогут посылать в свирель ничего, кроме вздохов старости, а ноги будут подкашиваться, как у тяжело нагруженного осла — тогда возвращайся на это кладбище и жди отрока, идущего вслед за тобой. Отдай ему свирель, посох и песни, и спокойно уходи в вечноцветущие сады!.. Ах, эти вечноцветущие сады! Мне кажется, что праведники, живущие в этих садах, мечтают о золотых осенних палых листьях, но им — увы!—

никогда не увидеть их, ибо, как сказано в древних книгах: ад — это облетевший рай...

Хотам-ходжа замолк и опустил голову. Слезились его глаза. От трахомы ли, от печали ли, от близкого ль конца? А глаза у него были молодые и голубые, какие бывают только у горных таджиков, веками живущих у самого синего неба.

Мушфики сказал: домулло! Я еще мал, я еще не созрел для странствий. Я еще яйцо, лежащее в гнезде. У меня только начали расти борода и усы... А кто будет слушать безбородого и безусого? Людям нужны слова мужа-мудреца, а не лепет дитя. К тому же я сирота...

— Сирота — это человек, окруженный семьей и не видящий ничего, что находится за дувалом, окружающим его кибитку. У тебя, сынок, иная судьба. Я вижу это по твоим глазам, похожим на ивовые глубокие чистые пруды-хаузы, и по твоим босым ступням, созданным для многих дорог... Возьми свирель и посох. В назначенный час они сами позовут тебя в дорогу. Прощай, отрок! Аллах уже начертил твой путь по земле. Прощай, мальчик... Не мешай мне глядеть в сторону Мекки... Уходи... Скорей... Сейчас здесь опустятся ангелы смерти... Ты спугнешь их... Вот они летят над пустыней, задевая острыми осиянными крыльями сыпучие барханы, вздымая легкую песчаную пыль! Ах, пыль, она заметает, ослепляет мои больные глаза! Ах, пыль! Ах, не пылите, не метите так, ангелы смерти!..

Глаза старика покрылись белой, густой, дымной пеленой. Мушфики поглядел в эти глаза и вспомнил, что такие же глаза, подернутые смертной пеленой, бывают у куриц, когда им отсекают головы. И у баранов тоже. Только у баранов глаза как бы засыпают, туманятся. И у людей тоже. У чабана Саида тоже. Смерть однообразна. Только жизнь бесконечна и многолика, а смерть однообразна...

— Домулло, может, вам принести воды?— словно сквозь сон, глухо и далеко сказал мальчик.

— Уходи! Ты спугнешь ангелов!.. Не плачь над мертвым муравьем, а устремляйся к муравейнику!.. Иди...

Свирель и посох позовут тебя в назначенный срок! — мерцая белесымн глазамн, тихо сказал Хотам-ходжа.

Мушфнки взял свнрель н посох и осторожно отошел от шалаша. Потом он спрятался за полуразвалнвшийся мавзолей с потрескавшимся куполом, сохранившим кое-где живые лужицы ослепнтельио голубой глазурн.

Мушфнкн очеиь хотел увидеть аигелов смертн. Как онн прилетают? Какие у иих крылья? Ярче, чем у павлинов н попугаев? Или черные, как у вороиов?.. Какие у них голоса? Руки? Губы? Глаза?.. Мушфнки долго таился за мавзолеем. Аигелы ие прилетали. Ночь пришла. Мальчик пошел по дороге в родиой свой кншлак Чептуру. Светнла луна, озаряя пустыниую теплую дорожную пыль, в которой ласково тоиули босые ступии. Пыль была податливая. Зиакомая. Родная. Пахучая.

Мушфики шел под огромиой, желтой, дыииой азиатской луиой. Один. Только длиииое облачко пылн стлалось за ним по дороге. Мушфики вспомнил рубаи Омара Хайяма...

...Льется локои в одиой руке, а в другой — серебрится вино.
Я с любимой сижу иа лугу, ветерком обвеваем, как сном.
Пьем дремливую влагу, забыв о безудержиом беге светил —
Пьем, пока не уснем, опьяиев, под огромною теплой луиой...

— ...Пьем, пока ие усием, опьянев, под огромиою теплой луиой... — повторил Мушфики. Ему захотелось лечь в теплую добрую пыль и уснуть. Он увидел две смерти за одии день... И от этого хотелось усиуть. Наверное, шейх Хайям тоже пережил миого смертей, прежде чем иаписал этот рубаи...

Мушфики взял в руки свирель, и приставил ее к губам, и с силой подул в иее. В иочи послышался хриплый грустиый звук. Похорониая трель... Свирель не слушалась Мушфнкн. Тогда он запел. Он шел по пустынной дороге и пел песню бродячего хафиза-хаджи...

И камень иадмогильный бедеи, бесследеи...
Но тут свирель запела иежио,
И сел на камень юиый дервиш!..

Мальчик шел под луиой и тоиеньким, еще детским, ио уже ломающимся голосом пел старииную, ему завещаниую песню. За иим стлалось длииное облачко дорожиой теплой пыли...

— Ах, пыль, она заметает, ослепляет мои больные глаза! Ах, пыль! Ах, не пылите, не метите так, ангелы смерти!..

— Прощайте, отец... Я ухожу наверх. Там ива изумрудная плещется...

Хотелось лечь в пыль.

РЕКА КОКО

...И я бросаюсь в реку, ай, холодна река —
Я руки опускаю в рыданье ледника!..

Из народной поэзии

Куда течет река?

Куда течет наша бурливая река Коко?.. Она течет и днем и ночью. Неустанная... Человек спит ночью, как бы уходит из мира, а река шумит, шумит, и льется, течет, бежит. И днем и ночью бежит, уходит река.

Куда она устремлена? Сколько лет, сколько веков равнодушно и бесцельно несет, вьет она свои прозрачные, ледяные, хрустальные волны, свои пенные, быстрые кружева? Сколько людей видели ее неверные, изменчивые, обрывистые травянистые берега? Ее песчаные, серебристые отмели знали следы бесчисленных ног. И где они, эти хрупкие, скоротечные следы?..

Мушфики идет, ступает босыми ногами по песчаной, влажной, нежной отмели, оставляя текучие частые следы — но вот ленно набегает дремливая, шелестящая волна, сдвигает песок, крутит его, уносит, смывает следы, уходит, обнажая, оставляя первозданную, сверкающую золотыми песчинками отмель. И нет следов. И набегает новая волна. И другая... И чиста, бела отмель...

Мушфики любит купаться в реке ночью, когда над водой стелется, витает, кочует белесый, ватный туман, а горное небо переливается близкими огромными звездами.

Ах, шейх Омар Хайям, вы, наверное, тоже любили плавать в ночной пустынной, опасной реке, мавлоно? И глядеть из ледяных ласковых стремительных волн на

близкие горящие светила азиатского переливчатого неба, мавлоно?..

> ...Как жутко звездной ночью! Сам не свой,
> Дрожишь, затерян в бездне мировой,
> А звезды в буйном головокруженье
> Несутся мимо, в вечность по кривой!..

Вы говорите, учитель, о горной ночи, о ночной реке, об одиноком, заблудшем, плывущем в лунных хладных волнах пловце!..

Но как близки звезды! Я слышу, мавлоно, как лают со звезд собаки! Вы слышите, домулло? Или это лают собаки высокогорных, темных печальных кишлаков? Или это рычат волкодавы сонных, роящихся во тьме отар?..

Отары, отары, а, может, вы вспомниаете чабана Саида, моего ушедшего отца? Мавлоно, я видел однажды, как плакали собаки... Это было, когда мой отец навсегда уходил от стад, и волкодавы прыгали вокруг него и добрыми, ласковыми языками лизали его отрешенное пергаментное, иссохшее, растерянное лицо, и из их собачьих, круглых, мудрых, глубоких, преданных глаз катились слезы...

А может, я все перепутал? Может, это отец плакал? Может, и собаки лают не со звезд, а с высоких, погруженных в дремучую клубящуюся тьму кишлаков? А, мавлоно?..

Нет, мавлоно. Нет. Я не перепутал...

...Я плыву в ночной пустынной реке, в нежных, быстрых, льнущих волнах. Река похожа на текучую колыбель, на гахвару-зыбку. Я плыву, качаюсь, забываюсь в текучей колыбели, в ночной лунной реке-люльке... Я забываюсь, я безвольно и сонно распускаю руки и ноги, я засыпаю в ночной реке, я отдаюсь теченью мягких набегающих лепетных волн... Я сплю в реке-люльке, плыву, качаюсь, ведь я рос без матери, и никто не качал, не убаюкивал меня в висящей на цветущем урюковом веющем дереве узорчатой, расписной люльке-гахваре... И вот я в материнской колыбели... качаюсь, плыву, улыбаюсь... захлебываюсь ледниковой, острой, гибельной водой... захлебываюсь, тону... это я перед смертью вспоминаю малое бедное детство... и легкие текучие следы на серебристой отмели... мои следы, смытые шелестящей волной... одной волной...

Тогда я резко поднимаю палую сонную голову над высокой бесшумной волной и начинаю изо всех сил бить по воде руками и ногами, я просыпаюсь, я выбираюсь из смертной, засасывающей, коварной колыбели, я плыву к берегу, к ночному туманному холодному берегу. Но к берегу!.. Я выхожу на лунную серебристую отмель и, дрожа от холода и страха, бегу по холодному ночному песку, и за мной на песке бегут, тянутся живые мои следы. Живые следы!.. Мои!..

Ах, река Коко!.. Колыбель, едва не ставшая саваном!.. Всю ночь я иду вдоль белой лунной реки и дрожащими губами пою песню о реке и пловце.

Ночная ночная река ночная река ночная река меж берегов плескала шало
Ночница река река ночная ночевая река ночная шастала волнами холодами
Пловца вобравши сберегала гладко зазывала забирала останавливала валко уносила ублажала
Река река ночная колеблемая колыбель пловца пловца приливами отливами смиренными ласкала огибала
Баюкала дитя пловца покатостями круглостями полуночной матери река река ночная прикасалась
Пловца пловца на утреннем песке река заветно оставляла бездыханно
Река река ночная оставляла безвозвратно бездыханно оставляла оставляла
Оставляла

Но Мушфики выплыл из ночной реки. Он идет по берегу. Светает уже. Вершины снежных гор ослепительно сверкают от утреннего раннего солнца. Птицы поют. Летают голуби-вяхири. Рань. Хладная. Розовые дымные ветлы призрачно встают из уходящих млечных туманов. Серебристые, приречные малые тополя-туранги плещутся, трепещут от утренних ветерков. Ах, эти утренние, живые, родные, азиатские ветерки щекочут ноздри Мушфики!.. Эх, сейчас бы съесть горячую лепешку с тмином, прямо из пахнущего, пышущего золотым жаром утреннего танура — круглой глиняной печи, обмакнуть бы лепешку в густой вязкий каймок, в свежие терпкие сливки!.. Мушфики глотает слюну, и тут он слышит яростный ослиный рев и видит, как вдоль обрывистого, высокого сыпучего берега бегут друг за другом два молодых осла. Ослы бьются друг с другом, это вешний шалый бой, схватка за самку. Очумевшие животные кусают друг друга, вьются, громоздятся, бьют друг друга острыми

копытами, пытаются столкнуть противника по осыпи в бушующую реку! И яро трубят, и прыгают по берегу! И морды у них пенные, злые, и глаза дикие, белые, как речные отмели!..

Мушфики с любопытством глядит на эти звериные, выпуклые, переливающиеся через веки глаза. Он берет камень и швыряет в ослов, и кричит: эй, эй, бош, бош!..

Один из ослов убегает, а другой, не обращая внимания на крик Мушфики, спускается к самой воде, поднимает голову и трубит, трубит... Как-то грустно, пронзительно, тоскливо звучит его призывный глас, и Мушфики становится жаль осла.

Осел кричит и входит в реку — все глубже и глубже... А на том берегу стоит молодая, белая, литая ослица. Неподвижная. Только ноздри ее чутко ходят. Осел трубит и все глубже и отчаянней погружается в бешеную стихию реки. Еще несколько мгновений — и сильная равнодушная река закрутит, погубит влюбленного, весеннего, напоенного, слепого зверя!

Тогда Мушфики бросается в реку, хватает осла за жесткий налитой хвост и тащит его на берег, и хохочет, хохочет! С трудом вытаскивает разъяренного осла из клокочущей реки! Ах, прекрасный осел, ты еще умудрился укусить меня за руку, и моя кровь течет по моей руке, спасшей тебя!.. Как часто мы кусаем невинную руку, спасающую нас!.. А может, не надо было спасать тебя? Может, безумно влюбленные должны погибать? И незачем тащить их из реки смерти за хвост жизни?

Мушфики хохочет.

Поникший, понурый осел уходит по тропе...

А на том берегу?.. А белая неподвижная ослица с чуткими ноздрями?.. Мушфики не верит своим глазам: тот, побежденный осел, что не выдержал честной схватки и трусливо убежал вдоль реки, спокойно идет по противоположному берегу, подходит к ослице, трубит ей, и она покорно уходит с ним в тугаи... Он перешел на тот берег по висячему деревянному мосту. Ему не пришлось бросаться в реку. Его не тащили за хвост...

Теперь Мушфики не смеется. Он глядит на уходящего, поникшего, побежденного осла. Напрасно он спас

его. Смерть лучше пораженья. Блаженны бросающиеся в реку, а не крадущиеся по висячему мосту...

А река темнеет. Густеет. Прибывает. Поднимается. Рушит неверные, ломкие, песчаные берега. Далеко в горах идут вешние ливни. Опасные, сплошные глиняные ливни, размывающие горы. А река темнеет, звереет. Уже не прозрачные хрустальные волны, покрытые летучими, пенными кружевами, несет она. Глиняные, густые тяжкие волны вздымаются. Маслянистая, медленная река движется.

Темная...

Мушфики уходит от наползающей воды, но она настигает его. Что-то живое бьется, вьется, трепещет у его ног. Мушфики ловко и быстро нагибается и хватает руками крутую, сильную рыбу. Это пятнистая родниковая форель. Рыба-цветок. Так ее называют горцы-таджики. Форель бьется в руках Мушфики. Он рад, что поймал ее — да еще голыми руками. Но какая-то смутная тревога, идущая от прибывающей, темнеющей реки, передается ему. Мушфики внимательно глядит на форель — из ее судорожного раскрытого рта, из глаз и едва вздрагивающих жабр текут комья глины. Рыба задыхается. Глиняная река убивает форелей, забивает им жабры и рты комьями жидкой земли. Родниковые форели умирают в глиняной реке. Они прыгают над темной водой. Их много. Их можно брать руками. Но почему-то не хочется. Грустные рыбы. Серебристые, умирающие, священные рыбы прыгают над темной, медленной, губительной рекой... Мерцают тусклой чешуей...

По реке плывут вырванные с корнями садовые деревья... Плывут невинные розовые цветущие урюки, персики... белые вишни... яблони... Плывут обломки кишлачных дувалов, кибиток, деревянные двери, суфы, столбы... Мушфики вздрагивает: по реке плывет узорчатая, пустынная гахвара-качалка...

Где-то далеко в горах долгие сплошные ливни и подземные воды сдвинули, смыли гору — та сползла и перегородила реку, вода поднялась, и обрушилась на горные прибрежные кишлаки, и смыла их, и понесла, и потопила в тяжких своих водах.

Мушфики стоит на берегу и глядит на реку. Плывут,

скользят мимо него утонувшие бараны, козы, коровы. Мушфики страшится глядеть на реку: он знает, что там должны быть и утопленники. Так всегда бывает в дни вешних ливней...

И вдруг он замер на месте и плотно сомкнул губы, чтобы не закричать. По реке плыла девочка-подросток в красном платке, повязанном до самых длинных бровей. Кишлачная кизинка с насурьмленными бровями, горянка. Глаза ее были широко раскрыты от страха, она отчаянно махала тоненькими ручонками-прутиками, пытаясь приблизиться к берегу, но тяжелая стремнина властно и медленно несла ее посредине реки. В любую минуту она могла разбиться об огромные острые валуны, высящиеся над черной глубокой рекою...

...И я бросаюсь в реку — ай, как темна река —
Я губы опускаю в рыданье ледника!..

Мушфики разбежался и прыгнул, нырнул в густые холодные волны...

Река, река, родная моя Коко, вечная колыбель-гахвара моя, помоги мне! Не забирай меня! Еще рано!.. Ты же знаешь, я еще совсем мальчишка, и мне суждена большая дорога в жизни... Меня ждут посох и свирель... Я должен веселить людей! Я стану мудрецом и острословом. Ты будешь гордиться тем, что я вырос на твоих берегах! Помоги мне, Коко! Дай мне спасти эту девчонку в красном платке. Если хочешь — возьми меня, но спаси девчонку!.. Спаси девчонку!

Ах, как холодно! Какие тяжелые, глиняные волны! Но ты уступаешь, Коко?.. Вот она, кишлачная кизинка-девчонка в красном платке, с длинными бровями и лицом, белым, как раннее яблоко!.. Эй, ты, кизинка, хватит напрасно махать руками! Хватайся за меня! Ну!.. Я вытащу тебя на берег!.. Я Мушфики из Чептуры!

Сирота!.. Давай руку!..

Мушфики весь в текучей глине, но зубы его сверкают, и он улыбается, и протягивает девчонке руку.

— Не трогайте меня! Нельзя!— оскаливается девчонка.

Тогда Мушфики цепко и решительно хватает ее за красный платок — там, под платком, нащупывает он

ловкой рукой россыпь плетеных, смоляных косичек. Мушфики крепко держится за эти тонкие косички и тащит за них девчонку, наматывает их на руку. Ему тяжело. Девчонка бешено сопротивляется, захлебывается. Бьется в воде, как задыхающаяся форель. Крутит змеиной головкой! Но Мушфики уверенно плывет к берегу. Тащит глупую девчонку. Уже берег скоро. Мушфики едва дышит. Глотает несколько раз глиняную воду. Хватается свободной рукою за прибрежные кусты боярышника. Подтягивается к берегу и вытаскивает девчонку. Она худая и мокрая, как бездомная кошка. Мушфики, тяжело дыша и выплевывая грязь изо рта, садится на камень, все еще не выпуская из рук девичьи косички.

— Ах, река, спасибо тебе! Я чувствовал, как ты помогала мне!.. Спасибо, Коко!..

В эту секунду он чувствует пронзительную живую боль: девчонка вонзает свои острые тонкие зубки в его руку. Ах, горянка! Дикарка! Кишлачная кизинка!..

— Оставьте меня! Не глядите на меня! Вы мужчина! Вы не должны дотрагиваться до меня и глядеть в мою сторону!.. Вы же не мой муж!..— два смоляных, заплаканных, добрых глаза виновато глядят на Мушфики. Он отрывает руку и видит, как на ней выступает кровь. Несмотря на боль, Мушфики хохочет: второй раз за нынешнее утро меня кусают до крови. Вначале меня укусил влюбленный осел, которого я вытащил за хвост из реки и спас от смерти, а теперь вы, моя луноликая, когда я спас и вас, вытащив за косы на берег!.. Ах, я глупец!.. Интересно, кто спасет меня, когда я буду погибать, ведь у меня — увы!— нет ни хвоста, ни кос...

— Вас будут тащить за язык! Он у вас слишком длинный! — быстро сверкнула черными глазами кизинка.

— Но ваши ресницы еще длиннее моего языка!— весело сказал Мушфики.— И опаснее,— тихо добавил он, внимательно глядя на горянку. С ее точеного замученного личика глядели на него два огромных, тихих, ивовых пруда. Глядели два ночных хауза...

...А Меджнун шел босой по улицам Бухары
И кричал, стонал и рвал на себе одежды,
И улицы были малы ему, и город огромный мал был...

Куда течет река?..

Куда?..

...Через много лет, после долгих странствий вернулся седобородый мудрец Мушфики на берега родной реки Коко.

Река обмелела. Теперь это был серебристый ручей, текущий средь камней и песков. Но Мушфики шел с дутаром по мелким высохшим берегам и пел, пел свою песню-касыду, и улыбался...

У него были глаза его матери... И того барана... И Ангела... и кишлачной кизинки...

И там текла река в которой я лежал в которой протекал
в которой плыл витал стенал роптал молился
И там текла река в которой я лиился я томился жил дышал
захлебывался хрусталями вился вился младый младый длился
И там текла река которая лелеяла
И там текла река которая которая которая была была текучей
дальней давней колыбелью воли молениых материнских
лестных леиных ленных воли влюбленных
Которая была текучей колыбелью
Которая была текучей колыбелью в осияниых во песчаных
в давиих давиих млечиых млечных милых милых брéгах брéгах
брéгах
И омывала овевала волиами забвеиными протекшими мое мое
мое уж
уходящее уж утекающее тело обмелевшее уже
сомлевшее уже ушедшее ушедшее ушедшее
Утекшее...
Воспоминаю реку обмелевшую протекшую на брегах опустевших
Воспоминаю и брожу брожу брожу веселый
Ой веселый

— Как тебя зовут?

— Кумри.

— Река Коко унесла твой родной кишлак Чанги. Унесла, развеяла навек твое гнездо. Ты одна осталась живая. Река помиловала тебя. Она даровала тебе берег жизни. Поклонись реке, помолись реке, Кумри!.. Возьми ореховый гребень, Кумри. Расчеши свои живые косы! Расчеши свои спутанные, смоляные косы, густые, как арчовые нагорные леса, Кумри!.. Ах, я люблю бродить в непролазных, кудрявых, вьющихся, душмяных, терпких, арчовых лесах позднею осенью! Там летает редкая птица — арчовый дубонос!.. Там таится гималайский улар... Возьми ореховый гребень, Кумри! Спрячься за камень! Поглядись в текучее зыбкое зеркало ручья-родника!.. Ты теперь сирота... Такая же, как и я... Как и мой друг Тур-

сунджан... Нас трое сирот... Тебя принесла нам река! Поклонись, помолись реке, Кумри!..

— Река-зверь! Река-убийца! Я ненавижу ее!.. Река, река, зачем ты не взяла меня? Река, река, ты возьмешь меня, как взяла ты моего отца, мать, двух братьев... Куда ты понесла их? Я хочу догнать их... Я догоню их... Я брошу в реку ореховый гребень... Зачем он мне?.. Я хочу догнать своих близких... Мушфики и Турсунджан, отпустите меня в реку, к моим родным... Я не хочу быть сиротой... Зачем мне ореховый гребень?.. Зачем мне эти живые косы?..

— Не плачь, Кумри!..

...Но вот река отступила, отошла в прежние берега. На глиняных вязких отмелях лежали мертвые форели с черными ртами и жабрами. Лежал мертвый серебристый урожай.

— Чей это улов?— сказал Турсунджан, прибежавший из кишлака.

— Это улов смерти,— сказал Мушфики.— Он всегда богатый, этот улов.

Иные рыбины еще бились, вились, тащились, тщились на мелкой глине.

Еще тлели.

Тогда Мушфики закричал: давайте спасем их! Бросим их в реку! Река-то уже хрустальная, прозрачная, и летучие пенные кружева по ней плывут!.. Река вымоет глину из рыбьих гиблых ртов и глухих задыхающихся жабр! Давайте спасать рыб!.. Турсунджан, чего ты стоишь? Чего глядишь на мокрую кизинку с длинными косами? Чего волнуешься, чего краснеешь, лепечешь, чего голову бритую, круглую, похожую на термезский арбуз, опускаешь?.. Это ведь я поймал, нашел кизинку! Я выловил ее из глиняной реки! Я дал ей ореховый гребень!.. Я буду ее старшим братом! Заступником!.. Я не позволю, чтобы ее увезли в тяжелой душной парандже невесты, как Амадерю!.. Турсунджан, пойдем спасать форелей!.. Пока они еще дышат!.. Бросим их в ледяную, зеркальную, родниковую реку!..

Не плачь, Кумри!.. Ты не одна в этом мире. У тебя есть Мушфики и Турсунджан. Мы твои братья...

Мушфики и Турсун шли по скользким глиняным отмелям. Ловили утухающих, судорожных, уснулых рыб и бросали их в опавшую хрустальную реку. Форели там оживали. Плескались, ликовали. Много было рыб. Они лежали на всех отмелях, вздрагивая, шевелясь, густо и тускло мерцая мелкой чешуей.

Мушфики и Турсун долго собирали их и бросали в реку Коко...

Кумри стояла на берегу. Потом она увидела маленькую трепещущую в темной остаточной луже маринку.

Рыбье дитя...

Кумри поймала рыбу проворными пальцами. Рыба билась на ее ладони. Потом Кумри бросила ее в реку. Потом она стала ловить форелей и бросать их в волны, и заигралась, забылась, зарумянилась, заулыбалась, когда скользкие тугие рыбины вылетали, выпрыгивали из ее рук...

Не плачь, Кумри!.. Трепещущая маринка!.. Улыбчивая девочка-кизинка!.. Не плачь!.. Дитя человеческое... Мы бережно опустим тебя в хрустальную реку жизни, в лепечущий Родник Бытия...

Не плачь, Кумри!.. Не бросай в реку ореховый гребень!

ТУРСУНДЖАН

...Древо дружбы посади — даст сладчайший плод!..
Древо зависти сруби — горе принесет...

Хафиз

...Кумри, ты будешь жить у нас. Мы отдадим тебе половину нашей глинобитной старой кибитки, затерявшейся в урюковых, бесконечных, заброшенных садах. Мы с Турсунджаном — садовые сторожа. Хозяин садов Аллаяр-бай диван-беги забрал в Бухару немых свирепых братьев, Хасана и Хусейна, и поставил нас на их место. Он сказал, чтобы мы были чуткими и злыми, как бродячие волкодавы. Иначе он забьет нас плетьми до смерти!.. Он сказал, чтобы мы не щадили никого, кто покусится на его заброшенные, пустынные сады, кто соблазнится его золотыми, неисчислимыми, медовыми урюками, принадлежащими только червям, а не людям. (Иль есть люди, след которых на земле — это лишь след червя,

вползшего в невинный обреченный плод? И упивающегося там?..)

Аллаяр-бай выдал нам плети-камчи, чтобы казнить, хлестать, забивать насмерть похитителей червивых плодов. Но кому нужен сад червя?.. Кумри, ты будешь жить с нами, готовить, варить нам кашу-шавлю в казане, стирать в реке наши чапаны и рубахи, печь душистые лепешки в дни праздников. Ты будешь нашей сестрой, Кумри. Младшей сестрой. Теперь наша кибитка разделится на две половины: женскую и мужскую! И никто не нарушит священной границы между нами. Мы будем беречь тебя, Кумри, мы будем охранять тебя, как сады урюковые!

Мы поставим глиняный дувал между твоим двориком-хавли и нашим, Кумри! Мы поставим глиняный дувал между нами!..

...Мы замесили глину, мы насыпали в нее мелкой желтой соломы, мы нарезали сырых глиняных кирпичей, мы положили их сушиться на солнечную, теплую, вешнюю землю, и от новорожденных кирпичей пошел дым-пар...

Мавлоно Омар Хайям, когда мы месили босыми веселыми ногами густую, всхлипывающую, податливую, щекочущую глину, я вспомнил ваш рубаи, учитель...

...У гончара седого вчера я побывал,
Из темной мертвой глины кувшин он вызывал,
И лишь слепцы не видели — но ясно я видал,
Как прах отцов далеких с его перстов спадал...

Но молодые живые ноги мои продолжали скользить, плясать в святой, взывающей, тягучей, текучей, покорной глине, мавлоно...

Потом мы с Турсунджаном сложили из теплых, тяжелых, непросохших кирпичей высокий долгий дувал между нами и тобой, Кумри!.. Свежий саманный дувал курился и дымился на весеннем, благодатном, щедром азиатском солнце!.. Ветерок прозрачный мятный веял, слетал с цветущих деревьев!.. Курился дувал, курился, курился... Обсыхал, длился...

И вот уже ты стоишь, Кумри, ты улыбаешься за высоким долгим саманным дувалом! Еще видна над дувалом твоя змеиная быстрая головка в красном платке,

повязанном до самых длинных насурьмленных бровей! Головка качается, танцует за дувалом! Гиссарские витые серебряные серьги с тонким шелестом вспыхивают в твоих ушках! Глядят два ночных, ивовых, тихих хауза-глаза!.. Куда они глядят?.. Куда течет река Коко?.. Куда глядят глаза Кумри?..

Они глядят на Турсунджана. На его бритую, нагую голову. Круглую, как термезский арбуз...

...Но ведь это я выловил утопающую кизинику из глиняной реки... Я, Мушфики... Почему же ее глаза с дувала глядят на Турсунджана?..

Тогда Мушфики поднимает с земли большой сырой кирпич и ставит его на дувал прямо перед лицом девушки. Теперь Кумри не видно. Не видно ее разливчатых вспыхивающих глаз, глядящих на Турсуна... Но тут головка девушки, но смеющаяся, хмельная, дурная, маковая головка кизиники вновь появляется над дувалом уже в другом месте. Глядят глаза мимо Мушфики...

Тогда Мушфики терпеливо закрывает ее новым кирпичом, потом маковая головка вспыхивает в другом месте, и вновь Мушфики ставит перед ней новый кирпич. И так долго. Мушфики тяжело дышит. Устал. Кирпичи тяжелые, сырые. Но дувал высок. Уже!..

Теперь нигде не восстанет девичья верткая маковая головка в красном платке, нигде не прошелестят, не сверкнут узорные гиссарские серебряные серьги...

Дувал высок. Уже...

...Чего ты стоишь, Турсунджан? Чего ты не помогаешь мне таскать тяжкие кирпичи? Иль тебе не нравится этот дувал? Эта священная извечная граница между мужчиной и женщиной? Иль ты готов ее нарушить, мой друг, мой друже?..

— Нет, Мушфики-ака. Никогда. Вы хорошо сделали, что положили эти кирпичи. Особенно последние, высокие... Теперь ее не будет видно... Голова ее не будет плясать над дувалом, как на кукольных базарных представлениях, которые так любил мой отец...

— Давай дадим клятву на Коране, что всегда и везде будем соблюдать и беречь этот дувал. Дувал...

И тут Мушфики вспомнил яблоневый дувал татарки Амадери и поник...

...На глиняной суфе перед кибиткой лежала желтая, как осенний лист, старинная священная Книга. Вешний урюковый цветущий ветерок шевелил, перебирал ее потрескавшиеся, измятые тысячами почтительных осторожных перстов ветхие страницы. Эта книга была единственным наследством, которое оставил своему сыну Турсунджану его погибший отец, знаменитый придворный масхарабоз-шут Ахмад-девона, Ахмад блаженный... Но ветхая священная Книга лежала на суфе, и вешний, урюковый, цветущий ветерок, набегая из бесконечных розовых садов, шевелил, перебирал ее потрескавшиеся, измятые, поблекшие страницы. Веял ветерок. Шелестели страницы. Дремливо струилось вешнее чептуринское небо... Курился сырой саманный дувал!..

— Турсунджан! Давай дадим клятву на Коране, что мы всегда будем соблюдать и беречь этот дувал!..

Мушфики берет в руки шелестящую, трепещущую Книгу и наугад открывает ее на суре «Скакуны», и читает замирающим голосом...

...Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу,
Скакунами, у которых искры брызжут из-под копыт,
Нападающими по утрам на врагов,
Поднимающими пыль под ногами...

Клянусь, что я всегда буду соблюдать и беречь этот дувал между нами и Кумри!..

И Турсунджан вторит ему: клянусь скакунами, задыхающимися на бегу... клянусь, что всегда буду соблюдать и беречь этот дувал между нами и Кумри!..

Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу... поднимающими пыль под ногами...

И тут Мушфики закрывает глаза и слышит, как ветерок хладит, течет по его щекам, усам, бородке.

И тут он видит, видит тех, тех ахалтекинских, вспыльчивых, переливающихся нетерпеливыми, тугими, атласными кожами жеребцов! Тех шелковых коней!..

Тех, уносящих в алую, заревую, беспробудную пыль, тех, уносящихся и уносящих, уносящих навек, навсегда татарку Амадерю!

Тех, поднимающих алую пыль!..

Клянусь, что та пыль до сих пор еще не осела в душе

моей, до сих пор она вздымается и носится, до сих пор она жжет мне глаза, та алая пыль!..

Клянусь алыми конями!..

Я не нарушу дувал!

Я не хочу, чтоб они уносились и уносили возлюбленную мою, первую мою, не хочу, не хочу, не хочу, чтоб уносились эти алые, алые, алые кони!..

Клянусь!..

Курился саманный дувал. Турсунджан опустил голову. Круглую, как термезский арбуз.

Веял вешний, сладкий, пряный ветер с цветущих бесконечных урюков.

Роились мириады пчел. Сады жужжали, объятые пчелами.

Сады жужжали, объятые избыточными, тучными, золотыми, медовыми пчелами...

А курился саманный высокий дувал.

А за ним не было видно маковой головки в красном платке.

А Кумри стояла, прижавшись к свежему дувалу.

А у Турсунджана голова круглая, как термезский арбуз...

И она еще кружится!.. Отчего?..

Клянусь алыми конями! Я не нарушу дувал!

Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу!..

ЛЕБЕДИ

...В белопенных садах, в белопенных садах,
ой, заблудимся, затеряемся!..

Из народной поэзии

Кто тайком приходит в цветущие урюковые сады и щедро оббивает розовые цветы? Еще не пришло время паденья розовых летучих лепестков. Кто-то сбивает их. Под многими деревьями невинно лежат они. Кто сбивает их? Ночью, под яркой, теплой, разливчатой луной — кто оббивает цветущие урюки? Иль ранним росным утром, когда крепко спят под рваными курпачами-одеялами

садовые сторожа — Турсунджан, Мушфики и Кумри?.. Кто оббивает иевииные, беззащитные розовые деревья?.. Кто проливает розовый пчелиный довремеиный цвет урюков?..

...Раниее утро. Свежо и розово в цветущих садах. Мушфики стоит под росиыми, дымиымн урюками. Зябко ему от утреиней свежести. Но это утро в дымных розовых цветущих, разъятых деревьях! Это юиое утро в пеиных вешних садах!..

Мушфики босой бежит по садовым, запущенным, густым травам, разбивая иогами алмазную росу, скользя по хрупкому ее скоротечному живому серебру!..

Бежит босой Мушфики под утреиними, розовыми, пчелииыми урюками, бежит, скользит по серебряной траве, падает в траву, смеется, закрывает глаза, лежит в траве и гребет, гребет руками — и ему кажется, что ои плывет, плывет в травяиой хрустальной мягкой реке!.. Ои плывет по траве!.. Но вся трава засыпана обильиыми розовыми цветами... Лепестками розовыми, как сосцы далекой уже, ушедшей коровы Уляши — ее пришлось зарезать иа поминки чабаиа Саида... Мушфики плывет в розовой реке палых мягких цветов-лепестков! Мягкие лепестки... Розовые, как сосцы Уляши...

Ах, где ты теперь, Уляша? Где сосцы твои добрые, питающие?.. Где твоя утренияя гахвара-зыбка. Мушфики, иад которой, вынув розовую виноградную грудь, засыпала усталая мать татарки Амадери, по-соседски, тайком от мужа, кормящая тебя вместо усопшей матери Кумри-ханум?..

Амадеря, мы вскормлены одним молоком, а ты умчалась на алых прощальных коиях!

И вот я плыву, зарывшись, затоиув в розовых мягких лепестках... Я — утреииий напоениый хмельной телеиок в розовой реке! Но еще ие пришло время падучих, летучих лепестков... Кто оббивает?.. Кто проливает довременный безвинный цвет?.. Чу!..

Кто там плещется, полощется в розовых ветвях, сметая, сбивая обильные цветы?

Почему бушуют, трепещут, качаются цветущие урюки вокруг?

Может, от ветра, ио утро тихое, а деревья шумят, осыпаются, маются...

Какие-то огромные белые существа бьются, вьются, хлопочут огромными белыми крыльями в цветущих ветвях!..

И Мушфики вспоминает слова отца, чабана Саида: в ранних, вешних, пустынных садах плещутся белокрылые, белогрудые осиянные Ангелы Жизни!.. И очень немногим из людей удается увидеть их...

Чабан Саид прожил долгую честную жизнь, но так и не увидел Ангелов Жизни. Он провел дни бытия средь баранов и волкодавов. Может, в дыму кальяна явились ему белогрудые Ангелы Жизни?.. И только чистые душой люди увидят Ангелов Жизни воочию в цветущих утренних садах!..

Только чистые душой люди увидят осиянных Ангелов Жизни...

Мушфики, задыхаясь, бежит по розовым травам к своей кибитке, где спят Кумри и Турсунджан. Он кричит. Он будит их, сонных, пухлогубых. Они выскакивают испуганные, худые, веселые из теплых рваных цветастых курпачей-одеял. Он кричит за дувал: эй, Кумри, вставай! Там, в деревьях, плещутся Ангелы Жизни! Это они оббивают цвет! Скорей одевайся! Они могут улететь — и ты никогда в жизни не увидишь их! Они один раз в жизни прилетают! Сегодня ночь Аль-Кадра, когда ангелы сходят на землю, когда пророку являются последние откровенья!.. И до появленья зари царит в эту ночь мир!.. Быстрей, Турсунджан, не то они улетят, и только палые цветы останутся на земле!.. Быстрей! Бежим!.. Бежим!..

...Ха-ха-ха! Какие же это ангелы?! Это перелетные белые лебеди! Они летят из Индии на север, в страну россов. Они ночуют на серебристых тихих заводях реки Коко. Они прилетают в цветущие сады, чтобы потереться, побиться, почесаться зудящими от птичьих роящихся блох крыльями о розовые острые ветви урюков. Они стряхивают блох о ветви. Поэтому плещутся зудящими, болящими белыми крыльями в цветущих деревьях, и блохи прыгают на светлые цветы, приняв их за продолженье крыльев. Это не небесные ангелы! Это индийские земные лебеди, стряхивающие жгучих блох!.. Ха-ха-ха! Эх, Мушфики-ака!.. Разве у ангелов есть блохи? Поглядите, как прыгают черные блохи по розовым лепесткам!.. Эй, птицы! Бош, бош! Пошли! Пошли отсюда! Хватит

губить цвет!.. Мушфики и Кумри, помогите мне прогнать их!.. Бош! Бош!.. Пошли!..

Огромные потревоженные птицы тяжело срывались с ветвей и улетали. Турсунджан и Кумри весело бежали, бежали за ними и звонкими утренними голосами кричали изо всех сил: бош! Бош! Пошли! Пошли отсюда!..

А Мушфики стоял, опустив голову с долгой детской косичкой. Невинная эта косичка означала, что он был единственным сыном в семье. Но семьи-то уже не было. И детства тоже. И косичка была не нужна уже. В этот день Мушфики срезал ее. Он уже не мальчик, а юноша. Он бросил косичку в реку Коко, и она поплыла по быстрым пенным волнам!..

Куда течет река Коко? Куда она уносит косичку его детства?.. Куда?..

...Это не небесные, осиянные, белогрудые, белокрылые Ангелы Жизни! Это индийские земные лебеди, стряхивающие с крыльев жгучих блох!..

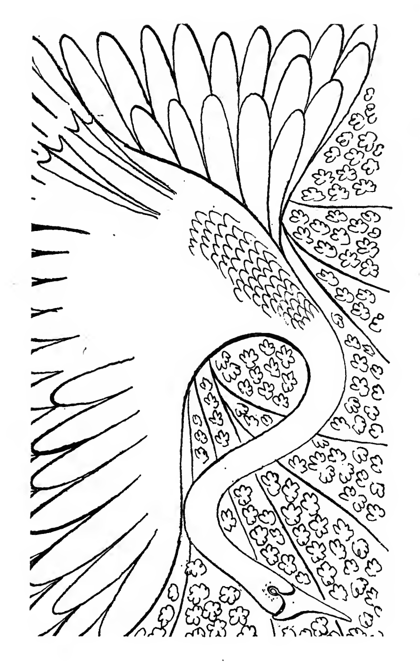
...Нет!.. Это были Ангелы Жизни!.. И они улетели, когда Мушфики позвал Турсунджана и Кумри. Они ведь только раз являются людям... Это были Ангелы Жизни... Они оставили розовые цветы, обильные, палые розовые цветы на траве! Мушфики всем телом зарылся в мягкие эти цветы!..

НОЧЬ

...Скоро, скоро тревожная ночь —
Утешенья ничтожные — прочь!—
Не помочь потерявшему разум,
И верблюдам вдали — не помочь!..
Хафиз

Не спится летней короткой ночью в урюковых отягощенных золотыми несметными плодами садах садах, садах. Не спится в пустынных избыточных садах, садах. Не спится в летних садах...

Мушфики и Турсунджан лежат на паласе, расстеленном под деревьями. Душно, что ли?.. Но в садах веет, реет ночной речной ветерок — вдали глухо и сонно шумит река Коко. И Турсунджан спит, открыв доверчивый рот. И кричат дремливые цикады. И красная, как поздняя тыква, стоит в небе близкая луна.



А Мушфики не спится, хотя он и лежит на паласе с закрытыми глазами. Какие-то странные, шелестящие, обрывистые звуки слышатся в саду. Сад полон этих быстрых, частых, живых звуков. Что это?..

Что-то больно ударяет Мушфики по щеке, потом по животу, по ногам... Мушфики открывает глаза и вскакивает: на паласе растекаются золотые палые урюки. С деревьев летит золотой град перезрелых плодов!..

Вот золотой напоенный шар-плод падает прямо в открытый рот спящего Турсунджана. Турсунджан мычит, крутит головой, но не просыпается. Золотой мягкий распавшийся урюк течет, тянется по его пухлым спящим губам.

Мушфики улыбается. Потом он переносит сонного Турсунджана под белый тополь, растущий у самой кибитки. Турсунджан спит.

А сад полон тревожных шелестящих глухих звуков. Это звуки несметных падающих плодов. Это Ночь Падающих Плодов. В такую ночь навек влюбляются друг в друга люди...

Мушфики неслышно подходит к дувалу, прижимается к нему и прислушивается: там, за дувалом тихо. Только плоды опадают. Золотой град ночных, падучих, пахучих, истекающих, прорывающихся через тонкие изнемогшие кожи, золотых плодов!

...Ты спишь, Кумри?..

Золотые урюки не бьют тебя по яблоневому лицу с длинными насурьмленными бровями?.. Золотые урюки не бьют тебя, не текут медово по твоему лунному лицу? Ты спишь в красном платке или снимаешь его на ночь?.. Золотые разъятые урюки не текут по твоему лицу, по черной жгучей родинке над верхней пухлой губой?..

Ах, дальний ушедший сладкопевец, шейх Ходжа Хафиз, вы написали великий бейт, разгневавший победителя вселенной амира Тимура, вы написали вечный бейт об этой родинке, муаллим, о родинке Кумри, спящей за дувалом? Вы о ней написали, учитель?..

...Если эта ширазская турчанка заберет мое сердце с собой —
За одну ее жгучую родинку я отдам Самарканд с Бухарой!..

Вы об этой родинке написали, муаллим, ибо, как палый урюк, растеклась, распалась империя Тимура, а родинка сияет на юном лице! А родинка оказалась силь-

нее нмпернн!.. А красота долговечией державных мавзолеев!.. Ах, живая родиика! дышащая! спящая! невннная! трепетная! Вы об этой роднике говорили, мавлоно?..

Кумри, ты спишь? Золотой урюк не упал иа черную родинку? Не сокрыл ее? Ты спишь, Кумрн?.. Кумрн! Кумрн... Спишь?.. Я не нарушу клятву о дувале! Клянусь алымн конямн!.. Не нарушу!.. Ты спншь, Кумри?.. Ты спишь в иочь падающнх плодов, в Ночь Падающнх Плодов?! Спишь, Кумрн?..

— Нет, Мушфнки-ака. Я не сплю. Я стою у дувала. Мне урюк попал в рот. Сладкий!..

— И Турсунджану тоже урюк попал в рот. Вы оба счастлнвые, Кумрн! Вам золотые урюкн попали в рот в ночь падающих плодов!.. А меня оин хлестали по щекам... Только по щекам...

Блаженны счастлнвцы, которым урюки падают прямо в рот в Ночь Падающих Плодов!.. Такие люди навек полюбят друг друга! До смерти прилепятся друг к другу! Жнзнь нх полиа будет золотых, терпких, изливающнх душистую сладость плодов!.. А меия оии только хлесталн по щекам!..

— Мушфикн-ака, разбуднте Турсунджана. Выньте золотой урюк нз его рта. Мне страшно. Река Коко там, в туманных тугаях, шумнт. Она зовет меня. Там отец, мать н два братнка плывут. Они зовут меня. Онн плачут и кричат: Кумрн, Кумри, старшая сестра, апа Кумрн, зачем ты оставила нас одинх в реке? Тут холодно и мокро, апа... Доченька, дай мне руку с берега... я все хватаюсь за веткн прибрежных ветл — но онн обрываются, этн сохлые, серые ветки, н река уносит, уноснт меня. Дай мне руку с берега... Или лучше плывн сюда — зачем тебе этот берег без иас? Зачем тебе берег снротства?.. Разбуднте Турсуиджана, Мушфнкн-ака. Мне страшно... Там река Коко в тумаиных тугаях шумит, зовет. Голоса слышатся...

— Турсунджан, вставай. Просыпайся. Съешь золотой урюк. Идн к дувалу. Там Кумрн. А я буду спать. Я лягу на палас. Под белым тополем. Хорошо, что с тополя не падают золотые плоды. Можно спать спокойно...

Я ложусь на палас н закрываю глаза. Тополь шелестнт надо мной. Огромный. Лунный. Белый тополь. Се-

ребряный. Хорошо, что с тополя не падают золотые плоды. Пусть они падают на Кумри и Турсунджана. Я лежу на паласе под лепечущим тополем и шепчу касыду.

Маленькую касыду о белом тополе...

Я пою касыду, и тут на мое лицо падает что-то ползучее, вязкое, живое.

Я открываю глаза и вижу огромного черного жесткого жука-короеда. Я сметаю его рукой с лица и встаю с паласа. Гляжу, содрогаясь от брезгливости и древнего пещерного ужаса — по паласу ползают короеды. Их много. Они густо и бесшумно падают, слетают с дерева. С белого беззащитного тополя.

И тут я впервые вижу, что тополь мертв. Высох. Он изъеден короедами. Он весь белый, белый, этот тополь. Седой, мертвый. Нет на нем ни одного зеленого листика... Только птицы глухо трепещут в темных глухих гнездах. Это индийские грачи — майна...

Тогда я бегу в кибитку и беру флейту-най, подаренную мне дервишем-муджавиром Хотамом-ходжой... Я весь дрожу...

...Придет время — посох и флейта позовут тебя!..

Может, время уже пришло? И пора уже бороться со страшным этим ползучим, незримым тлением, на которое обречено все живое? С гиблыми жесткими короедами, победившими, опустошившими живое трепетное священное дерево? Но как бороться? Как?..

...У гончара седого вчера я побывал,
Из темной мертвой глины кувшин он вызывал,
И лишь слепцы не видели — но ясно я видал,
Как прах отцов далеких с его перстов спадал...

Мушфики, мальчик, отрок, худой, с наголо обритой головой, стоит под лунным тополем, под мертвым тополем и изо всех сил дует в свирель. Веселый! Свирель веселая! Поет!.. Лицо его улыбается. Свирель поддается ему. Впервые слушается его. Податливая, веселая, курчавая, как каракулевый бухарский барашек, свирель-най пляшет, струится в его губах. Льнет к детским губам.

Древняя свирель. Певучая. Ночная. Лунная... Струится... Глохнет... Потом Мушфики отрывает най от губ и поет касыду о Белом Тополе...

Тополь средь ночн тополь возносится стволом жемчужным в облако возносится
Тополь ночи
В гнездах поздних птицы ночи плодоносят яйценосят долго сонно
И по стволу яйцо течет и льнет и льется тянется медово упоенно
Тополь тополь ночи ночи ночи тополь короедов ленных полный полный
Тополь
Обреченный

Тополь-то умер, но касыда, касыда останется... Ее будут читать люди, петь хафизы, бродячие певцы.

А тополь умер... Но родил касыду...

И грачи-майна шевелятся в живых гнездах средь мертвых белых ветвей...

А у саманного дувала тихо стоял Турсунджан с круглой, как термезский арбуз, головой. А там, за дувалом, прижавшись к нему дрожащим телом, стояла Кумри, и над ними была блаженная, душистая ночь падающих золотых урюков. Над ними была святая Ночь Падающих Плодов!..

А Мушфики стоял со свирелью под лунным белым тополем, и на него неслышно сыпались с мертвого дерева жуки-короеды. И над ним была Ночь Падучих Короедов. Но Мушфики улыбался. И шептал певучими губами касыду...

— Ах, Турсунджан, Турсунджан, зачем мы давали клятву о дувале? Клянусь алыми конями, я освобождаю тебя от клятвы!..

— Нет! — сказал Турсунджан. — Пусть дувал будет высоким!..

Уже светало, светало в садах, садах, садах.

Уже светало в садах, садах.

Уже светало в садах...

Ночь Падающих Плодов, Единственная, где Ты?...
Ты опять не со мной.

ОХОТА

Убей! Убей не умеющего
убивать без дрожи!..

Амир Тимур

Уже поздняя осень!..

Уже в просторных, ясных, хладных садах жгут палую золотую листву!

Уже костры неохотные, сырые чадят, горят, уже дымы витают средь опустелых деревьев!..

Горькие ползучие дымы...

Но Турсунджан и Кумри стоят по обе стороны дувала и шепчутся, смеются, молчат, таятся. Они выросли за прошедшие месяцы. Уже саманный дувал отстал. Уже саманный дувал невысок. Уже маковая головка в красном платке и круглая, как термезский арбуз, голова в ферганской пыльной тюбетейке переросли недвижный дувал. Уже они встречаются над дувалом. Уже витают. Уже!..

А Мушфики старается не глядеть в сторону дувала, а уходит в пустынные сады и там играет на нае, и жжет костры, и глядит в струящиеся, немые, осенние, азиатские небеса.

Там высоко и безмолвно летят, скользят осенние перелетные птицы. Они летят в Индию?.. А Мушфики никогда не увидит иные страны, иные земли?.. Неужели он никогда не побывает в Индии, а так и останется навек в этих червивых садах (а бывают червивые народы, пораженные червем?.. Народы Падучих Короедов?.. Народы Белого Тополя?.. И тогда приходят дервиши-пророки и изгоняют червя?.. Но я хочу к иным народам, в иные сады, в живые, в не взятые червем... Я еще молод...) в родном, но убогом, малом кишлаке Чептура? Неужели эти безмолвные птицы счастливее и вольнее его?..

Мушфики вспомнил слова дервиша Хотама-ходжи: Блаженны бродячие хафизы!.. Душа странника — благословенный караван-сарай!.. Посох и свирель позовут тебя!..

Уже зовут!

Я пойду вслед за птицами. Пора!.. Да и не могу я глядеть на две счастливых, застенчивых, улыбчивых головы над дувалом... Горячо мне в глазах становится, словно от сырого дыма осенних костров...

Пора!..

Как быстро их две головы выросли над дувалом, а голова Мушфики только поднялась вровень с ним...

Мушфики бежит к кибитке. Бросает в отцовский старый полевой хурджин несколько лепешек, сухих урю-

чии и тутовых ягод, кладет в мешок най — свирель, берет в руки грушевый посох Хотама-ходжи.

Выходит с мешком и посохом из кибитки и идет к дувалу.

Мушфики ростом с посох. Мальчик еще...

Но блаженны выходящие в путь в дни юности своей, когда голова едва превышает высоту посоха.

Ибо мир открыт шире молодым глазам!..

Через много лет придет легендарный Мушфики в родной кишлак, в родные урюковые сады согбенным от старости и мудрости путником, и вновь седая, ветхая голова его склонится и будет вровень с посохом, как в день, когда он вышел в дорогу жизни, ибо сказано: и возвращается ветер на круги своя... А садовник в сады своя...

...Турсунджан и Кумри, прощайте! Я ухожу. Оставайтесь в садах... Уже птицы летят... Уже из ущелий веет осенней прохладой... Когда я был совсем маленьким, прохожая люли-цыганка по моим голым ступням нагадала мне бесконечную дорогу! Всем она гадала по рукам, а мне по ногам!.. Всем по ладони, а мне по пяткам!— маленький путник с огромным мешком-хурджином и посохом улыбался. Он шутил на прощанье, этот маленький мудрец, уже познавший горечь первой любви. И первой смерти. А впереди была еще более щемящая и ранящая разлука с другом, с Турсунджаном круглоголовым... Ах, неужели детство — это одни потери и разлуки?.. Одни горькие, сырые, осенние костры в опустелых, грустных, хладных садах?..

— Не уходите, Мушфики-ака. Вы же наш старший брат. Кто защитит нас? Я все слышу, слышу голоса с реки, из туманных глухих тугаев. Они зовут меня. Не уходите, Мушфики-ака, старший брат-защитник... Не уходите... — сказала маковая головка с дувала и заплакала. Слеза алмазная, родниковая дошла до смоляной родинки над верхней губой. Дошла... Встала... Колеблется!..

— Мушфики-ака, не бросайте нас... Я не нарушу клятву о дувале! Это моя голова сама выросла над дувалом. Давайте, ака, замесим новые кирпичи и поставим их на дувал. Я не нарушу клятву. Клянусь алыми конями... Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу!.. Не нарушу...

— Турсунджан, смешной, родной Турсунджан, я ухожу за перелетными птицами, я стану бродячим дервишем-хафизом. Не надо месить новые кирпичи. Надо разобрать этот дувал и построить из него семейный танурочаг... Клянусь алыми конями!.. Прощайте, Турсунджан и Кумри. Вспоминайте меня, когда полетят перелетные птицы... Когда полетят перелетные птицы... Турсунджан, вспоминай меня... Я спою тебе прощальную песню-касыду... О друге...

И Мушфики запел...

Воспомни друже друже дальний когда завеет из ущелий
Воспомни друже друже дальний когда завеет из ущелий из осенних
Воспомни друже друже дальний когда завеет из ущелий
из осенних из
моленных из пресветлых
Воспомни друже друже дальний когда чинара облетит
Когда отсталый стылый лебедь в азийских высях просквозит
Воспомни друже в рощах ясных
В карагачах в арчах в фисташках
Воспомни в поздних рощах хладных
Воспомни друже дальний дальний когда завеет из ущелий
Когда ледник родящий реку заледенеет замелеет
Когда родник поящий дервиша зальется луговой свирелью
сырой сребристою свирелью
младой волнистою свирелью
овечьей мшистою свирелью
Воспомни друже друже дальний когда завеет из ущелий
Когда завеет из ущелий
Воспомни друже
О
Осенний...

И тут Мушфики повернулся и быстро пошел прочь от кибитки, а Турсунджан рванулся, и побежал за ним, и кричал, кричал: останьтесь, ака... Не уходите!.. Но потом он отстал, отстал, отстал, и маленький путник с огромным полупустым мешком-хурджином и грушевым посохом ни разу не обернулся и быстро, быстро уходил, ловко и сильно ступая отцовскими дряхлыми каушами по палой, мягкой, бесшумной, золотой урюковой листве. И пропал, затерялся в дымящихся садах... Тогда Турсунджан повернулся и пошел к дувалу...

...Не уходите, ака... Не уходите... Мы замесим новые саманные кирпичи и поставим их на дувал... Клянусь алыми конями... Зачем это теперь?.. Воспомни, друже, друже дальний, когда завеет из ущелий!.. Вспоминайте

меня, когда полетят перелетные птицы! Прощайте, Мушфики-ака!.. Прощайте... Здравствуй, Кумри... Моя невеста... Мы пойдем в сады осенние... По обычаю наших отцов — я впереди, а ты на несколько шагов сзади, как жена любящая, покорная... Здравствуй, Кумри... Моя невеста...

— Там, на реке, голоса слышны... Зовут меня, Турсунджан... Не ходить нам по садам осенним — вам впереди, а мне сзади, как жене любящей, покорной...

...Над опавшими садами бесшумно и ровно летели перелетные птицы. Холодные, осенние, высокие птицы.

Мушфики стоял у реки Коко и, задрав голову, глядел на журавлиный чеканный клин. Было что-то неживое в молчаливом небесном строе уходящих птиц. Осенние птицы словно четко застыли в небе...

А весною они тянутся лепетливой, живой, говорливой беспорядочной нитью в теплом, дышащем, переливчатом небе... Я люблю весенних птиц! Я люблю их хаотические, наплывающие, низкие, близкие живые стаи!.. Их голоса похожи на голос моего ная!.. Наверное, мой най был некогда птицей! Весенней птицей!.. Я люблю весенние стаи...

Но осенние, четкие, хладные птицы летят. Но холодные безмолвные птицы летят в осеннем стеклянном небе...

И вдруг!.. Вдруг!.. О Аллах!.. Что это?..

Чьи-то гортанные, шальные, хмельные голоса несутся с противоположного берега реки. Джоон! Джоон! Эй, бош бош бош! Эй, душа! Эй! Эй! Эй, душа душа! Ай! Ой! Джоон! Джоон!.. Ха-ха-ха!.. Хватай его! Бей! Насмерть! Убивай без дрожи, без трепета! Сразу! Наповал! Эй, душа!.. Зажигай тугаи!.. Зажигай! Веселей!.. Эй! Эй, эй!..

Горят и дымятся тугаи и приречные сухие камыши. Горит берег. Пламя бежит, льется по камышам. Золотое. Нежное...

Вылетают из густого дыма трепещущие фазаны. Бьются, хлопают радужными перьями в воздухе.

У них крылья горят. Вспыхивают.

Как быстро горят, трепещут живые крылья!.. Быстрей мертвых камышей!..

Обгорелые, похожие на черные комья глины, фазаны падают в реку...

Из высоких зарослей ивняка и туранги выскакнвают несколько богато одетых всадников с длинными монгольскими луками и стрелами в руках. Они хохочут. У них лица пьяные, хищные. Они явно иль напились вина, иль накурились анаши.

Мушфики узнает Аллаяра-бая диван-беги, немых, ощерившнхся братьев Хасана и Хусейна и усатых, дико вопящих сарбазов-есаулов с дамасскими полыхающими клинками в руках: эй, джоон! Джоон! Убивай без дрожи! без трепета! без крови!..

Но кого убивай?.. Кого?..

Мушфики прячется за большой придорожный камень и осторожно выглядывает из-за него.

Пьяные, хохочущие, вопящие всадники носятся по горящему берегу.

— Давай по мосту на ту сторону. Подождем их там. Им некуда больше деться. Они сами придут к нам! Прямо в руки! Ха-ха-ха! Эй, джоон!— кричит Аллаяр-бай, и узкие его степные, барласские глаза сверкают мутным беспокойным огнем. От анаши. Шалые, слепые глаза. Опасные...

Всадники с ходу бросаются на шаткий, деревянный мост, тонко повисший над бурной, клокочущей рекой Коко. Скачут пьяные всадники по хрупкому мосту. Хохочут! Слепые и раздольные от анаши!.. Мост нзогнулся, трепещет под ними, как шея цыпленка под ножом, но всадники только кричат и хохочут. Пляшут конн на качающемся мосту, готовом вот-вот рухнуть, порваться.

Те самые, атласные, ахалтекинские, шелковые, алые, что увезли Амадерю. Мушфики узнает их...

...Вот бы мост порвался, провалился, не выдержал! И река бы остудила этих коней! этих накурившихся, пьяных людей, от которых исходит дух крови н смерти!..

— Эй, джоон! Эй, убивай без дрожи! Без трепета! Без крови! Наповал! Сразу!..

Кони прошли по мосту. Пьяные всадники быстро и ловко спрыгиулн с коней иа землю, и попрятались за придорожные камни, и затаились с луками и клинками. Неожиданио тихо стало. Только река шумела. Только противоположный берег быстро и мягко горел. Только трещали золотые камыши, и дымились сырые тугаи, и падали в реку обгорелые фазаны...

— Эй, убнвай без дрожи!— прокричал из-за камней хмельной невндимый голос Аллаяра-бая.

...Кого убивай?.. Эй, неужели?! Ай!..

Вначале из дымящихся тугаев царственно выплыли высокие ветвнстые рога, а потом у висячего, еще качающегося моста появился огромный олень. Бухарский золотой олень-хангул. «Ханский цветок» — так его прозвали в ироде...

Вслед за оленем на берег выскочила самка-олениха и олененок-сосунок. Все трое, застыв, замерев, чутко шевелили, подрагивали влажными глубокими ноздрями. Наконец самец издал резкий острый крик, похожий на свист, и медленно ступил на шаткий, сразу прогнувшийся мост. За ним осторожио пошли олениха и сосунок...

...Неужелн они будут стрелять в оленей?.. Ведь у оленей сейчас гон, н всякая охота запрещена. Но запрещена она кем? Самнм Аллаяром-баем. И, значит, ему-то она позволена, а всем остальным запрещеиа!.. А ему позволена!.. Но ведь у них сейчас гон. Оии сейчас слепые, беззащитные. У них ноздри не чуют ничего, кроме друг друга. Не чуют смертной подкрадывающейся последней стрелы. У них сейчас оленья любовь... Разве можно убивать влюбленных?..

— Эй, убивай без дрожи! Наповал!— прокричал нетерпеливый гортанный голос, и тугая, хлесткая стрела метнулась, вышла из-за камней и с сырым каким-то жадным звуком вошла, впала, вомчалась в большой текучий глаз самца. Огромный олень скосил оставшийся, побелевший, помертвевший сразу снежный глаз, как-то присел, изогнулся, пошел крупной дрожью-рябью, и вдруг высоко и нелепо прыгнул над шатким узким мостом, упал в реку и вмиг пропал в волнах. Он был уже мертвый, когда прыгал над мостом и падал в воду, и потому сразу утонул.

Вторая стрела пробила шею самки, и она сразу сломалась, осела, упала на все четыре ноги на самом краю моста и стала мотать непослушной, чужой головой, а потом вдруг уронила ее, уложила между передних ног, словно уснула.

Не было ни крови, ни дрожи. Смерть мгновенной была...

— Эй, джоон! Я из рода барласов! Я потомок великого амира Тимура! Я умею убивать без дрожи! без трепета! наповал! с первой стрелы! без крови! Я даю смерть мгновенную! Горячую! Сладкую! Сочную! Ха-ха-ха!.. Горе тому, кто не умеет убивать без дрожи, без крови! Горе тому в государстве нашем!.. Джахангир Тимур, мой предок, сказал: убей! Убей не умеющего убивать без дрожи... Без дрожи в жертве и в себе! Ибо дрожь жертвы может перейти, перекинуться к охотнику! И я даю смерть точную, сладкую!.. Даже пьяный!.. Даже накурившийся анаши!.. Ха-ха!.. А этого сосунка мы поймаем руками! Не стреляйте в него. Ловите его. Окружайте!— Аллаяр-бай и его спутники выскочили из-за камней и бросились к мосту.

...А олененок-сосунок стоял на самом краю моста, уткнувшись недоуменными нервными, дергающимися ноздрями в мертвый бок матери оленихи. Обнюхивал. Поднимал голову и глядел на реку...

Пьяные охотники с воплями и криками приближались к мосту. Впереди всех бежал тучный Аллаяр-бай в высоких охотничьих лаковых сапогах, в узком коротком облегающем чапане, схваченном широким поясом-миенбандом. Пояс был унизан драгоценными камнями: бадахшанскими лалами, индийским жемчугом, персидской бирюзой. На голове у него была белая легкая шелковая занданийская чалма... Аллаяр-бай бежал, тяжело дыша, растопырив толстые красные пальцы: бош! Эй, джоон! Иди сюда, сосунок! Чего ты тычешься в мертвую мать? Ха-ха-ха! Иди сюда! Ах ты, сиротка!.. Я возьму тебя с собой в Бухару! Я подарю тебя Абдулле-хану!.. Иди сюда!..

Олененок метался по мосту. Сзади него был горящий дымящийся берег и мертвая олениха-мать, через которую

он так и не решился перепрыгнуть. Тогда он рванулся навстречу орущим, пьяным, хохочущим охотникам и, на бегу резко увернувшись от красных толстых пальцев Аллаяра-бая, изо всех сил бросился бежать вдоль реки, а потом свернул в урюковые бесконечные сады и помчался по алым, золотым, мягким, холодным листьям...

— Эй, он побежал в мои сады! Там мы его и поймаем. Нам помогут мои сторожа-мальчишки Турсун и Мушфики!— И пьяные охотники ринулись в сады вслед за олененком...

Горели камыши и тугаи на противоположном берегу. Как комья сухой глины, падали в реку обгоревшие фазаны. Лежала на мосту мертвая олениха...

...Но ведь у них сейчас гон! Они сейчас слепые. Беззащитные. У них сейчас оленья любовь! Разве можно убивать влюбленных? Разве можно?..

— Ай, я не успею предупредить Турсунджана и Кумри!..

Я бросаю хурджин и посох на землю! Я бегу, я задыхаюсь, я тону в палых листьях, я подбегаю к кибитке, я прячусь за белый тополь... Поздно!..

Поздно...

Хохочет Аллаяр-бай. У него глаза слезятся. Узкие, степные, барласские глаза. Они горят беспокойным, шальным огнем. Звериные глаза. От анаши. И смех тоже звериный, неспокойный. Тоже от анаши.

— Турсун, а где этот сын чабана, это гиблое, гнилое семя опиекурильщика, Мушфики?

Турсунджан не умеет лгать.

— Домулло, он взял дорожный хурджин и посох и пошел бродить по дорогам. Он решил стать странствующим хафизом. Ему цыганка по пяткам нагадала большую дорогу, и он пошел вслед за перелетными птицами...

Глаза Аллаяра-бая горят, роятся мутным звериным огнем.

— Я найду его и дам ему сто палок по его кочевым пяткам! Как он мог оставить без присмотра мои сады?! Уж я-то разобью камчой его пятки!.. А откуда здесь ду-

вал? Кто его поставил? Или в кибитке появилась женщина? Ха-ха-ха! Ты не женился ли? Не разделил ли дом на две половины — мужскую и женскую?.. Ха-ха-ха! Турсун, ты не видел тут беглого сосунка-олененка?..

И тут Аллаяр-бай поперхнулся и замолк, и его хохочущие, визжащие, как дикие кабаны, спутники тоже вмиг притихли.

Над дувалом появилась и тут же исчезла испуганная маковая головка в красном платке. Со смоляной родинкой над верхней припухлой детской губой...

— Кто это?— протирая слезящиеся глаза толстыми красными пальцами, тихо сказал Аллаяр-бай.— Или это пьяное виденье? Бред? Кайф? Кто это?— дико завизжал он.— Кто? Кто?.. Турсун, кто это! У нее глаза сосунка-олененка!..

— Это моя невеста Кумри.

— Джоои! Душа! Значит, это не кайф! Клянусь всей анашой священной Бухары и Мавераннахра — это та самая родинка, о которой писал шейх Хафиз!..

...Если эта ширазская турчанка заберет мое сердце с собой,
За одну ее жгучую родинку я отдам Самарканд с Бухарой!

И она твоя невеста?.. Ха-ха-ха!.. Мальчишка... Сиротка... Отдай ее мне!.. Я подарю тебе эти сады. Я щедрый. Я отдаю тебе эти бескрайние сады за эту тленную, быстробегущую, преходящую родинку... Ха-ха-ха!.. Отдаю бескрайние сады за крохотную родинку!..

— Нет, домулло. Она моя невеста, и станет моей женой, когда вырастет на две головы над дувалом.

— Ха-ха-ха!.. Мы любим юные сквозящие стебли, курчавые зеленые побеги, а не налитые соками земли серые стволы!.. Мы любим ранние зеленые плоды, набивающие сладкую оскомину! Нам достаточно того, что она возвышается над дувалом на одну голову!.. Ха-ха-ха!.. А если ты будешь противиться — мы возьмем ее силой, и ты останешься без родинки и без садов!.. Решай, Турсун! Решай, сирота! Решай, мальчик!.. Я не хочу тебя обижать... Священная книга запрещает обижать сирот... Я милостив и щедр к тебе...

— Нет, домулло.

— Эй, Хусейн, Хасан, привяжите его к тому урюку. Пусть остынет... Вот так!.. А теперь тащите сюда ту девчонку, ту родинку!.. Вот это настоящая охота!

Джооиǃ.. Она кусается! Извивается! Змея! Змейка!.. Ха-ха-ха!.. Возьми мой пояс-миенбанд — свяжите ее! Вот так! Эй, есаул, положи ее иа коия! Вот это добыча! Охота! Джооиǃ.. Эй, Махмуд-мирахур, приіеси чилим... Покурим и поедем! Джоон! Эй, какая охота! Какая добыча!..Какой чилим сладкий! Ай, дым!.. Эй, Турсуи, хочешь попробовать? Сразу все забудешь! Добрым стаиешь, улыбчивым! Сам отдашь мие родинку! Сады взамеи возьмешь! Кораи запрещает обижать сирот...

— Домулло, я убью вас. Развяжите меня — и я убью вас. Вы боитесь меня, мальчишку? Вы, великий Аллаяр-бай диваи-беги, потомок самого амира Тимура, боитесь простого мальчишку-садовника? Вы, умеющий убивать без дрожи?! Ха-ха-ха!.. По древнему обычаю наших гор, если два джигита, два палвана, влюбляются в одиу девушку, оии бросаются в реку и в волиах решают свой спор... Кто остается живым и выплывет иа берег — тот и победитель! Вы же родом из иаших мест, вы знаете этот обычай! Пойдемте к реке, и я утоплю вас своими худыми голыми руками! Иль вы боитесь, потомок бесстрашиого амира? О, если б великий амир знал, что у иего будут такие потомки! Ои бы задушил всех своих жеи!.. Пойдемте к реке, домулло! Пойдемте, джигит, палваи, ворующий чужих иевест! Я голыми руками утоплю вас по древнему обычаю!..

Аллаяр-бай сидит на глиняиой суфе и задумчиво, забывчиво курит чилим. Поднимает тяжелую дремливую голову со звериными желтыми плывущими глазами. Медленно и густо хохочет. Слезы текут из узких степиых глаз. Потом ударом лакового длииного сапога он отбрасывает чилим.

— Эй, Махмуд-мирахур, развяжи мальчишку. Пойдем к реке. Будем джигитами. Соблюдем древний обычай наших гор... Ха-ха-ха! Мне ведь иадо искупаться, чтобы дым в голове прошел... А заодио мы подарим реке этого иепочтительного отрока. Джооиǃ Поехали к реке! Скорей! Эй, опять охота! Опять иужио убивать без дрожи!.. Джооиǃ.. Душа пляшет!.. Дым гуляет в жилах! Кайф!..

...Они идут мимо меня, мимо белого тополя: Аллаяр-бай, Турсунджаи, усатые есаулы, Хасаи и Хусейн. Махмуд-мирахур ведет за собой коня, поперек которого иа

седле лежит связанная драгоценным поясом-миенбандом Аллаяра-бая Кумри...

Что я могу сделать? Что?.. Если я обнаружу себя — они растерзают меня... Но я должен помочь Турсунджану и Кумри. Но как? Как?..

Осторожно таясь за деревьями, я крадусь вслед за ними к реке...

Противоположный берег уже не горит. Только дымится. Черный берег. Пламя ушло дальше...

...Турсунджан, круглоголовый мой друг, мой садовник Турсунджан, худой, ты идешь по висячему деревянному мосту над бешеной рекой! Ты осторожно перепрыгиваешь через мертвую олениху с пробитой безвольной шеей, ты идешь по мосту на тот черный, тлеющий берег. Ты встаешь на том пустынном мертвом берегу, ты раздеваешься и высоко вверх поднимаешь руки, худые мальчишеские руки, чтобы показать, что у тебя нет в руках никакого оружия — ни ножа, ни камня. Ты стоишь голый, босой, солнечный. Ты готов броситься в реку и в волнах вступить в смертную схватку с Аллаяром-баем. Ты солнечный...

Река Коко, помоги ему!

А на этом берегу стоит Аллаяр-бай. Он хохочет. Он в лаковых длинных сапогах и в белой шелковой рубахе, он снял только чапан и чалму, он тоже поднимает вверх руки с короткими толстыми пальцами... Хохочет... Накурился... Но глаза у него неожиданно резкие, ясные, и нет в них текучего, дымного, шального хмеля. Он зверь. Охотник...

Махмуд-мирахур бежит на мост и останавливается на его середине. Он резко поднимает вверх обе руки. Тишина. Только ревет река, только вьет смертные водовороты, только глухо перекатывает по дну валуны.

— Бош! Джоон! Эй! Охота!— истошно вопит Махмуд-мирахур, опуская обе руки.

Турсунджан и Аллаяр-бай бросаются в реку. Плывут. Встречаются. Река быстро уносит их. Есаулы с пьяными криками, воплями бегут по берегу. Вдоль реки...

Я тоже бегу вдоль реки!

Река, река, помоги ему!

...Турсунджан хватает Аллаяра-бая за бороду. Они тонут и вновь возникают в быстрых ярых волнах. Машут руками. Цепляются друг за друга. Скользят. Бьются. Захлебываются. Уносит их хрустальная дремучая река. Пьяные есаулы от них отстают. Я бегу вровень с ними...

Река, река, помоги ему!..

Аллаяр-бай захлебывается, бьется. Мелькают в воздухе красные беспомощные пальцы! Турсунджан цепко держит его за бороду, наматывая ее на ловкую свою руку...

Но!

Что это?! Стой!.. Подождите, домулло! Эй, подождите!.. Ай!.. Откуда он у вас? Откуда?.. Вы вытащили его из лакового сапога. Узкий короткий ура-тюбинский нож. С месяцеобразным обоюдоострым концом. Таким ножом мой отец резал больных ягнят. Сладкий нож. Он входит сразу в тело. Как в воду... Подождите, домулло! Это же нечестно! Древний обычай запрещает пользоваться оружием!.. Только руками можно...

...Я кричу?.. Бегу... Подождите, домулло! Ай!..
Турсунджан плещется в волнах, крутится, бьется, убирая, отстраняя круглую свою нагую голову от ножа. Но сколько он может храниться?.. Ускользать?.. Сколько?..

Нож сразу мягко входит в глаз. Как стрела в глаз оленя.

Эй! Джоон! Душа! Кайф!.. Убивай без дрожи!..
...Турсунджан, друг, почему ты сразу разжимаешь руку и отпускаешь бороду Аллаяра-бая? Почему уже не плещешься, не бьешься, не крутишься, не вьешься в волнах? Почему сразу река быстрее уносит тебя? Почему ты тонешь, уходишь, падаешь? Почему твоя голова красная? Почему одна волна набегает и смывает кровь, но

голова тут же вновь делается красной? Твоя голова! Круглая, как термезский арбуз!

Термезские арбузы самые сладкие, самые сочные, самые красные! Продавцы на базарах всегда продают их на взрез... Но никто не режет эти арбузы — все знают, что они сладкие, и красные... Зачем же зарезали твою голову? Зачем она красная? Зачем она пропала в волнах?..

Я кричу? Я бегу вдоль берега? Я стою на берегу, а Турсунджана уже нет?..

...Мушфики-ака, не бросайте нас. Я не нарушу клятву о дувале. Это моя голова сама выросла над дувалом. Давайте, ака, замесим новые кирпичи и поставим их на дувал. Закроем Кумри. Клянусь алыми конями! Клянусь скакунами, задыхающимися на бегу, я не нарушу клятву о дувале...

...Коко, помоги мне...

Я бросаюсь в реку. Я плыву к Аллаяру-баю.

— Эй! Джоон! Гнилое гиблое семя опиекурильщика! И ты хочешь на дно! Клянусь всей анашой Мавераннахра — тебя-то я убью с первого удара! Эй, подставляй глаз! Мой нож жаждет твоего гнезда! Живых ножей! Ха-ха-ха!..

Я набираю полную грудь воздуха и ныряю под Аллаяра-бая. Под водою резко видны ноги в лаковых сапогах. Я обеими руками крепко обхватываю эти ноги в сапогах и тащу их ко дну. Ноги дергаются, сопротивляются. Мимо меня в быстрой смутной воде мелькает нож. Мелькает. Появляется под водой голова Аллаяра-бая. Она извивается, как водоросль. У нее выпученные белесые глаза. Я крепко держу обе ноги. Река несет нас. Аллаяр-бай задыхается. Он пытается разомкнуть, согнуть, высвободить ноги в сапогах, но я держу их крепко и тащу на дно. У меня больше воздуха, чем у Аллаяра-бая, но и я уже захлебываюсь...

...Коко, помоги мне...

У меня болят глаза от быстрой упругой воды. Донный песок попадает в них. Но закрыть их нельзя. Нельзя. Что-то серебристое опускается у моих глаз. Рыба...

Нож. Рука Аллаяра-бая выпускает нож. Я крепко держу вздрагивающие ноги в лаковых длинных сапогах. Потом они становятся послушными, податливыми. Аллаяр-бай мертв. Я опускаю его и, изо всех сил оттолкнувшись дрожащими ногами от песчаного дна, выскакиваю на поверхность реки. Тяжело дышу. И тут...

И тут что-то мягко ударяет меня, тычется в мою спину, я поворачиваюсь, и в глаза мне ослепительно и нежно сверкают бадахшанские лалы, переливчатые жемчуга, вспыхивает из зеленой воды персидская небесная бирюза. Это Кумри. Она мертвая. Руки и ноги ее связаны поясом Аллаяра-бая. Я ловлю ее легкое, летучее тело, я долго распутываю мокрый, разбухший миенбанд, освобождая ее руки и ноги. Я гляжу в ее лицо. На родинку. Я плыву с ней по реке. Но она мертвая. Уже не укусит меня в руку...

...Вначале меня укусил осел, которого я вытащил за хвост из реки смерти, а теперь вы, моя луноликая, когда я спас и вас, схватив за косы!.. Ах, я глупец!.. Интересно, кто спасет меня, когда я буду погибать, ведь у меня — увы!— нет ни хвоста, ни кос!

— Вас будут тащить за язык! Он у вас слишком длинный!..

— Но ваши ресницы длиннее моего языка!..

...Мушфики-ака, не бросайте нас! Вы же наш старший брат. Кто защитит нас? Река Коко там, в туманных тугаях шумит. Она зовет меня. Там отец, мать и два братика плывут. Они зовут меня. Они плачут и кричат: Кумри, Кумри, старшая сестра, апа Кумри, зачем ты оставила нас одних в реке? тут холодно и мокро, апа... доченька, дай мне руку с берега... я все хватаюсь за ветки прибрежных ветл — но они обрываются, эти сохлые, серые ветки, и река уносит, уносит меня. Дай мне руку с берега... Или лучше — сама плыви сюда, к нам. Зачем тебе этот берег без нас? Зачем тебе берег сиротства?..

Кумри, я оставлю тебя реке. Теперь ты соединишься со своими близкими. Я осторожно убираю свою руку, на которой ты лежишь. И река забирает тебя. Она принесла тебя. Она и унесла. Прощай, Кумри!..

Я выхожу на далекий берег. Сюда уже пришел огонь. Горят золотые камыши. Дымятся сырые тугаи. Над моей головой часто и трепетно бьет радужными крыльями и

длнннм красным хвостом фазан. Он почтн не движется в воздухе. Почти стоит. Ои охвачен огнем. Горят крылья н хвост. Поэтому он почтн не движется. И все же он долетает до рекн. И, как ком черной скучной глиины, падает в нее...

Как быстро горят живые крылья, перья. Гораздо быстрее сухих, золотых, бездушных камышей...

В высоком стеклянном осеннем небе бесшумно и безучастио летят, скользят перелетные птнцы...

ХОДЖА НАСРЕДДИН

...Он был свечой в ночи страны...

Ходжа Самандар Термези

...Не станет мужем зрелым домосед
И лавочник, сидящий в лавке темной,
Пока ты не покинул белый свет,
Покинь свой дом, иа мир взгляни
огромный...

Саади

Ходжа Насредднн сидит в маленькой придорожиой чайхане, под вольной, красной, осеиней тысячелетией чинарой у арыка. Он сндит, блаженно полузакрыв глаза н опустнв пыльные худые ногн в арык. Ходжа Насреддни старый. Морщины на его лице похожн иа истертую, истлевшую арабскую вязь иа надмогильных плитах древннх мазаров. Но голос у него свежий и звонкий, как быстрый хрустальный арык.

В руках у Ходжн Насреддииа дутар, и, ударяя ленными, медлеными пальцами по бедиым, нехитрым струнам, он поет сонную, осеииюю песню об Азии...

И палый Азьи плод разъят
И палый Азьи плод разъят в садах
И палый Азьи плод разъят в смиренных в ленных во садах гранат
Опять о Азья я твоя пчела цикада кеклнк рыба тля змея
твоя духмяная медовая аллахова пчела
Опять о Азья я твоя пчела цнкада кеклик рыба тля змея
Твоя о Азья в рисовых полуденных струящихся полях сомлелая
заблудшая блаженная овца овца овца
И божня мечеть стоит у божьего сыпучего дувала божьнх
саманных
сонных глин
Божия аллахова заброшена захожая стонт стоит стоит

И дервиш лепетный уснулый у карагача у тутового дерева поет поет
поет
Алла! алла! алла алла алла аллаа ааа
Поет святой хаджи слепец хафиз поет поет поет поет поет поет
А за дувалом сад гранат разъят
А за дувалом сонных глин мерещится мерещится святых
хаджей мазар
мазар забыт забыт червем разъят
разъят разъят
И дервиш лепетный гортанный змеегорлый у полуденных чинар
чинар
поет поет поет
Что я опять о Азия твоя моленная духмяная медовая разъятая
аллахова пчела
Что я опять твоя полуденных дерев камней ручьев садов
солончаков
разъятая цикада кеклик рыба тля змея
Твоя сомлелая заблудшая блаженная средь рисовых полуденных
струящихся полей разъятая блаженная овца овца
овца овца
Алла! алла! алла! алла аааа а ааа ааааа
алла!

Веет тысячелетняя чинара. Красные, острые, пряные листья бесшумно слетают на певца. Ходжа Насреддин ловит губами палый золотой лист, потом осторожно выпускает его. Улыбается. И глаза его по-прежнему полузакрыты. Блаженные глаза...

Рядом с Ходжой Насреддином на глиняной суфе стоит чайник и пиала с зеленым чаем.

Веет дремливая чинара, роняя медленные золотые листья... Мушфики с грушевым посохом и хурджином покорно стоит перед старцем. Красные мягкие листья падают и на него. Шелестят...

— Муаллим, неужели вы ничего не скажете мне на дорогу?..

— Когда я открываю рот — у меня закрываются глаза...

Падают молчаливо красные листья. Золотые. Молчит Ходжа Насреддин. Улыбается... Глаза полузакрыты... Блаженные...

— Муаллим, смогу ли я стать поэтом?..

— В нашей нищей, бесправной стране поэт становится пророком иль масхарабозом-шутом... Пророка травят, убивают, над шутом издеваются, потешаются... Я долго смеялся и смешил людей в нашей слезной стране,

но устал. Да и старая истина говорит: рот дурака всегда полон пословиц, поговорок, анекдотов, историй...

Падают золотые листья. Ходжа Насреддин молчит. Улыбается. Глаза полузакрытые, блаженные...

— Муаллнм, но я убил человека!.. Я утопил Аллаяр-бая...

— Этот человек давно утонул как человек... Ты утопил только лаковые сапоги... Сапоги жаль!.. Но их много будет на твоем пути...

Падают золотые листья. Молчнт Ходжа Насредднн. Глаза полузакрытые, блаженные...

— Муаллим, почему вы улыбаетесь?

— Я никогда не ем и не пью один. Этот чай в пиале остыл, ибо я давно жду собеседника. В нашем ханстве правнтелн заняты войнами, а народ — борьбой за хлеб. И ннкто не хочет ндтн дорогой мудростн. Поэтому мудрость остывает, как тот чай, который не с кем пить... Потому остыл мой чай. Но ты пришел. Возьми пиалу. Пей...

Молчит Ходжа Насреддин. Глаза полузакрытые, блаженные...

— Муаллнм, почему вы молчите?

— А почему молчнт эта чинара? Потому что золотые смутные лнстья мудрости падают на всех в бесконечной тншнне... Потому что мудрец говорнт только с мудрецом... Потому что ты сам говорншь с собою... А я молчу...

— Разве вы ннчего не сказалн мне, муаллим?..

— Ты сам задавал себе вопросы и сам отвечал... А я молчал... И молчу.

Я пью холодный терпкнй густой чай из пиалы.

Молодая моя крепкая бородка лезет в пиалу. Мешает мне пить...

Падают золотые лнстья. Ходжа Насредднн молчит. Глаза блаженные...

Неужели он так и не сказал н не скажет мне ни одного слова? И я даже не услышу его голоса? Нет. Не

сказал. И не скажет... Это я вслух беседовал сам с собою... Сам задавал себе вопросы и сам отвечал...

Падают золотые листья. Я встаю с суфы, беру посох и хурджин.

— Прощайте, муаллим.

Я поворачиваюсь и медленно ухожу.

Тогда он говорит, тогда он говорит мне в спину, тогда он говорит мне в спину, и я замираю от радости. Голос у него родной, теплый, знакомый. Как у моего отца, как у дервиша Хотама-ходжи.

— Возьми моего осла. Ты достоин того, чтобы сидеть на нем. Двери многих домов и караван-сараев будут открыты вам. Святой Хызр, покровитель путников, да поможет вам в пути...

Я осторожно подхожу к ослу, который пасется неподалеку от огромной чинары. Золотые смутные листья мудрости падают и на осла. Только он ест их.

— Муаллим, а он не сбросит меня?

— Нет. Он единственный осел в нашей благословенной стране, который сразу чует мудрецов и кротко подставляет им спину. Остальные же стараются сделать из мудреца осла и возить на нем грязные тяжкие бессмысленные мешки своего бытия...

Я положил хурджин на покорную спину осла, а потом сел и сам.

— Прощайте, муаллим...

— Прощайте, сынок. Скоро ночь. Будь осторожен... Везде волки и шакалы... Но и ночью в святой тишине слетают на людей золотые листья мудрости...

Уже вечерние плеяды мерцали, зыбко переливаясь в темнеющих небесах. Я тронул недвижного осла: вперед, Даджжал. Уже вечерние плеяды переливались в небесах.

...Опять, о Азья, я твоя цикада, рыба, кеклик, тля, змея...

Мы медленно двигались в теплой, вечерней, дорожной пыли. И тут до меня донесся бедный одинокий звук

дутара и гортанный голос. Он пел ночную песню Азии, и она долго шла за нами, и текучие плеяды становились резче и ярче, широко разгораясь над нашими головами...

И распусти пусти усталые персты в ночном арыке Азьи
И распусти пусти усталые персты в ночном арыке мятном мятном мятном
И воскричат уснулые лягушки в илах вязких млечных течных медленных
И воскричат уснулые цикады в ивах ленно ленно веющих
И распусти пусти усталые персты в текучих глинах святых
Грядут они грядут с мазаров смытых смутных увядающих молящих уносящихся в поля поля скорбящие
И распусти пусти усталые персты во глины ласковые
размываемых мазаров уходящих уходящих уходящих дальне
И распусти пусти усталые персты в ночном густом живом арыке терпком
Азьи мятном мятном мятном мятном мятном
И распусти усталые персты в родном арыке Азьи Азьи Азьи
И очами расплачься
И расплачься расплачься очами очами ивовыми ивовыми Азьи Азьи
И расплачься очами ивовыми Азьи очами ивовых баранов
И расплачься очами размытыми как вешние мазары
Расплачься блаженно свято под чинарой придорожной Азьи Азьи Азьи

Блаже!..
Ночь была вокруг.

Уже уж нощь нощь нощь в ущелия в ущелия в ущелия сошла сошла сошла
Аллах Аллах Аллах сходит со небес Твоя небесна молчна тишина Твоя Твоя
Твоя сходит со небес ночных падучая свободная текучая звезда звезда Твоя
Твоя речная плещет ива твоя твоя летит пахучая цикада птица стрекоза Твоя
Твоя к очам склонилась родниковая ветла ветла твоя твоя твоя
Твоя ущелий нощь о душу душу в душу в душу нощь ущелий пролилась лилась Твоя
И помереть сомлеть приять и помереть у кишлака святых нощных нощных аллаховых чинар чинар чинар
И помереть сомлеть приять у кишлака святых заброшенных чинар чинар чинар
Где в палых листьях в палых листьях заяц брошенных садов садов чинар черешен тутов шахских брошенных садов бежит бежит наго глядит глядит заяц толай толай
Где нощи дикообраз пуглив да свят у лунного у мятного у горного ручья ручья ручья
Где нощь туранги светлой светлой да приречной ах светла светла светла млечна
Аллах аллах аллах алла аллааа а ааа а алла!
Уже уж нощь ниспала на ущелья ленного у водопоя водопада леннопьющего берущего полнощную струю стрелу оленя

Уже уж нощь ниспала на поля уснулого забредшего во рисовы
незиклые поля поля поля поля вола вола вола вола
Уж нощь ниспала на ущелья млечиого бухарского молейного олеия
Азии олеия
Аллах Аллах и помереть сомлеть приять у кишлака нощиых нощиых
чинар безвинно веющих в иощиую Азии вселенную вселенную
сомлелую
И помереть сомлеть приять у кишлака нощных далеких гор у кишлака смиренного молеиного спасенного намазом шейха уцелевшего
последнего
Ля иллягa иль Алагу Муххамад Расуль Улла Х У
Ля иллягa иль Алагу Муххамад Расуль Улла Х У
Твоя Твоя Аллах нощь Азья росная ущелий росных нощь на козьи
тропы снизошла
Твоя Аллах Нощь в душу душу пролилась пришла пришла пришла
взяла
И ангел иощи шумно близко опускается на глинистый разрушенный
мазар мазар дувал дувал дувал
И клювом рыщет в перьях и роняет и глядит глядит как высшая
земных земных дерев дерев послушливых внимающих чинар чинар
сова сова сова
И нощь заухала заухала заухала и в травы низкие росистые сошла
сошла сошла сова сова сова
И отряхиула хладны цельны росы со крыла? с хвоста? с плеча?
И нощь заухала и водопады водопои затумаиила замедлила окутала
опутала взяла взяла взяла
Аллах Аллах душа нощная вся объята вся разъята вся смиреина
вся готова вся Твоя Твоя Твоя
Алла аллааа ааа ааа а аа ааа а алла!

МУШФИКИ

...Из прекрасного города Козалы
вышел брахмана, певец чудных гимнов...

Сутта-Нипата

Ночь была вокруг...

Но!

Из далекого осеннего кишлака Чептура вышел мальчик с грушевым посохом и старым отцовским хурджином и затонул, затерялся в азиатской тучной дорожной пыли.

Через много лет (иль веков) он стал легендарным острословом, мудрецом и поэтом Востока Мушфики. Младшим собратом Ходжи Насреддина. Как говорит блаженный Ходжа Самандар Термези: «В ту ночь ладья его детства с помощью паруса природы достигла берега зрелости...»

1972

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

...Все в мире изменяется... Только Высшая Мудрость и Высшая Глупость остаются неизменны...

Конфуций

СНЫ АЙВОВЫЕ...

...Однажды Чжуану Чжоу приснилось, что он бабочка, весело порхающая бабочка. Проснулся он и не мог понять: снилось ли Чжоу, что он бабочка, или бабочке приснилось, что она Чжоу...

Чжунцзы

...Куда я лечу?.. Куда?.. Ай-ай!.. Эй, эй, люди, родные, я лечу, лечу, лечу!.. Эй, люди, кишлачные, дальние, земные дехкане, я лечу, лечу!.. Ууууу!.. Лечу над кишлаком в поля осенние, дымные, хладные, пахучие!.. В поля пустынные, горькие... Лечу немо, лечу в айвовых деревьях! Лечу — закрываю глаза в страхе, что ветви деревьев поздних отягченных обремененных душными вязкими шершавыми золотыми плодами айвы заденут глаза мои, ресницы мои, веки, но ветви не задевают лица моего — они только ласкают лицо мое... А плоды — шары золотые падают, срываются, сходят с ветвей... Нежные тихие опустелые обвялые кроткие ветви льнут к лицу моему. Ласкают лицо мое. Гладят... Лелеют лицо мое юное, сильное, резкое, росистое, росное...

Лицо рдеет.

Оя, мать моя, старая Ляпак-биби, это ваши руки?.. Опять, оя?.. Я не хочу, оя!.. Не хочу!.. Это ветви, оя?.. Ветви?.. Я лечу?.. Я не сплю. Ляпак-биби, уберите, опустите ваши руки-ветви...

Я лечу. Немо. Быстро. Рею в деревьях...

Оя, старая, ваши руки сухие, сохлые, землистые... Оя, вы усохшее дерево? Оя, я люблю вас. Оя, ие умирайте. Не уходите, оя. Не убирайте руки от моего лица. Не убирайте руки-ветви... Не опускайте...

Там, иа окраиие кишлака, стоит высохшее дерево. Китайский древиий карагач. По иему идут щедрые кишащие муравьииые дороги. И дием, и ночью. Муравьи идут и днем, и иочью! И под солицем, и под луиой... А дерево молчит. Потому что оно высохло, выдохлось. Оио мертвое. И потому по нему победио идут, ползут, кишат муравьииые дороги...

...Оя, по вашим рукам ползут, тесиятся, роятся, текут муравьи, а вы ие стряхиваете их, ие губите, а только улыбаетесь мие, а только ласкаете тихими пальцами лицо мое...

— Оя, ие умирайте, ие усыхайте, оя... моя старая... Вы поздио родили меия, поздно замесили, сотворили меня... моя старая... Мой карагач с муравьиными обильными живыми дорогами... Вы поздно родили меия... Уже все птицы улетели, а я только сошел, выпал из гиезда... Я птеиец, птеиец, я поздно выпал, вышел из гиезда... Все ваши птицы улетели, моя матерь, моя оя, мой сохлый карагач с муравьииыми дорогами... мой родимый...

Но!..

Я лечу иад золотыми айвовыми деревьями... иад тем высохшим древиим карагачем иа окраиие кишлака...

Я лечу, лечу, оя!.. Ууууу!..

— Сыиок, сыиок, просиись. Потише, сыиок. Ты разбудишь соседей. Хватит летать. Опускайся иа землю. Просыпайся... Уже светает... Пора идти за дровами в ущелье... Просыпайся, сыиок... Полетал — и хватит. Сынок, вставай... Просыпайся, Насреддии...

— Оя, дайте еще иемного полетать... Я в садах айвовых золотых дальиих смутных лечу, блуждаю, как птица! Золотые шершавые терпкие плоды падают... Вот они!.. Я птица одуревшая, опьяиеииая от свежих своих летучих первых крыльев!.. От плодов падающих... Оя, я птица!.. Лечу!! Ууууу!.. Птица!..

— Ты ие птица. Ты жеиих. Тебе уже шестнадцать лет. Пришла пора искать тебе жену. Иначе будешь летать каждую иочь! Похудеешь. Изведешься. Созрел ты... Вот и летаешь... Вот и плоды сбиваешь, роняешь... Вот и сны золотые, айвовые пришли... Не уйдут, ие оставят тебя, пока не полюбишь...

Это говорит отец Насреддина Мустаффа-бобо. Он тоже старый. Он тоже похож иа муравьиный китайский карагач с окраины кишлака... И от его слов Насреддин сразу просыпается и, отлепляясь сладкой соииой молодой ярой слюной от узкой плоской подушки, вскакивает с дряхлого одеяла-курпачи... Глаза туманные дальние пальцами долгими тонкими трет, мучит. Зябко ему от утреннего острого зыбкого осеннего воздуха. Зябко. Грустно... Сны айвовые, золотые уходят... уходят. Уходят. Уходят... Ушли...

— Шейха Саади спросили: когда наступает совершеннолетие? Он ответил, что в древиих книгах указано на три признака совершеннолетия: во-первых, наступление пятнадцати лет, во-вторых, появление страстных грез по иочам и, в-третьих, появление волос под мышками...

Насреддин щедро покраснел от этих слов Мустаффы-бобо, вздохнул и тихо сказал:

— Шейх прав, и я уже обладатель всех трех признаков... Но есть еще четвертый признак, ата... Это айвовые сады. Золотые. И в иих птица вьется! Липкая птица в липких садах, плодах... Айвовая птица вьется в айвовых садах... Золотая в золотых садах, плодах...

— Золотые сады относятся к страстным грезам, сынок... Нет таких садов на этой земле... Оии там... Высоко... О иих говорит пророк: верующие же и творящие добро будут поселеиы в садах райских... Сады Эдема откроют перед иими врата свои. Они прилягут там, отдыхая у источииков, и будут требовать себе всякого рода напитков...

— У кого требовать? У слуг? И в раю тоже есть слуги? О боже, иигде иельзя обойтись без слуг...

— Люди должны помогать друг другу, сынок...

— Оя, дайте мне кислого молока и лепешки с каймоком-сливками...

— Вот видишь, ты просишь мать услужить тебе... Аллах прав, Аллах велик. Его надо любить.

— Я люблю айран. Я поехал за дровами. Дайте мне мешок-канар и топор...

...И осел аль Яхшур у нас старый. Мне жаль его. У него ноги дрожат от старости, и шерсть на них повылезла, повыпала, поникла, как осенняя прозрачная трава. Лысые ноги...

Я иду рядом с ослом, а не еду верхом на нем. Жалею ближнего. Пусть даже осла... Жалею его лысые сквозящие дрожащие дряхлые ноги. Скоро и по ним поползут муравьиные дороги — предвестники смерти... И зачем я все время гляжу на них? Не отрываю от них глаз... Ведь вокруг расстилается, ликует ясное чистое осеннее птичье утро, а я гляжу на эти старые ослиные ноги. И глаза у осла текучие, горючие, дремучие, слезные, печальные... И чего мне эти скользящие дрожащие ноги и текучие глаза? Чего?..

Кто имеет слишком чувствительную, слишком добрую, чуткую, уязвимую душу, тот долго не живет. Устает. Растрачивается. Исходит. Или становится добычей сильного и злого...

Так говорит мой отец.

Я вспоминаю его слова и стараюсь забыть об ослиных ногах и глазах. Гляжу в небо. Небо течет, струится. Свежее. Раннее. Осеннее. Опустелое уже. Уже все птицы пролетели. Одинокое небо. Скучное... Холодное небо холодных птиц...

Но!..

Айвовая золотая немая кочующая птица льнет к шершавым золотым душным душистым живым поздним плодам, уже тронутым осенним ночным колким холодом...

Льнет... вьется... бесшумная... жгучая...

Жгучая птица!..

Да!..

МАХМУД ТАЛГАТ-БЕК

...И соколы ловили тех, кого ловили, и упускали тех, кого упускали...

Усама ибн Мункыз

А в ущелье еще стоит, колышется ранний мягкий туман. Малая хрустальная река мягко, дремотно, соиио шумит в камнях. Это ущелье чинар. Сильные вольные деревья стоят посреди реки, среди камией, среди быстрой хлесткой воды. Они еще зелеиые, эти гориые чинары, хотя осень уже и сады равиии пожелтели, облетели, обнажились, опустели...

Там, в садах долинных, рыщут зрелые осенние зайцы-толаи и рыжие алайские лисы... Желтые осеиние зайцы и лисы... А здесь холодная свежая кудрявая тесная зелеиь речных чииар...

Я люблю это ущелье, я знаю здесь каждый камень, каждое дерево, каждого зверя. Я люблю каждый камень, каждое дерево.

Как живых. Они живые. Сокровенные...

И я знаю, что камни и деревья тоже любят меня... Знают, как своего... чуют...

Я хочу после смерти стать камнем или деревом в этом ущелье... Или зверем — но только не хищным... Пусть лучше осенним зайцем, чем лисой...

Это ущелье — моя колыбель, моя гахвара, мой исток, люлька... Здесь, в каменной речушке, ловлю я форелей в ивовую плетеную корзину-мардушку. Гибких жемчужных ханских форелей!..

Мой отец говорит:

— Сынок, будь чистым, как эти родииковые хрустальные форели. Живи среди чистых людей, как форель среди чистых вод...

Но где эти чистые воды, эти чистые форели, эти чистые люди?..

...Старый осел аль Яхшур пьет острую ледниковую родниковую воду из реки.

Молодой Насреддин рубит длинным узким топором засохшие приречные деревья, тополя-туранги, ветлы. Топор лихо, туго мелькает в воздухе. Режет воздух. На-

среддин — ловкий, меткий и быстрый отрок. Долгие капли пота падают с горячего круглого лица в хрустальную реку...

Ах, мое ущелье!.. Родное!.. Зыбкое, утреннее, живое... Хочу быть после смерти твоим камнем, деревом, зверем...

Стоять тут неподвижно, вечно... Дышать, жить, чуять в осеннем терпком душистом ветре!..

Но и чинары высыхают, гибнут, но и камни выветриваются, но и звери издыхают...

Эх, все же лучше быть человеком... Ведь чинара — только чинара, камень — только камень, зверь — только зверь, а человек — и чинара, и камень, и зверь, и многое иное...

Сказано у шейха Руми:

> В мире нет ничего, что было бы вне тебя...
> Все, чего ты взыскуешь, найдешь ты в себе...

Сказано в Священной Книге: все в вас самих, но вы не ведаете!..

Но зачем, зачем тогда люди умирают, уходят?.. Зачем моя мать, моя кроткая тихая бессловесная Ляпак-биби старая?.. Зачем?..

Зачем мой отец, Мустаффа-ата, мой старый беззубый невиновный гончар, глинник, горшечник с седой редкой бородой,— старый?.. Зачем?..

Зачем у аль Яхшура ноги лысые дрожащие сквозящие прозрачные ломкие?.. Зачем?..

Зачем ползут предтечи-предвестники — муравьиные дороги?..

Зачем? зачем? зачем? зачем? зачем? зачем...

Зачем, о боже?..

Наказание несоизмеримо с виной... Да и какая вина?..

Зачем?.. зачем смерть?..

Ай!..

Слепой топор больно бьет Насреддина по ноге, по старым ветхим отцовским каушам.

Слезы текут по лицу Насреддина — на этот раз от боли, но он хохочет, хохочет, прыгает на одной ноге...

— Эй, аль Яхшур, видишь?.. Аллах тут же наказал меня топором, как только я задумался о вечности, о бессмертии... Такие разговоры могут вести только богатые

люди, а беднякам не до вечности... Бедняков пожирает время!.. Как паук мух... Я на миг задумался о вечности и едва не лишился тленной ноги! Ха-ха!.. Пришлось бы мне, как святому дервишу, каландару Девонаи Бурху, сорок лет стоять на одной ноге в знак протеста против того, что Аллах создал ад!.. И за это сами же грешники побили его камнями!.. Так что не всегда надо заступаться за грешников... Пусть спокойно шествуют в ад. Не надо мешать им. Не надо вообще никому мешать... Особенно там, в небесах... Но иногда призрачный ад нисходит, опускается с небес на землю и становится земной, живой явью... Что тогда делать?.. Только гордо стоять на одной ноге в знак протеста?..

Боль развязывает языки. А мудрец немногословен, ибо сказано, что «...говорящий не знает, а знающий не говорит...».

Насреддин замолк, снял с ноги разрубленный, разрушенный башмак, спасший ему ногу, и бросил его в реку.

Башмак быстро поплыл по туманной реке и пропал за поворотом.

И тут Насреддин услышал глухой близкий яростный пьяный крик:

— Айя! Айя! Айя!..

Так остро, слепо, сонно, косо кричат бродячие хорезмские дервиши-суфии, накурившиеся анаши-банга, во время своих плясок-радений — зикров:

— Дуст!.. Хак!.. Ху!..

С одним башмаком на ноге Насреддин бросился бежать на крик по нежному девственному нетронутому приречному песку, оставляя на нем странные, вперемежку следы башмака и босой ступни...

Кто так густо и яростно кричит в раннем туманном ущелье?.. В голосе слышится страх, мольба о помощи:

— Эй, люди, помогите!.. Умираю!.. Дух-албасты убивает, уморяет меня!.. Айя!.. Помогите!.. Люди!..

Насреддин выбегает на приречную узкую песчаную поляну-косу и видит седобородого старика в расшитом легким летучим хоросанским серебром охотничьем корот-

ком чекмене, перехваченном шнрокнм красным поясом-миенбандом. На ногах у старнка высокие «сасанидские» охотничьн сапоги. Старнк кричит, крутится, прыгает на одной ноге по приречным влажным, скользким камням, как горный резвый, хмельной козел...

Насреддин сразу узнает ее — индийскую царскую кобру. Она гибко, туго обвнла ногу старнка, и священная раздутая ее пышная голова колышется, качается от бега, от стариковских бешеных слепых прыжков...

Обычно кобра нападает сразу... Зачем ей было обвивать, окружать ногу старнка? Внснуть на ней... Странно!..

Но царская змеиная голова гибко и зрело качается, ходнт, блуждает, витает где-то около лица старнка, и он старается увернуться, уйтн от меткого смертного змеиного зуба.

— Айя! Айя! Людн! Умнраю!.. Дух-албасты убнвает, уморяет, удушает меня!.. Помогите!.. Ай!.. Дух пожнрает меня!..

Насреддин догоняет вопящего смертного старика.

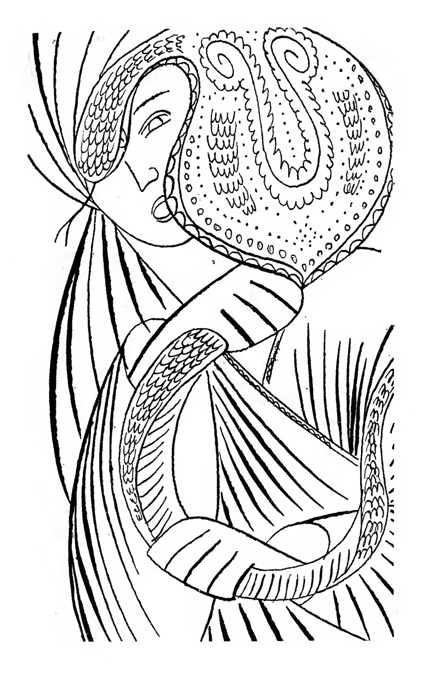
— Шшшшш!.. Змея... родная моя!.. Ну!.. Глядн на меня!.. Узнаешь?.. Я Насредднн!.. Ну!.. Идн сюда! — Насредднн мгновенно н ловко машет, водит рукой перед змеиной головой. Маннт ее. Отвлекает от старнка померкшего. Голова кобры теперь уже маячнт, вьется, носится около его лица. Молнненосная голова. Голова смерти... Вот она... Жаркая... Слепая!..

Но рука Насредднна быстрее... Вот она цепко н жестко хватает, перехватывает кобру около самой головы... Потом обе руки Насредднна обнимают, сжнмают змею у основання головы... Душно змее... Голова ее засыпает... Вянет... Раздутая, пышная, вольная, налнтая, опадает она... Ее тугая шелестящая кожа шершавая, как у той ночной золотой айвы...

Насредднн распутывает, освобождает ногу старнка... Долго... Змея бьет его хвостом по лнцу... Вьется!.. Тугая. Хлесткая. Ярая. Крутая. Спелая...

Но голова томнтельно, погнбельно, блаженно засыпает в снльных руках Насреддина...

Насредднн оттаскнвает змею от старнка.



— Не бойтесь, домулло... Видимо, она приняла вас за сук дерева... Иначе бы она просто укусила, познала вас...

— Да, я уже стар... Я похож на высохший сук... Теперь убей ее! Удуши!..— хрипит старик.— Она дух-албасты! Она давно охотится за мной...

— Нет, домулло... Албасты — это карлица с золотыми волосами... Она живет в пустынных городах, засыпанных, объятых сонными песками... В заброшенных кибитках и мазарах... А это кобра... Простая змея... Царская!.. Я люблю ее... Она добрая!..

— Убей ее! Я приказываю! Я повелеваю!

— Нельзя!

— Почему?

— Ведь это мы пришли в ее жилище — и мы же хотим ее убить. Разве это справедливо?.. Если бы она заползла в наш дом — тогда мы должны были ее убить, но здесь ее дом, ее ущелье. А мы пришельцы... Мы ее гости... Разве гость должен убивать хозяина?..

Насреддин отбежал в сторону, положил змею на песок и отошел. Кобра стала оживать... Голова стала шевелиться, восставать, возноситься... Потом змея бесшумно канула, пропала в камнях. Ушла... Легкий летучий нежный прекрасный след остался на песке...

— Ты неглупый отрок. Откуда ты? Кто? Как оказался в моих владениях?

— Я Насреддин из кишлака Старая Чинара, сын гончара Мустаффы-ата...

— А меня ты узнал?..

Конечно, я сразу узнал его, Махмуда Талгат-бека. Ему принадлежит половина нашей области-вилайята... И это ущелье, моя гахвара, моя колыбель, моя люлька... И форели тоже принадлежат ему... И кобра... И чинары... А у меня только старый осел аль Яхшур... Почему?..

— Когда вы бежали и кричали, я не узнал вас, домулло... Но теперь я вижу, что это вы, достопочтенный наш Талгат-бек...

— У тебя злой язык... Как зуб кобры... Ты спас меня от кобры, а теперь кусаешь сам?.. Но я прощаю тебя.

Ты уберег меня от смерти, от албасты.... Мы загнали в тугаи туранского тигра, но он переплыл реку, как рыба, и ушел в комариные камыши, а я заблудился, и моя охота рыщет, ищет меня... Слышишь лай собак и треск барабанов?..

И тут я услышал частый глухой тревожный бой охотничьих барабанов и лай низких степных волчьих собак, а потом из кустов джиды выехала на локайских сметливых, не знающих усталости, злых, хищных лошадях бекская тигровая охота во главе со свирепым атабеком Кара-Бутоном... Лисьи желтые роящиеся глаза атабека скользнули по мне... Точно две монгольские соколиные стрелы просвистели... Певучие... Зябкие!..

Сказано у Усамы ибн Мункыза: и соколы ловили тех, кого ловили, и упускали тех, кого упускали...

И упустили меня глаза Кара-Бутона... Пока...

И охота была неудачной, напрасной. Барабаны напрасно били, будили ущелье невинное раннее нетронутое...

И кони локайские напрасно скакали, искали, чуяли, пеной гонной исходили, истекали...

И собаки степные низкие волчьи напрасно ноздрями рылись, стлались, витали...

И смертельное копье-батик в руке Кара-Бутона напрасно пролежало, взывало, ожидало...

И не летало, не летало, не летало!..

Не впадало в тварь, во зверя отходящего, кровоточащего!.. И не впадало!.. И... напрасное!

А тигр, тигр ушел, уплыл по реке рыбой в камыши благодатные!.. В хранящие!.. Ушел, ушел рыбой!..

Слава Аллаху!..

И Насреддин улыбался...

Тогда Талгак-бек увидел эту улыбку и понял ее, и сказал, закричал:

— Охота неудачная, некровавая!.. Я буду менять коней локайских на густых знойных хафаджийских скакунов пустынь! На каракширских терпких коней, поедаю-

щнх мясо и нападающнх на волков!.. Я буду менять степных глухих псов на пастушьих чутких волкодавов!.. Я буду менять хорезмскне глухие барабаны на оглушающие турецкие!.. Я буду тебя гнать, менять! Тебя, атабек Кара-Бутон!.. Айе! Айе!.. И тнгр ушел рыбой по воде, по реке... От · всех вас!.. Айе!.. Я люблю кровь!.. Кровь!.. А где она?.. Ушла в камышн?.. Да?! Ушла!..

Талгат-бек сел на приречный валун.

У старнка пена шла изо рта, как у локайского затравленного коня. И глаза стали белыми, как майскне млечные облака...

— Я люблю, люблю, люблю ярую молодую крутую кровь!.. А она ушла, ушла, ушла в камыши!.. Айе! Во всем виноват дух-албасты!.. Он везде подстерегает меня.. Мне мало осталось жить, дышать... Как говорил древний китаец: «Прншло время разрыва струн лютни!» Да!.. И кожа охотничьих барабанов стара и дрябла, как моя кожа!.. И она провисла... Да!.. И потому я хочу чужой молодой кровн!.. А она ушла в камышн!.. Зачем?.. Ушла?.. Кровь?.. В камыши?..

— Старцы жаждут молодой крови, точно она может согреть нх осеннюю желтую лисью вялую кровь... И курнцы квохчут н машут низкими крыльями, облепленнымн, охваченнымн утлым цепким пометом, когда чуют весеннх высокнх перелетных птиц... Почтенный бек, помните, у гератского мудреца, шейха Унсури, сказано: я жил — и вдруг ангел Азраил ударил в барабан переселенья, а я не сварил запасов, и дела не сделаны... Добрые дела не сделаны... А еще не поздно... Зачем спешнть на двух лошадях в город зла?.. Еще не поздно... Еще н на смертном одре можно сотворить добро... Еще до ваших погребальных носнлок-табут есть время... Неужели вы хотите, почтенный Махмуд Талгат-бек, из рода мангытов, чтобы единственным благом для окружающих была только ваша смерть?..

Шалые, смелые глаза Насреддина невннно и ясно глядят на старого бека, охотника...

— Как ты смеешь так говорить с нашим солнцеподобным повелителем? Ты, сын дряхлого землистого нищего горшечника? — закрнчал с коня атабек Кара-Бутон, и постылое напрасное охотничье копье-батнк ожнло в

его руках.— Может, кровь этого дерзкого, языкастого отрока заменит нам кровь тигра?.. Уж она-то не уйдет от нас в комариные камыши!..

— О светоч охоты, неумолимый соколоподобный атабек Кара-Бутон, еще проще вам добыть ослиную кровь!.. Вот мой осел аль Яхшур! Он не убежит, не уйдет рыбой. Он стар. Бросайте в него ваше разгиеваиное, справедлнвое неумолимое копье!.. Только не промахнитесь, а то он пустит горькие ветхие ветры в вашу сторону,— улыбнулся Насреддин.

— Оставь его, Кара-Бутон. Он спас мне жизнь. Снял с моей ноги, уже похолодевшей, уже шагнувшей в ад, смертельного духа-албасты. Он поедет со мной в мою крепость. Я хочу отблагодарить его... И слова его мне нравятся... В каждой стране должен быть хоть один человек, говорящий правду... Иначе правителям будет скучно... Но не больше одного!.. Поедем со мной, Насреддин, сын горшечника!..

— Мне надо привезти домой дрова. Отец и мать сидят без огня. Они старые...

— Дрова привезет Кара-Бутон. В наказание за упущенного тигра! Атабек без добычи пусть поведет в знак позора осла с дровами по кишлаку! Ха-ха!.. Поедем в мою крепость, Насреддин!.. Айе!.. Но кровь, кровь ушла!.. А была близка... Желанная!.. И бежала!.. Ушла!..

— Не ушла! — прошептал Кара-Бутон, и вновь желтые лисьи роящиеся его гибельные глаза пошли, скользнули по лицу Насреддина, и вновь две монгольские немые дальние кочевые стрелы просвистели у висков Насреддина... Пока просвистели... Канули в осеннее зыбкое хладное небо... Пока...

Но Насреддин улыбался. Молодой. Вольный. Худой. Долгий, сутулый, потому что с детства привык он работать топором и кетменем... Он подошел к своему ослу и обнял его за теплую обвислую шею.

— Аль Яхшур, пойдем!.. Нас пригласили во дворец... В бекскую крепость Офтоб-кала... Оказали большую честь! Пойдем, мой друг с облысевшими ногами... Пойдем к беку, хотя больше всего на свете надо бояться милости и любви правителя... Пойдем, друг...

ГАРЕМ

...Учись, внимай, о отрок, пока полна
соком твоя ветвь.
И пока податлива твоя
глина — принимай отпечаток мира...

Санаи

Сказано древним японским поэтом: провел я как-то ночь в опочивальне князя... И все равно продрог!..

Ночь уже... Осенняя... Хладная... Тревожная... Волчья ночь!.. Ай!.. В такую ночь волки скользят, таятся, тянутся, неслышно впадают в спящие отары... Упиваются... Хладные роются, роятся в тесных горячих пахучих отарах, отарах...

А в бекской крепости Офтоб-кала огни горят. За высокими глиняными глухими стенами стоит, прячется, таится бекский дворец... Резные деревянные колонны террас... Тяжелые грушевые двери с арабскими письменами... Исфаганские, ферганские, текинские, китайские ковры устилают, удушают стены и полы огромных комнат... горят в дамасских бронзовых подсвечниках душистые рангунские свечи... курятся зыбкие пахучие индийские смолы-благовония из мальтийских серебряных кадильниц... Сладкий темный медовый дым витает, обволакивает, одурманивает...
Текут, стелются тяжкие сонные ароматы, дурманы...

Уже давно сидят за дастарханом Талгак-бек и Насреддин... Уже они прилегли от многих сильных обильных хитроумных яств на узорчатые, шитые индийским тонким золотом подушки... Уже они устали от бесед... Уже сон овеял их... Уже придворные музыканты, певцы-хафизы оглохли от музыки и пения, но играют и поют, но их голоса меркнут, гаснут, теряются, тонут в ночных тяжких дремотных сонных коврах... Разбредаются... разваливаются... голоса... Ароматы, дурманы курящихся благовонных сонных смол ползут, уморяют, побеждают... Уже танцовщицы, уже ивовые плясуньи в арабских волнистых прозрачных, как родники гор, шароварах гибко и льстиво вьются у дастархана, и глаза их слепнут от сна и желания, а ровные тугие ноги их вязнут в теплой шершавой

мякоти ковров... А благодатные вольные груди их и ягодицы тяжелеют, резче обозначаются в усталых шелках, шелках, шелках... Уже!..

Уже, уже ночь!..

Уже, уже сон!..

Уже, уже туй-пир уходит в сонные глубокие ковры, как вешний ярый алмазный живой ливень уходит в приречный песок...

И натекают, наползают ароматы, дурманы дымные медовые блаженные!.. Да.

Уже!..

Уже храпит Талгат-бек...

Уже жизнь его ушла в подушки и ковры...

Но!..

Насреддин не спит! не дремлет! он следит, как ложится, падает на смутный туманный ковер, смиряется, засыпает, утихает последняя плясунья... Как осенняя недужная бабочка напоследок трепещет шелковыми крыльями-шароварами в холодных, опустелых, покрытых цепким жемчужным инеем полях, полях, полях...

Ах, ты моя бабочка!.. Вот ты и оттрепетала, уснула, опала сквозящими оцепенелыми крыльями на осеннем ковре-поле!.. Опала, увяла, уснула... Ушла в смолистые зыбкие дурманы...

Тогда я тихо поднимаюсь с ковра, и дымный сладкий медленный туман остается внизу, у моих ног, и я осторожно иду средь спящих, словно среди мертвых... Среди погрязших в страстях!.. А сказано у шейха Руми: не поддавайтесь своим страстям... Ибо тогда кони пожрут своих седоков!..

Мне кажется, что я шепчу, лишь шепчу эти слова давно ушедшего, усопшего мудреца, но я говорю их громко, потому что во мне тоже говорит ночной долгий стойкий хмель, и я шествую средь смертно спящих, и неожиданно Талгат-бек просыпается... То ли от моих слов, то ли оттого, что большой палец босой моей ноги задевает в мареве смол чей-то брошенный на ковер дутар и спящая струна резко отвечает, отзывается, звенит в ковровой тишине дворца...

Ах, моя босая нога, погрязшая в низком тумане наслаждений!.. Пьяная, неверная, слепая босая нога!..

— Я слышу твои слова, отрок Насреддин,— говорит Талгат-бек глухо.— Но сказано пророком: Аллаху принадлежит одна сторона, которой я не погублю, другая принадлежит забавам и празднествам... И еще: дайте отдых вашим сердцам, и оии сохранят память об Аллахе!..

— Но за стенами вашей крепости волчья иищая ночь... Нищий эмират, иищая земля, иищие кишлаки, иищие поля, а вы тонете, спите, бродите в пьяных коврах...

— А ты святой?.. Дервиш-суфий?.. Может, ты хорезмский святой Султан Ваис, который потребовал у Аллаха отдать ему души всех грешников на исправление? Ха-ха!.. Может, тебе подарить дервишскую шапку-кулох, посох и сосуд-кашкюль для сбора подаянья?.. Ха-ха!.. Может, ты святой?.. Может, ты еще и не входил к женщине?.. Может, тебе еще айвовые сны снятся?..

— Да,— опустил голову Насреддин.— Еще не входил... Еще снятся... айвовые сиы...

— Что?! — сразу отрезвел Талгат-бек.— Так ты девственник?! Айе!.. Неужели есть такие в моем бекстве?! Айе!.. Пойдем, мой каракулевый турткульский молочный слепой травяной барашек, с которого еще не содрали нежную свежую первую шкурку!.. Ха-ха!.. Пойдем!..

— Куда?

— В мой гарем!.. Мне он уже не нужен... Мои былые ночи — такие сладкие, быстрые, спелые ночи лобзаний, содроганий, соединений сменились длинными ночами размышлений!.. Да!.. Краткие ночи соединений, касаний, прикосновений сменились длинными ночами размышлений... Пойдем!..

Я не хочу в гарем, в чужой гарем... Не хочу, не хочу, я хочу домой к своим старым родителям — я знаю, они не спят, они ждут меня, моя старая оя Ляпак-биби и Мустаффа-ата... Глядят в сырую осеннюю иочь старыми слезящимися глазами... Ждут.. Оя завернула в одеяло косу-пиалу с машевой чечевичной кашей, чтобы не остыла... Я хочу домой... Спать хочу... Зачем мне чужой гарем?.. Бекский гарем... Зачем?..

Но Махмуд Талгат-бек тащит меня по бесконечным спящим темным коридорам, комнатам, айванам... У него рука сильная, цепкая, щедрая... Паучья, меткая тугая рука...

— Идем, сынок... Идем, Насреддин!.. Я оставлю тебя в гареме на всю ночь, и ты сразу пройдешь всю науку любви!.. За одну ночь!.. Сейчас гаремные евнухи — старухи помоют тебя в бане и переоденут тебя в ласковый ночной фазаний чапан любви!.. В мой любимый чапан! А теперь я ношу темный чапан старости... Эх, фазаний чапан!..

— Старухи?! В бане?! Зачем?.. Зачем мне фазаний чапан?..

— Разве ты не знаешь, что фазаны соединяются только ночью?.. Только!.. Как и дикобразы!..

— Я хочу домой... Я хочу спать... Я хочу соединиться со своими родными!.. Я не фазан и не дикобраз... Отпустите меня домой, домулло!..

— Иди, иди... Смелее!.. Утром ты будешь благодарить меня... Иди, фазан! Иначе я прикажу избить тебя палками до смерти!.. Иди!.. Айе!..

И я иду. И мне интересно. И страшно. Что ждет меня в гареме?.. Что?.. Айе!.. Иду.

...И вот уже две немые банные беззубые старухи обливают меня, нагого, худого, теплой душистой обильной мускусной водой из больших глиняных хумов-кувшинов...

Стены бекской бани выложены лазурными самаркандскими изразцами...

Я лежу, томлюсь, вьюсь, как пойманная распластанная рыба, на мраморной мокрой, скользкой скамье, расписанной павлиньим меккским орнаментом и диковинными заморскими цветами и райскими гуриями...

Лежу... Вода, обильная, ласковая, струится...

Старухи властно и умело мнут, будоражат, растирают, теребят мое голое костлявое первое раннее тело отрока...

Я прижимаюсь лицом к мраморной гурии...

Я замираю, засыпаю, мне кажется, что я бегу, тону в полуденных, лестных, ластящихся, мятных, мяклых, солнечных, рисовых полях...

Я опускаюсь в теплую солнечную комариную рисовую воду... Эти поля начинаются прямо у моей кибитки-мазанки, и я часто ухожу, зарываюсь в их зеленую рыхлую, нагретую солнцем воду, воду, воду...

...И тут я слышу сквозь скользкий плеск воды какой-то тонкий, шершавый, как айвовый плод, шелестящий звук.

Я открываю глаза: склонившись над мраморной скамьей, хищно вьются надо мной, как вороны над падалью, две старухи. Айе!.. В руках у них долгие узкие сверкающие дамасские бритвы, и они ловко, неслышно снимают с моего мокрого тела волосы. Вначале под мышками, потом у основания живота... Я становлюсь нагим и гладким, как куриное яйцо...

— Айе!.. Эй, старухи, не заденьте, не повредите меня!.. Срезайте ветви, но не заденьте ствола!.. Я не хочу быть евнухом!.. — кричу я, стараясь не дышать и не двигаться, чтобы чуткие бритвы не впились, не вошли, не нарушили меня...

И тут в струях банной мускусной воды ко мне льнет, придвигается старушечье степное, похожее на древнюю истертую могильную плиту лицо, и беззубый рот шамкает, шепчет, улыбается:

— Сынок!.. Отрок!.. А почему бы тебе не стать евнухом?.. И не будет у тебя в жизни никаких тягот и забот!.. Раис Абу Али ибн Сина считал любовь болезнью наряду с бессонницей, манией и водобоязнью!.. Зачем тебе маяться, болеть?.. А по тебе видно, что ты будешь подвержен этому недугу!..

— Нет! — кричу я. — Я хочу болеть этой болезнью!.. Всю жизнь!.. Хочу! Хочу! Хочу!.. И уберите ваши бритвы!.. Эй, скорей!..

— Ослиный плод к ослиной жизни приведет! — вздыхает старуха, с сожалением глядя на мое тело...

— Хочу, хочу, хочу, хочу болеть этой болезнью!.. Неизлечимой! — вскакиваю я с мраморной мокрой скамьи, ускользая от певучих шелестящих смертных бритв...

Тогда старухи заворачивают, запихивают меня в тонкое гибкое занданийское одеяло и расчесывают мои волосы ореховым гиссарским гребнем, и втирают в юную мою податливую кожу гиждуванское пахучее розовое масло...

Я опять засыпаю, сплю, забываюсь в рисовой солнечной рыхлой воде, воде, воде...

Айвовая, золотая, немая, кочующая птнца льнет к шершавым, золотым, душным, душистым, поздним айвовым плодам, плодам, плодам... Задевает их... Роняет...

Сонная птнца льнет к сонным напоенным плодам!.. Льнет. Вьется. Бесшумная золотая айвовая птица... Ночная... Жгучая!.. Жгучая птнца!..

Две старухн с узкими полыхающимн дамасскнмн брнтвамн в руках бегут ко мне по моему родному, тнхому, нетронутому, сокровенному рисовому нзумрудному полю...

Айе!.. Я просыпаюсь!..

Махмуд Талгат-бек н Насреддин ступают по тихим таящнмся вкрадчнвым покоям гарема.

Останавлнваются у первой резной внщневой дверн...

Насреддин в ярком цветастом фазаньем чапане—ночном чапане любвн...

— ...Фазаны соедняются только ночью!.. Святые птнцы!.. Только ночью!..— звучнт в одуревшей голове Насреддина...

Талгат-бек бесшумно отворяет вишневую дверь.

— Сынок, идн. Это первая, рубнновая комната уединенья... Айе!.. Шайднлла!..

Там, в рубиновой комнате, рубнновые ковры... рубиновые светнльники... рубиновые одеяла... рубиновая деревянная бухарская кровать под рубнновым балдахином...

В рубнновых атласных шелестящих одеялах лежнт, тонет, храннтся, покоится дитя, девочка, девушка, женщнна с вьющимися рубиновымн от персидской едкой хны и басмы волосамн... Она спнт. Дыхание теплое тлеет, веет, струится, вьется, льется в рубиновых дремучих атласах...

Насреддин глядит на нее...

Чья она?.. Где ее мать и отец?.. Может, тоже ждут ее, завернув в одеяло косу-пиалу с машевой чечевичной кашей и вглядываясь в осеннюю безответную волчью нищую ночь?..

— Разбудн ее! — хрнпит Талгат-бек н толкает Насреддина в бок тупым кулаком.— Разбуди ее, а она разбудит тебя!.. Ха-ха!..

— Нет. Я не люблю рубин. Цвет крови... Когда при мне режут барана и я вижу его кровь, я никогда не ем его мяса... Или у вас только одна комната уединенья в гареме, мой повелитель? — улыбнулся Насреддин, запахивая на худом пустынном своем теле огромный фазаний нелепый чапан...

— Ха-ха!.. Гарем из одной комнаты — то же, что войско из одного сарбаза-солдата! Пойдем в изумрудную комнату!..

...И не поддавайтесь своим страстям... Ибо тогда кони пожрут своих седоков... Кони-страсти пожрут своих седоков...

Пожрут!.. Пожрут?..

А за стенами крепости Офтоб-кала ночь поздняя сырая осенняя...

...В такую ночь волки скользят, таятся, тянутся, неслышно впадают в спящие теплые пахучие отары... Льнут к гиссарским послушным избыточным овечьим курдюкам... Льнут... Упиваются... Хмельные пьяные оглохшие волки!.. Их можно хватать за хвосты — они не слышат... Они чуют только кровь, баранью покорную тугую кровь... Слепые!.. А сказано у шейха Саади: волк смерти по одному уносит нас из стада... А сказано...

Две старухи с дамасскими полыхающими бритвами в руках бегут ко мне по моему родному мягкому рисовому изумрудному полю... Бегут, бегут, вязнут в рыхлой солнечной воде...

В изумрудной комнате изумрудные травяные ковры, паласы... изумрудные нежные багдадские светильники... изумрудные балхские атласные одеяла и подушки... изумрудная деревянная грушевая кровать под изумрудным балдахином...

Лежит женщина в изумрудных луговых одеялах... девушка, девочка, дитя... И сон ее — неверный, хрупкий, ломкий, и она разметалась, раскидалась, распалась на одеялах, и голова ее с зелеными, крашенными индийской мятой волосами свешивается с кровати и почти касается пола... Как голова у курицы, которую тащат с базара за связанные ноги...

А волнистая зелень одеял так похожа, так напоминает мне юную терпкую водяную зелень моих рисовых полей, полей, полей...

— Подними ее голову... Не буди ее... Уйди в нее... В спящую... Как волк в ночное спящее стадо!.. Ее зовут Зумрад... Изумруд!.. Она похожа на майскую прозрачную мягкую приречную траву... Уйди в траву... Ложись на вешнюю ласковую траву... Насреддин! Иди, волк! Иди — ягненок ждет тебя!.. Айе!.. Снимай фазаний халат! — шепчет, задыхаясь, Талгат-бек. Он устал от вина, от бессонной ночи, от старости, от воспоминаний молодых... От жизни устал...

Хрипит, задыхается, мается...

Но он хочет помочь мне...

— Иди, волк... Иди — ягненок ждет тебя!..

— Нет, муаллим, нет, учитель... Наслаждение, которое испытывает волк, поедая барана, ничто по сравнению с наслаждением, которое испытывает баран, поедая траву...

— Ты боишься, отрок? Иль тебе не нравится Зумрад?

— Разве у вас в гареме всего две комнаты? — стараюсь я еще раз перехитрить его, но он уже понимает это.

— Айе!.. У меня есть еще Алмас в алмазной комнате!.. Заррина — в золотой!.. И много других, но ты хитришь, отрок в фазаньем халате... Айе!.. Я понял!.. Ты же девственник!.. Ты боишься!.. Ха-ха!.. Я покажу тебе это!.. Сосунок, барашек, птенец!.. Ха-ха!.. Гляди!.. Айе!.. Я волк!.. Гляди — я снимаю унылый постылый чапан старости, я остаюсь в одной белой шелковой вольной сасанидской рубахе, я пью гранатовый шербет из кувшина... Гляди, Насреддин!.. Учись, внимай, о отрок, пока полна соком твоя ветвь! И пока податлива твоя глина — принимай отпечаток мира!..

— Но не отпечаток гаремных одеял, учитель!.. Да и любить в гареме — то же, что стрелять в кекликов-куропаток, запертых, томящихся в клетке. Невесело!.. Да и какая охота? — говорю я тихо, но он уже не слышит меня.

Он пьет гранатовый шербет.

Он старый... У него борода снежная, жемчужная, как сасанидская рубаха...

...И кони-страсти пожрут своих седоков... Пожрут?..
Махмуд Талгат-бек, зачем, зачем вы сняли тихий чапан старости?.. Зачем лицо ваше от прилива вялой, застойной крови сразу стало темным, а потом рубиновым, как в той, рубиновой комнате?.. И стало рубиновым лицо и тело ваше в изумрудной травяной луговой комнате... Айе!.. Зачем?..

— Подождите, муаллим!.. Не надо!.. Зачем?..

...Дряхлый, слепой, с рыхлыми палыми сыпучими желтыми клыками бродит стылый волк средь ярых, молодых текучих отар, отар, отар... тычется глухой мордой в сильные крутые блаженные нетронутые овечьи курдюки...

Айе!.. Зачем?..

Зачем гранатовый обильный шербет течет, струится, вьется, ползет, бежит по вашей вольной снежной сасанидской рубахе?.. По жемчужной, перламутровой бороде?..

Зачем кувшин-кумган неслышно падает из ваших рубиновых онемевших пустынных палых рук в изумрудные травяные луговые ковры, ковры, ковры...

Зачем кумган падает, а гранатовый шербет все течет и течет по рубахе, по бороде... Обильный, необъятный шербет...

Муаллим!.. Да это не шербет... Это кровь. Изо рта. Из вашего, муаллим...

Тогда вы мокро хрипите...

Тогда вы хрипите...

— Сынок!.. Насреддин! Я покажу тебе это!.. Девственник!.. Ягненок! Птенец! Сосунок! Ха-ха! Я успею!..

— Нет. Не успеете... Зачем, муаллим?..

Айе!.. Зачем?..

Зачем вы падаете, не дойдя до изумрудной кровати?..

Падаете навек...

Рубаха сасанидская вольная летучая снежная жемчужная стала рубиновой живой мокрой...

Текучая тяжкая рубаха...

Махмуд Талгат-бек, вы в текучей живой рубиновой гранатовой мокрой липкой рубахе.

Зачем, муаллим?..

Зачем вы сменили тихий темный халат старости иа эту струящуюся последнюю посмертиую рубаху?..

Зачем?..

...И кони-страсти пожрут своих всадников!..

И пожрали...

СУХЕЙЛЬ!

...Когда ты увидишь ее, и она заговорит, скажет слово, и ты услышишь ее, тогда...
...Осел убежал и веревку унес...

Из «Кабус-намэ»

Айе!..

Я склоияюсь над Махмудом Талгат-беком, я подимаю с глухого ковра его тяжелую вялую голову, я растираю ему мягкие, податливые, покорные, рыхлые виски, но голова его валится, тянется из моих рук на ковер...

Она мертвая. Тяжкая. Безответная... Дальняя... Смеркается она... Меркнет... Как та голова кобры...

Айе!.. А я все тру, мну, мучу мертвые виски Талгатбека, а я все поднимаю его налитую хмельную голову с последнего ковра...

— Муаллим!.. Не надо!.. Зачем, муаллим?..

Но палый плод уже не вернуть на осеннюю, хладную, скользкую, свободную ветвь...

Тогда я осторожно, нежно опускаю голову Талгат-бека на ковер, подложив под нее круглую кунгратскую атласную подушку. Точно ему нужна эта подушка. Не нужна уже. Ничего уже не нужно Махмуду Талгатбеку!.. Уже!..

Тогда я бегу, бегу по сонным, темным, пахнущим душистыми мятными дымными благовониями покоям гарема... Бегу... Бегу в фазаньем обширном гаремном чапане... Путаюсь в нем, кутаюсь, блуждаю, падаю, встаю, бегу... Я не могу снять, содрать, сорвать с себя нелепый этот чапан, потому что я совсем голый, как это и должио быть в гареме...

Я бегу!..

Айе!.. Бегу нетронутый из гарема!..

Потом открываю железную витую тяжелую, какую-то росистую, скользкую дверь и выбегаю в сад!..

Блаженный!.. В ночные мои одуревшие, очумевшие телячьи ноздри ударяет прелый пряный родной слезный запах осенних палых вялых листьев, листьев, листьев... Течет, струится, поднимается в ноздри чистый зрелый хладный дух осени... В душу течет!.. После темных дурных бредовых ароматов, смол и благовоний!.. Как хорошо!.. Хладно!.. Чисто!.. Родниковый дух!.. Точно лицо в родник горный, ледниковый опустил, окунул, омочил...

Я бегу, тону в садовых палых листьях! Бегу! Дышу. Просыпаюсь...

А в саду уже раннее чуткое утро.

Уже утренние сизые туманы блуждают, ходят среди смутных холодных деревьев... Сырые туманы... Топкие... Но что-то золотится в этих зябких ранних туманах... Что-то сонно, зыбко золотится в туманах, в туманах... Что?.. Я бегу, но в туманах что-то золотится, золотится, золотится... Словно живое! Телесное! Золотится!.. Тлеет!.. Словно головки девичьи в шитых золотом ковровых кокандских тюбетейках в текучих густых щедрых туманах мелькают, таятся, плывут, колышутся... Словно золотые поздние осенние янгиюльские подсолнухи в туманах летают, витают, зрелые, полные... Неясные... Зыбкие... Золотые...

Тогда я останавливаюсь. Тогда я замираю в туманных деревьях. Тогда я замираю... Тогда набегает ранний сырой садовый ветерок и сизые туманы отлетают, отходят, разваливаются, разбредаются...

Айвовый золотой осенний сад стоит вокруг меня. Избыточный. Тяжелый. Холодный... Живой... Листья деревьев уже все упали на садовую траву... Засыпали, заглушили, забили ее... А золотые душные шершавые айвовые плоды чистым живым телесным золотом свешиваются с холодных, дымчатых от инея ветвей... Свешиваются тысячи золотых шаров... Шершавых, душных... А листьев на деревьях нет... Опали, осенние... А плоды не собраны, не сорваны, не взяты... Нагие плоды на нагих деревьях, на деревьях без листьев... Не собранные, не сорванные, не взятые...

Я знаю, что некоторые люди оставляют плоды на ветвях до самых первых декабрьских снегов... И висят, томятся, золотятся нагие айвы в первых жемчужных прозрачных снегах... Золотые живые плоды на снежных деревьях!.. Айе!.. Да!.. Но я не ел золотые душные шершавые плоды со снежных ветвей... Это богатые люди оставляют плоды дозревать, доживать, наливаться до зимних снежных ветвей. Бедняки поедают свои плоды еще совсем зелеными... кислыми... Да.

Но сад золотых нагих айвовых плодов тяжело качается вокруг меня от раннего утреннего ветра...

— Что вы делаете утром в нашем саду, ака?..

Айе!.. Что это? Что это?.. Чей это голос?.. Или чудится? Или снится...

Ай, неужели...

Или это золотая, напоенная, переполненная золотой терпкой, рассыпчатой мякотью айва сорвалась с согбенной, усталой ветки?.. Сорвалась?.. Чудится?.. Снится?.. Мнится?.. Айе!..

Насреддин замер под деревьями... Чуткий, как зверь, учуявший опасность. Иного зверя... Замер... Стоит... Ждет в своем нелепом обильном фазаньем гаремном чапане... Худой, длинный, сутулый... Смешной!..

Стоит, оглядывается... Никого нет вокруг!.. Только золотой налитой перезрелый поздний нагой безлиственный сад стоит, мается от сырого ветра... Уже туманы уходят, редеют, слабеют...

— Кто вы, ака?.. Почему вы в чапане моего отца?..

Айе!.. Голос!.. Родниковый хрустальный девичий голос. Голос моей малой ледниковой реки, речки из ущелья чинар... Голос... Голосок... Птичий, летучий, веющий... Голос — лепесток дикой горной вешней алычи... Летит...

Где он?.. Где?..

Я осматриваюсь, но нет никого вокруг на туманной земле... на палой мягкой терпкой лежалой листве... за стволами золотых деревьев... Нет никого...

— Ака!.. Что вы крутите, вертите головой, как привязанный теленок?..

Тогда я поднимаю глаза... задираю голову... Вначале я вижу узорчатые йеменские красные сафьяновые ичиги... Потом белый жемчужный парчовый узкий уйгурский долгий чекмень-халат... Потом два глаза... две бухарские дымчатые темные живые огромные сливы, сливы, сливы...

Две живые сливы в айвовых плодах!.. Да!..

Там в холодных осенних ветвях, в золотых нагих айвовых плодах сидит девочка, девушка... Она сидит в ветвях, в плодах... Айе!.. Ай, ты зеленый вешний плод в поздних золотых перезрелых плодах!..

Айвовая, золотая, немая, кочующая птица льнет к шершавым, золотым, душным, душистым, поздним айвовым плодам, плодам, плодам... Задевает их... Роняет... Сонная птица льнет к сонным напоенным плодам!.. Льнет. Вьется. Бесшумная птица айвовая, золотая в золотых плодах, плодах, плодах...

Жгучая!..

— Как тебя зовут, Зеленый Вешний Плод на осеннем дереве?..

— Сухейль!..

...Сухейль... Южная звезда... Звезда дальних пустынь, где бродят одногорбые африканские верблюды — дромадеры!.. Звезда пустынных пустынь!.. Счастливая йеменская звезда!.. Сухейль! Сухейль!.. Самум!.. Суховей!.. Суховей!.. Наша кибитка-мазанка стоит на окраине кишлака у самых текучих кочующих набегающих каракумских песков, и когда из пустыни идет самум, суховей, нашу кибитку и наш убогий маленький хавли — дворик, и наше изумрудное малое рисовое поле засыпают, забирают летучие богатые темные пески... Идет набег ночных, слепых, немых, тучных песков, песков, песков!..

Сухейль! Сухейль!.. Летучие, падучие пески засыпают нашу кибитку... хавли... рисовое, нетронутое, невинное беспомощное изумрудное поле...

Сухейль! Сухейль!.. И налетает суховей! суховей!.. И засыпает рисовое мое поле!.. И я бреду в песках высоких, заглушивших зеленые изумрудные ростки!..

Сухейль! Сухейль!.. Идет суховей, суховей!.. И заметает бедный, бедный мой посев! посев!..

Сухейль! Сухейль!.. И гибнет мой посев!..

И две старухи с полыхающими тонкими узкими дамасскими бритвами бредут, бредут по рисовому полю, утопая, утопая в песке!.. Айе!..

— Кто вы, ака?..
— Я Насреддин... Сын горшечника Мустаффы-бобо...
— Я дочь Махмуда Талгат-бека...
— Что ты делаешь на дереве?..
— Я люблю спать на золотом айвовом дереве!.. Мне здесь поставили деревянную суфу... Я айвовая птица!.. Я сплю и вижу золотые айвовые сны!.. Мне снится, что я айвовая золотая птица!.. Насреддин-ака, почему люди не летают?..
— Не знаю... Наверное, потому, что в небе нельзя выращивать рис... Да и летать с кетменем трудно...
— Насреддин-ака, а вам снятся айвовые сны?..
— Да... Снятся...
— Насреддин-ака, почему вы облизываете губы?.. Вы хотите пить!..
— Да, Сухейль... Хочу... У меня во рту суховей... И в голове... И в душе тоже,— тихо добавил Насреддин, не отрывая глаз от девушки, от ее сливовых глаз, от пухлых губ, похожих на реки в половодье... От маленькой, быстрой, птичьей, верткой головы в золотой ковровой айвовой тюбетейке...
— Съешьте айву... Вот... Держите... Золотая!.. Ловите!..
— Не хочу айву... От нее еще суше во рту... Она вязкая, душная... Я напьюсь из арыка...

У меня во рту пустыня. Суховей. Сушь...
Это от бессонной ночи, от самаркандского густого вина, которое делают из терпкого сушеного горьковатого сахаристого изюма...

Сухейль! Сухейль!.. Суховей! Суховей!.. И гибнет малый бедный мой посев!.. И пески тучные засыпают рисовое изумрудное живое поле, поле, поле...

Я подбираю с земли обильный фазаний халат и склоняюсь над садовым арыком.
— Насреддин-ака, Насреддин-ака! — летит с дерева встревоженный голосок-лепесток.— Нельзя пить из арыка! Там вода полевая!.. Дурная вода!.. В ней опасный,

смертельный червь-ришта водится... Незаметно входит он в человека и губит его...

— Как любовь, — шепчу я и опускаю сухие губы в арык. Пью. Вода острая. Темная...

— Нельзя пить!.. Там червь!.. Насреддин-ака!..

Сухейль ловко слезает с дерева, сбивая, свергая, задевая десятки тяжелых золотых айвовых плодов, подбегает ко мне, хватает меня тонкими сквозящими ивовыми стеблями-руками за плечи и пытается оттащить от арыка.

— Нельзя, нельзя, Насреддин-ака!.. Не пейте!.. Вода дикая, дурная... Червь-ришта в ней!..

Золотые айвы мягко и сонно падают на землю, на палые росные листья... Много плодов... Перезрелые... Отягченные...

Но я пью. Я не могу оторваться от арыка... Я пью, а суховей не уходит...

Некоторые плоды падают в арык... Плывут, золотые... У моих губ плывут...

Я гляжу на Сухейль, а она глядит на меня... Долго...

Я пью арычную воду и гляжу на нее...

У нее на шее темным глубоким огнем полыхают гранатовые крупные бусы... Бусы, бусы...

А пески все засыпают мое рисовое, изумрудное живое поле, поле, поле...

А я все пью из арыка, и не могу напиться, и не могу наглядеться на Сухейль...

Тогда она неожиданно, гибко, быстро склоняется над арыком — длинные смоляные косы и гранатовые крупные бусы, падают, спускаются в арычную воду, а Сухейль пьет, пьет из арыка!.. Пьет, а сливовые глаза умоляюще, грўстно, укоризненно глядят на меня... Жалуются мне...

— Айе!.. Что ты делаешь?.. Сухейль!.. Нельзя! Нельзя пить!.. Здесь червь-ришта!.. Нельзя, Сухейль... Нельзя!.. — Я вмиг отрываюсь от арыка и подбегаю к ней, и оттаскиваю ее от арычной гиблой, пахнущей затхлой глиной воды. — Ты успела хлебнуть, Сухейль?..

— Да. Много! — улыбается она мне.

— Зачем?..
— Но вы же пьете, ака... И я... И я тоже... Вместе с вами...

Она стоит рядом со мной. Я чувствую, как неслышно, тонко она дышит... Два сливовых глаза не отрываются от меня...

Я беру ее за мокрые косы, и она молчит и глядит на меня...

Тогда я целую ее в раскрытые мокрые послушные добрые губы, и она молчит и глядит на меня...

И от губ ее пахнет арычной глиняной водой. Прекрасной водой... И она молчит и глядит на меня...

...А пески, пески летучие обильные, тучные все засыпают, засыпают мое рисовое, мое бедное, мое изумрудное, мое живое, родное, сокровенное поле, поле поле...

И две старухи со сверкающими узкими бритвами в руках бегут, бегут за мной, но потом отстают, отстают, вязнут — и тонут, тонут по самое горло в высоких сыпучих прекрасных песках... И тонут по горло в песках, и отстают, отстают, отстают...

— Сухейль, я люблю тебя!..

Тут тяжелая, избыточная устремленная айва, сорвавшись с высокой слабой ветви, падает Насреддину на голову и, не разбившись, слетает на землю и катится по палой листве.

Больно... Слезы выступают на глазах Насреддина, но он улыбается, потирая ушиб.

— Плод созрел. Вот и падает. Созрел. Даже перезрел. Как я...

— И как я,— говорит она, и новый падучий палый хмельной плод ударяет и ее по голове.

— Айе! Больно?.. Сухейль?..
— Айе! Нет!.. Насреддин-ака!..
— Я люблю тебя, дочь бека...
— Я люблю вас, сын горшечника...

Полузатонувшие золотые телесные палые айвы тесно плывут по арыку...

Золотой арык...

Но!..

Айе!.. Кто это?! Чьи, чьи руки сразу отрывают меня от Сухейль, от ее губ?.. Чьи?..

Желтые лисьи роящиеся глаза атабека Кара-Бутона в упор, у самого моего носа, глядят на меня. Я слышу прогорклый, перегоревший, дурной запах вина и бараньего мяса из его узкого, перекосившегося от злобы рта. Я отворачиваюсь от этих нечеловеческих, охотничьих глаз, от этого запаха старой тлеющей томящейся плоти...

Опять две монгольские соколиные стрелы певуче, тонко скользят, свистят у моих отроческих, доверчивых, заячьих, щенячьих ушей!.. Опять!..

В руке у атабека короткая витая плетеная тяжкая турецкая камча-плеть с серебряным литым наконечником.

Он хочет ударить меня по лицу, но по лицу не попадает, хотя я стою и не двигаюсь.

Я гляжу на Сухейль, на темные гранатовые крупные бусы, на сливовые дымчатые глаза...

Я гляжу на ее напоенные, избыточные губы... на наши реки в половодье...

Я гляжу на нее и чувствую прекрасный родной запах арычной текучей глины, глины, глины...

Сухейль, Сухейль... все богатый, необъятный суховей засыпает бедный малый мой посев...

Я стою, а Кара-Бутон бьет, бьет, хлещет, рвет, режет меня камчою!.. Все он хочет попасть по моему лицу, чтобы угодить, хлестнуть серебряным метким наконечником мне по глазу... Чтобы расплескать, вычерпнуть, вынуть, выгнать мертвым наконечником живой мой, горячий невинный глаз... Чтоб не видел я больше Сухейль!..

Все он хочет попасть по моему лицу. И я стою неподвижно и не чую, не слышу его ударов и гляжу на Сухейль, и атабек все хочет наконечником попасть, убить, вылить мой глаз...

Ходит вокруг меня... Вьется... Прыгает!.. Приноравливается... Мается... А не попадает в мой глаз! Мне жаль его. Старый охотник... Камча свистит... Рвет... режет фазаний, гаремный мой халат... Халат весь уже рваный... Тело мое отовсюду светится, обнажается... Невиновное. Зрелое.

— Сухейль, Сухейль, я люблю тебя! Люблю! Люблю!

Люблю! Люблю! Люблю! Люблю!..— кричу я, улыбаюсь, улыбаюсь, улыбаюсь под камчой...

— Голь! Колючка! Пыль! Пыль! Пыль! Прах! Я запорю тебя! Я выбью, вырву камчой твои блудливые глаза!.. Насмерть!..— храпит, хрипит атабек Кара-Бутон. Он старый. Устал уже. Мне жаль его. Старый охотник...

Наконечник серебряный томительный не попадает в глаз... Устает наконечник... Устает... Айе!..

И тут Сухейль срывается с места и подбегает к атабеку, и хватает его за бороду, за усы, стараясь расцарапать, разрушить, разъять его лицо.

— Не трогайте его! Не трогайте Насреддина!.. Я ненавижу вас!.. Я позову отца!.. Отец! Отец!.. Помогите!..

— Нет у тебя отца!.. Твой отец мертвый лежит в гареме! Теперь я твой отец! Теперь я твой повелитель!.. Ха-ха!.. Как только пройдет положенный после похорон срок, ты станешь моей женой!.. Девчонка... Зеленая ходжентская исфаринская урючина! С сырой молочной сладкой косточкой!.. Я съем твою косточку!.. Ха-ха!.. Я люблю зеленый урюк! Молочную косточку! Зубам весело! Телу прохладно!..

Атабек хватает Сухейль свободной рукой за длинные мокрые косы и оттаскивает ее от своего лица, как щенка от материнского соска... Хохочет...

Сливовые глаза плачут... Плачут от боли... Глядят на меня... Печально... Текут глаза... Молят...

Чего же я стою? Я, Насреддин, сын горшечника Мустаффы-ата, с пяти лет не разлучающийся с кетменем и топором...

Чего я стою, как старый немой китайский высохший карагач с муравьиными кишащими дорогами?..

А мою Сухейль атабек тащит по земле за косы, как степной конь влачит, влечет жертву, привязанную к его хвосту?.. Тащит. Хохочет...

Смоляная маленькая птичья голова поворачивается ко мне.

— Ака! Бегите!.. Он убьет вас!.. Бегите, ака...

Айе!.. Тогда я просыпаюсь!.. Просыпаюсь!.. Я догоняю атабека. Я сразу попадаю. Я бью атабека кулаком по затылку. Сразу...

Так мой отец Мустаффа-ата глушил резвых, разыгравшихся весенних бычков. Когда кишлачные дехкане не могли справиться с вешними, хмельными, травяными медовыми налитыми луговыми бычками, они звали на помощь Мустаффу-ата и он одним ударом усмирял, укладывал бычков на траву... Они долго потом лежали одурманенные, вялые, тихие... Рука у Мустаффы-ата тяжелая, глиняная... Рука гончара...

Я ударил атабека кулаком в затылок, как разыгравшегося, привольного, вешнего бычка, и он сразу затуманился, задумался, забылся, и сел в арык, и опустил голову, и отпустил косы Сухейль. Он сразу стал мягким, тяжелым, сонным... Он сразу стал похож на древний обвалившийся дувал...

Муторно, мутно, недужно ему... Тошно... Далеко он... Жаль его... Как старого дикого раненого зверя...

Он сидит в арыке, опустив голову, точно спит, и полузатонувшие золотые айвы теснятся, тычутся в него... Застревают...

— Бегите, ака!.. Скорей!.. Сейчас сюда прибегут стражники-сарбазы! Они запорют вас до смерти, ака!.. Бегите!

Скорей!..

Глаза сливовые глядят. Молят. Текут глаза...

Насреддин запахивает на себе обильный фазаний гаремный чапан. Чапан весь изодран, разбит, разорван, разрушен камчой... Тело худое, костлявое отовсюду светится... Невиновное, багровое от хлестких, жгучих ударов.

Но Насреддин улыбается...

— Сухейль, Сухейль... Я скоро вернусь... скоро приду... Буду пить арычную воду...

— И я буду пить арычную воду... Вместе будем пить...

— Я скоро приду! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро! Скоро!.. Ты жди, Сухейль!..

— Арык течет, ака... Сухейль ждет, ака... Арык течет — Сухейль ждет...

— Я люблю тебя, дочь бека...

— Я люблю Вас, сын горшечника...

СУМАСШЕДШИЙ

...Иди, отрок, в молодости твоей, куда ведет тебя сердце твое и куда глядят глаза твои...

Экклезиаст

Айе!..

Кто кричит диким, шальным, шалым, бражным голосом? На весь кишлак... Кто?..

Слепым, дурным, косым, блаженным голосом?.. Кто кричит блаженным прекрасным голосом?.. Кто заходится, ликует, пьянеет в крике?.. Или это захожий божий дервиш — суфий?.. Иль это курильщик опиума, анаши-банга?.. Или это нищий каландар, блаженный, сумасшедший, забредший в кишлак с Великого Шелкового Пути?.. Какие только люди там не бродят...

Айе!.. Кто кричит на весь кишлак блаженным, заливающимся голосом:

— Айе! Айе!.. Эй, душа!.. Ёр! Ёр! Ёр! Возлюбленная! люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! люблю тебя, а ты томишься за высокой глухой стеной!.. Как мне попасть к тебе? Как перелететь через стену? Как?.. Ай, люди, почему я не птица? Почему?.. Ай, люди, помогите!.. Помогите, родные!.. Эй, люди, соседи, ближние! Люди!.. Вы нарожали детей и забыли про любовь!.. забыли про любовь!.. Вы ослепли за своими тупыми семейными дувалами!.. Помогите!.. Или налейте мне ледниковой воды в душу!.. Чтоб погасла! Чтоб утихла!.. Чтоб смирилась!.. Ай, горячо!.. Ай, больно как! Ай, сладко как!.. Эй, помогите!.. Я счастливый! счастливый! счастливый! счастливый!.. Помогите, люди!.. Я счастливый!.. Помогите, а то я умру от счастья!.. Сухейль, Сухейль, у меня во рту суховей! Песок!.. Я хочу твоей арычной воды, а она за стеной... Сухейль!.. Эй, люди, я люблю Сухейль, дочь бека!.. Я целовал ее!.. И она тоже любит меня! Любит! Любит! Любит!.. Помогите люди!.. Эй, эй! Эй!.. У меня во рту суховей!..

Какой-то человек в ярком старом отцовском праздничном чапане, чапане жениха, в выцветшей ферганской лазурной тюбетейке, в стоптанных сапогах-чарогах из сагры, начищенных, однако, нутряным салом до блеска,

идет, бредет по кишлаку... За ним бегут, хохочут, хватают, дергают его за широкие великие рукава чапана кишлачные мальчишки, но он не обращает на них внимания. Собаки кишлачные на него лают, скалятся, но он не слышит, не видит... Он далекий, веселый!..

В руках у него дутар, и он бьет по струнам сильными резкими пальцами и выкрикивает вольные пьяные слова:

— Эй, люди! Помогите! А то я умру от счастья!.. Ай, больно как! Ай, сладко как!.. Да налейте мне в душу ледяной горной воды, чтоб погасла... Чтоб не жгла так!.. Так!.. Эй, люди, во рту у меня суховей! Песок!.. Сухейль!.. Я хочу твоей арычной воды, воды, а она за стеною!.. Эй, люди, помогите!..

Это Насреддин. Он кричит, и глаза его блаженно закрыты. Он не видит ничего. Только пальцы слепо, хлестко бьют по острым струнам дутара, и струны обрываются, сворачиваются, ползут, а на пальцах появляется кровь.

Тогда Насреддин бросает онемевший дутар на дорогу.

— Эй, люди, помогите, а то я умру от счастья!.. Помогите!..

Старая женщина с непокрытой седой головой бежит вослед за ним и кричит:

— Сынок, вернись домой!.. Не позорь нас на весь кишлак!.. Зачем ты надел чапан жениха?.. Мы же нищие... Где мы возьмем калым?.. Вернись, сынок... Насреддин!..

Это Ляпак-биби...

Но Насреддин не слышит ее слов... Отстает она... Садится на дорогу... Плачет... Старая женщина...

А Насреддин нагибается, снимает с головы лазурную ковровую тюбетейку и зачерпывает холодной осенней жемчужной дорожной пыли и сыплет пыль себе на свежепобритую, вымытую, нагую чистую голову.

— Я люблю! люблю! люблю! люблю! люблю тебя, Сухейль!.. Помогите, люди!.. Вы же тоже любили!.. Помогите!..

Пыль течет по голове Насреддина. Холодная. Осенняя... Сырая... Невеселая...

— Сумасшедший!..
— Дервиш!..
— Блаженный!..
— Дурной!
— Бешеный! Бешеная собака! Связать его надо!..
— В него шайтан вселился!.. Нужно привязать его к дереву и бить палками, чтобы шайтан ушел из него!.. Если он не вылечится, пусть я стану жертвой шейхов!

Это кричит кишлачный табиб-лекарь Ильяс-махдум, и люди внимают ему. Верят. Они хотят помочь Насреддину...

Ласково привязывают его жесткими веревками за руки к старому высохшему китайскому карагачу.

Ласково снимают с него чапан жениха.

Ласково бьют палками. Помочь хотят. Ласково.

— Уйди, шайтан! Покинь чистого отрока, дьявол вездесущий!.. Уйди! Оставь отрока!..— шипит, шепчет, кричит, причитает Ильяс-махдум.

— Меня уже били камчой, а шайтан не ушел! Вы думаете, почтенный табиб, что он убоится, испугается целебных палок?..— смеется Насреддин, вздрагивая от частых ударов.

...Опять меня бьют...

Муравьи с засохшего китайского карагача падают мне на спину, ползут, жалят... Те самые муравьи... Предвестники смерти...

— Ай, табиб Ильяс-махдум! Не помогут палки!.. Я люблю Сухейль! Люблю! Люблю! Люблю!.. Помогите, люди!.. Во рту у меня суховей!.. Зачем мне ваши палки?.. Ах, табиб, вы сами шайтан!.. Шайтан, забывший о любви!..

Надоело мне! Я пытаюсь разорвать веревки и освободиться, но веревки не даются, держатся. Палки ходят по моей спине. Надоело мне. Устал.

Маленький табиб бегает, носится, скачет, как осенний кузнечик, вокруг карагача и кровожадно кричит:

— Бейте, бейте шайтана! Не жалейте его!.. Лучше пусть он умрет — но спасется!.. Бейте шайтана!.. Еще в девятом веке шейх Абу Бекр Мухаммед ибн Закарийя ибн Яхья Рази относил любовь к тяжелым болезням! И советовал такие лекарства, как длительный пост, пере-

носка больших тяжестей, долгие, изнурительные путешествия...

— Но палки-то, палки разве он советовал? — кричу я оглохшему табибу, стараясь разорвать веревки.

— Палки — это лекарство от всех болезней! Самое лучшее! Оно изгоняет все недуги! Терпи, терпи, сынок!.. Если останешься живым — будешь настоящим мужем!.. Бейте, бейте его!.. Гоните шайтана!.. Ай, хорошо!..

Айе! Ему-то хорошо, но мне тяжело. Уже нет сил кричать, и я шепчу:

— Сухейль, я люблю тебя. Я приду пить арычную воду... У меня глаза закрываются, засыпают. Уже... Айе!..

Опять две хищные рыси старухи с полыхающими узкими дамасскими бритвами в руках догоняют меня... в высоких, немых, сонных песках, песках... Догоняют... Рядом уже... Я слышу шелест бритв...

Но!..

Но тут чьи-то мускулистые гибкие руки разрывают веревки и густой голос говорит:

— Эй, правоверные! За что вы бьете его?.. За то, что он полюбил девушку?.. А вам завидно?.. Вы забыли?.. Скучно вам жить?..

Это кишлачный богатырь, кузнец Рустам-палван. Он освобождает меня, и толпа вокруг замирает. Я, шатаясь, отхожу от дерева. Спина затекла. Не могу разогнуться... Потом разгибаюсь... Надеваю свой чапан жениха. Руками сбрасываю, сметаю, снимаю с горящей своей спины муравьев...

Смешно!.. Зачем меня били?..

— За что тебя били, Насреддин? — мрачно спрашивает Рустам-палван, и я вижу, как сизые жилы на его руках тяжелеют, набухают, волнуются.

— Не знаю... Скучно людям в нашем кишлаке... А тут хоть какое-то развлечение,— улыбаюсь я.— Дехкане работают на полях, а лентяи ищут себе иную работу...

— Мы хотели его вылечить. Изгнать из него болезнь. Шайтана изгнать! — тяжело дыша и засовывая под язык щепотку насвая-табака, говорит Ильяс-махдум. Он улыбается, обнажая мелкие свои кошачьи зубы...

— Устали, домулло?..

— Да... Трудно выгонять шайтана!.. Много сил требуется! Много палок!.. Устал я... Печень болит...

— Лекарь лечит других людей, а от своей болезни не знает лекарств!..

— Но есть одно всеобщее лекарство, домулло. Вы сами говорили о нем. Самое лучшее лекарство. Оно изгоняет все недуги... Оно называется «палки»!..

Айе! Ильяс-махдум поздно учуял смысл моих слов, но, учуяв, он с юношеской прытью бросился бежать от нас, подобрав полу своего белого бухарского полотняного чапана и поднимая пыль.

Тогда я поднял с дороги одну из палок и побежал вслед за табибом под свист и улюлюканье толпы.

— Домулло! Глядите, лекарство само преследует больного!.. Айе!.. Домулло, зачем вы так быстро бежите?.. Поднимаете пыль!.. Чихаете!.. И ваш новый благородный полотняный чапан покрывается дорожной нехорошей пылью! Ай, домулло!.. Разрешите мне выбить ваш чапан этой недостойной полкой... Избавить его от пыли... Мне жаль ваш чапан, домулло!.. Разрешите немного выбить, выколотить пыль из него... И не бегите так быстро!.. Чем быстрее вы бежите, тем больше пыли на вашем чапане и тем сильнее приходится бить ваш чапан палкой!.. Ах, домулло!.. Хватит!.. Бегите дальше... Моя палка устала. Прощайте, поставщик кладбищ!..— кричу я ему вслед.

Я отстаю, бросаю палку, но белая, пыльная, полотняная спина Ильяса-махдума еще долго и уныло маячит, мается вдали... среди поднявшейся дорожной пыли.

Он прекрасно бегает, этот табиб!.. У него юные, сайгачьи ноги. А мозг сонный, неповоротливый, бараний...

— Сухейль, Сухейль, я люблю тебя... Я приду пить арычную воду...

У меня уже нет сил кричать, и я шепчу.

— Арык течет, ака... Сухейль ждет, ака... Арык течет — Сухейль ждет!..

Рустам-палван догоняет меня. Осторожно берет за плечи.

— Пойдем ко мне в кузницу. У тебя спина, как треснувший перезрелый ходжиильгарский гранат... Пойдем. Помажем ее ирбитской целебной мятной мазью...

Я покорно иду за Рустамом-палваном. Ему всего двадцать лет, но он похож на взрослого опытного мужчину. У него жена Гуль-парчин и двое детей...

— Сухейль, я люблю тебя...

В кузнице Рустам-палван сильными руками втирает мне в спину ирбитскую пахучую мазь. Спина моя становится мягкой, скользкой. Не горит уже...

Потом Гуль-парчин приносит подогретую бузу в тыквенном сосуде и пару раскрашенных кленовых чашек. Рустам-палван процеживает бузу сквозь тонкий платок и наливает в чашки. Мы пьем бузу. Пьем...

— Хорошая буза? — улыбается Рустам-палван.

— Хорошая... Но я люблю Сухейль!.. Но я люблю арычную воду!..

— Не знаю, как помочь тебе,— сокрушается богатырь...

Низенькая дверца кузницы открыта, и я вижу пыльную нашу пустынную унылую кишлачную дорогу. Мы пьем бузу, и я гляжу на дорогу. Эта пустынная малая родная дорога уходит вдаль и там вливается, впадает в Великий Шелковый Путь. Меня так часто тянуло уйти по этой дороге... Мальчишкой я несколько раз убегал по этой дороге, но отец находил, настигал меня на своем верном аль Яхшуре... И странно, что Мустаффа-ата никогда даже не ругал меня за бегство, а только мрачнел и молчал, а за другие проступки наказывал... Почему?..

А меня все тянуло на Великий Путь... Там бредут большие караваны в тысячу верблюдов!.. Там языки чужие, дальние, многие... Там города кишащие... Кишлак мой родной мал мне... Птенец уже вырос, и крылья его больше гнезда... И гнездо опостылело... И гнездо уже обвалилось, разрушилось от дождей и ветров и сиротливо чернеет, свисает, тянется в нагих осенних ветвях... Но Сухейль!.. Я люблю тебя!.. Я не уйду на Великий Путь...

— Пей бузу, Насреддин! Лучше тебе стало?.. Спина не болит?..

— Нет, Рустам-ака... Спина не болит. Кости не болят. Тело не болит. Голова не болит. Но что-то болит. Жжет!.. Что?.. Что еще в человеке остается, кроме тела, головы, костей?.. Что же болит так?.. Жжет, ака...

— Одни говорят — сердце, другие — печень...

— Не болит у меня ни сердце, ни печень... Что-то другое болит... А что?.. Не знаю... Когда били меня камчой и палками, легче было... Может, прав был табиб Ильяс-махдум... Легче было, когда били, а теперь опять жжет, ака... И что болит?.. Не знаю...

— Душа, наверное...

— А что такое душа?..

И тут они слышат крик:

— Хак!.. Ху!.. Дуст!.. Хак!.. О возлюбленный боже!.. Ай, душу жжет!.. Горит душа! от любви!.. От любви к тебе... Душа горит!.. Жжет!

— Айе!.. Еще один влюбленный!.. Рустам-ака, позовите его сюда, этого старика дервиша!.. Певца!.. Маддоха!.. Хафиза бродячего!.. У него тоже «горит и жжет»... Пусть он скажет, что́ горит и жжет... Позовите его, ака!..

По кишлачной дороге бредет слепой дервиш-каландар. На маленькой усохшей его голове едва держится дервишский остроконечный колпак-кулох. В руках у него сосуд-кашкюль для сбора подаяния и грушевый почерневший посох с металлическими кольцами. Кольца тихо и печально позвякивают, как колокольцы прохожего каравана...

— Бобо, пойдемте к нам... Отдохнете... Выпьете домашней бузы... Мы наполним хлебом и халвой ваш кашкюль... Пойдемте, бобо...— Рустам-палван осторожно берет слепого за руку и ведет его к кузнице.

— Спасибо, сынок... По твоему голосу я чувствую, что ты человек божий, добрый. А сказано в Священной Книге: и не забывай о странноприимстве, ибо под видом странников могут прийти ангелы!.. И Хызр святой — покровитель путешественников — может прийти в дряхлом зеленом чапане путника-дервиша...

Насреддин и Рустам-палван усаживают старика на толстую ургенчскую курпачу, подкладывают ему подушки под спину.

Гуль-парчин приносит медный кумган и тазик, и старик моет руки. Потом он быстро шепчет молитву сухими узкими своими губами... Потом долго, медленно, смакуя каждый малый глоток, пьет бузу... Молчит. Какая-то далекая улыбка появляется на слепом его лице, изрытом оспой и морщинами...

— Добрые люди, вы хотите что-то спросить у меня?.. Я чую... спрашивайте...

— Бобо, вы пели, взывали, кричали, что душа ваша горит от любви... И моя душа тоже горит!.. Но что такое душа и где она, бобо?.. Может, можно и ее помазать целебной ирбитской мазью, чтоб не болела, не жгла... Как побитую мою спину...

— Ты любишь девушку?..

— Да, бобо...

— Она и есть твоя душа. Соединись с нею... Она — вода на твой огонь...

— За эту воду меня уже дважды избили, бобо...

— Тебя притесняют?.. Тебя оскорбляют?.. Ну что ж... Таков этот свет... Побивают камнями плодовое дерево. Бесплодное — нет... Будь плодовым деревом, сынок!.. До самой смерти!..

— А вы были плодовым деревом, бобо?..

Слепой опустил голову. Усохшую, белую, маленькую голову в дервишском пыльном нелепом колпаке-кулохе... Прошептал:

— Был, сынок... Но люди оббили все мои плоды... И глаза не пощадили...

Старик плакал... Слезы текли из слепых глаз... Странно... Я никогда не думал, что слепые могут плакать... Что слезы льются и из слепых глаз... Странно.

О боже, что за земля?.. Что за люди?.. Что за страна, где и слепцы плачут?..

— Бобо, разве не трахома съела ваши глаза?..

— Нет... Эмирский палач умело, ловко выколол, вычерпал, вытеснил, выдавил, выпустил их из орбит ореховыми тонкими стрелами... Я видел, как в последний раз мои глаза текли по ореховым точеным заостренным палкам... Видел в последний раз, как текли мои глаза... Ухо-

дили по ореховым гладким палкам... Палач был умелым... Даже боли не было... Глаза ушли...

— За что, бобо?..

— Мои глаза с детства очень много видели... Они не были ослеплены любовью, как твои... И потому они видели нищую нашу землю... убогие кибитки-мазанки... худых дехкан на чужих полях... баев с камчами... эмирских тучных стражников-сарбазов... и кишлачных босых и в декабре детишек с рахитичными сизыми животами, похожими на купола богатых мавзолеев... Ай, эти невинные маленькие люди!.. Я благодарю Аллаха, что больше не вижу их... В нашей стране лучше всего быть слепым... И те, кто имеет глаза, притворяются слепыми... А я все чувствую... все вижу лучше зрячих... Я слепец, но я открываю глаза зрячим... Я говорю, кричу, пою, воплю на всех дорогах, что Аллах создал всех людей равными и не должно быть ни хозяина, ни раба на этой земле... ни бедняка, ни богача!.. Ведь святой Омар ибн уль Харис говорил, что сам пророк Мухаммад по смерти своей не оставил ни динара, ни дирхема, ни раба, ни рабыни, ничего другого, кроме старого мула, оружия и лука... У меня слабые малые хилые руки... Они не в силах поднять даже кетмень... Но я борюсь языком, словом...

— А надо бороться кетменем, — мрачно сказал Рустам-палван.

— Надо бороться и кетменем и языком,— сказал Насреддин...

— Язык сильнее кетменя...

— Любовь сильнее и кетменя и языка!.. Я люблю Сухейль!.. Я хочу пить арычную воду!..

— Эх, сынок, слепой ты!.. Любить в наше время — все равно что птице слепо класть яйцо на караванной пыльной проезжей дороге иль строить, вить гнездо в осенних холодных ветвях нагой белой айвы. Прошел караван — и копыто верблюда смяло, убило, удавило невинное беззащитное яйцо. Налетел ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось... Погляди на эти глиняные столетние слепые кибитки, на эти нищие низкие глухие саманные дувалы... На этих детишек с коровьими печальными очами... Разве можно тут любить?.. Разве можно?..

— Да, бобо!.. Можно!.. Даже Великий Шелковый Путь зарастет колючкой и саксаулом, если новые и новые караваны не пойдут по нему...

— Пусть зарастет колючкой и саксаулом, если это Путь Зла! — яростио закричал дервиш и схватился за свой посох, и печальио отозвались, запели металлические кольца...

— Нет!.. Нельзя истребить Путь Жизии!.. Нельзя отдавать его колючкам, черкезу, таидыму и саксаулу!..

— Ты слепой, дуриой... Ты вешиий, ярый, хмельиой, оглохший бычок... Мие жаль тебя... Жаль... Но в твоих незрелых, мутиых словах есть соль — осадок мудрости... Я люблю и прощаю тебя, сынок... Пусть подольше ие проходит твой хмель!.. Бычок!.. Не споткнись раньше срока!..

...И тут я вспомиил, как мой отец одним ударом кулака укладывал в траву разыгравшихся хмельных травяиых луговых бычков и как лежали оии в траве, свалеииые, сбитые, тихие, одурманеиные, вялые, далекие... Покориые, сломлеииые...

Но!..

— Бобо!.. Я люблю Сухейль!.. Я хочу пить арычиую глиияиую полевую дикую воду!... Помогите мне!.. Оиа ждет меия!.. Арык течет — Сухейль ждет!.. Помогите мие!..

— Я помогу тебе, Насреддии... А пока берись за мехи! Цепь ковать будем!.. Берись, бычок!.. Ночью полезем на крепостную стеиу...— Это сказал Рустам-палваи.

Ночью!..
Сухейль!..
Ночью!..

НОЧЬ!

...Ибо сильна, как смерть, любовь!..
«Песнь песней»

Айе!.. Сухейль!.. Ночь!.. Ночь!.. Ночь!.. Ночь!.. Уже, уже иочь!..

Айе!.. И дождь!.. Дождь!.. Дождь!.. Дождь!.. Зачем, зачем дождь?..

...Мы с Рустамом-ака бежим, бежим, крадемся по осеннему плывущему, ползущему, хлопковому темиому волчьему полю... Падаем, раздираем лицо о тусклые острые голые кусты-гузапан. Дождь осеиний, холодиый... Волчий дождь... Нехороший... Поля ползут... Сосут... Расходятся под иогами... Разбредаются...

У меия в мешке свежая, еще ие остывшая, длинная тонкая цепь. Теплая еще от ковкн... На конце цепи острый крюк, чтобы зацепиться за крепостиую стеиу...

Ночь!.. Дождь!.. Темные, топкие, необъятиые поля, поля, поля...

Айе!.. Ночь!.. Сладкая!.. Уже!..

Айе!.. Дождь!.. Горький!.. Зачем?..

Но цепь, цепь теплая!.. Свежая!.. Она спасет!..

— Сухейль!.. Ты ждешь?..

Где крепость?.. Где твоя Офтоб-кала?.. Где твон стены высокне?.. Где твой белый жемчужный парчовый уйгурский чекмень?.. Где красные сафьяновые йеменские тихие ичиги?.. Где темиые крупиые, крупиые граиатовые бусы?.. Где птичья быстрая головка со сливовыми глазами?..

Айе!.. Где?..

Опять у меия во рту суховей!..

Опять две рысьи иизкие беззвучиые старухи с полыхающими дамасскими узкими долгими шелестящими бритвамн в руках иастигают, настнгают меия в топком изумрудном рнсовом родном солнечиом поле, поле, поле...

Ночь!.. Дождь!.. Бежим!.. Цепь в мешке теплая, свежая!..

— Ака!.. Мы не заблудились? — крнчу я в дожде.

— Нет, бычок. Я зиаю дорогу. Скоро уже. Тебе ие холодно, бычок?..

— Нет, ака. Я люблю Сухейль!.. Она ждет!.. Она сидит в ветвях айвы... И ждет!..

— Она птица?.. — смеется Рустам-палван.

— Да. Она айвовая птица. В первый раз я увидел ее во сне...

— Ладно. Не промокни, не простудись, а то твоя птица не сможет обнять тебя... Оиа же птица, а не рыба...

Рустам-палван смеется. Я вижу перед собой в темном тесном дожде его вольную, добрую спину, и от этой спины мне становится спокойно и тепло среди осеннего ночного ползущего неверного поля...

Ночь!.. Дождь!.. Сухейль, ты где-то рядом!.. Скоро, Сухейль!..

Айе!.. Вот она!.. Офтоб-кала!..

В дожде перед нами неясно и сыро вырастает крепостная высокая стена. Высокая!.. С нее стекает глиняная густая дождевая вода. Вязкая эта вода несколько раз сносит нас... Уносит от громады стены...

Стоим. Замираем. Прислушиваемся, но никого не слышно в ночном безлюдном волчьем дожде... Крепость спит... Жизнь хмельных ее обитателей уже ушла в пьяные сонные подушки и ковры... Да!.. Тихо!..

Только дождь сечет саманные глухие стены... Только дождь сечет ночные поля... Только дождь сечет нас...

Рустам-палван берет у меня мешок, вынимает тонкую долгую, теплую еще от недавней ковки цепь с острым крюком и, сильно раскрутив ее над головой, швыряет вверх...

Крюк цепляется о скользкий текучий край стены, срывается и падает вниз, едва не ударив нас... Потом он еще раз бросает крюк вверх... Но ему не везет. Он слишком сильный.

Тогда я бросаю крюк, и он сразу крепко входит, намертво врезается в стену...

— Молодец, бычок! — улыбается Рустам-ака.— Раз ты так ловко закинул тяжелый крюк, можешь смело лезть на дерево к своей девушке-птице!.. Давай!.. Влезай по цепи!..

— Спасибо, ака!.. Возвращайтесь в кишлак... Спасибо за цепь!..

— Ладно, бычок...

...Я долго лезу, карабкаюсь по мокрой, скользкой цепи. Цепь режет мне руки. Продрогшие судорожные ноги мои бьются, маются, топчутся, скользят о сырую текучую тупую стену.

Долго я лезу... Но вот я уже сижу на стене... Перебираю, поднимаю цепь с земли и спускаю, бросаю ее в крепостную дождливую зияющую тьму...

Спускаюсь, съезжаю по цепи вниз... Цепь рвет, мучит кожу на ладонях и пальцах, но я не чувствую этого.

Айе!.. Я в крепости!.. Сухейль, где ты?..

Я бегу по мокрому тяжкому айвовому саду.

Уже не золотятся в дожде тесные шершавые поздние телесные плоды... Уже не золотятся... Уже все айвы сошли, упали, упали с холодных дымчатых мерлых ветвей...

Уже упали!..

Только в дождливых ветвях темнеют, тянутся, осыпаются мокрыми соломинками разбухшие пустынные птичьи гнезда...

И тут я вспоминаю лицо дервиша-слепца: любить в наше время — все равно что птице слепо класть яйцо на пыльной проезжей караванной дороге иль строить, вить гнездо в осенних холодных тайных ветвях нагой белой айвы... Прошел караван — и копыто верблюда смяло, убило, удавило невинное хрупкое, беззащитное яйцо... Налетел дождливый ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось...

Но нет!..

Я бегу по мокрому ночному саду!..

— Сухейль!.. Сухейль... Где ты?..

Я бегу по саду. Я ищу свое гнездо. Я ищу тебя, Сухейль!.. Где ты?.. Айе!.. Вот арык... Он разбух, развалился, расширился от дождя!.. Я бегу вдоль арыка... по арыку... Арык стал рекой!.. Темная острая большая гибельная вода доходит мне до коленей... до живота... до горла...

— Сухейль!.. Где ты?.. Где твое дерево?.. Твое гнездо?.. Я люблю тебя, Сухейль!.. Люблю!.. Люблю!.. Люблю!.. Арык стал рекою, Сухейль!..

Я плыву, плыву, тону, тону, тону, тону в арыке, в реке...

— Сухейль, Сухейль, я пришел пить арычную воду, арык стал рекой!.. Сухейль, где твое дерево?.. Где ты?.. Где твое гнездо?..

Я плыву, тону в арыке...

Айвовая золотая немая кочующая птица, птица льнет к шершавым, золотым, душным, душнстым поздним, забытым айвовым плодам, плодам, плодам... Задевает нх... Роняет... Сонная птица льнет к сонным напоенным плодам!.. Льнет... Вьется... Бесшумная птнца айвовая, золотая в золотых, золотых плодах... Жгучая!..

Я плыву, тоиу в арыке...

— Сухейль, где ты?.. Я пришел пить арычную воду, а арык стал рекою!.. Где ты, Сухейль?..

— Я здесь, ака... Я думала, что вы не прндете... Дождь такой густой, темный!..

— Я пришел, Сухейль... Но арык стал рекою... Я думал, что ты не будешь ждать меня, Сухейль...

— Арык течет — Сухейль ждет... Река течет — Сухейль еще больше ждет!..

Я с трудом вылезаю, выплываю из ночной глнняной рекн... Вот оно, дерево Сухейль!.. Это ее голосок — лепесток днкой вешней алычн падает в дожде...

Дерево однноко стоит средн рекн... Айва нагая!.. Одинокая!..

— Сухейль, можно к тебе на дерево?.. Тут мокро... вода большая... Можио, Сухейль?.. Тут река... Можио?..

— Да, да, ака... Идите сюда... Тут сухо...

Я лезу по мокрому узловатому стволу айвы. Лезу иаверх. Рукн и иогн мокрые, дрожат. Чего оин дрожат?..

На ветвях стонт деревянная бухарская суфа, над нею крыша нз камышовых плотных плетеных цнновок. Дождь не проходнт сюда.

Тут сухо, тнхо...

Сухейль сндит... Тнхая на тнхой суфе...

Сухейль глядит... Тихая!..

Глаза слнвовые молят!.. О чем молят?.. Я ие знаю. Не знаю я...

Дождь мягко н сонно сыплется, шелестнт, шуршнт о камышовые цнновкн.

Я весь мокрый. Я плыл в реке. Я весь дрожу... На тихой деревянной бухарской суфе...

Тогда она говорит... Шепчет. Шелестит... Ласкает... Лелеет... Тогда она говорит...

Говорит...

А я дрожу и гляжу на ее узорчатые тихие неслышные йеменские красные сафьяновые ичиги... на длинный жемчужный парчовый уйгурский чекмень... на рубиновое аксамитовое платье... на гранатовые крупные бусы, бусы, полыхающие темным глубоким колодезным неспокойным огнем... на бусы гляжу... на губы — разлившиеся полные реки... на сливовые беззащитные глаза... на золотую ковровую айвовую тюбетейку... на птичью маленькую головку...

Дождь мягко и сонно сыплется, шелестит, шуршит. льнет к камышовым циновкам...

Тогда она говорит:

— Ака, вы промокли... Ака, вы дрожите... Ака, вы заболеете... Ака, а у меня нет ни горячего чая, ни вина... Ака, вы должны согреться... Ака, я не знаю, как вас согреть... Возьмите мой чекмень, ака...— она снимает с себя жемчужный чекмень и протягивает его мне...

— Не надо, Сухейль... Мне не холодно... Это арык стал рекою...

— Вам холодно, ака... Вы весь дрожите... Возьмите мои ичиги, ака...— и она снимает с ног ичиги и протягивает их мне...

— Не надо, Сухейль... Мне не холодно... Арык стал рекою...

— Вам холодно, ака... Закутайтесь... Вы весь дрожите... Возьмите мое платье, ака... Оно теплое, как одеяло...— и она снимает с себя тяжелое рубиновое аксамитовое платье...

— Не надо, Сухейль... Я не от холода дрожу!.. Это арык стал рекою...

— Возьмите тюбетейку, ака... И бусы тоже...

— Не надо, Сухейль!.. Зачем мне бусы?.. Зачем бусы?.. Бусы-то зачем?..

— Вам холодно, ака... Вы дрожите... Вы не можете согреться... Дождь, да?..

— Нет, Сухейль...

— Возьмите... меня... ака... Ака!.. Вам же холодно!.. Ака!..

— Сухейль, Сухейль, это арык стал рекою!.. Сухейль, теперь и ты дрожишь!..

— Да, ака... Арык стал рекою, ака!.. Арык стал рекою, ака...

— Я люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! тебя! тебя! тебя!.. Сухейль!.. Дочь бека!.. Арык стал рекою!.. Сухейль!.. Стал рекою!..

— Я люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! люблю! вас! вас! вас! Ака Насреддин!.. Сын горшечника!.. Да!.. Арык стал рекою!.. Ака!.. Стал рекою!..

Дождь, дождь, дождь мягко, сонно, дремотно сыплется, шелестит, шуршит, льнет к камышовым циновкам... Упирается в них... Шумит... обволакивает, завораживает... затуманивает...

— Арыыыыык стаааааал рекоооооою, Сухейль!.. Айеее!..

— Арыыыыык стаааааал рекоооооою, Насреддин!.. Айеее!..

Ночь!..
Дождь!..
Река!..
Дерево!..

Но!..
И шел дождь.
И арык стал рекою.
И дева стала женою.
И стало утро.
И ночь стала утром...

И пришло сырое незрелое утро. Темное утро... Кислое. Уже мокрый, тяжелый сад возникает, мается, обозначается в дожде... Призрачный... Нагой... Слепой дремучий осенний сад... Нет уже плодов в нем. Затаились до весны...

— Пора, Насреддин!..

— Пора, Сухейль!..

— Я приду сегодня ночью...

— Я буду ждать, ака... Возьмите чекмень... Там дождь...

— Не надо! Мне хорошо! Горячо!.. Счастливый я, Сухейль!..

— Возьмите, ака, чекмень...

— Хорошо, Сухейль... Я беру чекмень... Но тут твои бусы... твои гранатовые бусы, Сухейль... Ты забыла их на чекмене... Возьми их... Надень...

— Это не бусы, ака... не бусы... это моя кровь... первая... ака... Не берите чекмень, ака...

— Нет!.. Я возьму чекмень! Я люблю этот чекмень! Я буду хранить его!.. Вечно!.. Сухейль!.. Я счастливый! Горячий! Хочу петь! Хочу кричать!.. Эй, люди!.. Я люблю, люблю, люблю!.. Я люблю Сухейль!.. Эй, люди!..

— Тише, ака!.. Вы разбудите Кара-Бутона!.. Он убьет вас!.. Тише! Идите, ака!.. Бегите, пока не проснулся Кара-Бутон!..

— Эй, люди!.. Я счастливый!.. Я горячий! Я люблю Сухейль!.. Она моя! Моя Сухейль!..

Айе!..

СМЕРТЬ

...И там, где много жизни,— там много смерти...

Авеста

Айе!..

Опять я бегу, бегу по утреннему зыбкому сырому крепостному айвовому саду!..

В первый раз я бежал в фазаньем гаремном чапане Махмуда Талгат-бека...

Где вы ныне, почтенный усопший бек, мой неудачный муаллим, Учитель Любви?.. Пустили ль вас в райские дремливые медоточивые сады, сады, сады?.. Иль смерть в гареме была вашей последней смертью?.. И вы сладко умерли, уснули, отошли, успокоились, как осенняя вялая тяжкая застрявшая, оттрепетавшая, заблудшая в меду муха?.. Блаженна ль муха таковая?.. А?..

Айе!..

Тогда золотые телесные айвы, последние, поздние, теснились на ветвях... Избыточные!..

Теперь я бегу по саду в жемчужном чекмене Сухейль, а плодов уже нет на ветвях, а деревья, деревья уже нагие, уже пустынные, а плоды уже оббиты, обобраны...

Но!.. Я счастливый! Я щедрый! Я вешний!..

— Эй, люди!.. Я люблю Сухейль!.. Она моя!.. Моя Сухейль!.. Моя!..

Я кричу, я бегу по зыбкому сырому смутному дождливому саду... И тут что-то мнится, чудится мне... какая-то тень неясная, размытая плывет, мелькает за туманными стволами...

Я останавливаюсь, всматриваюсь: тень размытая уходит... Или только чудится мне это?.. Или это клочья тумана тянутся, разбредаются, стелются, ползут...

Утро сырое, незрелое, темное... Кислое утро...

Но я бегу, бегу по саду в мокрых, льнущих, липких туманах... Я часто дышу, я глотаю ватные эти текучие туманы!

— Сухейль, я люблю тебя!.. Люблю!..

И тут что-то мягкое, тихое, мокрое опускается, окутывает, опутывает мою бритую голову... Это птичье соломенное вязкое размытое развеянное гнездо... Палое гнездо...

Я не снимаю его с головы. Оно, как соломенная чалма, защищает меня от дождя... Я бегу в соломенной чалме...

И тут в дожде опять плывет, тянется передо мной лицо дервиша-слепца: любить в наше время — все равно что птице строить, вить гнездо в осенних холодных тайных ветвях нагой белой айвы... Налетел дождливый ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось...

Нет!..

— Сухейль, я люблю тебя!.. Наше гнездо не распалось! не развеялось! не рассыпалось! не разлетелось! Нет!..

Я бегу по саду.

У меня в руках заветный жемчужный чекмень... с гранатовым следом!..

Чекмень шершавый, как плод айвы!..

В тумане вырастает крепостная стена. Я бегу вдоль стены. Ищу цепь... Нахожу. Пробую, тащу ее изо всех сил на себя — не сорвался ли крюк. Не сорвался. Рустам-палван — хороший кузнец...

Я оборачиваюсь и в последний раз гляжу в туманный сырой смутный зыбкий сад. Опять мне чудится, что чья-то тень там, за дождливыми стволами деревьев, ходит, стелется, прячется, следит... Нет... Туманы бродят...

В одной руке у меня чекмень. Другой рукой я хватаюсь за цепь... Цепь холодная, жесткая. Остыла за ночь.

Я долго лезу, карабкаюсь, тащусь по цепи. Подниматься на одной руке трудно, но я помогаю цепкими ногами...

Дождь... Глина, медленная, текучая, ползет по саманной стене... Но вот я на вершине стены... Уже. Дышу тяжело. Перебираю, поднимаю на вершину стены цепь из садовой туманной тьмы...

И!..

И тут родной густой охрипший сырой чей-то голос говорит снизу:

— Насреддин, бычок, это ты?..

Айе!..

— Ака!.. Друг!.. Родной!.. Брат... родной мой... Что ты тут делаешь?..

— Жду тебя, бычок... Слезай скорее... Скоро светло станет... Спать хочется...

— Ты всю ночь ждал здесь? У стены? В дожде?..

И тут я вытаскиваю, выдираю крюк из саманной глины и с цепью и чекменем в руках прыгаю, лечу слепо, радостно во тьму с высокой стены...

— Эй, Рустам-ака!.. Друг! Брат!.. Родной!.. Ты же весь промок, продрог!.. Зачем, друг?..

Я падаю в мягкую ползущую грязь и потому не разбиваю, не нарушаю, не подворачиваю ноги...

Я обнимаю Рустама-ака, я почти плачу от счастья, от любви к Сухейль, к Рустаму-ака, к этому туманному незрелому таящемуся утру...

— Зачем, друг?.. Я не знал, что ты здесь... Я думал, что ты ушел в кишлак... А ты всю ночь сидел у стены под дождем... Ждал... А я был с девушкой...

— Кому дождь, кому — девушка... У тебя же это в первый раз, бычок... Я волновался за тебя... Все прислушивался сквозь дождь — не зовешь ли на помощь,— улыбается Рустам-ака...

И он еще улыбается. Шутит. Родной мой... Промокший, продрогший, иззябший, как забытый, привязанный к деревянному колу теленок в пустынном поле... Друг!..

— Накинь на плечи чекмень, ака. Он сухой. Это ее чекмень... Сухейль...

— Пойдем ко мне в кузницу... Выпьем бузы... Согреемся...

— Бежим, ака!.. Айе!.. Хорошо!.. Душа горит!.. Летит!..

— Хорошо, бычок!..

Я набрасываю чекмень на плечи Рустама-ака и наматываю цепь себе на руку...

— Бежим, ака!..

Рустам-ака куда-то глядит на стену, в туманы ползущие, точно видит он там кого-то, точно чует...

— Ты видишь кого-то, ака?..

— Нет, бычок... Показалось мне... Пойдем... Иди первым... Я за тобой...

Мы быстро идем прочь от крепости, от туманной стены... Вязнем в тучной, щедрой грязи... в утреннем сиротском дождливом поле... Быстро идем... Почти бежим... Тонем... Бежим... Поле бесконечно... Дождь бесконечен... Жизнь бесконечная!..

Веселая!.. Айе!..

Я бегу по полю... Светает уже... Крепость давно пропала в туманах... давно позади осталась...

— Ака, скоро кишлак. Сейчас выпьем бузы. Ой, ака, я петь хочу... плясать!.. Душа ликует! горит!..

— Выпьем бузы — и пой, пляши, бычок!.. Такая ночь один раз в жизни бывает. Больше не будет. Одна на всю жизнь... Как мать...

Уже показался в тумане засохший китайский карагач. Уже наш кишлак, наш малый нищий кишлак сиро,

сыро плывет в тумане вокруг нас... Уже редкие горькие осенние глухие петухи кричат обрывисто...

Я бегу!..
— Эй, ака, устал?.. Отстаешь!..
— Догоняю, бычок... Догоняю...

Я оборачиваюсь. Рустам-палван бежит за мной. Улыбается.

На крутых его щедрых плечах плещется, мотается жемчужный узкий долгий чекмень... Он явно мал великану... Смешно!.. Странно, что он не упал с него, ведь Рустам-ака бежит и не придерживает чекмень... А чекмень не падает с него... Точно что-то держит его...

Я хохочу...

— Ака, чекмень вам и на нос не годится!.. Как только он не падает с вас?! На чем держится?..

— Держится, бычок... Крепко держится... Как приколотый... Приколотый...

Я останавливаюсь у кузницы. Тяжело дышу. Жду Рустама-ака. Он подбегает. Улыбается... Жемчужный чекмень на его плечах держится, плещется, полощется в мглистом дожде...

Рустам-ака останавливается около меня. Потом медленно, долго, долго, долго, сонно тянется, клонится, валится, падает на дождливую зыбкую землю...

— Ака, вы поскользнулись?.. Земля гиблая, неверная, текучая... Вы поскользнулись, ака?..
— Нет, бычок... Вернее, уже бык...— улыбается он.

Я не успеваю задержать, остановить его, и он падает на дорогу. Он лежит на ползущей дождливой земле, повернув большую голову и прижавшись к дорожной мягкой грязи щекой. Точно спит он... Улыбается... Точно к подушке щекой льнет, лепится, никнет... У него в спине стрела. Глубокая. Точная. Упоенная. Хмельная монгольская ореховая гибкая стрела... Я знаю такие стрелы. Их называют «летящим орлиным клювом»... Они клюют насмерть... Глубоко, щедро входят. Разрыхляют плоть навек!..

...Стрела пьет кровь! стрела пьет кровь! стрела пьет кровь!.. Уже выпила!.. Глубокая!.. Затаенная!.. Точная!..

— Ака!.. Вот почему чекмень не падал со спины!.. Он был прибит, приколот к ней, к живой спине тайной этой туманной утренней стрелой!.. Был приколот!.. Ака, кто пустил эту собачью бешеную стрелу?.. Кто, ака? Кто?.. Подождите, ака! Не умирайте! Скажите! Не засыпайте, ака! Скажите!..

— Кара-Бутон... Он был там... в тумане... на стене... Я не хотел говорить тебе, бычок...

И тут я вспомнил летучую, рыщущую, размытую тень за стволами деревьев и то, как Рустам-ака всматривался в ползущие, призрачные туманы...

— Ты видишь кого-то, ака?..

— Нет, бычок... Показалось мне... Пойдем... Иди первым... Я за тобой!.. Я за тобой! Я за тобой...

Я не видел никого. Он видел Кара-Бутона...

— Ака, вы закрыли меня спиной... Вы знали, ака!.. Вы приняли, вы взяли мою стрелу, ака!.. Зачем, ака?.. Это не ваша стрела... Вы взяли чужую стрелу, ака... Зачем?.. Отдайте стрелу, ака!.. Отдайте!.. Чужая она... Моя стрела...

— Теперь можешь взять, бычок... Она мертвая теперь...

— Ака, вы пробежали все поле со стрелой в спине?.. Почему сразу не сказали?..

— Мне весело было... с тобой, бычок!.. Радостно за тебя!.. Ты молодец!.. Не учуял я ее... Да и чекмень она хорошо держала... Легко бежать было!.. Не грусти, бычок!.. Вернее, уже бык... Бык...

Он улыбается. Все еще улыбается. У него глаза покрываются белесой дремотной слепой пеленой. Я знаю, знаю эту последнюю пелену... Натекает она. Как облака осени. Густая. Млечная...

— Ака, я верну эту стрелу Кара-Бутону!.. Верну!.. Клянусь!.. Верну!..

— Спать хочется, бычок... Подушку... подушку... принеси... принеси... И одеяло... Спину прикрой... Холодно... зябко... голо спине... холодно... бычок... бык... все...

Все!..

Дождь идет. Туманный. Скользкий... Вялый...

На жемчужном парчовом уйгурском чекмене два следа. Две крови. Две крови самых дорогих близких возлюбленных родных мне людей... Первая — радостная кровь Сухейль... И последняя — жгучая, жгущая душу кровь Рустама-палвана... Два следа!.. Навек они даны... навек...

— Ака, я верну эту подлую темную стрелу Кара-Бутону!.. Клянусь!.. Верну!..

Я бережно, медленно, долго, длинно вынимаю, вытаскиваю, выбираю стрелу из спины Рустама-палвана. Стрела не дается. Глубокая. Глубинная. Тесная... Душная... Пошла... Вышла... Гладкая... Темная...

Мертвая уже...

Только когда стрела летит, трепещет, струится — она живая.

Только летящая стрела — живая.

А теперь она мертвая. Скучная. Пустынная стрела... Моя стрела, а Рустам-ака взял ее...

Я держу стрелу в руках. Держу за желтое оперение, потому что вся она свежая, мокрая, темная, липкая...

— Ака, я верну эту стрелу Кара-Бутону!.. Клянусь!..

Но!..

Айе!.. Что это?..

Из дорожного тумана выскакивают, вываливаются немые, беззвучные осенние всадники на караширских густых хищных лошадях... Такие лошади едят вяленое мясо и нападают на волков... Хищные лошади... И седоки тоже... Это бекские сарбазы-стражники... Немые сонные звериные люди... Охотники... И они окружают меня... Немые... Безучастно, пустынно глядят на мертвого Рустама-ака... Потом появляется атабек Кара-Бутон. На локайском коне. В руке у него знакомая мне турецкая камча с литым серебряным наконечником. Он не выспался. Или пьян. Мутный он. Туманный. Опасный... Дурной...

Опять желтые размытые роящиеся глаза глядят на меня... Опять две монгольские соколиные стрелы певуче, тонко скользят, свистят у моих отроческих телячьих ушей... Нет!.. Одна стрела уже попала. Вошла. Уже не

скользит. Уже убнтый друг мой, друг Рустам-ака, невиновный, лежит на дождлнвой зыбкой дороге...
С моей стрелой в спнне лежит...

Атабек кричит, хохочет с коня...
— Эй, хватайте, вяжнте этого вора!.. Похитителя чужнх плодов!.. Наконец-то дичь попала в силки!..
— Атабек, вы плохой охотник!.. Вам надо охотиться в зверинце... на зверей в клетках... Вы плохо стреляете... Особенно в спнну!.. Промахиваетесь, атабек!.. Косой охотник!.. Слепец!.. Убийца!..

Лицо Кара-Бутона дергается, кривится, ползет, как горный оползень — сель. Хрипит...
— Теперь я не промахнусь! Прикажу забить тебя палкамн!.. Пыль! Прах! Щенок! Муравей! Змеиное яйцо!.. Гаремные старухи оскопят, укоротят, укротят тебя, вор чужих плодов!.. Вошь чужих одеял!..
Опять рысьи степные низкие старухи с полыхающнми долгнмн узкими дамасскими бритвами в руках нагоняют, нагоняют, нагоняют меня...

Четыре волосатых сарбаза, спадая, слезая с коней, бросаются ко мне. Последнее, что я успеваю сделать, это спрятать, сунуть тонкую долгую цепь с крюком в широкий разбитый свой сапог-чарог, и она там неслышно сворачивается, тантся, как змея.

— Я верну вам вашу подлую заячью стрелу, атабек! И не в спнну, как трус, а в волчье ваше лицо! В глаза! В глаз! Я не промахнусь! Убийца!.. Облезлый, дряхлый камышовый кот!..

Я кричу! задыхаюсь! вьюсь! бросаюсь со стрелой в руках к атабеку, но сарбазы настигают меня... тяжкие потные пахучие навалнваются онн на меня, пристают, прилепляются, вязнут на мне, тянутся за мной, опутывают... стрелу выхватывают из рук моих... залепляют мне глаза и ноздри толстымн, пахнущими анашой пальцами... удушливо, смрадно дышат на меня... я успеваю ударить одного, другого ногами, руками... но онн связывают, спутывают, стесняют меня веревками... связывают, как ноги барану перед резней, перед ножом... перед исходом...

Они связывают меня и оставляют, связанного, в дорожной текучей грязи.

Я лежу рядом с Рустамом-ака.

— Резать?— равнодушно и вяло спрашивает у атабека голубоглазый сарбаз, вынимая из сапога широкий голубой афганский нож и наклоняясь надо мной.

Я смотрю иа нож... на чистое его нагое близкое холодное лезвие... близкое, близкое, близкое... потом на голубые невинные, сонные глаза сарбаза...

— Какие у тебя прекрасые небесные глаза! Ты, наверное, горец?— говорю я спокойно.— Такие очи бывают только у людей, живущих рядом с иебом!..

— Да,— неохотио отвечает он и несколько раз проводит, шаркает, шуршит ножом по кожаному черному сапогу своему, как брадобрей по ремню.— Я горец... А тебе что?..

— Глаза у тебя, горец, как небеса, прекрасны, а душа черна, как этот сапог!.. Эх!.. Уже и в белосиежных горах завелись черные людишки!.. Как чериые рыщущие блохи в благородиой белопеиной кунградской кошме!.. Айе!..

Я смеюсь. У самого лезвия... И лезвие начииает нетерпеливо дрожать, дрожать, трепетать у самого моего горла... Хочет моего горла!..

— Резать?..— кричит горец гортанно, дико, и глаза его стаиовятся пустыииыми, как летнее выцветшее небо.— Резать? Резать?.. Резать?.. Я очень хочу его резать!.. Очень хочу резать!.. Атабек, хочу!.. Дай!.. Резать!.. Нож сладко, иеслышно войдет, как в перезрелую, перележалую хивинскую дыию!.. Хочу!.. Резать!..

— Успеешь!.. Я отдам тебе его, но вначале сам поговорю с ним. В зиндан его!.. Пусть там дозреет, как айва на осенией ветке.

— Но я хо́чу, хочу, хочу!— едва не плачет от обиды горец.— Нож мой хочет! Очень!.. Надоело без дела сидеть!.. Хочу!.. Резать!..

— Не плачь,— успокаиваю я его,— положи нож назад, в сапог. Отдохни немиого. Ведь у тебя столько работы в нашем эмирате!.. Столько работы!.. А будет еще больше... Надо и отдыхать немного... Отдохни от трудов праведных! Отдохни, работяга!.. Отдохии, палач-тружеиик с голубыми небесными очами!.. Отдохни!.. И нам дай немного отдохиуть!.. Айе!.. Дай!..

Мне жаль Голубоглазого. Жаль его страстиого иепонятого порыва. Но чем я могу помочь ему?.. Чем?.. Ведь атабек ие разрешает ему пустить в ход иож. Пока...

— В зиидаи его!— кричит, хрипит Кара-Бутон.

— Я вериу вам вашу подлую! заячью! ночную! стрелу! Кара-Бутон!.. Клянусь!..

Айе!..

Сарбазы поднимают меня с земли, тащат к лошадям... Разлучают с Рустамом-палваиом. Навек...

Прощай, мой мертвый вечный друг Рустам-палван!.. Прощай, родной!.. Прощай, лежащий, спящий неподвижно, невиновно убиенный иа дождливой гиблой осенней кишлачной дороге... Прощай!.. Убитый вместо меня... Взявший мою стрелу!.. Ака... Брат... Прощай!.. Айе!.. Я отомщу!..

ЗИНДАН

...Кто сидит в тюрьме — у того мысли на воле, а кто на воле — у того мысли в тюрьме.

Турецкая пословица

Айе!..

А я и не знал, что на земле существуют зинданы... Только слышал, но сказано, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... А еще лучше побывать однажды?.. А?.. Ай, сладкие зиндаиы земли человеков!.. Ай, кладбища с живыми постояльцами!.. Тут, в смрадиых, сточных, гнилых ямах-колодцах люди погребены, похоронены, забыты... Замогильные люди... Тут они вьются, как земляные погребальные острые удушливые черви... Тут они вьются... исходят... тщатся... маются... люди-черви...

— Сухейль, Сухейль, а мы хотели построить высокое птичье гнездо любви на дереве... а тут люди живут в земле... роятся люди-черви...

Сухейль, а мы хотели построить гнездо на дереве... да... Айе, Сухейль!.. Арыыыыык стаааааал рекооооою!.. Как далеко, Сухейль!..

И пески заметают, заметают, засыпают бедный, малый изумрудный мой посев!..
Но!..

— Кара-Бутон, я верну вам вашу подлую ночную стрелу!.. Верну!..

Но как выбраться, вырваться из этого зиндана? Из этой могильной затхлой глубокой ямы?..

Я стою по колено в смрадной ползучей глине... Тут сток нечистот, отбросов... Последний колодец... Тут можно умереть, задохнуться от одних гиблых, гнилых запахов... Тьма сырая, густая, непроходимая... Мне кажется, что я один в яме, но я слышу обострившимся ухом, что кто-то стоит рядом со мной, дышит, живет, тянется... ногами перебирает в ползучей донной топкой глине...

— Кто тут?— вздрагиваю я.— Кто тут, во тьме?..

— В древней «Книге о праведном Виразе» сказано, что в аду такой мрак, что, хотя людей там так густо, как волос на голове, каждый думает, что он один... Надо сделать людей одинокими, тогда будет ад на земле. Этого и хотят наши правители...

Айе!.. Я узнаю этот голос... Это голос слепого дервиша-каландара...

— О Аллах! О боже!.. Бобо, вы-то почему здесь?.. За что?.. Старый... Слепой...

И он тоже узнал меня. Узнал...

— Эх, сынок, слепой ты... Любить в наше время — все равно что птице слепо класть яйцо на караванной пыльной проезжей дороге иль строить, вить гнездо в осенних холодных ветвях нагой белой айвы... Прошел караван — и копыто верблюда смяло, убило, размыло, удавило невинное беззащитное яйцо... Налетел ветер — и гнездо распалось, рассыпалось, разлетелось, развеялось...

...Погляди на эти глиняные столетние слепые кибитки... на эти нищие низкие глухие саманные дувалы... На этих детишек с коровьими печальными очами... Разве тут можно любить? Разве можно?.. Разве можно быть богатым среди нищих?..

— О боже!.. Бобо, вы-то почему здесь, в яме?.. За что? Старый... Слепой...

— Сынок, в нашем эмирате все честные дороги, все добрые тропинки, как реки в море, ведут в зиндан... Только слепые, глухие, тупые, злые, сытые не видят этого... Но я вижу, сынок... Хотя у меня нет глаз...

— И я вижу... вижу... бобо... Теперь вижу!.. Хотя тут темно...

— Есть только одна страшная тьма — тьма души... Ее опасайся... А тьма зиндана целительна... Многие прозревают в этой тьме...

— Я прозрел, бобо. Я хочу выбраться отсюда. И освободить вас... И других, томящихся во всех зинданах земли!..

— Ой, сынок, твоей жизни не хватит...

— Хватит, бобо!..

— Мы поможем!— проговорил в кромешной тьме зиндана чей-то хриплый сильный голос.

— Кто ты, друг?..

— Я дехканин Шукур-ака...

— Я Насреддин, сын горшечника Мустаффы-ата... За что тебя бросили в зиндан, Шукур-ака?..

— Я промахнулся!.. Перепутал немного... Ошибся немного... Неграмотный я... Неученый...

— Что ты сделал?..

— Вместо того чтобы разрыхлить землю под хлопковым кустом, я немного разрыхлил кетменем белую чалму амлякдора — сборщика податей... Главного бухарского сборщика податей... Перепутал белую пышную чалму с кустом хлопковым... Ошибся немного... Неграмотный я... От усталости... Глаза слипались... Спать хотел... Неученый я... Вот и ошибся!.. Вот и в зиндан попал!..

— Кто борется языком, кто — кетменем... Люди разные...

И тут я услыхал чей-то долгий хрупкий вздох во тьме и слабый старческий голос, говорящий молитву:

— Ля илляха иль Аллаху Мухаммад Расуль Улла! В этой тьме не узнаешь, не различишь время молитвы намаза... О Аллах, о всемогущий, прости раба твоего, низкого земляного червя... Пошли исход скорый, быстрый незаметный!.. Пошли, Аллах!.. Пусти в сады медоточивые, цветущие, избыточные... Устал я от ада этого земного... О Аллах, зачем опускаешь ад на землю?.. Как перья ворон летящих...

— Кто вы, домулло?— почтительно проговорил я во тьму.

— Я астролог Ходжа Али Акбар...

— Домулло, а что вы делаете в зиндане?.. Отсюда ведь и звезд не увидишь...

— Я устал от немых созвездий, от равнодушных холодных плеяд... Я стал глядеть на малые грустные близкие огни моей земли... моих ночных бедных селений и кишлаков... на костры пастухов, на угли тануров — печей для выпечки лепешек... на дымы пряных кизяков... на нищие светильники моего народа... Я пришел от великих равнодушных светил неба к родным огням бедной, забитой земли моей... Я стал слушать, что говорят простые люди, а не светила небес... И я предсказал властителям скорую гибель эмирата... Развал, разброд Мавераннахра... Походы победных врагов-степняков... Падение дворцов, крепостей, тронов... Набеги летучих, падучих песков, засыпающих, уморяющих навек древние города... Я ушел от неба на землю... Но земля наша грустна... И мне снова хочется на небо...

— Вначале, домулло, нам нужно выбраться на землю...

— Отсюда никто никогда не выбирался живым... Только мертвым...

— А мы выберемся живыми!.. Айе, выберемся!.. Это говорю вам я, Насреддин, сын горшечника Мустаффыата... Стоящий по колено в дерьме!.. Мы выберемся!.. Пусть дерьмо дойдет нам до горла!.. Пусть выше!.. Но мы выберемся!.. Сухейль, мы выберемся!.. Кара-Бутои, я верну вам стрелу!.. Эй, кто там еще во тьме? по колено в дерьме? по горло? по уши? Эй, кто там еще?.. Не таитесь во тьме!.. Отзовитесь!.. Откликнитесь!.. Я освобожу вас!.. Я освобожу вас из всех зинданов!.. Сухейль, ты будешь ждать меня?.. Пока я освобожу всех молчащих, томящихся, бредущих, стоящих в дерьме... Пока не опустеют все зинданы моей земли!.. Сухейль!..

— Сухейль — это звезда Канопус. Главная звезда созвездия Корабль Арго... Это счастливая звезда,— говорнт из тьмы астролог Ходжа Али Акбар...

— Домулло, мы увиднм эту звезду! Скоро!..

Айе!..

Но тьма!.. Непроходнмая!.. Безысходиая!.. Тяжкая!.. Удушающая!.. Только шевелятся, дышат иезримые люди где-то поблизости... Грязь смрадная течет под иогамн... ползет... забирает... Мы словио в огромиом глиияном сыром хуме, накрытом душной круглой темиой деревянной крышкой... Мы словно мыши, упавшие иа дно пустого хума... Скребемся... Тщнмся... Маемся... Потом смиряемся... Умираем...

Ни воздуха. Нн света.

Но!..

Айе!.. Какой-то дальний редкий свет брезжит, струится, маячит сверху... Утро, что ли?.. Рассвет?.. Не пойму... Не знаю, сколько дней, недель, лет сижу в зиидаие... Здесь время стоит, как вода в брошеином застойиом ивовом хаузе... А хауз цветет, а в ием черви блаженствуют, множатся, плодятся, кншат... Червивый хауз...

Илн мое время — это застойный хауз с торжествующимн глиняными сизымн червямн?..

Но свет идет сверху... Вначале глаза болят, слепнут... Потом привыкают к свету... Тянутся к иему. Лелеют его. Надеются...

Зиидаи был накрыт камышовой глухой цииовкой...

Такой же циновкой, как те, которые оберегали, охраняли от дождя наше гиездо в ветвях айвы... Ай, гнездо!.. Сухейль, где ты?..

Арык стал рекою...

Как далёко! Как далёко! Как далёко!..

Камышовая глухая циновка над знднаном, над ямой уходнт, ползет, впуская редкий режущий свет... Чье-то знакомое лнцо появляется иад рыхлым краем ямы, иад обрывом.

— Эй, слепые червн!.. Помон в яме!.. Вы еще не съели друг друга?.. Ха-ха!.. Борцы!.. Короеды! Тля! Моли!.. Я хотел вас резать, но вы сами пожрете друг друга!.. Я так решнл! Теперь я ваш хозяии! Атабека срочно при-

звали в Бухару ко стремени эмира... Готовиться к войне! Эй, звездочет, ты правильно предсказал войну, но за это попал в зиндан!.. Ха-ха!.. Теперь вы в моей власти!.. Но я не буду резать вас, как хивинскую перестоялую дыню!.. Вы сами пожрете друг друга от голода!.. Ха-ха!.. Советую начинать с этого... с молодого... с сына горшечника... Он хоть и костлявый, но еще свежий!.. Ха-ха!..

Я гляжу на Голубоглазого, на его дергающееся, кривляющееся, затекшее лицо. Сейчас он вновь задвинет над нами глухую циновку и уйдет...

Что же делать?.. Что?..

— Эй, моли, прощайте!.. Встретимся на кладбище!..

— Айе!.. Эй, пьяный болтун, помолчи!.. Твои слова часты и пусты, как козьи шарики. Помолчи!.. Дай нам отдохнуть!.. Правильно говорят, что лучше дерьмо из зада, чем из уст!— кричу я изо всех сил.

— Хорошо,— покорно отвечает Голубоглазый.— Ты прав!.. Я замыкаю уста. Пусть говорит мой зад!.. Ха-ха!..

И он на мгновение исчезает.

Сейчас он там поднимает полу чапана и спускает штаны.

Айе!.. Этого я и хотел!.. Я быстро вынимаю из сапога-чарога длинную тонкую цепь с крюком... Цепь мокрая... Знакомая... Привычная... Хлесткая цепь!.. Моего усопшего Рустама-палвана... Я успел сунуть ее в сапог, когда сарбазы атабека бросились на меня, как охотничьи пьяные псы... Ах, только бы не промахнуться!.. Только бы цепь достала, не оказалась бы короткой!.. Не соскользнула бы!.. Айе!..

Мне смешно!.. Я едва сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться!..

Нечто безвинное, сокровенное, млечное появляется над высоким краем зиндана-ямы. Точно огромное белесое ядро грецкого ореха над нами...

— Эй, сын горшечника! Насреддин!.. Ты правильно сказал: лучше дерьмо из зада, чем из уст!.. Пусть молчат мои уста! Пусть говорит зад!.. Эй, Насреддин, где ты там?.. Не упусти! Не упусти свое счастье!.. Ха-ха!..— кричит, хрипит, упивается ядро грецкого ореха над краем ямы...

Голубоглазый даже не снял чапана. Только подоткнул его за широкий пояс-миенбанд. Так и сел. Рыба сама пришла к крючку...

— Эй, Насреддин, не упусти своего быстрого счастья!..

— Не упущу! Не бойся!.. Айе!.. — я с силой швыряю вверх крюк, и он точно и нежно цепляется за миенбанд Голубоглазого, и я резко дергаю цепь вниз, на себя, и ядро грецкого ореха летит вниз, к нам, на дно, и мы едва успеваем расступиться, как оно тяжело и сонно падает в грязь, в тину, в землю, в забытье...

— Готов?.. Иль дать ему еще... немного? А?— появляется из тьмы Шукур-ака.

— Хватит ему,— говорю я.— Он не скоро очнется. Его подвела страсть к остроумию, любовь к наперченному слову... Не надо убивать за эту благородную привычку... Да и осуществить свое желание он не успел... Жаль даже его... Ты же знаешь, ака, как трудно прерываться в такую минуту... Но надо спешить, пока стража не обнаружила исчезновения Голубоглазого!..

Я снова бросаю крюк вверх, и он цепляется за край ямы. Цепь долго и тонко поблескивает во тьме... Точно змеиная жемчужная кожа тянется...

— Шукур-ака, вылезай наверх первым! Погляди, нет ли там сарбазов... Быстро!..— говорю я, и дехканин мгновенно повисает на цепи и с обезьяньей ловкостью карабкается вверх, и вот он уже на краю ямы...

— Эй, Насреддин, никого нет!.. Быстрей вылезайте!.. Я держу крюк!.. Смелее, друзья!..— почти кричит Шукур-ака. Он чуть не плачет от радости и нетерпения...

Потом по цепи неумело, тяжко поднимается вверх седобородый медленный грустный астролог Ходжа Али Акбар. Я помогаю ему подниматься, поддерживаю его за мокрые вязкие ноги, подталкиваю... подпираю его усохшее, увядшее, старческое, непослушное тело...

— Сынок, я ушел от неба на землю... Но земля наша грустна... И мне снова хочется на небо... Люди, мне снова хочется на небо!..

— Домулло, вы попали под землю, а не на землю... Земля наша прекрасна... А сейчас вы увидите ваше не-

бо... И вы еще поплывете на небесном Корабле Арго... Вместе со звездой Сухейль!..

...Сухейль, где ты?.. Ты ждешь меня?.. Ты будешь ждать меня, пока я освобожу всех, кто томится в зинданах моей земли?.. Сухейль, мне еще рано стремиться на небо... Рано еще плыть в небесном хрустальном Корабле Арго... Вместе с тобой... Рано!..

— Эй, кто еще таится во тьме?.. Влезайте по цепи!.. Быстрее!..

Айе!.. И они молчали!.. Они устали... померкли... отчаялись...

Несколько темных, глиняных, исхудавших, заросших людей появляются из тьмы... Кто они?.. Давно здесь?.. Почему молчат?.. И они стали людьми тьмы, людьми могил?.. Безропотные... низкие... бескрылые... И чего их держать в зиндане?.. Кому они грозят?.. Обрезанные ветви тута, пошедшие на корм слепому шелковичному червю... Безымянные... Бесследные... Горькие...

И я помогаю им подняться наверх. И на дне зиндана остается только слепой дервиш-каландар. И в пергаментных его руках нежно позвякивает металлическими кольцами грушевый дорожный древний посох...

— Бобо, я помогу вам, подскажу, поддержу... Поднимайтесь, бобо... Беритесь за цепь, бобо... Пойдемте на волю...

— Воля в душе человека, сынок... Идите... Оставьте меня здесь... Я старый... Усталый... Чу!.. Уже Ангел Азраил бьет в барабан переселения!.. Слышишь?.. А я еще не готов... Идите, сынок... Устал я... Старый... Дороги мои иссякли... Заросли емшаном... Жилы мои — как пересохшие песчаные реки... Идите, сынок... Оставьте меня...

— Бобо, но вы же говорили мне, что людям нужно светлое слово... Слово Истины... Слово Правды... И вы хотите, чтобы это слово осталось на дне зиндана, бобо?..

— Сынок, я устал будить мертвых, кричать в уши глухих... указывать путь слепцам... Сынок, я устал от страны слепых... Я устал от страны, где только слепец, где только слепец с выколотыми очами видит, видит, видит... Я устал, сынок... Я хочу в могилу... И меня не надо нести на кладбище... Я уже в могиле... Но ты, сы-

нок!.. Но ты!.. Ты молодой, вольный... Широкий... добрый... И язык у тебя — как дамасская бритва... Ты иди к людям!.. Ты неси мое слово!.. Слово Правды!.. И не бойся палачей!.. Что они могут сделать?.. Только выколоть глаза... Только отрезать голову... И все!.. Какая малость, сынок!.. Душу-то они не выколют... не отрежут... Иди, сынок!.. Иди на Великий Шелковый Путь!.. На Великий Путь борьбы со злом!.. Оставь малые тропинки и дороги и иди на Великий Путь... Иди, сынок... Аллах тебе поможет!.. Иди... Не плачь обо мне... Я счастливый... Я очень, очень счастливый...

Он обнимает меня неслышными пергаментными своими ласковыми руками... Обнимает... Гладит меня по бритой голове... по щекам... по губам...

Я плачу, и мои слезы текут по его шершавым дрожащим добрым отчим пальцам...

— Не плачь, сынок... Я счастливый... Иди на Великий Путь... Большому каравану — большая дорога...

— Прощайте, бобо... Отец... Я пойду на Великий Путь... Я верну подлую стрелу атабеку Кара-Бутону... Я найду его и в Бухаре... Я освобожу всех, кто сидит в зинданах моей земли... И тогда вернусь к Сухейль!.. Прощайте, бобо... Прощайте!.. Айе!..

И только слезы ученика остались на пальцах учителя...

Прощайте, Учитель!.. Мы больше никогда не увидимся!..

Прощайте!..

ПРОЩАЙТЕ!..

...И тот, кто уезжает, увозит с собой только четверть страданий...

Саади

Прощайте!..

Прощайте, мой старый отец Мустаффа-ата!..

...Мы сидим у сандала в низкой дряхлой сыпучей нашей кибитке-мазанке и на прощание пьем подогретую бузу из глиняных отцовских пиал...

Прощайте, моя старая мать Ляпак-биби!..

...Она всю ночь не спала, ждала меня, мучилась, томилась и сейчас глухо, слепо уснула на выцветшем, вытертом холодном паласе...

— Отец, не надо, не будите ее... Пусть спит... Я ведь скоро вернусь... Пусть спит моя мать!.. Пусть спит моя Ляпак-биби!.. Родная!..

Я гляжу на ее спящее древнее лицо... У нее нос с горбинкой...

— Спите, моя Ляпак-биби... Я скоро вернусь... Мать... Мама... Оя...

— Насреддин, ты надолго уезжаешь... Может быть, мы и не увидимся больше на этой земле... Я хотел... я хочу тебе сказать... Сынок... сын...

Он заикается... Пьет бузу для смелости... Отец... Родной... Вы старый... У вас руки дрожат... Вы старый горшечник... гончар... Уже у вас глина рвется, идет комом, горбится... не покоряется вам гончарный круг... Уже все ваши пиалы, косы, кувшины, хумы — все они кривые, косые, неверные... И их уже никто не покупает... Вот они стоят, мерцают бесчисленно в нашей кибитке, словно подбитые земляные низкие хромые смутные птицы... Косые... кривые... странные. Никто их не покупает... Но вы продолжаете их творить, лепить... Вы не можете остановиться, гончар...

Не можете...

— Ата, я хочу вам сказать на прощание, что мне очень нравятся ваши кувшины, пиалы, косы, хумы... Они непохожи на другие... Они странные... Прекрасные... Как нос моей матери!.. Я люблю ваши кривые, неровные кувшины, ата!.. Я люблю подбитых, низких хромых птиц, ата!..

— Сынок, я старый... Глина рвется... Горбится... Уже не дается... Глаза слепнут... Руки лгут...

— Прощайте, прощайте, ата... Я скоро вернусь... Скоро... Только верну подлую стрелу Кара-Бутону... Только освобожу узников зинданов... И сразу вернусь!.. Скоро! К вам, мои родные... Отец и мать!.. Ата и оя!..

— Я хочу тебе сказать, сынок...

— Не надо, ата... Я все знаю...

— Нет! Я должен тебе сказать... Может быть, мы больше не увидимся на этой земле...

— Не надо, ата... Я ведь знаю...

Я знаю, что он хочет мне сказать... Он хочет сказать, что он и Ляпак-биби не родные мать и отец мне. Что они нашли меня, брошенного сироту-младенца, где-то на Великом Шелковом Пути... Я давно знаю об этом... Кишлачные вездесущие старухи с детских моих дней сладострастно хищно нашептывали мне в уши: сынок... сиротка... брошенный... найденный на дороге... Алыча придорожная... сиротская... Насреддин...

Но я люблю придорожную вольную алычу... Она открытая... Она несет, дарит плоды с золотой вязкой, острой мякотью пыльным прохожим путникам, странникам, каландарам... Она не обнесена, не схвачена, не удушена слепым глухим дувалом... Я хочу, хочу быть придорожной щедрой безвинной привольной алычой, открытой людям... Я хочу быть придорожной алычой...

Но!

— Не надо, ата... Не надо... Я знаю...

Но он говорит, и я не могу остановить его...

— Мы долго были бездетными... Аллах не давал нам потомства... О, сколько раз, таясь, бегали мы за погребальными носилками на похоронах, чтоб душа усопшего, утихшего, ушедшего, как тихая веющая вешняя бабочка, перешла, впорхнула в душу нашего будущего мальчика... Но отлетала бабочка... Но не было мальчика... Тогда мы пошли на Великий Шелковый Путь... Тогда мы пошли к Амударье... к древней богине Ардвисуре Анахите... к широко разливающейся... благодатной... выращивающей семена мужей... подготавливающей материнское лоно жен... делающей легкими роды всех жен... Мы бросали соль в реку... много соли... Река стала соленой, как море... Там было много бесплодных мужей и жен... Много соли ушло к Анахите...

— И все бросали соль?..

— Да...

— Ата, нужно вам было бросить Анахите кусок сахару!.. Она наверняка устала от соли!..

— Я так и сделал... Тайком от матери!.. Я бросил богине кусок бухарской халвы!.. И сразу! И сразу услы-

шал твой плач!.. Ты лежал на маленьком речном травяинстом островке Аранджа-бобо... На самой отмели... Рядом с набегающими вешнними мутными волнами... Ты был завернут в яркнй хоросанский дастархаи, на котором были миогне густые следы вина и масла... Рядом с тобой стоял глиняный кувшин с бузой и две самаркаидские лепешки с кунжутом... Я так и не знаю, как ты попал иа речной остров... Кто твои мать и отец?.. Кто ты?..

— Не надо, ата... Не надо...

— Кто ты?.. Индус?.. Перс?.. Узбек?.. Таджик?.. Казах?.. Киргиз?.. Грек?.. Иудей?.. Араб?.. Турок?.. Так и не знаю... Велик и многоязык кишащий, неоглядный базар народов, проходящих по Великому Шелковому Пути!.. Так и не знаю — кто ты?.. Я даже обрезание тебе не сделал...

Айе!.. Вот почему гаремные низкие рысьи степные старухи с полыхающими узкими бритвами гиались за мной... настигали меня... отставали... отставали... отставали... Отстали они...

— Ата, почему с раинего детства людн стараются что-то отнять, отрезать, отобрать у человека?.. Избить его, притеснить, пригнуть?.. Вначале отрезают кусок иевинной кожи, потом секут плетью, потом бьют палками, потом сажают в зиндан, потом хотят отсечь веселую беззащитную привольную голову, потом душу растоптать, разъять, разбить, как вазу гориого хрусталя, резную певучую вазу?.. Почему, ата?.. Почему, ата, нельзя жить без дамасских полыхающих бритв, без афгаиских сладких дынных ножей?.. Почему я ухожу на Великий Шелковый Путь, чтобы вернуть Кара-Бутону его подлую ночиую стрелу?.. Почему я хочу освободить узников зинданов?..

— Сынок, я зиал, что ты уйдешь иа Великий Путь... Ты там родился... И уходишь туда... Как птица, льиешь, тяиешься к гиезду...

— Нет, ата! Нет, родной! Нет, отец!.. Мое гиездо здесь... Я вернусь сюда... Скоро вернусь... Мы снова будем сажать рис... и пить бузу из ваших кувшинов!..

— Нет, сынок... Ты не скоро вернешься... Не застанешь иас... Поле рисовое заглохиет, сорияком зарастет... Кибитка развалится. Муравьи ее съедят...

— Прощайте, ата! отец! Родной!.. Пора мне... Утро уже раннее, сырое... Петухи кричат...

— Я разбужу мать...

— Не надо, ата... Пусть спит... Устала, умаялась она... Я люблю ее... Я люблю ее нос с горбинкой... Пусть моя Ляпак-биби спит... Я скоро вернусь... И мы будем сажать рис...

...Я выхожу из кибитки...

Утро раннее, сизое, сиреневое, млечное, молочное... Алые сырые петухи кричат... Утро раннее, сизое, сливовое... Словно огромные павлиньи смутные холодные туманные хвосты вокруг меня маячат, машут, колышутся, реют, мерцают... Льнут ко мне... Утро смутных ранних свежих машущих павлиньих хвостов!.. Утро ухода!..

Темным теплым животным парным пятном темнеет у кибитки мой осел аль Яхшур.

— Здравствуй, мой старый друг с лысыми покорными ногами!.. Ты уже проснулся?.. Ты уже готов к долгой дороге?..

Через спину аль Яхшура перекинут дорожный хурджин.

Айе!.. В хурджине лежат самаркандские лепешки с кунжутом, глиняный кувшин с вином и хоросанский яркий цветочный дастархан с выцветшими следами далекого, выдохшегося вина и масла...

Вы пили, проливали это вино?..

Вы пили, проливали это масло, мои дальние глухие родные выцветшие мать и отец?..

Вам весело было? вольготно? Вы были пьяными, хмельными, полноводными?.. И потому проливали вино и масло? И потому «пролили» меня?.. И выкинули меня на берег, как вешняя река половодья выносит, выбрасывает на берег рыбьих слепых первых хрупких мальков?.. И где вы теперь?.. За каким дастарханом проливаете вино и масло?..

Дай вам, Аллах, вечно быть слепыми и хмельными...

Дай вам, Аллах, извечно проливать на вешний дастархан вино и масло!..

Дай!.. Вам!.. Аллах!..

Да!..

Но алые здешние кишлачные сырые петухи поют! Но утро смутных ранних свежих машущих льнущих

павлнньх огромных хвостов плывет вокруг меня... Сизое, зыбкое, туманное, раннее...

Я сажусь на осла, и мы тихо трогаемся с места, и тут что-то неясное, нежное, белое, белое, молочное, млечное что-то мерцает у моих ног... Как огромная скользкая перламутровая размытая раковина плывет, тянется... Туманно...

Я слезаю с осла...

Айе!.. Да это же наш куст зимних астрабадских белых роз!.. Куст перламутровых раковнн!.. Расцвел в утреннем теплом тумане... Его моя мать Ляпак-бнби вырастнла!.. И вот за ночь он раскрылся, развалнлся, раздался, раскинулся, распустился... Куст астрабадскнх зимннх белых, белых роз!.. В утро моего ухода!.. В утро прощания!.. Я трогаю розы замерзшими пальцамн. Потом наклоняюсь к белым широким цветам и бутонам... Потом вдыхаю их ароматы... Вдыхаю!.. Долго!.. Брожу ноздрями в белых жестких холодных цветах... Но они не пахнут. Они декабрьские, зимние розы... Не пахнут... Только цветут в тумане...

Я трогаю пальцами их новорожденные сильные снежные лепесткн — они покрыты легкнм летучим блескучнм инеем!.. Лепесткн в ннее. Потому они не пахнут... Не нсточают дремлнвые сладкие терпкие ароматы...

Ледяной куст белых, белых, белых жемчужных астрабадских зимних роз!..

Я дышу кустом. Я слышу холодный пустынный запах его. Запах инея...

— Прощай, ледяной родной куст зимннх астрабадских снежных роз!.. Прощай, ледяной куст роз!.. Прощай!.. Прощай, отчая саманная ннзкая родимая кибнтка!.. Я скоро вернусь!..

Прощайте!..

Я сажусь на осла и отъезжаю от куста, н он уходит в туман, как снежный дымчатый сугроб...

— Прощайте!..

Но!..

Но кто-то тихо, вкрадчиво догоняет меня... Обнимает меня... тонкими знакомыми родными руками... Шепчет, лелеет, ласкает, щекочет... Руки пахнут хлебом, лепеш-

ками... Губы пахнут осенней полевой чистой травой... Голубым коровьим сеном пахнут...

— Сынок, я спала... родной... Выпей кумыса... Он дает много силы... Выпей... На дорогу долгую...

Она протягивает мне в тумане большую пиалу-косу с кумысом. Я пью. Я гляжу на нее. На ее нос с горбинкой... Я знаю, что никогда, никогда больше на этой земле не увижу этого лица... этих родных слезных смутных глубоких глаз... этого горбатого носа... этих гибких певучих рук...

— Оя, родная... Спасибо за кумыс... Вы зря проснулись... Я скоро вернусь... Скоро...

— Возвращайся скорее... Я найду тебе невесту... Сынок, возвращайся... Не простудись в дороге... Утром ветер острый, сильный, густой... Горький ветер... Горький... Он, как дым, в глаза лезет... Режет глаза... От него слезы текут... Даже петухи иногда плачут... Оттого и кричат, что плачут... И люди тоже плачут... От ветра, сынок... Я тоже плачу... От ветра...

— Прощайте, оя... Родная... Оя!.. Скоро солнце придет... Скоро ветер утренний пройдет... Не плачьте, оя... Я скоро вернусь...

— Прощай, сынок...— и она брызгает из косы оставшимся кумысом мне вослед по древнему степному обычаю...

И она уходит в туман. Покорная...

— Прощайте, оя!.. Моя старая Ляпак-биби!..

— Прощайте, ата!.. Прощайте, отец! Прощайте, мой старый покосившийся родной кувшин, от которого всегда тепло и радостно пахнет свежей бузой!..

— Прощай, моя саманная кривая низкая палая отчая кибитка!..

— Прощай, куст ледяных снежных астрабадских жемчужных зимних, зимних роз, роз, роз!..

Айе!..
Я еду по кишлаку.
Кричат алые петухи.
Кричат перламутровые петухи.
Кричат жемчужные петухи.

Сырые петухи кричат. У них в горле иней лежит, как в лепестках астрабадских белых, белых, белых, непахнущих, зимних, ледовых роз...

Розы от инея не пахнут, не источают ароматы...

Петухи от инея кричат сыро, хрипло, свежо... Свежо кричат прощальные мои кишлачные петухи!..

Прощайте, петухи!.. Слезные мои!..

Еще спит сизый мой родной кишлак.

Еще спит сизая моя родная земля.

Еще спит сизая моя ранняя сонная глухая родина. Еще спит!..

Родина!..

Я хочу, хочу быть твоим зимним кустом астрабадских жемчужных роз!..

Я хочу быть твоим ранним хриплым свежим петухом!.. Петухом, кричащим средь утренней немоты, тишины!.. Пусть иней живет, лежит в горле!.. Пусть иней схватывает горло!.. От этого песня моя свежа!..

Айе! Хочу быть декабрьским цветущим кустом!..

Айе! Хочу быть ледяным, сырым, кричащим во тьме петухом!..

Айе!..

Я еду по сизому кишлаку.

У кузницы Рустама-палвана я останавливаюсь и слезаю с осла. Ищу. Рыщу глазами по сизой туманной земле... Ищу. Нахожу. Вот она, та стрела... Та, ночная... Та, жгучая, подлая... Она, мертвая, слепая, лежит на обочине дороги. Я поднимаю ее. На ней темная, запекшаяся корка. Это кровь Рустама-палвана. Я не буду смывать, отдирать, очищать ее. Пусть она останется на стреле...

Пусть невинная кровь догонит убийцу!.. Хотя не всегда она догоняет... Не всегда... Но эта догонит!.. Клянусь!.. Я верну эту стрелу, эту кровь атабеку Кара-Бутону!..

Я кладу стрелу в хурджин.

Я еду по сизому кишлаку. Мимо старого высохшего китайского карагача с муравьиными дорогами... Они и ночью и утром не утихают, эти последние дороги... Карагач словно шевелится, роится...

— Прощай, карагач с муравьиными дорогами!..

Я еду в сизом росном туманном зыбком долгом, долгом, долгом поле. Тону в поле...

Потом подъезжаю к крепости Офтоб-кала. Слезаю с осла.

Прислушиваюсь. Озираюсь. Никого нет вокруг, как в то утро. В утро тихой тайной ночной стрелы... Может, и сейчас она где-то рядом таится? Моя стрела? Зреет? Наливается? Крадется? Принюхивается к спине моей?..

Айе!.. Сухейль, я пришел проститься, а ты спишь?.. Сухейль... Ты спишь?..

С помощью цепи Рустама-ака я быстро перелезаю через высокую крепостную мглистую стену и опускаюсь в айвовый сад... Сад сизый, туманный, пустынный... Тихий сад клубится, струится... Стволы деревьев млеют, зыбкие, размытые, неясные...

Я иду по саду... Я ищу то дерево. Я нахожу его. Под ним лежат на белесой садовой ледовой траве разбитые, раздавленные камышовые циновки и разрушенная деревянная бухарская суфа... Лежит на траве разрушенное, разъятое былое летучее высокое гнездо... Лежит... От обмелевшего арыка, от реки только следы тонкого утреннего льда и инея извиваются, стелются по траве... Белесый ледяной долгий кружевной блескучий след тянется по травам... Тонко...

— Сухейль, я пришел проститься... а ты спишь... Сухейль... от арыка, от реки только утренний травяной лед да иней остались... Сухейль, ты спишь?..

Сад сизый млеет, тлеет в млечных, алых туманах...

Сад зыбкий, размытый, тихий... Тихий... Только иногда набегает алый ветер и нагой шелест ветвей слышится, слышится, слышится... Уже ало светлеет в стволах... Уже ало в алых стволах... Уже надо мне уходить... Уже, Сухейль!..

— Айе!.. Сухейль!. Я пришел проститься, а от арыка, от реки остался только травяной блескучий ледяной кружевной сухой след!..

Я пришел проститься, а ты спишь, Сухейль!..

Тогда!..

Тогда Тихая в Тихом саду...

Тогда Алая у Алой айвы...

Тогда в алом тихом платье из-за алого утреннего ствола айвы она говорит, шепчет, лепечет, лелеет...

— Я не сплю, ака... Я прячусь за алым стволом... Мне ало, ака... От той ночи... Не могу из-за ствола выйти... Ало мне, ака...

— Сухейль, но уже утро!.. Уже весь сад алый!.. Уже весь сад алый, а был сизый! Весь алый!.. Выйди из-за ствола, Сухейль!.. Не таись! Уже весь сад алый!..

Но она не выходит. Таится. Только два сливовых дымчатых глубоких глаза глядят из-за алого ствола... Глядят!.. Томят!.. Берегут!.. Жалеют!.. Молят!..

Айе!..

Да что еще есть в мире, кроме этих сливовых молящих глаз?..

Кроме этого алого, алого, алого, алого утреннего веющего сада?.. Что еще есть в мире?..

Куда я ухожу?.. Зачем?.. Зачем навек оставляю эти два глаза за алыми стволами?..

Зачем?..

И тут я закрываю глаза и вижу, как бежит, бежит в поле Рустам-палван со стрелой в спине... Как он улыбается мне: «Выпьем бузы — и пой, пляши, бычок!.. Такая ночь один раз в жизни бывает!»

И тут я закрываю глаза и вижу Голубоглазого с широким зрелым афганским ножом у самого моего худого безвинного горла: «Резать? Я очень хочу его резать!.. Их резать! Всех! Хочу резать!.. Ай!.. Дай!..»

— Сухейль, не таись за стволом!.. Уже весь сад алый, а был сизый!.. Сухейль, я пришел проститься...

— Я знаю, ака...

— Кара-Бутон убил моего друга... Я должен отомстить... Вернуть ему его стрелу...

— Я знаю, ака...

— Я скоро вернусь... Я освобожу узников зинданов и сразу вернусь к тебе, Сухейль!.. Сразу!.. Скоро!..

— Я знаю, ака...

— Выйди из-за ствола... Давай простимся, Сухейль...

— Нет, ака... Я вся алая... Стыдно мне...

— Весь сад алый... Только от арыка, от реки след иа траве жемчужный ледяиой кружевиой святой белеет... Выйди, Сухейль...

— Нет, ака... Я алая...

— Прощай, Сухейль! Ты будешь ждать меня, дочь бека?..

— Да, сын горшечника... Арык течет — Сухейль ждет... Река течет — Сухейль еще больше ждет!.. Смерть придет — Сухейль ждет... Смерть уйдет — Сухейль ждет...

Айе!..

— Прощай, Сухейль!.. Я скоро вернусь!..

Я бегу по саду.
Сад.
Алый.
Айе!..

ЭПИЛОГ

Сказано в древности, что люди ходят по тропинкам, часто забывая о Великом Пути. О Пути Добра. О Пути извечной борьбы со Злом. Нельзя дать Великому Пути зарасти колючкой и верблюжьей травой, как зарос, увял, истаял Великий Шелковый Путь...

Нельзя!..

И Ходжа Насреддии сошел с малой тропинки своей жизни и ушел иа Великий Путь Добра...

А Любовь?..
А Сухейль?..

Арык течет — Сухейль ждет.
Река течет — Сухейль еще больше ждет.
Смерть придет — Сухейль ждет.
Смерть уйдет — Сухейль ждет...

Айе!..

1974

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

...Позиал я все сокровеииое и явное, ибо научила меня Премудрость, художница всего. Она есть дух разумный, святый, единородный, миогочастный, тоикий, удобоподвижиый, светлый, чистый, ясный, невредительный, благолюбивый, скорый, иеудержимый, благодетельный, человеколюбивый, твердый, иепоколебимый, спокойный, беспечальиый, всевидящий и проиикающий все умные, чистые, тоичайшие духи...

Премудрость Соломона

КОЛЫБЕЛЬ

Царь Сулаймон, Ты говоришь: я предпочел Премудрость скнпетрам и престолам и богатство почитал за ннчто в сравненнн с Нею. Драгоценного камня я не сравннл с Нею, потому что перед Нею все золото — ничтожный песок, а серебро — грязь в сравнении с Нею. Я полюбнл Ее больше здоровья и красоты... Мудрость знает давнопрошедшее н угадывает будущее...

...Да, царь!.. Дальный! Пленный!.. Нетленный!.. Ты давно ушел нзннк исчах нзветрился как гора в пустыне Гобн, но Ты жив, потому что жнво сокровенное напоенное слово Твое. Слово мудрости... И Ты едннственный царь, которому вннмает тихая душа моя на вечернем вечном февральском туманном сонном берегу родной реки моей Сиемы! Да!..

...Я, Ходжа Насреддин, говорю: в двадцать лет Бог (кто Ты, Господь? Авраам?.. Будда?.. Инсус Хрнстос?.. Мухаммад?.. — но Ты) поселяет в человеке любовь к женщине...

И я не знал ее...

В тридцать лет — любовь к вину, в сорок — страсть к путешествиям.

(А эту знал я в нзбытке!..)

В пятьдесят лет — любовь к мудрости... Да!..
Мне шестьдесят лет.
И где мудрость моя?..
...Только родная река Сиема в тумане вялая февральская дремотная забвенная течет грядет доносится...
Живет река... И пена ее быстра мутна молода?
Почему река мутна?.. Только что растаяли молодые мутные смутные снега?..
Почему змея мудра?.. Потому что она всем телом льнет лепится тянется к земле. Струится по земле.
Как вода? Как река?.. Да?..
...Я всю жизнь льнул к земле, к траве, к камням, к деревьям... К людям земли... К дехканам, к землистым их щедрым рукам, к свежим их полевым травяным зеленым родниковым душам...
...Царь, Ты говоришь: Премудрость не войдет в лукавую душу!..
И я узнал это...
Я устал утомился от лукавых подвижных текучих человеков, а таких много ныне, как птиц-майна, уничтожающих посевы полей... Да!..
Но я шел среди народа моего, я спал на нагой земле моей, положив веселую хмельную дорожную пыльную голову свою на нищий рыхлый живот осла моего...
Хаким ибн Сина, Авиценна, великий целитель, врачеватель, отчего так бурлит, свербит, томит, поет пустой живот?..
Эту загадку так и не решил я в долгие ночи мои под бездонными звездами, о которых так много знал мавлоно Омар Хайям, но так и не сказал нам ни слова... Ушел, оставив нам безответные светила...

...А река Сиема шумит, перебирая передвигая донные глухие тяжкие слепые валуны камни...
А отчего шумит бурчит клокочет ярится пустой живот?.. Что передвигает, перебирает?.. А?..
И ни один мудрец не ответил на низкий сей вопрос...
И только древний китаец Кун Цзы говорит: и голова истинного мудреца пуста, как и живот его... Да...
Но я видел многих, головы которых мечутся и мыслят только для того, чтобы сладострастно наполнить живот. И такие животные слепые головы святы в земле нашей, в Мавераннахре, в Державе блаженного нашего Амира

Тимура, Повелителя Вселенной, Сахиб-уль-Қырама!.. И такие головы не сечет праведный меч его!..

И я шел, жил, надеялся средь таких голов!..

О боже! и что средь таких голов участь моя?..

Нет иных!.. О боже!.. Тошно!..

...Пророк Иса Пророк Иисус — Ты жил во времена Одного Иуды — и ушел к Богу...

Я живу во Времена Двенадцати Иуд!..

Все предают!.. Всё предают!..

А я живу...

Но!..

Есть и иные в народе моем!..

И незримые неслышимые глухие мудрецы источают, изливают мудрость, как темные ледники источают пенные молодые вечно прозрачные реки...

Да?..

Но!..

О земля моя! о народ мой! что затаились мудрецы твои?.. В каких кибитках? у каких деревьев? при каких дорогах?

И мудрость стала тайной в народе моем?..

Сказано: мудрец живет согласно потоку жизни, а глупец насилует жизнь, подгоняет ее под свои страсти... ломает жизнь...

Так?..

И потому таятся хранятся и безмолвствуют мудрецы твои, слепая родина моя?..

И потому ледники тайно порождают извергают благодатные вольные реки твои?.. и!..

...Но я шел, но я не таился, но я прижимался припадал малым телом своим к необъятному телу народа своего, как змея прижимается льнет лепится к земле...

Но где мудрость моя?.. Где?..

Мудрость, где заводь благодатная блаженная лазурная твоя?..

Где брег твой вечнозеленый?..

И вот!.. Горько!..

И вот горькое полынное забытое тело мое стало как истертый от рук многих дряхлый древний дирхем...

И вот тело мое согбенное, как Большой Минарет багдадской Мечети Халифов Джамиа-аль Хуляфа...

И вот оно покосилось пошатнулось и вот оно обветшало, как дувалы магрибских кладбищ-мазаров...

И вот оно мое! и оно было уповало! и наливалось младое! и созревало, как бухарское густое медовое яблоко! и пало терпкое подбитое!.. И пало...

И вьется червь победный необъятный...

Тело старое... Чужое! чужое! чужое! чужое! чужое... Малое... Растраченное... Бросить его в реку?..

...Сказано мудрецом перед смертью: нагим я хочу слиться с Богом! Рубаха тела тонка (не сладка уж!) как шелк иль волос... Надо снять ее...

...Снять?.. Бросить в реку рубаху тела?..

...Река река моя Сиема, ты ль у ног моих босых течешь льнешь?.. Хладная река моя!.. Ледовая ледниковая моя!.. И твои форели бредут стоят у ног моих льются лепетные... ластятся сосут мне пальцы тленные...

...И поплывет рубаха тела?..

И там текла река в которой я лежал в которой протекал
в которой плыл витал стенал роптал молился
И там текла река в которой я лиился я томился жил дышал
захлебывался хрусталями вился вился мла́дый младый длился
И там текла река которая лелеяла
И там текла река которая которая была была текучей
дальней давней колыбелью воли молениых материнских
лестиых леииых ленных воли влюблениых
Которая была текучей колыбелью
Которая была текучей колыбелью в осияиных во песчаных
в давних
давних млечиых млечиых милых милых бре́гах бре́гах бре́гах
И омывала овевала волиами забвениыми протекшими мое мое
мое уж
уходящее уж утекающее тело тело тело обмелевшее уже
сомлевшее
уже сомлевшее уже ушедшее ушедшее ушедшее
Утекшее

...Река река ты помнишь ты хранишь мои босые ноги детские?.. Твои запруды заводи ночные помнят дальнее мое крутое тело?.. Ты помнишь — я плыву в ночных волнах млечных лунных ленных?.. Ты помнишь?..

Я был был был ночной агатовый каракулевый агнец твой река река моя матерь, ведь живой родной единственной матери не было у меня, ведь я был найденыш сирота, и ты была моя матерь, река река моя Сиема незабвенная непротекшая!..

И святы камни валуны твои теплые скользкие груди матери несужденные целебные!..
И блаженны!..

...И поплывет рубаха тела?..

...Нет!.. Я вернулся, матерь! мать нетленная!
И я снимаю разбитые кривые измятые чарога — сапоги свои и босые ноги опускаю в волны по колени... Я чую форелей и сосут сосут ступни мои приречные уступчивые зыбучие пески пески пески...
И сосут берут родимые форели!..
И блаженны родины реки родимые форели!..

В ту нощь звезда была чиста моя бухарская родимая
В ту нощь река была светла моя миндальная волнистая
В ту нощь звезда была чиста
Но ты кафир! беглец! неверный!
В ту нощь звезда была чиста
Ты мул двоякий обделенный
И гроб твой будет кочевать средн слепых и необрезанных
И гроб твой будет кочевать словно верблюд в безлунных землях
И гроб твой будет кочевать и там тебе не будет берега
И там в аллаховых песках не будет ни куста ни берега
И гроб твой будет кочевать
И будет заиданнйский саван пески летучие впускать
И будут сечь мне тело мертвое.
И тут тебе гнезда не знать и там тебе не ведать берега
И гроб твой будет кочевать
Но Господи ведь я вернулся
И у миндального куста
И разрыдался и разулся

В ту нощь звезда была чиста
Но у мечети незабвенной
Кричал «Алла» босой мулла
И ел святую талу землю

...Да!.. И я ем святую родную землю!.. Ем февральский небогатый неверный талый снег!.. И пью твою свежую новорожденную воду тихих тайных ледников, река Сиема моя!.. И пью мудрость тайных мудрецов, талая родина моя...
Я пил из многих рек земли — из Джайхуна и Евфрата, из Нила и Янцзы, — и нигде нет такой сладкой блаженной доброй доброй молодой живой воды! Да!..
...Я был, я брал у многих мудрецов земли, но душа моя утихла только на берегу родины моей...

И стало ей вольно и легко, как босым ногам моим погруженным... Босая душа моя витает, отойдя от тела над рекой!.. Я только теперь учуял услыхал узнал ее, как ночную тайную бесшумную птицу, как степного полевого травяного вешнего кроткого голубя-вяхиря...

...И поплывет рубаха тела?..

И плывет...

Шейх Саади, Ты речешь: после пятидесяти лет смешно говорить о родине. Родина там, где тебя любят и чтут...

Нет, шейх!..

...Лишь ты сладка, вода родины реки моей!.. Я сорок лет не пил тебя, и гортань моя тосковала по тебе и стала, как солончак даштикипчакской степи, и стала пустынна и горяча, как пески Сундукли... А была гортань молодая свежая ярая алая, как аральский, как куняургенчский поздний арбуз...

А стала как пески Сундукли...

Я лежал на песках Сундукли
Шел верблюд на песках Сундукли
И скорпионы скарабеи в барханах мужая росли на песках Сундукли
Так чисто умирать на песках Сундукли
Приходите чистые сыны усыпать на песках Сундукли

...Но я не уснул там...

Я вернулся, Сиема, родина, текучая колыбель моя...

И кривые мои пыльные глухие ноги стоят живут плывут в воде твоей, пахнущей талым талым снегом... И ледовая чуткая вода ласкает ноги мои оглохшие и щекочет топит томит старые пальцы мои, похожие иа морщинистые головы гиссарских степных кладбищенских черепах...

Да! Да!.. Весь я дышу, живу, томлюсь!.. Да, Аллах!..

Да! Я вернулся домой.

И там за рекой вдали во тьме февральских сырых талых нагих глухих тающих урюковых гранатовых грушевых садов лежит спит родной мой кишлак Ходжа-Ильгар... Там тихо... Сонно, там даже собаки не лают... Кишлак спит убито смутно за дувалами слепыми тайными... За талыми родимыми дувалами...

...Ты встречаешь меня в лае псов своих, родина моя!.. Хоть лаем, но встречаешь?.. Пусть лаем!..

Но там тьма тишина... И молчат вешние студеные серые псы мои...

И только талые деревья бродят в заречном тумане тумане тумане... Иль они мне машут серыми тяжкими ветвями?.. Иль манят из туманов?..

...Я сорок лет там не был... Никто там меня не узнает... Никому я там не нужен... Запоздалый...

...Но запах реки!.. Но запах сырых напоенных заждавшихся деревьев чудящих ворожащих в туманах!.. Но запах где-то забытых дотлевающих кизяков!.. Но запах талого изникающего тонкого снега!.. Но запах родины!.. Но запах гнезда люльки колыбели!.. Но запах льется течет бьется мне в ноздри, в душу, в глаза!.. Да!..

И я срываю свежую ломкую ветку приречного кроткого тополя — туранги... И я кладу ее на язык...

Ветка влажная снежная сырая. Горькая. Мяклая. Тает она...

Я жую ветку. Она уже вешняя. Текучая. Живая. Сладкая она...

Тогда плачут глаза мои...

Я сорок лет не плакал... С того дня, как ушел, убежал из родного кишлака Ходжа-Ильгара на Великий Шелковый Путь... Я сорок лет смеялся и смешил, тешил людей в мертвой глухой сонной военной стране — державе Амира Тимура...

...И где мудрость моя?.. Где вечнозеленый берег ее?.. Где заводь ее тайная, сокровенная?..

...А лицо мое от смеха стало морщинистым и желчным...

Говорят, что богатые люди и властители не любят, когда над ними смеются. А бедняки любят?.. Нет. Никто не любит...

Это печальный дар — смешить людей, смеяться над ними. И потому иссохли лицо и душа моя... Да...

О боже, зачем мне дар этот? судьба масхарабоза? шута? горб горбуна? Я проклинаю вольный веселый беспечный, хмельной язык свой... От него пусто во рту моем, в душе моей... Зачем он в земле нашей?.. Как шут на похоронах, на поминках?..

И вот я плачу...

Как сладко плакать!.. Пророк Иса, Ты истиино сказал: блажеииы плачущие, ибо утешатся!.. Да!..

Я утешился поздиими иочиыми слезами от встречи с тихой талой сонной родиной моей...

...И плывет рубаха тела...

И...

IIВА

И...

...Старый Ходжа Насреддин сидит на жемчужном приречиом ладном валуие, опустив худые голые ноги в ледяиую реку...

Река течет... Ноги текут...

Он плачет... Он счастлив... Он вериулся домой. В родной кишлак Ходжа-Ильгар. Через сорок лет...

Не поздио ль?..

Нет...

...О родииа, прими меия, во тьме дорогу потерявшего. Прими — и в вешних волиах дай всем телом высохшим расплакаться!.. Да! да! да!.. Прими!..

...И там иа берегу стояла одииокая ива и она раиняя беспечио беспечально распустилась и покрылась зелеными рьяными плакучими молодыми талыми листьями и оиа стояла вся зелеиая и вся была в мокром соином тяжком мертвом слепом сиегу... Неубитая иеуморенная непомерзшая... Невзятая стояла листьями мокрыми вешними иевинными ликовала... И вся оиа стояла ранняя в сиегу невиниая расцветшая до времеии своего...

И Ходжа Насреддии увидел ее и подумал, что ои как ива эта раиияя расцветшая иевиино средь мертвой снежной убитой державы Амира Тимура... И улыбиулся, и подумал, что ои как ива раиняя расцветшая иевиииая неубиенная в сиегу державы тирана в снегах необъятных Мавераниахра и Тураиа...

Иль вся Держава — ие Стрела летящая разящая?..

Иль весь иарод — не лучиик чагатай в собачьем волчьем малахае стрелу погибельно спускающий?..

...Ты ие воин?.. Не чабаи, овец для воинов пасущий растящий?.. Не дехкаиии, под копытами коней военных гневиых урожай для воинов сберегающий сбирающий?..

Ай!..

...Ты певец? ты шут? Мудрец?.. Ха-ха!.. Ты муха с изумрудною спиною ломкой обреченной исчезающей?..

Да!.. Ты муха в державе Джахангира Тирана Амира Тимура в Державе убивающей?..

Но!..

...Но таяло!.. Но таял снег!.. Но ива таяла!.. Но с ветвей зеленых неповинных капало сбегало слетало тяжкое спадало!.. Но таяло!..

И Ходжа Насреддин улыбался!..

...Я плачу, я смеюсь на берегу твоем, малая моя родина, моя гахвара зыбка люлька, моя колыбель, мой исток незамутненный, моя река Сиема, мой кишлак чахлый сирый, мое гнездо полузабытое полуразмытое покинутое некогда навек Ходжа-Ильгар!..

...И я думаю об огромной стране Мавераннахре Амира Тимура, по которой бродит одинокий человек — и он возвращается в кишлак своих отцов, на берег древних дремлющих чинар родных исконных живых могил...

...Родина там, где тебя любят?..

Кто любил меня в стране моей?.. Кто обласкал и принял меня, как мать долгожданного странствующего сына?.. Кто отворил дверь в ночи и принял и напоил вином чужбины?..

Только зверь рыщет по земле в поисках тучной добычи.

Человек мечется бродит по земле в поисках любви. И ее всегда не хватает, как воды в пустыне...

И все караваны земли грядут бредут томятся в поисках любви.

И человек ищет человека!.. И человек ищет человеков!.. И человек ищет человечество!..

И любовь, как и ненависть, бежит перекидывается перебрасывается переливается от человека к человеку, от народа к народу, как пламя в сухих камышах в азовских тугаях!..

Да!.. И я искал!..

И я избил ноги! Вот они покоятся отходят веселые в ледяной родной реке! да!..

И я избил душу! Вот она летит над рекой в родной кишлак заснеженный туманный как ночная чудящая шалая бесшумная птица во гнездо утраченное!..

И что?.. И где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?..

...Я сорок лет искал людей, я сорок лет искал ждал жаждал алкал их любви, я сорок лет отдавал людям свою любовь, свою жизнь, свою душу.

Я сорок лет отдавал плоды жизни моей, как придорожная дикая бездомная сиротская щедрая открытая безвинная алыча отдает золотые острые духмяные плоды прохожим людям, птицам, зверям...

Я сорок лет тратил, отдавал, ронял дарил терял. И что?..

Где мудрость моя?.. Где нетленный след мой?..

Иль он лишь пена жемчужная беглая летучая скорая умирающая увядающая тающая в волнах?..

Иль?..

Только старые кривые пыльные тяжкие печальные растраченные ноги мои плывут текут тоскуют в ледяной одинокой февральской дремотной реке. Да?..

И крутая нежная чуткая лепетная ханская форель льнет к ногам моим, ласкает щекочет, как верная собака влажным добрым тихим носом...

Это не форель, это волна...

Родная дальняя моя, она узнала меня... уткнулась в мои ноги... Узнала!.. Да!.. Я сорок лет с тобою не был!..

Я сорок лет смеялся и веселил людей на всех великих дорогах, где никогда не опускается не усмиряется не утихает пыль от прохожих караванов, на всех заблудших тайных тропах, во всех кибитках, чайханах и караван-сараях неуютной тайной темной кровавой родины моей!..

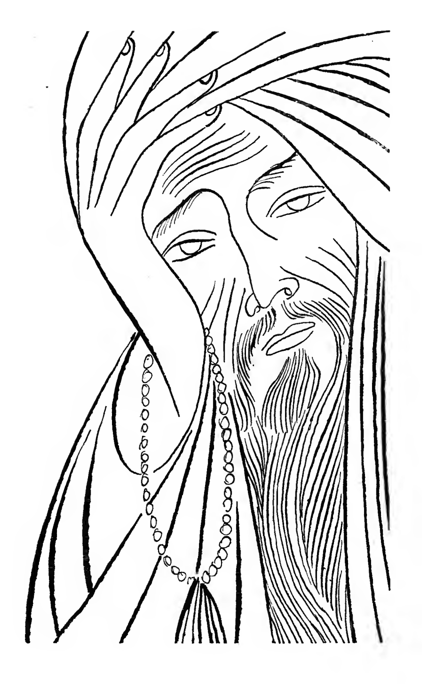
Я тешил утешал я возвышал я поднимал людей, я был везде, и только Смерть опережала меня, ибо Она Хозяйка и Повелительница в стране моей!..

И я отпугивал ее, как ночную кладбищенскую чубарую крапчатую гиену, но она была рядом на всех путях родины моей.

И ждала!.. Смерть!.. Бырс! Гиена!.. Скоро! Встреча скоро!.. И!..

Амир Тимур, ты скачешь на коне?..

Амир Тимур, ты скачешь на карабаирском долгом атласном шелковом переливчатом заливистом тугом собачьем коне с жемчужной сеткой на пенной волчьей морде?..



Амир Тимур, ты скачешь иа военном иеобъятиом иеоглядиом коне?

А эти кони карабаиры едят вялеиое монгольское мясо!.. А эти кони едят мясо!.. А эти кони грызут волка... И скачут долго!.. Эти военные кони!..

Нет, Амир! Нет, Тимур! Ты скачешь кличешь кычешь иа гиене!.. на Смерти!.. Ты скачешь на гиене! да!..

Айя!..

...Глядите — Тираи Джахангир Повелитель мира скачет на иизкой землистой тусклой ночиой кладбищеиской чубарой крапчатой пахучей падучей гиилой зыбкой тленной Гиене!..

Да!.. И твоя добыча! твоя палая сладкая добыча! твой мертвый урожай — лежат твои трупы... Айя!.. Да!..

Глядите — Тираны всегда скачут иа Гиенах!.. Да!.. Ха-ха!..

...Но так велика их добыча... Но так велика их добыча... Айя!..

Амир — ты не Повелитель иародов и стран!.. Ты — раб Смерти. Ты — раб Гиены! И ты скорая добыча ее!.. Скорая... Податливая!..

...Но я ие боялся Гиены, я гиал ее смехом и забывался и отдалялся.

И люди забывали о ией, когда смеялись со мной...

...Гиена!.. Смерть!.. Чух! Кыш! Пошла!.. Иди к своему Повелителю, иди к своему Рабу, иди к своему Амиру!.. Пошла!..

И она отбегала, отходила отступала в ночь в иощь, а теперь оиа таится там и ползет как опоздалая квелая поздняя змея гюрза в снежных тумаиных кустах приречной туранги... Айя!..

...Пошла! Уйди, гиена... Уйди, смерть... Еще не пришло твое время, хотя Времена Гиены Времеиа Смерти Времена Двенадцати Иуд пришли иа землю мою пришли на страну мою! иа народ мой пригнетенный повырубленный... потоптаниый...

А я? А я смеялся? А я сверкал молодыми веселыми телячьими лучистыми снежиыми зубами?..

И где?.. О боже!.. В какой стране? в какой земле? в каком народе гиблом палом? где я смеялся?.. Где я смеялся? шут скоморох скомрах, масхарабоз иа похоронах?.. Да?.. О боже, где я смеялся?.. О боже!.. Только теперь мне стало страшио!.. Я смеялся на кладбищах!

на мазарах! на могильных низких безымянных холмиках!..

...Шейх Хайям, Ты говоришь:

> Гляди, коль ты не слеп: могилы пред тобой!
> Соблазнов полон мир, объятый суетой!
> Во ртах у муравьев текут дробятся лики
> Красавиц и царей, забытых под землей!..

...А я не знал! А я слепой был! Веселый, как каракулевый новорожденный слизистый от чрева материовцы мокрый молочный турткульский барашек, радостно идущий под нож локайца пастуха в день, когда цветут горные кудрявые сизые родниковые фисташки...

Смех — это молоко... Мудрость — это мясо...

Корова много раз дает молоко, но только однажды — мясо...

Пора мудрости — пора редкая, пора тяжкая. Пора последняя. И вот она пришла...

...Но где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?.. Где заводь ее лазурная тихокаменная тихопесчаная врачующая?..

...И поплывет рубаха тела...

...И у ног держатся ластятся форели...

...И ива неповинно расцвела взошла средь снега...

...И я смеялся средь кровавой средь Империи Гиены!.. Да!..

КОНИ

...Да! да! да! да! Ха-ха!.. Я смеялся я смеюсь среди Империи Гиены!.. Да, Амир Тимур! смеюсь и под копытами твоих коней военных пенных!..

...А ты скачешь на Трех Конях!..

На Коне Войны!.. Весь народ — рать обреченная!..

На Коне Страха!.. Весь народ — пугливый суслик-тарбаган в норе дрожащий немо!..

На Коне Нищеты!.. Весь народ — как нищий странник-дервиш с нищею сумой-кашкюлем переметным... Куда идет бредет? И кто подаст? кто обласкает? обогреет?

Да! да!.. Шайдиллa!.. Помоги Господь!.. Айя!.. Помилуй!..

Эй! да что за тишь! за тьма! за кладбище вселенское!..

И только Три Коня влекут слепую сонную кровавую скрипучую загробную Арбу Имперью Мавераннахр...

И Три Коня влекут Арбу Империю...

Три Коня влекут проклятую Арбу Империю...

И под дремучими тягучими тяжелыми колесами дробятся и крошатся инкнут утихают покорливые выи шеи!.. Да!.. Крошатся выи шеи!.. Но!.. Доколе?.. Боже?..

Но!.. Когда споткнутся кони!..

Но!.. Когда издохнут кони!..

Но!.. Когда повалятся порушатся колеса!..

Да! Скоро ль? скоро ль? скоро ль?.. скоро ль?..

Да! Скоро! скоро скоро скоро скоро!..

Да! я знаю! да! я был под конями и под колесами! и под повозкой! и я знаю! и я видел! Скоро!..

И я смеялся и я смеялся под смертельными конями аргамаками под колесами я смеялся и кричал: скоро скоро скоро! Скоро издохнут кони!.. Скоро покатятся вольные разбитые колеса! скоро расхитят разберут потомки воры сыны внуки погребальную посмертную Арбу Мавераннахр Повозку!.. И я вижу — истомились истекли последней гоиной пеною слюною судорожной кони комони! иссохлись истратились искривились исказились трухлявые колеса! и изгнила смертная плетеная рабов народов воинов покорливых Арба Мавераннахр Повозка!..

И я был под конями — их копыта разбитые рваные!

И я смеялся! И я кричал: эй, человеки! Да Арба-то гнилая!

Да!.. Амир! Тимур! Возница Арбы! и ты уже ветх и дряхл и ногой хромою и рукой беспалой саксаульной высохшею правишь... И криво правишь!.. И Арба летит косая! И летит Арба беспутная кровавая слепая на кладбище на мазар! и там стоит ворожит Азраил Ангел Смерти!..

И там Арба станет!.. И там падет и там развалится и усмирится претворится в землю в червя во тлен канет!..

Но!..

Но пыль!.. Но тьма!.. Но кровь! Но раздавленный народ! Но убитая сиротская земля!.. моя...

Вот след Арбы!.. Сакма ее!.. И она свежа и она длится и она дышит сакма-рана!..

...И что я ноги нагие в воду ледяную опускаю?.. Мало!.. Душа-то мается! не остывает! не кончается!..

И все скачут скачут скачут Три Коня и влекут влекут влекут слепую сонную Арбу-Империю Погребальную!..

Да, скачут!.. И давят!.. И крушат!.. крошат!.. И пригнетают!..

...Раб! Человек!.. Чего боишься колес Арбы рассохшейся? колес на лету на бегу сорвавшихся?..

Раб! Друг!.. Далекий!.. Смутный!.. Не бойся!.. Скоро Арба усохнет, станет!.. Скоро развалится... Скоро кони брюхом в пыль текучую падучую дремучую пахучую победную полягут да не встанут...

Друг! Поверь!.. Я был там... под конями... под колесами... я видел... я выжил... я знаю...

Но!.. Три Коня все скачут, а я уже старый. Уже! уже старый!..

Но!.. Они полягут!.. Они повянут!..

Но я старый! но боже! чтоб они не обскакали! чтоб они меня не обскакали!..

Нет!.. Амир Тимур, не опередишь ты меня, не обскачешь!..

Но!.. Три Коня скачут!.. Дышат! Пылят! Тратятся!..

...Аллах! Где же истина?.. Где правда?..

И Зло летит на Трех Конях! на лютых! пенных! на кромешных!.. А Добро тащится на осле моем покорном бедном дряхлом древнем медленном?.. Да?..

Аллах!.. Но что я?.. Иль Твой замысел неверный?.. И ледовая вода заходит забирает за мои разбитые колени...

...И поплывет рубаха тела...

...И где мудрость моя?.. И где брег ее вечнозеленый?..

Но! но! но!.. Я вижу!.. Уже! уже изнемогают изникают оседают кони кони кони возметенные!.. Уже слагают в пыль высокие дрожащие летящие атласные колени!.. Уже глаза их налитые смертные как рубиновые жгучие горючие афганские перцы!.. Уже пена вялая тучная вислая обильная падучая краснеет! уже краснеет!..

И были кони угончивые уносчивые, а стали утомчивые!.. А были кони бессмертные, а стали кони тленные!..
Да!..

И осел мой тихий бедный медленный идет... И нагоняет. Приближается. Жалеет...

Да!.. Жалеет...

...И кто упавший лежит в пыли?.. Властитель джахангир Вселенной? Меч Народов?..

Амир Тимур, ты лежишь в пыли победоносной? только пылью побежденный, уморенный?..

И рядом тихо верно издыхают твои карабаиры ахалтекинские аргамаки кони?..

И сонно!.. Тленно!.. Мертво!.. Тошно!.. И пахнет пыльной теплой многой кровью сырой сонной кровью кровью!..

Тимур Хромец державный, ты шепчешь, ты зовешь повелеваешь из пыли: хромой владыка!.. Хромые кони!.. Хромые народы!.. Ангел Азраил загробный! забирай меня! быстрее!.. Я повелеваю!.. Забирай быстрее! Ты-то хоть не хромой?..

...Держава Тимура пылала. Пылила Тимура нога в каракумских оазисах.
Владыка пришел на осиное всадников кла́дбище — осиное древо его обласкало опасливо.
И влез на минарет Хромец и зло в пустыню скалился.
И перстом повелительным кликнул загробного Ангела...

Да!..

Но!.. Тиран лежит в пыли и некому его поднять и даже Ангел могил Ангел Ада Азраил учуяв Джахангира убоялся!.. Да... Убоялся!..

Вот он Азраил остановился в стороне и не подходит к упавшему Тирану и медлит и ждет, когда Смерть Амира спеленает скрутит в пыльный кокон — саван долгожданный!.. Айя!..

И вот глядите — Тиран поверженный лежит в пыли и Азраил медлит убоявшись!.. И медлит хоронясь за ивой неповинной снежной талой распустившейся и медлит Азраил чернобородый ярый восседая на многовласом дремучем памирском яке-кутасе Зверояке неоглядном! Темном угольном агатовом!.. И медлит Ангел Ада Азраил упавшего Тирана убоявшись!..

Тогда!..

Тогда Ходжа Насреддин сходит с нищего низкого дремотиого осла и Владыку поднимает...

Тогда Мудрец Хромца поверженного из пыли праха тлена дорожного слепого подиимает...

Тогда Мудрец поднимает Тирана...

...И коии палые Имперьи шеи выи змеиные умирающие иедужио хворо гибельно напоследок выгибают ищут тщатся да роияют упускают иавек иавек в пыль чреватую родящую!..

Да очи коньи перцы рубиновые жгучие афганские навек вытекают из глазииц да текут да остаиавливаются....

Да Арба Имперья палая уже! уже! уже объята короедами жуками тлею паутиной да червями!.. Да! да! да!.. Уже объята замогильными червями!..

Шайдилла!.. Уран!.. Уйди!..

...Ай!.. Да что за бред! за тьма!.. Я Ходжа Насреддии?.. Я? Я? Я влеку Тираиа? Я спасаю утлого Хромца? Ай!.. Шайдилла! Все бред!.. Все тьма!..

Все кони пенные смертны голо хищно гневно блудио скачут скачут скачут!.. Распаляясь! Распадаясь!.. Все Хромец своей хромой Арбой-Державой правит!.. Айя!..

...А я только ноги только старые свои глухие ледяные ноги из реки родиой родимой из реки ледовой вынимаю выбираю...

Но!..

ВИДЕНЬЯ

Но!..

Но бред все тянется!.. Все я тащу влеку спасаю утлого Хромца Тирана!..

И хохочу смеюсь вослед колесам Арбы распавшимся вслепую во тьму летящим!

Иль вся Жизнь — лишь поединок смертный вечный мудрости и злодейства?.. И лишь двое на Дороге Человеков вечной — Владыка Зла и Мудрец Добра?.. Палач и Жертва — близнецы слепые двуединые обреченные

заклятые усталые?.. И один тащит другого?.. И один убивает угнетает уморяет... И другой спасает возвышает поднимает из праха... И лишь двое бредут грядут обнявшись по Дороге Веков по Дороге Народов аллаховых?.. По дороге черепов могил иародов безвестных безымянных?.. А?..

...Тимур, ты родился от нойона Тарагая-барласа и матери Текины-хатун... Ты родился с кровавым сгустком, зажатым в правой ладони!.. Да, слепой! Да, невииный, как расцветшая ива в снегу!

Ты родился с кровавым сгустком в руке в кулачке свежем новорожденном.

И ты льешь даешь любишь кровь текучую чужую довременную... И выпускаешь кровь из сосудов аллаховых человеков, как овец заждавшихся из загоиа...

И ты пастух отар стад народов зарезанных... И стада твои (Айя!.. да что ж это, Господь мой?) многие щедрые тучные палые...

И они загробиые усопшие и они не разбредаются...

И пришли Времеиа, когда пасомые лежат, потому что они убиениые... И не разбредаются...

И пастух уж спит, и спит уж нож его усталый необъятный...

...Тимур, ты знаешь — меия нашли на амударьинском травянистом островке Араиджа-бобо близ Великого Шелкового Пути...

Кто-то уронил родил любил кормил забыл меня иа островке...

А в руке моей — ай далекой ай розовой ай свежей ай сиротской ай миндальной ай влюблеиной — был зажат запрятан хрупкий лепесток дикой приречной алычи. Как он попал в новорожденную скользкую еще от сукровицы материнской руку мою?..

...Эй, родиые мои матерь и отец... Веселые! Хмельиые! Бражиые! Слепые!.. Святые!.. Вешиие!.. Напоенные!.. Избыточные, как пчелы сборщицы в исфаринских самаркандских гератских урюковых тесных медовых садах садах садах!..

Эй!.. Матерь!.. Отец!.. Оя!.. Дада!..

Я так и не сказал вам этих слов... А теперь говорю кричу и сладко мие!..

...Оя! оя! оя!.. Матерь! матерь! матерь!.. мама! мааааааа!..

...Дада! дада! дада!.. Ата!.. Ата!.. Отец! отец! отец!.. аааа! Ай!..

...Мне шестьдесят лет и я кричу во тьму талую! в реку ледовую ледяиую туманную! в родной кншлак мой Ходжа-Ильгар заречный талый таящнйся!.. И я крнчу кричу талым счастливым оленьнм птичьнм вешннм голосом:

...Оя!.. Матерь моя!..

...Ата!.. Отец мой!..

...Где вы молодые хмельные полноводные мон?.. Где следы ваши?..

Оя! Ата!.. Спасибо за лепесток алычн подаренный оставлеиный!.. И все-то не увял он, все не увядает, все не увядает...

Но!.. Дальное... Уже... Все дальное... все дальное... Все!.. дальиое!..

А!..

...Амир, Ты родился с кровью в руке, как Хакан Чннгнс... И потому нщешь творишь кровь, чтобы вспомннть благодатные дальние охраняющие глухне недра матерн своей, потаенную крепость чрева утробы ее... И потому нщешь пролнваешь кровь... Чтобы вспомннть...

Амнр, я родился с алычовым жемчужным хрупкнм летучнм лепестком в руке... И потому я всегда дрожу и маюсь, когда вижу алычу прнречную цветущую заблудшую придорожиую... И потому я всегда дрожу, когда вижу алычу прндорожную цветущую безвинную...

И цветы лепестки тнхие ее как влажиые свежне жемчуга растущие... Как влажиые завитки белых каракулевых иоворожденных гиссарскнх барашков-агицев...

Да!.. Я всегда маюсь, томлюсь, вспоминаю, когда вижу алычу придорожиую прнречиую цветущую жнвую алебастровую... Да!..

...Но что я? Что брожу в днях прожнтых?.. Что? что? что? Что я сова неясыть стонущая на развалинах магрибского мазара Фазл-аллаха?..

...Но я живые иоги из рекн роднмой нз рекн ледовой выиимаю выбираю!.. И улыбаюсь, и веселый улыбаюсь... И смеюсь. И хохочу...

И тут казнь свою воспомнпаю, глядя на голые свон ноги небогатые... И иа ногах н на спиие еще томятся

шрамы, рубцы, раны... И еще не затянулись не забылись раны... свежие недавние... И я засыпан ими как багряными парчовыми бархатными лепестками жирных роз, атласных роз ширазских... роз гранатовых...
...Да!.. Только такими я осыпан был живучими жгучими цветами лепестками гранатовыми!..
Да! Жизнь моя, душа да тело усеяны усыпаны цветами лепестками ранами язвами точащими багряными...
Да!.. Это от ивовых гибких певучих хлестких палаческих палок, медными широкими битыми кольцами схваченных...

...Ай! я хохочу! воспоминаю!.. Бред!.. Уйди!.. Виденье!.. Опять я на себе тащу влеку Хромца упавшего недужного Тирана...
И Мудрец влечет Тирана?..

...Да!.. Тимур, ведь мы с тобой из одного кишлака... Из Ходжа-Ильгара... Мы росли вместе...
И только дувал саманный высокий амирский дувал разделял нас...
А теперь нас разделяет весь мир...

Но...

...Но я тащу тебя из пыли палого низкого merклого поднимаю и ты Хромец на меня валишься скалишься как пьяный как желтый абрикосовый забвенный моленный опиекурильщик и шепчешь: Насреддин, кликни Азраила Ангела... пусть забирает меня навек!.. Я повелеваю!.. И!.. О!..
...Амир!.. Хромец!.. Тиран!.. Джахангир!.. Повелитель мира!.. Тимур!.. Мальчишка дальный пыльный, идем как встарь в реку в ледяную в февральскую!.. Ведь весь кишлак боялся купаться в реке ранней снежной февральской! Ведь все боялись опасались!.. И только мы с тобой в волнах ледовых плавали бросались прятались таились уносились забывались!.. И весь кишлак сбегался поглядеть на нас плывущих в волнах ледовых опасных февральских!.. И мы лишь двое плыли в волнах и кричали и хохотали и обнимались!.. Да!.. да!.. да!.. да!.. дальное!..
Да!.. Дальние во дальнем... дальнем... дальнем...
Река... Матерь...

...А ныне я влеку тащу из снега палого Хромца Тирана, и он меня в плечо кусает острыми барласскими охотничьими зубами, но мы входим в реку ледяную Сиему родную и я омываюсь очищаюсь, а он лишь дрожит от холода от льда текучего колючего и шепчет шепчет и повелевает яростно: где Ангел Смерти Азраил?.. Пусть придет! Возьмет меня!.. И я взойду на Зверояке и паду уйду во прах под камень под плиту, во червя земляного необъятного! Я знаю!.. Мне не выпали не выдались сады небесные вечнозеленые вечнопрохладные сады ручьи заводи лазурные Аллаха!..

...Ай!.. Виденья налетают жалят жгут берут, как пчелы ярые из улья разбитого разъятого...

...И мы стоим в реке родимой ледяной и мы стоим течем бредем два старца в ледовых волнах набегающих!..

...И летают пчелы ледяные жалящие...

...Тогда я кричу: Тимур!.. Гляди!.. Мальчик!.. Агнец!.. Барашек!.. Река родная нас прощает, омывает, очищает!.. Гляди — река родная свежа чиста прозрачна как глаза агнца как глаза гиссарского каракулевого барашка!.. Гляди — течет река очей новорожденных бухарских агнцев!.. И донные камни валуны обнажает открывает и донные камни валуны текучие прозрачны!.. Гляди, Амир Тимур — река наша прозрачна и камни донные ее зыбучие текучие прозрачны...

Рекаааа... Маааатерь...

...Тогда он шепчет яро: Насреддин!.. Река темна!.. Она река крови!.. Она моя река и в ней мне вечно суждено блуждать стоять плыть жить тонуть томиться маяться!.. Моя река крови и зла темна, твоя река добра, мудрец, прозрачна!.. И там на дне моей реки крови — не камни донные, а всадники аргамачники чагатаи нукеры воины усопшие убитые, а все еще кочующие рыщущие скачущие под зелеными знаменами моей Арбы Державы Колесницы убивающей!..

Да!.. Они скачут и на дне, мои хмельные чагатаи в волчьих лисьих малахаях в острых стальных шлемах с рыжими косицами!.. С гератскими дамасскими летучими мечами, две головы сразу с ходу с маху срезающими ссекающими!.. Ай, Аллах, зачем дал человеку всего одну голову?..

Да!.. Они и иа дне скачут!.. Скачут темиые! тайиые! ярые! святые! мои чагатаи мои иочные совы моей ночиой святой Державы!.. Да!.. Скачут! скачут скачут скачут скачут! Уя!.. Уран!.. Скачут скачут плывут плывут плывут мои чагатаи мои псы мои волки мои барласы!.. Уя! Уч!.. Акча!.. Укча! Уя! Уран!.. Уя!.. Убитые ио верные, но вечные мои все скачут!.. по дну скачут!.. Айя!..

...Ай! Айя!.. Шайдилла!.. Помилуй! боже!.. Все видеиья! Бред!..

Я Ходжа Насреддин!.. Я один на берегу родной ледовой Сиемы-реки!..Я один!.. Я вернулся!.. Там, за рекою спит в глухом тумане родной мой кишлак Ходжа-Ильгар!.. Да! Прочь бред!.. Уходи!.. Кыш!.. Ушел! О!..

...Я выхожу из реки... Прошло?..

Но кто-то все шепчет томится мается мучится за спиной ледовой: Насреддии!.. Ты подиял меия хромого из пыли! Ты дотащил донес меня до реки родимой до кишлака-гнезда далекого бывого родимого родного!.. Ты спас меня, но и я спасал тебя!.. Но я тебя помиловал!.. Но я хотел тебя казнить, но вспомнил! ио узнал! но помиловал!.. Но из-под ножа палача вынул!.. Помнишь?.. Мудрец?.. Шут?.. Было?..

Да! Тимур! Было!..
Казнь была!.. Казнь!..

КАЗНЬ

...Да!.. Казнь!.. Ай!.. Айя!..

И казнят мое старое тело!.. И казнят томят мое тщетиое суетное мелкое тело тело тело...

И сказано мудрецом: не бойтесь убивающих ваше тело, души же не могущих убить, а бойтесь более Того, кто может и душу и тело погубить в геенне...

Да!..

...Но больио! и остро! и тесно! и душно!.. И тошно! Опять!.. Опять казнят терзают мое тело!.. О Аллах! Что тело дано человеку только для мучений?.. Тогда зачем мне тело?..

И иа самаркандской площади Регистаи у соборной мечети Бибихаиым опять казнят мое тело...

И четверо палачей чагатаев в коротких подпоясанных халатах и долгих мятых монгольских сапогах казнят мое тело... И четыре слепые тугие ивовые палки, схваченные медными кольцами, бьют режут рвут разбрызгивают тело мое, а оно нищее небогатое, а оно последнее... А тело мое старое, а палачи умелые рьяные веселые молодые, а палки ивовые хмельные, а медные летящие кольца как золотые!..

Ах, как золотые!.. Ой, как золотые!..

Ай, амир Тимур, твои палки, твои псы палачи золотые золотые золотые!.. Твои деянья золотые!.. Твоя Арба Мавераннахр золотая!.. Золотая Империя!.. Айя!..

И рвется кожа темная моя, как листы древних ломких книг тибетских иль китайских... И рвется поддается кожа старая неверная моя, а раньше кожа молода была гибка певуча текуча и не поддавалась а только жгла и тянулась и сохранялась не разрушалась от палок... И не раздвигалась и не впускала палки. А теперь она впускает... А теперь она рвется, дается, уступает... разваливается... да...

Стар я для казни... Не гожусь уже... Уже рвусь разрываюсь. Уже стражду. Уже маюсь... Уже и душа утихает усыпает...

Амир Тимур! Казнить надо молодых — стариков надо щадить. Старики сами умирают — иль не знаешь?.. Ты ведь сам старый — и скоро, скоро, скоро узнаешь!..

И смерть блуждает, как самум над пьяным спящим бражным караванбаши-караванщиком...

Но мыльные веревки в мое тело, в ноги, в руки, в спину врезаются, влезают, въедаются, въедаются...

Но мыльные веревки в тело, в мякоть, в плоть, в персть древнюю мою раскрытую разъятую вползают... нарушают...

Тогда я кричу воплю шепчу из-под палок!..

...Тогда Ходжа Насреддин кричит на всю площадь Регистан! на весь Самарканд! На весь немой Мавераннахр! На весь народ молчащий молящий! таящий и таящийся!..

Тогда старый Ходжа Насреддин весь кровавый! весь закатный! весь багряный! весь залитый живой своею нищей кровью кричит стенает блуждает падает возвышается скитается...

Тогда Ходжа Насреддин кричит на всю площадь Регистан, на всю уснувшую убитую Державу:

— Эй, люди!.. Самаркандцы!.. Чего головы тихие опускаете?.. Чего не помогаете?.. Я столько лет на вас истратил... Или не я заступался за нищих? за вдов? за сирот? за бедняков? за малых мира сего?.. Или не я душу и тело истратил?.. И что осталось?.. Что бьют палками? Где мудрость моя?.. Где любовь помощь ваша?.. Тошно мне... глядеть на вас, на ваши лица рабьи, на народ мой рабий... Эй, палачи, скорей! Я ухожу к Аллаху!.. Всю жизнь не верил, а теперь поверил... У края... У обрыва... У исхода перехода... Тошно мне... От этих ликов рабьих... от овечьих спин согбенных молящих... Эй, люди... Ха-ха-ха!.. И как я мог тут смеяться?.. На кладбище-мазаре?..

И Ходжа Насреддин напоследок из-под палок частых метких озирается... Хоть бы одно лицо!.. Хоть бы один глаза, глядящие без страха!..

Нет!.. И люди на площади недвижные недужные!.. Айя!..

...Я гляжу на них. Они слепые. У них глаза закрыты. У всех!.. Ура, Амир Тимур!.. Ура, тиран!.. У них глаза закрыты!.. У всех!.. У всей площади! У всей толпы! Только спины вокруг!.. Ни одного лица!.. Да!..

Ну, и сон средь дня!.. Ну, и тьма!..

Айя!.. Ура!..

И!..

...Лишь Три косых кривых слепых хромых Коня влекут хромую слепую Арбу-Империю-Державу...

И отступает Азраил Пастух Сова Усопших на памирском многовласом кромешном звеволяке... отступает... за прибрежную заснеженную иву отступает отступает отступает хоронится бережется Смерти Ангел, чтобы не расшибла и его Арба летящая слепая смертная хромая...

...Ай!.. Ура!.. Амир!.. Тиран!.. Хромец!.. Хромой Тиран! Хромой Народ!.. Хромая Держава!..

...И отступает в иву даже Смерти Ангел!.. И лишь палых раздавленных человеков вослед нему подбирает, как в садах червивых брошенных айгренских андижанских ходжа-ильгарских плоды упалые червем объятые разъятые...

И подбирает Азраил покорно оброк оброн падалнцу!.. И поднимает Азранл покорно падалицу!.. Да!.. Тнран!.. Тимур!.. Уран!..

...Но!.. Тошно!.. Тошно в рабьей роднне!.. в рабьем народе пригнетенном тошно! тошно! тошно!..

...И где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?.. Где заводь ее тайная врачующая сокровенная тихопесчаная тихокаменная?..

И!..

И что бьют меня тугимн последнимн хлесткнмн протяжными палками, словно я охотничий турецкнй барабан?..

...Эй, люди, правоверные! Чего молчите?.. Чего таите?.. Чего согнулись?.. Разве кто-нибудь когда-нибудь рождался с седлом на спнне? Чего ж вы?.. У вас глаза закрыты от страха, но души, но душн разве можно закрыть?..

Айя!.. Уран!.. Амир!.. Тиран!.. Ха-ха!..

Тогда!

Тогда Ходжа Насреддин кричит! хохочет! вопит! заливается! мается!.. Мается он, но улыбается улыбается улыбается... Из последних сил улыбается... Казнь, а он улыбается... Все!.. Еще!.. Улыбается!.. Однн!.. Средь спин!.. Кричит...

Голос у него резкий знобкий острый. Как у осенних гонных слепых шалых хмельных бухарскнх тугайных оленей. Голос-свист! Голос-рев!.. Как у его дряхлого ленного белого осла по кличке Жемчуг...

...Ха-ха!.. Глядн — вокруг нищета, грязь, тьма, сон, а моего осла звать Жемчуг!..

Ходжа Насреддин кричит.

У него тело старое и оно уступает стареет разрушается под палаческими палками. И оно разваливается как древний саманный текучий уже безымянный мазар дувал... Но за телом! но за мазаром! но за дувалом! душа!.. да!.. И она страждет. И она не дается! И она бежит палок! И она восстает летит парит над палками! над площадью! над самой летит парит над сонной над Державой... Парнт летит над Тимуром! над Тираном!..

Да!.. Душа летит парит над прахом тленом! над казнью!.. Над Азраилом Ангелом!.. Над развалившимся дувалом! над мазаром кладбищенским!.. да! да! да!..

Я знаю!.. Да!..

...Но и душа изнемогает изникает...

...Но люди!.. Но мои!.. Родные!.. Братья! Спящие!.. Чего закрыли вы глаза от страха?.. Отворите очи!.. Поглядите на Железного Хромца!.. На этого вялого кровожадного землистого беспалого старика!..

О народ мой!..

О стадо мое овечье дымное заблудшее послушное!.. И куда грядешь? Куда пылишь?.. Куда влекут тебя дряхлые вялые дряхлобородые вожаки вожди козлы твои первые... слепые?.. И все объято сонной дремной стадной дорожной вьюжной пылью...

И куда стадо многоногое многоязыкое грядет течет бредет тычется слепое куда движется?.. И только в соитьях сладких беглых скорых возвышаются восстают на миг громоздятся над стадом гиссарские бараны налитые!..

И вся свобода все восстанье в стаде в беглом лишь соитье!.. Да?!

...Айя!.. Уран!.. Учча!.. Ачча!..

Амир! Тимур!.. Тиран!.. Дряхлобородый вождь вожак козел душный слепой! Я хочу плюнуть кровавой слюной последней в лик твой узкий темный барласский волчий!.. Тьфу!.. Я хочу плюнуть кровавой слюною в твое кровавое лицо!.. Где оно?.. Я хочу плюнуть!.. Последней ярою слюной!.. Тимур!.. Тиран!.. Где лик твой птичий?.. Где глаза твои рысьи рыщущие ненасытные степные?..

Уран!..

...Уран!.. Ходжа Насреддин!..

ТИМУР

...Амир Тимур сидит на троне из слоновой благодатной кости. Трон привезли из Индии...

Амир только что вернулся из тяжкого похода в Индию... Ему сонно... Дремно... Далеко ему... Он почти

спит... Старый он... Старый... Тиран старый... Старый недужиый дальинй человек... Сонно... сонно... соино...

Скоро!

И уже! уже брезжит близкнй Ангел Азранл на Зверояке Кутасе косматом...

Но!..

Но пока Амир спит... Чует...

Но пока Азраил отступает за приречную февральскую снежиую раиийю иву... Хороиится. Бережется. Стороиится. Отступает...

И!.. И летнт! летит! летит! моя победная кромешиая Арба Держава божья неоглядная Аллахова!.. Да!.. Летит моя победная Держава! Стрела назначенная!..

И отступает Азраил на памирском многовласом Звероряке Кутасе косматом, чтоб чтоб чтоб и Его моя Арба Держава не измяла! не разъяла! не растоптала! в землю не загиала!..

Ха-ха!.. Да!.. Азраил! Сова усопших! Страж пастух отар стад ие разбегающихся!.. И ты отбегаешь отступаешь...

Но!..

Но!.. Азраил!.. Загробиый Аигел!.. Я давал Тебе, как дает щедрый пастух чабан локаец от стад своих (моих! живых! еще живых!) дает сторожевым дремучим пахучим безухнм бесхвостым волкодавам!..

Азранл!.. Ты знаешь!.. Я иаполиял стада Твои непыльиые недвижные молчальные печальные!.. Я давал Твоим загробным отарам лежащим необъятным!.. Я умножал их!..

Азраил!.. Ты зиаешь!.. Скоро скоро я уйду в твои отары непылящие...

Но!.. Аллах! Господь!.. Продлн!.. Помедлн!.. Удержи!.. Среди живых!.. Еще! иемного!.. Дай! дай подышать мне!..

Аллах!.. Ты один на небе, а я на земле!..

Аллах Аллах Повелитель Утешитель мой!.. Что что что врагн мон несметные цедят, что я Кассоб Уморнтель Мясник иародов?.. Что ие уберегаю я жизии человеков?.. Что гублю головы?.. Что воздвигаю пирамнды из тел неверных иеправедиых?..

Аллах Аллах!.. Господь!.. Мой Господин, а свою голову — Тобой данную!— свою жизнь я ль лелею?., Я ль

сберегаю?.. Я ль опасаюсь щажу стерегу, как суслик-тарбаган из норы свистящий?..

Аллах!.. Я ль не проносил Голову свою Жизнь свою под стрелами Хакана Туклук-Тимура средь звериных воинов Джете, не знающих Корана?.. Я ль берег голову свою в ордах Тохтамыша, подползающих набегающих с тылов?.. В туменах стадных в чуждых иноязыких в рычащих пехотах Баязида Турка?.. В темных, молчных, тихих, как ургутский тайный нож, заговорах, засадах брата смертной жены моей Улджай-Туркан-ага?.. В чагатаях?.. В монголах?.. В узбеках?.. В индусах, подсыпающих знойные сладкие зелья-яды в походные казаны-котлы мои?.. В китайцах, подсылающих косых улыбчивых немых ночных убийц в Ночах Сверчка?.. Я ль берег голову свою в набегах молодости моей с молодыми друзьями бахадурами воинами святыми псами моими в степях туркменских?..

Я один, о Аллах, средь тех святых дальних всадников-мертвецов, ибо Ты судил мне жизнь!..

Я ль берег голову свою?.. Я ль, о судьи с головами тарбаганов-сусликов?.. Я ль берег Голову свою?.. И нет мне судей на земле этой!.. И только Аллах надо мной!..

О Аллах Аллах!.. Господь мой!.. Я ль берег голову свою?.. Тело свое неполное, затравленное уязвленное нарушенное предательскими охотничьими звериными стрелами?.. Я ль берег тело последнее свое?.. Ногу свою валкую подбитую влачащуюся и болящую зудящую в ночах?.. в бессонницах ластящихся тщетных жен моих?..

Аллах!..

Я ль берег голову свою?.. Голову Джахангира?.. Голову Тирана?..

И нет мне земных судей!..

Да!..

Аллах!.. Ты знаешь!.. Я давал смерть лишь тем, кто забыл о Тебе! О небесах Твоих алмазных о садах ручьях Твоих вечно прохладных! О возмездии!..

Тогда я давал неверным заблудшим Смерть и крылья Ее вознесли их в пределы Твои Аллах Утешитель мой!.. Ибо велики Крылья Смерти!.. Ибо не каждому дано восходить к Тебе на Крыльях Жизни!.. Да!..

Уран!..

Мы были в Иидии. И там сеяли смерть обильную, как ливни Индии.

И мы давали ее...

Мы воздвигали тленные смердящие башни Аллаховы из голов человеческих! из голов покориых согласиых! из голов неверных!.. Мы воздвигли такие Башии (высокие!) в Исфагаие... И на это ушло семьдесят тысяч человек... Мы воздвигли такие живые Башни в Исфизаре выше городских мятежных стеи, разбитых иашими стенобитными машинами!.. Мы положили живых дышащих исфизарцев друг иа друга и соединили слепили скрепили их серой быстро засыхающей греческой золой известью и засыпали обложили кирпичами... И иа это пошло две тысячи человек...

Но!.. Аллах!.. Ты видишь!.. Ты знаешь!..

Они и из живой роящейся пирамиды кричали мие самозабвенно увлеченно: Алла-яр! Алла-яр!.. Помоги Аллах великому Амиру!.. Великому Джахангиру! Великому Тирану!.. Мечу справедливости!..

Аллах, разве у Справедливости может быть меч?.. Айя!.. Разве?..

А они кричали шипели пели шептали: Алла-яр Амиру Тимуру! Алла-яр Амиру Тимуру!.. А они славили меня из гнетущей цепкой хваткой быстрой извести предсмертными рыбьими рабьими ртами!.. Все!.. Две тысячи! Вся пирамида!.. Вся!.. И ие было ни одиого проклинающего!.. Иначе бы я вынул его из пирамиды Смерти!.. Но ие было такого... Не было...

И только слышно: алла-яр Амиру! Алла-яр Тимуру!..

Ибо Азия любит смерть! Как запущенный заброшенный сад любит тлеиного червя... Ибо моя палящая пылящая Арба Кромешиая Тимур-Держава любит смерть!.. Ибо мой народ любит Джахангиров Тиранов сеющих дающих Смерть!.. Да!..

И падают обильные скошенные травы и падают несметиые плоды и падают вешние тесные богатые ливни — и утучияют землю и утяжеляют светлые урожаи ее...

И падают племена под копытами и падают иароды подкошенные и восстают поколенья тучиые и мужи войны скачущие лучники!.. Да!..

И скачет моя Держава! Моя Тимур-Держава!..

Аллах, дай Ей!..

...Аллах! Ты знаешь!..

Мы смеялись над человеками, которые и на проезжей дороге выращивали тыквы и дыни... Мы смеялись над людьми, у которых в ноздрях только дымы от рдеющих хлебных печей — тануров и запахи теплых лепешек — даже самаркандских с кунжутом! душистых! рассыпчатых, как осеннее холодное хоросанское яблоко... Мы смеялись над людьми, которые считали, что вся земля создана Тобой, мой Аллах, только для кетменя!..

Нет, Аллах!.. Ты знаешь!.. Я говорю!.. Я знаю!.. Я видел!..

Не кетмень — объединитель народов,— а меч!..

Не Кетмень — объединитель Народов,— а Меч!..

Кто уходил с кетменем дальше малого убогого поля своего?..

Кто скакал с мечом средь дальних народов и племен, постигая мир и языки и души иные?..

Мы!..

Ибо Ты, Аллах, сказал: когда вы уйдете от очагов своих на войну священную для того, чтобы сражаться на пути Моем и доставить Мне удовлетворение...

И мы сделали так. Так!.. Да!..

Мы погребли заживо защитников Сиваса, не сумевших погибнуть в честном бою. И на это ушло четыре тысячи человек...

Аллах, Ты слышал... И эти кричали: алла-яр!.. Алла-яр Амиру Джахангиру Тимуру!..

И избили у Дели сонных дальних индусов стоящих молча и свирепо и покорно недвижной несметной темной безликой безъязыкой толпой и — и мы избивали их мечами ножами плетьми копьями батиками кулаками зубами... и мы устали... И это длилось несколько часов и на это ушло сто тысяч индусов... и мы устали...

Аллах!.. но эти хоть не кричали «алла-яр Амиру»... Но хоть эти не кричали... Иль языка не знали, слов не знали?..

Но они иноверцы и храмы их исчерчены испещрены блудными заблудшими нагими тучными упоенными девами-девадаси с грудями, как густые тучные гранаты Ходжа-Ильгара, как долгие дыни Чарджоу, как серебряные тучные виноградные гроздья Ходжента укрытые в полотняные мешочки от птиц зорких клюющих медовых привязчивых прилипающих... Но мои чагатаи мои нукеры мои воины зорче и острее виноградных птиц медовых...

И они клевали те груди и прилипали приставали и хмелели уставали уставали уставали...

И я увез нескольких дев в гареме своем, ибо напоминали мне их груди гранаты Ходжа-Ильгара, разъятые раскрытые раздвинутые пальцами младыми в кольцах, перстами в перстнях кочевых монгольских возлюбленной сестры моей Кутлук-Туркан-ага!.. Да!..

Ай, далёко! ай далёко... ай далёко... сонно... соннооо... сонноoooo...

Гранаты Ходжа-Ильгара... в перстах в кольцах в перстнях дальних возлюбленной сестры моей Кутлук-Туркан-ага уже усопшей уж усопшей уж усопшей... давно усопшей...

Далекоооо... усопшие гранаты... усопшие персты... усопшие кольца... усопшие перстни... Усопшая моя сестра Кутлук-Туркан-ага...

Зачем я пережил тебя!..

Аллах!.. Этого не хотел я... И потому сонно мне. И одиноко.

Одни темные покорные слепые рабьи спины вокруг... Да!.. Уран!..

И!.. И хоть бы один раскрытый непуганый светлый радостный глаз!..

...Пророк Мухаммад! Ты сказал перед смертью в последней мечети:

— О мусульмане!.. Если я ударил кого-нибудь из вас — вот спина моя — пусть и он ударит меня!.. Если кто-нибудь обижен мной — пусть он воздаст мне обидой за обиду!.. Если я похитил чье-либо добро — пусть он отнимет его у меня обратно! Не бойтесь навлечь на себя гнев мой — зло не в моей природе!..

Да!..

Но моя смерть иная!.. Но я был разящей стрелой Аллаха!..

Иль виновна стрела летящая текучая в небе в цель свою?.. Иль виновна стрела пущенная рукою праведной?..

Я был Твоей кочевой святой тугой небесной стрелой Аллах мой!.. Да!.. И только слепец спускает слепую стрелу!.. Но Всевидящий спускает стрелу всевидящую!.. Да!..

Аллах, я не знал цели, но Ты знал ее. А я только чуял Ее... А я нес смерть, а я был Твоей Гиеной... Да!..

Иль пророк Инсус не воскликнул на кресте: или́! Или́! Ламá савахфани́! Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставнл меня?..

Иль пророк Мухаммад не шептал умирая на руках пресветлых возлюбленной жены своей Айши-Кубаро: Боже!.. да... со спутннкамн свыше... с ангелом Джабраилом...

Аллах!.. Пророки боятся смерти, хотя стоят выше ее...

Я не боюсь смертн, хотя я служитель ее. Я нукер я воин ее...

И вот смерть скоро!.. Она уже затанлась в смертной мертвой ноге моей чужой, убнтой в степной хмельной молодостн моей сеистанскнмн стреламн... Она уже затанлась в чуждой немой ноге моей, как мон чагатан конникн в засаде...

Мне послушен весь мнр, а нога непослушна. Зачем Аллах!.. Зачем нстлела нзошла до срока нога моя!.. плоть моя проклятая еднная пустынная?.. Айя!.. Учч!.. Уран!.. Больно!.. Остро!.. Нога!.. Ноет!.. Жжет!.. Когда?.. Когда нсход?.. Устал я...

Ты!.. Ты Пророк Мухаммад!.. Усопший!.. Ушедший за те врата!.. Что? что? что? что? есть там?.. За болью?.. За раной вечноболящей вечноточащей? за плотью? за смертью? за трепетом плоти, жаждущей жить и дышать дальше на этой земле?.. Которая сама есть плоть тленная дремучая жаждущая живая?.. Что?.. Есть?.. За?.. Смертью?..

Пророк!.. Нет!.. Там!.. Ничего!.. Я знаю... Только тут!.. Только плоть!.. Только боль!.. Только кровь!.. Только страх!..

Мой Мавераннахр — держава-пнрамида плотн!..

Мой Мавераннахр — держава-пнрамнда болн! кровн!..

И нет нной!.. И где нная?.. Уран!..

Аллах!.. Пусть все людн на земле станут хромыми на одну ногу! (На правую.) Аллах!.. Пусть все люди на земле потеряют по два пальца на руке! (На правой). Аллах!.. Пусть все люди на земле имеют недвижную солончаковую мертвую немую руку! (Правую.)

Аллах!.. Тогда я не поведу в походы смерти в походы войны победные тюменн мои!.. Тогда я буду возвышаться среди хромых однорукнх народов!..

...Алла-яр Гурагану!.. Алла-яр Амиру Тимуру!.. Алла-яр Тирану!..

Но что это?.. Бред!.. Боль!.. Этого не хотел я...

Плоть скорбит страждет жжет... Плоть персть моя болящая нашептывает слова тайные темные бредовые... да!..

Пророк Мухаммад!.. Ушедший!.. Ну, что за плотью? за жизнью? за смертью?.. Что там?.. Я томлюсь... Я чую... Что там?.. Отец!.. Скажи!..

Молчишь!.. И все вы пророки закрывались смертью, как китайским парчовым густым занавесом-саваном... тяжким беспробудным...

Вот бы допросить Тебя!.. Конским волосом защекотать замучить замутить изорвать изодрать твои ноздри!..

Что там за смертью, отец?.. Старший брат по тленью?.. Что?.. Там?..

...Но что я?.. Допросить пророка?! Бред! Суховей! Самум!.. Мга! Мгла!..

Святой блаженный Мухаммад!.. Помилуй!.. И ноет нога!.. И сонно на троне... И сонная площадь Регистан в мареве февральском полуденном мглистом залегла... И одни спины вокруг... И ни одного лица...

Но!..

Но что кричит этот пыльный дряхлый безумец?.. Этот девонá?.. Этот сумасшедший Ходжа Насреддин? Этот блаженный? Этот бродяга дервиш?.. Этот нищий шут масхарабоз?.. Сова средь дня?.. Петух средь сна?..

— Мы плохо слышим!.. Мы повелеваем!.. Ходжа Насреддин, повтори свои слова!..

Амир открывает свои тяжкие глухие беспробудные барласские охотничьи глаза...

И!..

СНЕГ

— Эй, люди, правоверные!.. Чего вы закрыли глаза? От страха?.. Ха-ха-ха!.. Откройте глаза — и вы увидите хромого старца с ликом дряхлой кладбищенской ползучей червивой землистой гиены!.. И вы боитесь его?.. Тьфу! И его зовут Железным Хромцом?.. Да он завизжит завопит от одного удара палки!.. Эта рыхлая гие-

на... этот облезлый камышовый кот... Хромой кот! Хромой Тиран!.. Эй, палачи, убейте меня скорее!.. Мне надоело жить среди мертвецов, среди рабов, среди покорных рабьих слепых спин!.. Душно!.. Тошно!.. Пустынно!.. Одиноко!..

Ходжа Насреддин уже не вьется под палками. Уже лежит покорно глубоко далеко...

...И Амир Тимур опять закрывает глаза дремливые. И шепчут его узкие горькие полынные губы: и мне душно!.. И тошно... И пустынно... И одиноко... И нога ноет... Скоро дождь будет?.. Скоро снег будет?.. Скоро смерть будет?.. Тогда скорей!.. да!..

...Айя! ай! ай! учч! ай! ты!.. нога жжет мучит ноет палит... Держава спит... И только слышен крик боли!.. И только Тиран (один!) стонет... И только ему стонать позволено!..

Ай, нога!.. Айя!.. И ты уж не моя!.. И те! те! те! сеистанские подлые кривые слепые дальние молодые стрелы жалят и поныне!..

Да!.. и жалят и летят и вязнут и трепещут живо в теле молодом моем невинном и поныне ныне ныне!..

...И там в степи в сырой февральской кипчакской дальней давней степи росло пустынное миндальное незрелое раннее дерево... Низкое цветущее кроткое дерево... Одно... И я поставил правителя Сеистана Хола Мирзу-бека под деревом... И я позвал кликнул тысячу тюмень моих всадников-чагатаев-аргамачников иукеров в лисьих огненных шапках в волчьих злобных малахаях... И я приказал повелел им расстрелять дерево стрелами бешеными тугими свежими долгими... И пролетело пронеслось вошло прошло чрез дерево несколько тысяч стрел... И опустели колчаны тесные и опустело дерево... И дерево стало нагим сухим, точно на него червь короед ройный нашел... Цвет опал убит сбит был стрелами... Расстрелян был ранний невинный невинный цвет... (А моя расстрелянная нога была виновна?)

Цвет весь упал на Хола Мирзу-бека. Засыпал его. Затуманил. Забрал. Хола-Мирза-бек весь был в инее. Он бледный был. Молочный. Снежный. Свежий...

...Мы умертвили его через двадцать лет, когда стали Джахангиром Владыкой мира... Мы двадцать лет щадили его...

А теперь мне сонно сонно мертво... В сонной державе... В сонном народе... А теперь мне жаль то цветущее

убитое одинокое расстрелянное дерево... Кривое, темное, мертвое, как моя убитая саксаульиая солоичаковая нога сохлая... Да...

Одинокое дерево... Одиокий народ... Одинокая Держава... Одинокий Тираи... Одинокий мудрец... Шут-масхарабоз — и тот одииокий... Все одииокие!.. да!..

Но мы выходим из дремы, как стрела из колчаиа...

— Эй, Ходжа Насреддии!.. Мы плохо слышим... Повтори свои слова прощальные!..

— Твои уши заросли волосами, как поля моей иищей родины бурьяном и сорняками!.. Ты не меч ислама, а хвост моего осла, облепленный цепким навозом!.. Что ты можешь услышать?.. Что ты можешь понять, кроме своей ноги?.. Ты увечный! Неполиый!.. И потому иеиавидишь весь мир!.. Ты калека! Твоя держава — калека! Убей меня!.. Я не хочу жить!.. Устал!.. Ну! Быстрей!.. Амир! Волк!.. Грызи меня!.. Ха-ха-ха!.. Только я костлявый!.. В твоей костлявой стране все костлявые! В твоей стране голодно и холодно! И откуда люди берут силы кричать вопить: Уран!.. Алла-яр Амиру Тимуру!.. Или голодный народ громче кричит: алла-яр?.. Или голодный народ громче звонче истошнее славит тирана?.. Алла-яр Амиру Гурагану!.. Тьфу!..

И тут!..

И тут Амир совсем пробуждается от вязкой дурманной маковой дальней дремы...

В последнее время он часто жует сосет сушеиый бродильный горький афганский дымиый дурмаиный мак смешаиный с бухарской ореховой кунжутиой халвой... Мак дает забвеиье... Мак усмиряет отдаляет ногу... И от него сладкий текучий легкий тумаи марево в голове...

...Но дым уходит.

Но Амир шевелится на троне. И говорит. Тихо...

Джахаигиру ие надо говорить громко. Держава виемлет только ему. Держава молчит. Народ молчит... Тишь!.. И потому ему не надо говорить громко. Он может даже шептать!.. Да!..

И над уснувшей империей слышеи только его голос. Голос Джахаигира.

Его голос слышат покореииые Мавераннахр и Туркестан, Хорезм и Бадахшан, Иидия и Хоросан, Сеистан, Кидж и Мекран, оба Ирака, Фарс, Азербайджаи, Ма-

зандаран, Гилян, Ширван, Арран, Курдистан, Грузия, Диарбекир, Рум, Снрня...
Да!.. Уран!..

Амир Тимур шепчет. Как змея... (Змея мудра!)
Он шепчет главному своему сподвижнику мекканскому шерифу Сайиду Береке.
Сайид Береке стоит дремлет в зеленом нзумрудном тюрбане шелковом потомка блаженной святой Фатьмы!..
...Сайид Береке!.. Ты сопровождал меня во всех моих победных походах! И не в дальннх обозах безопасных, а в передовых летучих кипучнх гневных гибельных пенных ковыльных коннннцах! в личных тесных лнтых хошунах тюменях!..

Сайид! Ты броснлся на воинов Тохтамыша с горстью злых камней, как некогда Пророк с горстью песка на врагов своих!.. И ты бросал камни в лики воинов всадников Тохтамыша и кричал вопнл лнковал горячий, как горящий алый рубиновый кизяк!.. И ты кричал как верный смертный нукер: ягы качты!.. Ягы качты! Ягы качты!.. Враг бежал!.. Враг бежал!.. Да!..
Сайид Береке!.. И ты утешал меня в день смерти возлюбленной старшей сестры моей Кутлук-Туркан-ага!..
...Кутлук!.. Иль зовешь меня в сады? те? иль манишь в сады? те? иль бродишь в гранатовых садах садах Ходжа-Ильгара исконного кншлака нашего?.. Иль разрываешь пальцами перстами в древнну степных шнроких кольцах перстнях гранаты благодатные перезрелые и сыплешь сыплешь кровавые зерна мне в уста молодые?.. Иль сыплешь живые бадахшанские лалы в уста мои в губы зубы молодые дальние белые, как тебрнзские мраморы?
Айя!.. Дальняя!.. Родная!.. ааааааааа!.. аааа!.. Скоро встреча, сестра... Да!.. Я знаю!.. И ты бережешь самый сладкнй гранат!..
Усопшая сестра... В усопшем саду... Бережет усопший гранат...
Да!..
Но!..
Сайид Береке!.. Ты был со мной, когда я стоял над телом умершего возлюбленного внука моего Мухаммед-

Султана!.. Чья хворь? чья тля? чья беда? вползла в юное вешнее первое тело его?..

Мы оплакивали его и утром и вечером, когда уходили с войсками из Акшехира... Мы оплакивали тело его и после того, как отправили его к живой (зачем? теперь?) матери его ханской дочери Суюн-ага...

...Аллах, за что?..

Аллах, не дай матерям переживать сынов своих! виться над последними телами их! не дай им черных и синих одежд!.. да!..

Но я давал, ибо Аллах, Ты сказал: когда вы уйдете от очагов своих на войну священную для того, чтобы сражаться на пути моем и доставить мне удовлетворение...

И мы делали так. Так!.. Да!.. Уран!.. Ягы качты!.. Враг бежал!..

...Сайид Береке! Ты один ехал нетронуто на белом жемчужном хафаджийском коне средь траурных плачущих сподвижников-чагатаев моих!.. Ты один ехал, ты один возвышался во дни черных одежд! во дни черных коней!.. Мы отдали тебе город Андхой с его базарами и садами!.. Мы завещали похоронить нас у ног твоих!.. Мы завещали упокоить бренную многогрешную невеселую голову нашу у ног твоих святых святой потомок Фатимы!.. Мы были вместе на земле человеков — мы будем вместе на земле ангелов!.. да!.. Да! Мой нукер!.. Мой смертный воин! Мой сокровник в изумрудном тюрбане! Мой соратник сеч... Мой соответчик смертей несметных!.. Мы вместе!.. В одной лодке... В одной реке крови!..

И вместе нас уносит сносит к последнему берегу... Сайид!.. Друг!.. Скоро!.. Скоро темный берег Азраила... И там тьма!.. тьма тьма... И Азраил для нас (для нас) костер возводит... И для нас нагой дамасский разящий как клинок шампур готовит возносит!..

Но!.. Я еще на троне!..

Но!.. Я еще шепчу: айя!.. Уран!.. Учча!.. Очча! Уфф!.. Ягы качты! Враг бежал! Враг бежал!.. Враг бежал!.. Ха-ха!..

И что этот блаженный Ходжа Насреддин говорит?.. Чего смеется?.. Шут!.. Масхарабоз... Продавец цветов на поле сечи... Бродяга... Дервиш... И песчинка грядет

против самума? против пустыни? Бредет против тирана?.. Против святого Тимурова воинства?.. Уран!..

Аллах!.. Откуда такое?..

И дерево расстрелянное убитое смятое кривое миндальное опять цветет цветоносит сырое розовое каракулевое овечье живое?..

И нога невозвратная убитая умерая кривая ноет... К дождю?.. К снегу?.. К исходу?..

...Тишина... Над Регистаном свисает сходит холодная февральская мгла... Но и в тишине слышны слова Ходжи Насреддина. Тихие слова. Зябкие. Как те сеистанские (все еще летящие!..) гибельные верные стрелы...

— Тимур... Ты скоро хлебнешь глоток вина из чаши виночерпия смерти... Ты скоро уйдешь, старик... И твоя империя треснет и потечет, как поздний на бахче забытый жаркий перезрелый перележалый мяклый куня — ургенчский арбуз... Ты скоро умрешь... И твою империю растащат, разнесут, разворуют, расхитят враги и потомки твои, как муравьи палую шумную знойную изумрудную муху... Да, старик... Да, изумрудная муха!.. Я все сказал... Я хочу умереть... Прощай...

...Ходжа Насреддин опускает ненужную слепую тяжкую чужую непослушную голову на палаческий помост.

И помост почему-то пахнет свежей горной молодой арчою, под которой так часто спал бездомный бродяга Насреддин!..

Спать хочется... Запах сладкий дремный... Арчой пахнет...

Или это пахнет пролитой побитой кровью? площадной пылью?.. февральской хладной мглою?..

Спать хочется... Спать... Устал жить!.. Да!..

Но арчой дальней родниковой горной снежной веет пахнет!.. Да!..

...Освободите этого безумца!.. Развяжите его. Или не видите, что он сумасшедший?.. Только сумасшедший способен на такие слова!.. Но мне скучно от сплошных тихих спин!.. Мне нужны сумасшедшие!.. С ними веселей!.. Да!.. С ними я не одинок!..

Эй, Ходжа Насреддин! Ты прав!.. Я мясник! Я гиена, пожирающая падаль!.. Я хромой камышовый кот! Я изумрудная муха!.. Я калека!.. И я хочу, чтобы все

люди стали калеками! Ты прав!.. Хоть один человек сказал мне это в лоб, в лик Джахангнра!.. Нашелся однн!.. Теперь нас двое! Двое сумасшедших!.. Один — на троне, другой — на дряхлом осле!.. Один — тиран, другой — шут!.. Где разннца?.. И вокруг покорные рабьи рыбьн спины!..

Идн, Ходжа Насреддин!.. Иди на волю, которую ты так любишь... Иди, сумасшедший... Эй, наденьте на него хирку-мухаммадий — рубище блаженного дервиша-безумца и желтый кулох-колпак-ахмадий... Для сумасшедших у меня воля!.. Пусть идет по дорогам моей необъятной державы и кричит: Амир Тимур мясник народов!.. Амир Тимур — гиена!.. Амир Тимур — изумрудная муха!.. Пусть кричит на всю землю! Ха-ха-ха!.. Садовники обрезают сады весной и осенью... И деревья свежо щедро благодатно наливаются!.. И я срезал со стволов народов ветви лишние вялые квелые!.. Да!..

И свежие народы кричат: алла-яр Джахангиру!.. Алла-яр Тирану! Алла-яр Тимуру!.. Уран!..

Иди, Насреддин!.. Я отпускаю тебя! Навсегда. Ты всю жизнь смеялся над людьми — теперь люди посмеются над тобой, безумец!.. Иди!.. Мы сказали! Мы повелели! Мы умолкли!.. Уран!..

...Уран!.. Четыре палача вмиг бросают палки и развязывают мыльные острые веревки связывающие схватывающие намертво тело Ходжи Насреддина...

Уран!.. Безносый палач мычащий распутывает короткими крысиными тупыми пальцами разматывает тугой веревочный глухой узел на руках Насреддина. Руки связаны спереди — знак смертной казни.

А казнь не состоялась. А состоялась высшая милость... да. Бывает милость лишь такая в стране тирана...

Уран!.. Безносый мается. Долго. Шевелит немыми кривыми тошнотными пальцами...

Тогда Ходжа Насреддин ухмыляется, улыбается.

— Не можешь развязать?.. В этой стране все привыкли завязывать, опутывать, хватать, убивать, теснить. Никто не умеет развязывать освобождать выпускать... Разучились... Все охотники... Все волки — даже овцы!.. И волки охотятся на волков! Свобода! И вся Держава — смертный жгучий узел на руках народа!.. Да!.. Эй,

быстрей развязывай! Или не слышал приказа великого Амира?.. Давай!.. Быстрей!.. Живей!..

И Насреддин со всего тугого размаха пинает Безносого ногой под крутой сытый зад!..

— Быстрей выполняй приказ Джахангира!.. Или сам ляжешь на помост! Быстрей!.. Веселей!..

...Уран!.. И уже тощее нищее побитое вишневое малиновое тело Насреддина свободно от пут... от смертных сонных резких веревок... И руки свободны... И душа...

И пахнет молодой дальнею горною арчою... Откуда этот вольный терпкий чистый хвойный запах?.. Откуда?..

И Ходжа Насреддин улыбается и забывает про казнь, про площадь, про палаческий помост, про Тимура, про обретенную вновь волю...

И пахнет молодой арчою...

И пахло молодой арчою...

Уран!.. И тут!..

О Боже!.. Так вот почему пахло свежей снежной арчой вечнозеленой!.. Это пахло снегом!.. Снежною арчою молодою!.. Вдруг!..

О Боже!.. Снег! снег! снег летит струится лепится лепечет падает слетает валится на площадь!.. Гуще и гуще!.. Глуше и глуше!..

Февральский первый щедрый снег летит на площадь Регистан...

Снег падает на город... На помост политый кровью — и помост становится молочным... Снег падает на палачей, а их так много! так их много!..

Снег падает струится ложится нежно на амирский бобровый грозный тельпек с красной кисточкой на маковке, на его белый чекмень из верблюжьей шерсти, на лик Тимура дремный долгий кромешный бездонный...

Снег валится струится на Самарканд на священный город!..

Снег выводит Амира из дремы...

...Так вот почему болела ныла чуткая моя нога!.. К снегу!.. Год Красной Свиньи — год суши!.. Сухой мертвый год... Год войны... Год смерти. Год неурожая...

Первый снег в году!.. В феврале!.. Айя!..

Снег падает на мой Самарканд, на мой город... Да... Да!..

...В Год Красной Свиньи на 66 году жизни в 22 год правления в 12 день 7 месяца ушел Хакан Чингис-хан.

В этот день он стал Тенгри — божеством...

Впрягли аргамаков в большую повозку, на нее возложили золотые останки владыки Хакана и Кулугэтэй-бахадур воскричал: Хакан! Неужели и Ты стал грузом грохочущей погребальной последней повозки, Владыка Государь мой!..

Да!.. Стал!..

...Хакан Чингис, Ты говорил: будьте скромны в своих желаниях и приятны для многих!..

И я был таковым!..

Но!..

Хакан Чингис, Ты говорил: я ненавижу города и гнезда! Я буду разрушать их!.. Есть у кочевников лишь родина коней!.. Выше меня — только моя шапка!..

Нет, Хакан!.. Нет!..

И я не любил застойные народы, народы, обнесенные стенами!..

И я не любил народы, стерегущие границы рубежи!..

И я не любил народы, говорящие на одном языке, как сад, в котором растут деревья только одной породы!..

И я глядел на перелетных птиц, поднимающихся каждую весну и осень в небеса странствий, и думал о человеке, в котором заключено и томится множество птиц, а он обносит дувалом малый глухой очаг свой и не глядит на птиц зовущих... Да!..

Но!..

Я построил Самарканд — каменную усыпальницу гробницу мою!..

Я построил Самарканд — посмертный мавзолей гроб мой!..

Я построил Самарканд — каменную гахвару колыбель люльку мою!..

И!..

Хакан Чингис! Тебя везли в ковыльной степной смертной последней Телеге!..

И где она?.. Где след ее?.. Где сакма колея ее?.. Где?..

Хакан! Тысячи коней тесиясь томясь ярясь бежали над погребальным телом Твоим — и где они?..

Хакан! Ты верил только в коней — и они истлели — твои погребальные кони!..

...Выше меня — только моя шапка!..

И где она?.. И где голова в ней?..

И даже Аллах не знал о твоей колыбели! не знал о твоей могиле!..

...Аллах!.. Я оставляю Самарканд — каменную усыпальницу мою!..

Блаженны ее лазоревые купола — умасленные тугие напоенные груди ленных млечных жен моих!.. Пусть сияют они народам грядущим!..

Да, Хакан!..

Уран!..

Снег.

Падал.

На Самарканд...

И снежный Ходжа Насреддин уходил шатаясь брел тащился по снежной площади.

— Эй, безносый палач!.. Гляди!.. Вслед за твоим носом выпал первый снег!.. Уран!..

Азиатский тяжкий сплошной жемчужный парчовый душный снег снег снег...

Падал.

На Самарканд...

Уран!..

ДОРОГА

...Уран!.. И самаркандская дорога затянута снежной глубокой парчою... Или саваном?..

Уран!.. И в полузамерзшем ледовом придорожном сизом арыке плывет вязнет доживает доцветает сломанная кем-то ветка цветущего миндаля миндаля миндаля...

И ветка розово цветет живет и в ледовом арыке...

Она молодая припухлая и она живет длится розовая нежная в ледовом сизом арыке...

Розовая миндальная ветвь цветет живет в сизом морозном ледовом арыке...

Родина моя!..

Моя розовая миндальная нежная цветущая смертная ветвь в сизом ледовом арыке арыке арыке...

Но цветешь! но живешь! но лепестки твои свежие живые сильные!.. да!.. Ледовые живые лепестки твои...
Да!.. И я возвращаюсь!..

...Да!.. Священная Книга говорит: возвращайся!.. У всякой души есть страж, над ней наблюдающий...
А мой страж уснул?..
Но!.. Душа!.. Возвратись к Господу, удовлетворенная наградой своей и угодная Богу...
Но!.. Но я не ухожу на хамаданскую мекканскую святую дорогу. Хотя она не скользкая, не сырая, не опасная. Хотя на ней не лежит снег парчовый...
Айя!.. Учча!.. Уран!.. Иль нам не суждена святая сладкая высокая пыль дороги к Богу?.. А только тяжкий сонный низкий снег дороги к дому?.. Не знаю... Пока...
И я ухожу в родной кишлак Ходжа-Ильгар...
И я ухожу с большой самаркандской дороги на малую кешскую родную кривую безымянную дорогу.
...Дорога к Богу — дорога к мудрости. Дорога вечная. Дорога тяжкая.
Дорога к дому — дорога к прошлому. Дорога сладкая...
Но мудрецы Индии говорят: кто уходит в прошлое — тот опускается в область Смерти... Дорога смертная...

...Но я ухожу домой!.. Да!..

...И где мудрость моя!.. Где брег ее вечнозеленый?.. Где обитель заводь ее лазурная тихокаменная тихопесчаная тиходонная пустынная врачующая!..
...Ходжа Насреддин, ты уходишь?.. Ты бежишь, как трус ратник слепоногий с поля сечи?..
А кто будет смеяться и веселить людей?.. Кто будет бороться с сытыми рыхлыми равнодушными амирами — вождями, которые думают только об умирающих бренных телах своих? и прилипчивых вялых семьях семенах своих?
Кто будет будить спящих?.. Кто защитит слабого! Поднимет упавшего? Утешит утомленного?.. Или ты хочешь, чтобы земля твоя стала кладбищем?..
— Уже!.. Стала!.. Да!..

— Или ты хочешь, чтобы народ твой стал согбенной толпой идущей слепо бегущей за гробом? за саваном?..

— Уже... Стал... Да...

— Или ты ие знаешь, что Священиая Книга говорит: вожди неверные! Толпа, последовавшая вслед за вами, будет низвергнута вместе с вами в огонь?.. А ты оставляешь народ со слепыми вождями?.. А ты уходишь? Избегаешь?..

— Устал... Ухожу...

— Или ты забыл слова Пророка: боритесь с ними при помощи острых глаголов-слов, ибо, клянусь Тем, кто держит мою душу в своей власти, глаголы причиняют больше зла, чем стрелы!..

— Да... Никто ие любит гневных глаголов: ни богатый, ни бедный... Ни вождь, ни раб... Зачем мие дар этот?.. Да и какой смех в кровавой страие нашей?.. Хаха!.. Везде смерть. Везде тлен. Везде палачи. Везде разъятые стерегущие охотничьи уши и рыщущие скользкие глаза. И потому... Ха-ха-ха!.. Я смеюсь! Я хохочу!.. Только над собой!.. Над своим ветхим рубищем, сшитым из разноцветных отрезков! над своим желтым мятым колпаком сумасшедшего дервиша!.. Только над собой смеюсь!.. Только это не опасно!.. Только над собой смеяться можно!..

Ходжа Насреддин — ты сумасшедший! Ты говоришь, что Амир Тимур — кровожадный дряхлый хромой тиран!.. Что его империя — гнилой арбуз! А тиран — изумрудная дохлая муха! Гиена!.. Что после смерти тирана враги и потомки растащат, расклюют его державу, как густые вороны тушу горного кабана-секача, упавшего в глухую тайную пропасть из-за несметного темного непокорного тела своего...

Ты над кем смеешься, Ходжа Насреддин?.. Над собой! Только над собой!.. Я сумасшедший блаженный дервиш!.. И смеюсь только над собой!.. Только!.. Ха-ха!.. Смешно! Даже слезы капают, летят на бороду мою...

Айя! Урай!.. Да что я?.. Плачу, что ли?..

Но плакать в нашей стране тоже нельзя. Как и смеяться!.. Можно только вопить: алла-яр Амиру Тимуру!.. Алла-яр!..

И я воплю!.. И я смеюсь!.. И плачу!.. И слезы тянутся скользят по обильной снежной бороде моей...

Борода моя, как снега вокруг — лучистые тихие глубокие парчовые...

Борода моя, как кетмень забытый... Кетмень... Как давно я не держал тебя в руках... А ведь я дехканин... Я люблю рыться в земле руками, пальцами, чтобы ногти были черными смоляными святыми от земли и нельзя было отмыть их в арыке студеном долгом долгом долгом...

Я хочу домой... Я хочу иметь свою кибитку, свою глиняную низкую мазанку с гнездом ласточки под крышей, с саманным тихим невысоким (чтоб видеть пыльную дорогу вдали!) дувалом...

...Какие-то дальние мазанки Азии мне снятся — и в них
мне покойно!..
Какие-то дальние саманные мазанки Азии мне мнятся — и в них
мне покойно и вольно и сонно...

...Давно снятся!.. Домой хочу...

— Ты уходишь, Ходжа Насреддин?.. Ты беглец?.. Ты безвестный невзрачный дехканин?.. И в забвенье доживешь до смерти своей?.. И народ не будет знать могилы твоей нищей скорой низкой?.. И где имя веселое нетленное твое, шумящее как молодая река вешняя?.. Где добрая слава?.. И ты уходишь во тьму? в землю? в забвенье? в могильного червя?..

...Да... Я ухожу... Я хочу иметь свою кибитку. Свою жену... Своих детей.. (Не поздно ль?)

Я хочу по вечерам пить зеленый чай на прохладной суфе под журчащими лепетными арычными деревьями...

Я посажу горную арчу у своей кибитки, чтоб она напоминала мне о бездомных дорогах моих, о ночах под звездами...

— Ты хочешь забвенья, Ходжа Насреддин?.. Ты хочешь лишь сладких сонных тихих воспоминаний?..

...Да... Я вышел из тьмы, из земли, из народа — и хочу! хочу! хочу затонуть, исчезнуть, затеряться, забыться, сгинуть в нем!.. Чтобы и имя мое забылось, затерялось, истерлось, как текучая надпись на древних арабских кладбищенских сыпучих знойных камнях, плитах...

Говорят, что истинный мудрец незаметен, невидим, неизвестен...

Да!.. Я хочу затеряться в народе, как овца в пыльном обильном прохожем стаде...

Хочу-уууууу... Затеряться-аааааа...

— А где ты видел обильные тучные стада, Ходжа Насреддин?.. Твои стада редкие мелкие... Твоя родина нища... Твои кибитки, твои саманные мазанки глухи косы темны, и в них только дети и вдовы и калеки и сверчки, потому что мужи изошли в войнах! в набегах! в сечах!.. Твои поля больны тучным сорняком...

Айя!.. Ай!..

— Да... Но так было всегда... И сказал дальний усопший мудрец Исайя: поникнут гордые взгляды человека, и высокое человеческое унизится... И сказал мудрец: всякая тварь исказила свой путь на земле!.. Да!.. Так было... Есть... Будет... Времена неизменны неподвижны... И тут мудрость... Где иные времена?.. Нет их. Я не видел... И где иная мудрость?.. Иная жизнь человеков?.. Я не знаю... И потому ухожу...

— Прощай, Ходжа Насреддин!.. Прощай безымянный безвестный бездомный путник на морозной вечереющей сизой дымной снежной кешской пустынной дороге!.. Ты уходишь в сладкий дым забвенья... Ура!..

Тимур — ты победил!..

Тиран — ты одержал еще одну победу!..

Могила — ты победила!..

Тьма — ты победила!..

Песок — ты победил!..

... И темный малый человечек в желтом мятом колпаке и рваном павлиньем рубище с седой жемчужной чистой бородой уходит в дым забвенья, в снежный морозный сизый туман предвечерний...

И уходит в ночь грядущую забвенья...

...И ночь ночь ночь забвенья ночь морозная ночь сизая грядет грядет грядет над Державой над Империей!.. Да!.. Ночь снежная!.. Ночь ясная! Ночь парчовая — и лишь свежие сладкие следы врагов темнеют!.. И указуют и обнажают!..

И скачут скачут скачут тайные чагатаи палачи с ножами кашмирскими слепыми точеными нагими ночными безответными умелыми...

И следы темнеют и ведут к жертве!.. Ах! Ай! Айя! Уран!..

Блажен предатель — снег Империи!.. Ай, ай, страна моя!.. Тут и снег — предатель преданный!.. И все дороги! все следы! все тропы ведут к жертве!.. Только к жертве!.. Только к смерти!.. Да!.. Уран!..

И уходит малый человечек в ночь забвенья!..

...Ходжа Насреддин! Был! и уж нет на снегу твоего следа, а только след осла Жемчуга!..

И ты уходишь на осле по дороге кешской... Уходишь в дым дым дым дым дым забвенья!.. да...

Но! но! но!..

Но! Опять! О Боже!.. Что там у дороги у пустынной одинокой сизой талое живое темнеет?..

О Боже!..

Человек один лежит в снегу, а снег уже схвачен вечерним морозом и покрыт хрусткой ледовой алмазной коркой... о боже!..

— Кто ты?.. Что лежишь на снегу покорно?.. Или пьян? Иль накурился анаши медовой пагубной бредовой?..

— Я дехканин. Крестьянин. Я рано утром вышел с кетменем в розовое февральское поле... А по кешской дымной сырой студеной дороге скакал всадник чагатай. Нукер амира. И я не увидел его. И не пал в ноги в копыта гневные его коня с поклоном... Тогда он сошел с коня и крикнул: раб!.. Ложись на землю!.. И жди!.. Я не взял с собой ножа, и нечем мне отрезать твою слепую землистую голову... Жди!.. Я поехал за ножом... Скоро вернусь!.. И отрежу отсеку отделю отвалю твою заблудшую голову!.. Жди!.. И я лег и жду, а его все нет и нет... Уже снег упал, а его все нет... А в снегу сонно холодно... Может, он заблудился с ножом?.. Может, пойти ему навстречу по дороге?..

...И дехканин лежит на снегу. И кетмень забыто тихо лежит рядом...

...О Боже!..

И что ж ты лежишь, покорный народ мой?.. И ждешь ножа, и каждый думает: только бы нож нашел не меня, а другого, а нож блуждает, а нож устал уж, а нож уж не приходит...

Иль не можешь кетменем нож раздавить разбить?.. Не можешь?.. И вспахать взломать нукера-палача глухую рожу морду переносицу заросшую?..

Айя!.. Уран! Учча! Acча!.. Тошно!..

...Но я ушел с самаркандской дороги... Но я ушел в родной кишлак Ходжа-Ильгар... Но я потерял утратил

свое имя... Но я не Ходжа Насреддин, а такой же безымянный раб, ждущий последнего ножа...
Покорный я, покорный, подлый сонный...

Но!..

Нет сил глядеть терпеть!.. Но! нет сил дремать на дремлющей дороге дороге!.. Нет сил спать в стране усопших сонных...

И Ходжа Насреддин сходит с осла... И вынимает из ветхого мешка — курджина ветхую палку дервиша, увешанную разноцветными лоскутами и медными певучими колокольцами... И палка дрожит в руке Насреддина и поют певуче морозно шелестят звенят колокольцы тонко тонко...

— Наконец-то я нашел тебя, дехканин. Я брат того нукера... Он послал меня разыскать тебя...

— Вы принесли нож, таксыр, господин мой?.. Наконец-то!.. Вот моя голова!.. Она очень устала! И замерзла! И стала думать от мороза... А может, взять кетмень и убить нукера?.. Мне стало страшно — зачем мне такая голова?.. Зачем, таксыр?..

— Да. Думающая голова — это самое опасное в нашей стране...

— Скорее отрежьте ее, таксыр... Надоело думать... Холодно... страшно... Может, убить нукера?.. Где же ваш нож?.. Где?.. Думать страшно!..

— Думающих голов стало больше, чем ножей... Не хватает ножей уже... Ножи устали... Палачи устали... Мой брат прислал палку... Но это палка не простая!.. Это двоюродная сестра посоха самого Пророка!.. Гляди, как она бьет!.. Как поют колокольцы!..

И тут дехканин вскочил с земли, с примятого подтаявшего под ним сырого водянистого снега.

— Ходжа Насреддин!.. Ходжа Насреддин!.. Спаситель мой!.. Я узнал тебя!.. Узнал... Что ж ты не пришел раньше?.. Спасал других?..

И он заплакал...

И Ходжа Насреддин положил теплую дрожащую старую добрую свою ладонь на бритую нагую его послушную голову...

— Седая голова... Прекрасная мудрая голова дехканина... Земледельца... И ты так легко хотел расстаться с нею...

...Да!.. В ожидании ножа созревает иная голова!.. да!..

Но я ухожу...

И пошел к ослу своему.
И уже вечер перешел в ночь.
И был сизый вечер, а стала морозная ясная ночь.
И стала ночь с полевыми огромными бездонными звездами...
И звезды разгорались от мороза...
И полузамерзшие арыки едва шевелились в снежных полях...
И малые арыки совсем замерзали останавливались хрустели густели теснились от игольчатого молодого льда, а большие арыки жили текли шевелились двигались в ночи...
И малые люди засыпали, а большие двигались в ледяной ночи...

И Ходжа Насреддин двигался в ледяной студеной ночи...
Да!..
И!..

ЧАЙХАНА «ЧЕТЫРЕ ЧИНАРЫ»

И там у дороги росли четыре столетние жемчужные обильные раскидистые чинары чинары чинары...
И Ходжа Насреддин узнал их — дальних былых вечных...
И они были снегом высоко и щедро засыпаны и сияли в ночи снежные одинокие родные... И сияли в ночи пустынной как четыре снежные горы...
И Ходжа Насреддин узнал их...
И там была нищая малая чайхана и там светился утлый нищий низкий светильник и горело чадило пахучее чигирное масло...
И темно в чайхане было и пусто и дремно...
И только!.. Но!..

Айя!.. Откуда ты взялся в нищей тощей моей земле? в земле военной? в земле без мужей ядреных вольных? в земле холмов похоронных?..

Айя!.. Откуда ты взялся вырос поднялся палван богатырь красавец чайханщик Турсун-Мамад?.. Валун средь камней!.. Ты вольный улыбчивый!.. Зубы снежные ладные ликуют горят!.. Глаза лихие свежие нетронутые непугливые!.. И весь ты весь барашек ярый! бычок бык тугой налитой порос зарос кудрявой вольной вешней бородой!.. И грудь твоя в старом погорелом чапане-халате с широким вырезом открыта обнажена и вся она кудрявая каракулевая веселая вольная грудь!..

И откуда ты палван богатырь на земле моей нищей?

И глаза чисты твои, и зубы и душа твоя кроткая чиста невинна!.. Я вижу! Я знаю!..

Я слезаю с осла и иду к тебе и ты мне улыбаешься... И ты улыбаешься и обе руки мне щедро кротко подаешь протягиваешь доверяешь...

...И что я?.. Что стою?.. Что вспоминаю?.. Как в тумане... Молодые дни мои?.. Молодые зубы губы щеки руки?.. Молодое тело мое?.. И где оно?..

Я как в тумане... в мареве... в забвенье сладком... Я под синим детским теплым занданийским одеялом давним дальним...

...А Турсун-Мамад усаживает меня на дряхлую кунградскую кошму, изъеденную кишащей рьяной ройной перламутровой молью, но я не слышу моли, но я не чую прогорклый давний запах чигирного чадящего масла... Но я гляжу на молодого чайханщика!.. Айя!..

Сын!.. Нерожденный сын мой... Ты бы мог быть таким... Таким!.. Турсун-Мамад, блажен отец твой!.. И мать твоя!..

...А что я?.. без детей? без семьи? без дома?.. Что я... Айя!..

...А в чайхане темно. И только в углу на рваных одеялах-курпачах шевелится живет какой-то человек... Старик в косматой туркменской бараньей обширной папахе, и он не снимает ее, и во тьме лицо его старое птичье острое кажется мне знакомым... Но оно зыбкое расплывчатое во тьме и я не могу ясно разглядеть его... Но чудится мнится мне зыбкое это лицо знакомым... Откуда оно?.. Но столько лиц я перевидел в жизни моей кочевой, что каждое новое лицо кажется мне уже знакомым, уже виденным, уже прошлым...

И лицо старого туркмена в папахе мглистое темное лицо зыбкое в зыбком темном углу... Лицо во тьме мерцает...

И пустынно в чайхане... Нет никого... Только туркмен, я и Турсун-Мамад...

И он приносит мне чайник с зеленым китайским благовонным благодатным чаем и пиалу и самаркандскую лепешку густо обсыпанную млечным кунжутом. И бухарское легкое летучее теплое одеяло, чтоб я накрыл, укутал холодное свое снежное страждущее неверное тело...

И он улыбается мне. И он чует, что я полюбил его... И улыбается мне...

...Откуда ты, нерожденный сын мой?..

— Зеленый чай — лекарство от всех болезней... Пейте, учитель... Отдыхайте, отец...

...Отец!.. Ата! Дада!.. Этих слов не знал я...

...И голос у него чистый и нетронутый улыбчивый свежий. Ясный, как морозная ночь вокруг чайханы!..

Ночь!.. Так сладка ночь!.. Так сладок зеленый чай! так сладка круглая кунжутная подогретая на углях лепешка!..

Так сладка ты тихая заброшенная снежная ледовая морозная родина моя!..

Я вернулся! Я больше никуда не уйду... Никуда... Никогда... Да!..

...И я опускаю избитые измятые ноги мои в сандалий — подземную тлеющую под одеялами глиняную печь... Тепло ногам... Тепло душе... Дремно... Сонно... Спать хочется... Спать... спать... спать... спать...

И Турсун-Мамад приносит мне горячую пряную шурпу-суп в таджикской расписной пиале-косе и деревянную иранскую ложку и ставит пиалу на сандали, и руки у него во мгле чайханы светлые жемчужные могучие руки, как стволы вековых снежных чинар чинар чинар...

...О нерожденный сын мой несужденный... да... да...

...Я ем шурпу и засыпаю... Ем и засыпаю!.. Сон! сон... сон... Ночь... ночь... ночь... Ночь — сон... Сон что ли?.. Сон!.. О!..

Сон — и четыре снежных молчных мохнатых всадника у чайханы вырастают...

Сон — и они с пенных ярых коней темных караширских слепых слезают сползают спадают...

Сон — и Турсун-Мамад улыбчивый щедрый чистый им улыбается...

Сон — но я узнаю Безносого Ката...

Сон — и они шепчут говорят и они скалятся: давай шашлык! Жирный! Густой!.. Из молодого барашка!.. Давай!.. Быстрей, барашек!..

Сон — и они немо скалятся на Турсун-Мамада...

...Тогда Турсун-Мамад улыбается.

— Откуда в нашей нищей стране барашек?.. Откуда барашек жирный ярый в нашей нищей державе?..

Сон сон сон — и Турсун-Мамад снежно чисто улыбается...

Сон — а угли рдеют тлеют живут чадят дымят в мангале...

Сон — а там на четырех дамасских шампурах нищий тощий жилистый шашлык, жарится, мается, сворачивается...

Сон — а тогда четыре чагатая скалятся: давай, барашек!.. Давай твой шашлык небогатый!..

Тогда Турсун-Мамад подает им шашлык... Тогда он им весело вешний ярый неповинный улыбается... Не чует... Не знает... Распахнутый...

Айя!.. Но я чую!.. Но я знаю... Но... Сон! сон! сон!..

Да я ухожу по дороге к родному кишлаку Ходжа-Ильгару...

Сон — и я ухожу домой... Я больше не Ходжа Насреддин... Я дехканин безвестный безымянный... Айя!.. Сон!.. Я засыпаю засыпаю засыпаю...

Но я!.. Я чую!.. Чую!.. Ай! ай!.. Ай!.. Я чую! чую! Знаю! знаю! знаю!..

Тогда первый Безносый чагатай шашлык тощий хищно доедает...

Тогда дамасский нагой шампур стальной в его руке освобождается блуждает... Тогда он словно не знает куда его девать, тогда он мается, тогда он щерится ска-

лится... Тогда он ленно медленно как бы нехотя обреченно уныло метко долго нагой шампур в кудрявую открытую невинную ягнячью удивленную грудь Турсун-Мамада погружает вставляет оставляет забывает скалится печально. Нож пробирается пробивается продирается в хрупких чистых юных кудрях, как кабан-секач в весенних нежных тугаях приречных в зарослях турангах...

Тогда второй чагатай шашлык доедает — и второй свободный шампур нагой уходит в грудь Турсун-Мамада погружается теряется... разбредается... туманится... вмещается...

А чагатай печалится...

Тогда третий шампур уходит в грудь Турсун-Мамада...

И четвертый точный тихий тугой не запаздывает не запаздывает а встает рядом...

Айя!.. Уран! Да это ж сон?! Да что я? что? что? что? что?.. Да я ж ведь сплю сплю сплю... Да я ж ведь засыпаю... засыпаю... засыпаю... Сплю... Витаю...

...Да что ж я рубищем хиркой павлиньей голову свою глаза свои закрываю забираю заволакиваю... А рубище все рваное — и я вижу Турсун-Мамада...

Да, я желтым колпаком глаза закрываю — но колпак мои глаза пропускает, потому что рваный он, рваный...

Тогда чагатаи немо мнутся жмутся печалятся скалятся, а Турсун-Мамад стоит стоит стоит и все не падает не падает не падает...

Сон — и уходят уносятся всадники за снежные чинары... погружаются...

Сон — но я узнаю их... Тех четырех палачей-чагатаев... И безносого ката...

Сон — но угли там в мангале трещат урчат рдеют алые...

Сон — но там на угли что-то долго долго щедро течет течет течет, а потом тихо шипит шипит капает капает капает...

Сон — но в темном углу старик туркмен в косматой папахе молится молится, пав на кошму кунградскую... молится ползает тащится скитается мается, не снимая глухой сальной папахи...

Сон — но Турсун-Мамад все стоит все стоит все стоит у мангала да все улыбается улыбается улыбается...
Потом падает... падает... падает!..

Нерожденный несужденный сын мой!.. И ты убитый... Прощальный...

Айя!.. Не сон это... Нет!.. Айя... Нет...
Тогда!..

МОСТ

...Тогда я встаю встаю бегу бегу с кошмы кунградской затхлой рыхлой, тогда я задыхаюсь маюсь, тогда я тыл руки своей сонной кусаю, как древние арабы в отчаянье.

Тогда я выбегаю из чайханы в ночь в снег в жемчужные недвижные равнодушные пустынные ледовые снежные чинары чинары чинары...

Айя!..

Будь проклята чайхана!.. Кровавая...

Будь проклята ночь!.. Кровавая...

Будь проклят снег!.. Кровавый...

Будь прокляты чинары!.. Кровавые...

Будь проклята земля родина моя!.. Кровавая... кровавая...

Айя...

...И дорога ледяная ночная снежная пустынная ледяная... И только след палачей низко дымится тянется туманится длится тлится тянется...

Ночь палачей свершается... Держава палачей туманится... Необъятная...

...И где тут мудрость моя?.. Где брег ее вешний вечнозеленый?.. Где обитель юдоль заводь ее тихопесчаная врачующая тихокаменная дальняя святая желанная нечаянная?.. Есть ли на земле такая? На земле, где и шампуры служат текут текут струятся ножами окаянными нежданными?..

Есть ли такая на земле тирана?..

Есть ли такая в народе овечьем рабском?..

Не знаю... Я один на ночной ледовой кешской зимней дороге...

...Ходжа Насреддин, почему ты садишься на осла задом наперед? Спиной к голове осла, лицом к хвосту?..

...Потому что вокруг меня, в настоящем, такая ночь, такая кровь, такая тьма, такое рабство, такая нищета, что мой взор невольно устремляется назад, в прошлое... Только мой осел глядит в будущее... Только осел глядит в будущее, алчет, ищет будущего... Я не хочу туда глядеть... Будущее еще темнее настоящего... да!.. Я вижу, хотя гляжу в прошлое...

Я устал. Я гляжу в прошлое. Я еду в прошлое. В родной кишлак Ходжа-Ильгар.

И там мудрость моя!.. И там заводь лазоревых нескошенных нетронутых форелей ягнят телят... Там!..

...Но я один на ночной ледовой кромешной морозной дороге...

И только след палачей дымится живет стелется широкий... Дымится раной язвой порубью глубокой... И только след палачей дымится один жив свеж лют средь державы сонной ледовой морозной...

долго... долго... долго... долго... Тошно...

Долго!..

И тут осел мой Жемчуг останавливается...

И снег сухой морозный снег уж не скрипит уж не хрустит дремотно под его дремотными дремливыми дремучими усталыми ногами... Уж не хрустит, как раннее калайдаштское яблоко в зубах мальчика-дехканина...

Яблоко... Раннее... В ранних зубах мальчика...

Яблоко... дальное... Дальнее...

...Но что тут?

...Я сижу, я сплю на холодном голодном осле... Осел стоит... Долго... сонно... дремотно...

Потом я просыпаюсь озираюсь...

Потом какой-то глухой текучий ровный шум доносится...

Айя!.. Да это же родная река моя Сиёма!.. Да это же она шумит в берегах ледовых лютых сонных!.. Да это ж река колыбель люлька гахвара река Сиема моя текучая незамерзающая родина!..

И мост висячий деревянный древний дряхлый ветхий шаткий тонкий худой мост светился во тьме снежной бредовой... Родной мой мост!.. замерзший мост мой!

кость моя! худая детская голодная протянутая моя далекая висячая ручонка!..

Ойя!..

...Река!.. Родная!.. Сиема!.. Ледовая, а не замершая...

...Мост!.. Милый!.. Худой!.. Исхоженный!.. Истрепанный... Изъезженный... а не оборванный...

Ай!., столько лет прошло... Я стар... А ты течешь молода в снегах во льдах река... А ты висишь качаешься мост дремный древний деревянный шаткий а веселый!..

И я слезаю с осла и я бегу к реке и я бегу к мосту и дикая обширная хирка шута на мне павлинья рваная полощется полощется полощется и точно надо мной она хохочет и хохочет и хохочет... И от бега разлетается, как крылья расписного фазана, и рвется рвется рвется...

Но я бегу как дальний пыльный кишлачный мальчик с бритой резвой лобастой телячьей головой к висячему мосту мосту мосту мосту...

Но!..

Но!.. Стой!.. Но что там?.. Что?..

Айя!.. След палачей ведет к мосту и там стоит Безносый. Кат. Палач...

Я сразу узнаю его. Нетрудно...

...И он глухо хмельно бредово хохочет и хватает паучьей цепкой рукой меня за плечо. Его пальцы как шампуры ножи уходят врезаются влезают в мое плечо...

Он хохочет. У него глаза, как желтые спелые осы... Я знаю такие глаза... Он накурился анаши... Он хохочет... И плачет... И желтые спелые осы плачут... выжидают...

И рядом стоит его караширский лютый густой конь и конь храпит хрипит и круто ходит крутит водит точеной пенной головой и дрожат дергаются рябят его атласные шелковые смоляные пугливые нервные кожи... И содрогаются знобкие атласные кожи...

...Ай родная река! ай родной мост! ай родная земля! ай родная ночь!.. Ай родной палач!.. Родной державы посланник лазутчик-добытчик-охранник... Ай родной палач! Ты и тут!..

Ай, земля моя!..

И на всех дорогах мостах твоих палачи стоят.

И на всех мостах палачи стерегут... Палачи блюдут... Палачи секут... Палачи хранят... Палачи щадят...

Мой родной палач — ты и тут...

Ночь!..
Мост!..
Река!..
Палач!..
Ай!.. Много!..
Ходжа Насреддин!.. Шут в хирке!.. Помоги мне!.. Мой конь боится идти на мост! Мои друзья прошли и бросили меня... И брат бросает брата, и сын — отца, и палач бросает палача!.. Все предатели! Ха-ха!.. Ну и земля!.. Ну и времена!.. Времена Двенадцати Иуд! Нет верных людей!.. Ходжа, помоги мне пройти по мосту!.. Мост слабый ледяной сухой от мороза — мой конь боится!.. И я боюсь! Река внизу гибельная! Мост темный неверный!.. Адский мост!.. Тонкий, как лезвие кашмирского ножа... По такому мосту грешники в рай идут... Но мост зыбкий скользкий... И все срываются падают в реку смертную!..
— Не все срываются... Увы... — шепчу я. — Идем, я помогу тебе...
— Вначале проведи коня! Он боится... Он хочет меня сбросить!.. Он ненавидит запах анаши!.. Ха-ха!.. Святой запах! Вся наша держава провоняла кровью, вином и анашой!.. Люди хотят забыться!..
Я глажу ласкаю коня по атласным чутким переливчатым кожам его, и кожи его перестают рябить дергаться дрожать... Внемлют мне кожи... Приемлют... Успокаиваются... Расстилаются ровные...
Потом я осторожно беру коня за исфаганскую узкую уздечку и тихо влеку к мосту...
Мост узкий...
Конь узкий...
Уздечка узкая...
Жизнь узкая... Скользкая...
Река широкая...
Смерть широкая...
И конь тихо идет за мной, и мы ступаем на скользкий мост морозный легкий, и мост начинает дрожать трепетать скрипеть, и конь испуганно шало останавливается, но я тяну его за собой и треплю и глажу мну тугую податливую сладкую чеканную холеную шею его, и мы выходим на противоположный берег...
— Ходжа Насреддин, иди сюда!.. Перенеси меня на себе. У меня голова мутная скользкая от анаши... Как этот адский мост!..

И я возвращаюсь по мосту к Безносому...
И тут!.. Нет! Нет!..
Мысль какая-то далекая темная глубннная... Мелькнула, как форель в волне ледовой... Мелькнула...
— Дай я сяду на твою шею, Насреддин, н ты перенесешь меня по мосту!.. Мон новые сапогн нз сагры, начищенные нутряным салом, скользят... Голова вянет от анашн... Я не могу идти... Дай твою спнну нлн шею! Иначе — вот он! Мой верный ургутскнй нож! Один удар — одна смерть!.. Зачем тебе смерть, Насредднн?.. Зачем тебе нож у самого дома?..
...И я нагибаюсь... Да! покорно! но та мысль в голове как форель вьется льется ходит в волне!.. Да...
И я нагнбаюсь н подставляю свою спнну и шею, и он саднтся потный тяжкнй на мою спину н шею и обхватывает меня руками н ногамн, как паук вялую осеннюю муху...
...И мы ндем... Идем по родному моему давнему мосту... И я тащу на себе палача...

...И пршлн времена, когда каждый тащит на себе палача своего? Да?..

...А где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый?.. Где сокровенная дальная тнхая лазоревая заводь ее?.. Заводь лазоревых телят форелей ягнят?.. Где?.. Где дом мудрости моей?.. Где безымянная кибнтка ее?..

И я вернулся домой... И я тащу на себе палача своего... И он пахнет анашой смрадной темной гнбельной и хрипнт мне на ухо...
— Священная Книга говорнт, что к шее каждого человека привязана птнца судьбы!.. (где птица моя? иль улетела?) В нашей стране к каждой шее привязан палач... Ха-ха...
Безносый смеется на моей спине.
— Ты мудрец, фнлософ...
— Да, я чнтал Авнценну, аль-Бнруни и аль-Фараби... Искал мудрость...
— Жаль, что мост краток н шея моя слаба — иначе бы я послушал тебя... Чужая шея — прекрасное место для размышленнй... Палачи теперь мудрые... Палачи-философы...

— Но я не нашел мудрости в книгах... Я полюбил девушку, и ее отец бай раздавил мне нос рукояткой камчи... Тогда я понял, что мир состоит из палачей и жертв!.. И нет иных! Или ты жертва — или ты палач!.. Вот и вся мудрость!..

— Но времена меняются — и жертва становится судьей!..

— Но не в Мавераннахре!..

...Да... И я тащу своего родного палача, но мост уже кончается, и та тайная мысль, как форель, уходит в воду...

Навсегда...

А река внизу ледяная ледовая мглистая тяжкая...

Нет!.. Не могу я!.. Не могу... У самого дома... У самого родного гнезда кишлака Ходжа-Ильгара... Не могу...

Да!.. Не могу... Тащу...

Да!..

Ночь!..

Мост!..

Река!..

Палач!.. На шее... Но он сойдет — и будет свобода... И будет прямая шея...

Айя!.. И шея выпрямится выправится как помятая трава... Айя!..

И кто не носил иль не носит на шее своего родного палача?.. Айя! Айя? Уран!.. Учча! Ачча!..

Подождите потомитесь — и палач милостиво сойдет переметнется перекинется с вашей шеи на иную... да...

— Ты молодец, Ходжа Насреддин!.. Ты стал другим. Ты стал равнодушным... Ты стал нашим... Ха-ха!.. Я понял это в чайхане, когда ты не вступился за многоречивого многокрасивого чайханщика...

...Айя!.. Да что ж это?.. Зачем? Зачем? Зачем?.. Гад! Кат!.. Зачем?..

Да я ж уже у дома! у берега родного заветного! Да я ж ушел с Дороги на Тропу! да я ж безвестный безымянный дехканин! да я ж овца покорная!.. Зачем?.. У самого дома?..

Ай!.. Турсун-Мамад!.. Нерожденный несужденный сын мой! Валун средн камней!.. И ты уже убитый!.. Айя!.. Уран!..

И шампуры текут текут струятся изливаются текуче извиваются кудрявятся от крови вытекают из груди кудрявой неповинной щедрой из открытой беззащитной из груди веселой...

...Тогда я рушусь падаю подрубленно на колени и круто ухожу из-под Безносого и он с ходу падает шумно мято глухо тяжко тупо ударяется затылком о стеклянный морозный убитый мост, но цепко уже дремно убито сонно хватается за скользкие стволы бревен, но руки его слепые пальцы скользят, но сапоги его из сагры скользят плывут по морозным скользким бревнам, но он молчит молчит молчит и катится скользит сползает по мосту...

Тогда я начинаю раскачивать трясти мост, как трясут айву, чтобы высокое воронье гнездо упало...

И я трясу мост, и Безносый безнадежно молча повисает тщится мается на самом краю моста... сползает... повисает...

Тогда я ногой в рваном башмаке-кауше тихо брезгливо не глядя пинаю толкаю сдвигаю его и он молча молча срывается уходит молча в реку ледяную мглистую печальную печальную печальную...

И гнездо воронье упало упало упало...

Река... Прости... И ты печальна...

И мост качается качается и утихает утихает и успокаивается и останавливается...

Мост... Прости... И ты печален...

Родина... Прости... И ты печальна...

Ночь! прости... И ты печальна...

Но!.. Нож палача ургутский сладкий нож промахнувшийся вместо меня вошедший в мост пустынный все еще качается трепещет все еще дрожит качается... не усмиряется... не успокаивается...

Ночь...

Мост...

Нож... без палача...

Нет палача...

Но!.. Но сколько их еще ходит таится живет на земле моей?..

И они стоят и стерегут на всех мостах родины моей...

И они сидят на всех покорных шеях, а таких много...

А я?.. Я столько лет боролся с палачами веселым языком. Острым едким гневным словом... И что?.. Но-

гой надо было... Ногой!.. С моста!.. Долой!.. С палачами ногой надо!.. Да!.. Долой! С моста! Ногой! ногой! ногой!.. Да... Айе!..

Но жарко!.. Душно!.. Тошно!.. Снять башмаки-кауши-убийцы хочется... Омыться хочется!..

КУТЛУК

...Омыться хочется!..

И я схожу с моста к реке к Снеме моей ледовой сизой...

И берега и камни н тугаи прнречные ее ледовые, но мне жарко душно тошно. Горько мне...

И я сбрасываю с себя шутовскую рваную хирку и колпак серпуш желтый н каушн разбнтые невеселые...

И вхожу в реку ледовую родную и мне вольно сладко снежно свежо. И молодо.

И горькое согбенное полынное тело мое расцветает в снежных волнах...

И потный запах анаши и потный запах палача уходят уходят уходят...

И река омывает меня моя лазоревая моя дремотная моя ледовая!..

И старые кривые пыльные мон тяжкие ноги плывут текут в реке...

И крутая нежная ханская форель льнет к ногам моим ласкает щекочет, как собака верная чутким влажным добрым носом... Это не форель, это волна родная дальняя волна моя... Она узнала меня... уткнулась в мои иоги...

Я вернулся...

И там за рекой вдали во тьме февральскнх сырых сиежных глухих грушевых гранатовых урюковых садов лежит спит родиой мой кишлак Ходжа-Ильгар...

И там гнездо мое... И там мудрость моя... И там заводь лазоревая сокровенная обитель ягнят телят лазоревая моя...

Там!.. Скоро!.. Я сорок лет там не был...

Я выхожу из реки...

...И Ходжа Насреддин вышел омытый чистый из ледовой реки...

И там на берегу стояла одинокая ива и она ранняя беспечно беспечально распустилась и покрылась зелеными рьяными плакучими молодыми талыми листьями и оиа стояла вся зеленая и вся была в мокром сонном тяжком мертвом слепом снегу...

И оиа вся зеленая раиияя невиниая стояла в снегу иеубитая неуморенная непомерзшая... Невзятая стояла листьями зелеными невинными плакучими падучими мокрыми живыми изумрудами стояла ликовала... И вся оиа стояла в снегу ранняя невинная расцветшая до времени своего.

И Ходжа Насреддин улыбнулся и подумал, что он, как ива ранняя расцветшая иевинная неубиенная в снегу державы Тимура в снегах необъятных Мавераннахра и Турана... Да!..

...И я выхожу из реки.

И снега вокруг осиянные новорожденные сияют... Светло... Молодой сиег... Молодая ночь... Молодая река... А я старый... А тело мое растраченное... А я вспоминаю казни свои, глядя на тело свое небогатое голое нерадостное...

И иа ногах и на груди и на спине еще живут саднят томятся шрамы рубцы раны... И еще ие затянулись не забылись раны свежие недавние... И я засыпан я усыпаи ими, как багряными парчовыми лепестками палых жирных роз атласных роз ширазских роз гранатовых...

Да! только такими жгучими живучими я был осыпан лепестками гранатовыми!..

Да!.. Снега сияют а я гляжу на тело свое растраченное...

— Любовь!.. Забытая!.. Была ли ты?.. Была ли?..

— Да!.. Была... Была!.. Была!.. Да не свершилась, не сбылась, а только (только!) завязалась!.. А только началась да затерялась... оборвалась...

Да?..

— Кутлук?.. Ты слышишь?.. Кутлук-Туркан-ага сестра Тимура, ты слышишь?.. Кутлукча, ты слышишь?.. Через столько лет ты слышишь чуешь любишь ждешь на берегу Сиемы у дерева гранатового?.. Ты слышишь, Кутлукча, дитя дева девочка дальняя в платье гранато-

вом у дерева гранатового?.. Айя?.. Кутлукча моя, ты слышишь, многодальняя?..

— Я слышу, Насреддин, в карбосовой пыльной медовой вольной рваной нищей рубахе!..

— Ты слышишь, дочь степная? дочь раскосая? дочь барласская амирская дочь ханская? дочь сладкая?..

— Я слышу, Насреддин, найденыш сирота с глазами ярыми... И черный сокол с ярыми кровавыми глазами ловит ловит ловит белых белых белых родниковых пьющих цапель!.. Насреддин, мальчик!.. Ты сокол... Я белая родниковая покорливая цапля!..

— Кутлукча!.. Ты в широких шелковых маргеланских татарских туманах-шароварах!.. Ты на другом берегу стоишь! Ты манишь манишь манишь!.. Ты с незрелого древа гранатового гранат незрелый первый рьяный обрываешь!.. Кутлукча!.. И через столько лет кричу тебе... на берег тот... на берег тот усопший?.. нет! нет! нет!.. Еще живой! Всегда живой!.. Кутлук!.. Не ешь гранат незрелый!..

— Насреддин!.. Я зрелая... Я спелая... Уже... Созрела... Я дева белого налива!.. И гранат белый созрел... И зубы губы груди мои зрелые... И спелые!.. И спелые!.. И спелые!..

— Кутлук!.. У тебя губы зрелые! зубы зрелые! груди зрелые, а голова еще незрелая... И тело зрелое и тело спелое, а голова еще незрелая!..

— Насреддин, а тело зрелое, а тело спелое повелевает голове незрелой голове неспелой!..

— Кутлук, не ешь гранат незрелый!..

— Насреддин, я хочу!.. Я ем!.. Я иду на твой берег!.. Я иду иду иду на твой берег!.. И будем есть гранат незрелый вместе вместе вместе!.. Пойдем в поля солнечные комарные полуденные терпкие рисовые сомлелые!.. И там съедим гранат незрелый!.. Вместе!..

...И!.. Ииннн!.. Я бегу бегу бегу по мосту по деревянному висячему летнему (а ныне ледяному!) и падаю падаю падаю валюсь перед нею на пыльные тяжелые налитые мои уж налитые колени колени колени...

И она пылко пыльно жадно хищно лепетно срываясь прыгает садится мне на худую горячую полуденную вольную пыльную шею.

И она тяжелая! тяжкая! медовая! налитая! и она зрелая спелая я чую чую шеей что она спелая она уже спелая уж спелая уж спелая!..

...И будем есть гранат незрелый!.. Да!..

...И я бегу по мосту и она зреет тяжелая на моей шее шее молодой далекой сладкой шее шее шее шее...

...А теперь я влеку по ледовому мосту палача на своей старой шее!..

Ой далече! ой далече! ой далече!.. Куда ушла жизнь?.. Куда Кутлук ушла?.. Ушла!.. Ушла... Ушлааааа... ааааа!..

Далече!..

...Но она сидит притихшая на моей юной быстрой шее!.. И мы бежим в полях рисовых полуденных млеющих...

И мы бежим и вязнем и она ногами тугими зрелыми и руками лепетными тесно тесно тесно жгуче обвивает худое мое тело!..

Кутлук! Теснее! Дева девочка! Теснее!.. И душно!.. И ноги твои шелковые зрелые круглые обвивают окружают тесно душат мою шею шею шею!.. И сладко!.. В рисовом полуденном поле...

И летают медовые комары и летают медовые полевые степные голуби вяхири...

И мы ликуем вязнем никнем клонимся сплетаемся в поле поле солнечном солнечном солнечном!..

Ай!.. Наконец!.. Уходит полуденное дымчатое дремотное вязкое мяклое водяное рисовое поле...

И там стоит стог сена горячий солнечный высокий!..

Кутлук!.. Я опускаю роняю тебя в стог медовый сонный!..

Кутлук!.. Давай есть гранат незрелый!.. Давай!.. В стогу далеком смутном солнечном шелковом бредовом сонном сонном сонном!..

...И я тронул ее груди — и груди вышли взошли из шелков!..

Тогда я сорвал с нее платье — и мало мне стало перстов!..

И мало мне стало перстов!..

И я сорвал снял собрал смял с нее гранатовое зрелое платье и млековые млечные жемчужные спелые зрелые невинные сокровенные груди встали пролегли у губ моих моих моих растревоженных солончаковых...

И млековые млечные груди, как две млековые снежные точеные горлицы, встали устремленно полно...

И клювы-соски были острые розовые как цветы канибадамского миндаля как вишневые косточки!..

И встали невинные две снежные млековые избыточные горлицы!.. И в губы-уста мои пошли соски медовые бредовые ее соски гонные покорные!..

Но мало мне сосков, но мало снежных млековых тихих кротких покорных налитых горлиц!..

И стал я срывать сбивать сдирать рукою терпкой напоенной шаровары туманы маргеланские вольные широкие!..

Кутлук!.. Будем есть гранат незрелый сорванный!..

Кутлук!.. Как вольно! сладко! как медово! как бредово в дальнем дальнем полуденном стогу сонном сонном сонном солнечном!..

...Да, Насреддин!.. Медово!.. Вольно!.. Но расплети мои двадцать девичьих косичек заплетенных!.. Тогда будем есть гранат сорванный медовый!..

...И я расплетаю двадцать девичьих косичек!.. Долго!.. Руки дрожат! Пальцы рвутся спелые медовые!.. Косы рвутся жемчугами оплетенные!.. Долго!.. Но скоро! скоро! скоро!..

— Кутлук!.. Скоро!..

— Насреддин! Скоро!..

И она мне помогает! помогает пальцами перстами тонкостными тонкокостными камышовыми веселыми гибкими проворными!.. И она мне помогает расплетать свои девичьи многие косы!.. И голова ее свободна!.. И сливаются освобожденно льются текучие атласные волосы!..

Кутлук!.. Ты нагая?.. Ты моя?.. Ты покоренная? покорная?.. Мы будем есть гранат сорванный незрелый зрелый спелый уж гранат медовый!..

И она остается в кабульских сафьяновых ичигах-сапожках!.. И я снимаю тихие летучие шелестящие сапожки... Уже!..

— Кутлук! Уже! Скоро!.. Можно?..

— Насреддин!.. Уже. Скоро!.. Но сними с пальцев с перстов моих покорных камышовых золотые тесные хоросанские кольца!.. Тогда!.. Все!.. Можно!..

...И я снимаю кольца!.. На десяти пальцах перстах — десять хоросанских витых колец!.. Долго!.. Кутлук!.. Долго!.. И зачем снимать кольца?..

— Насреддин, сними, сорви девичьи кольца, чтоб и пальцы были голы и свободны!..

И белых белых снежных родниковых пьющих цапель ловит бьет сокол с кровавыми глазами!.. Белых цапель бьет кровавый сокол!..

И я снимаю сдираю собираю срываю с пальцев кольца, с перстов тесные перстни... И осталось одно кольцо! и оно не поддается! и уже можно! и она лежит с закрытыми глазами! и уже можно можно можно!..

А я зубами губами сонно дремно сдираю последнее кольцо, а она шепчет шепчет: Насреддин!.. Да можно! уже!.. Мальчик!.. Спелый!.. Можно! можно! можно можно!..

Но я снимаю последнее золотое девичье кольцо в золотом полуденном стогу и бросаю его в рисовое млеющее поле поле поле опаленное...

И!.. Кутлук!.. Уже!.. Иду!.. Валюсь подкошенно! подрубленно! медово! вольно!.. вольно!.. вольно!.. вольно!..

И!..

Ай!.. Айя!.. Ай Насреддин! Ну что ж ты медлил?! Мальчик!.. Мальчик!.. Поздно!..

Поздно!..

Да!.. По стогу лезет вьется задыхается Тимур с ножом своего отца Тарагая-нойона!...

И я нагой!.. И Кутлук нагая!.. И нож нагой!.. И стог стоит нагой!.. И поле нагое!..

Тогда Кутлук встает на стог. Нагая. Спокойная. Стоит. Растет. Реет. Над полем!.. Над ножом Тимура удивленным усмиренным...

Тогда она стоит нагая дремотная спокойная далекая...

Тогда она плачет нагая сонная дремотная...

Тогда оиа шепчет: Тимур. Брат. Убей меия. Дай иож...

— Я опоздал?.. Айя! Уран! Уйя!.. — кричит Тимур, и иож ко мие к худому иагому телу моему убитому налитому подходит. Нож войти в меия готовится...

— Нет, брат. Не опоздал... Но горько!.. Дай мие иож!.. Иль сам впусти вложи его в меия!.. Прощай, Насреддии! Прощай, телеиок!.. И белых цапель ие убьет кровавый сокол!..

И она сходит с золотого стога и иагая нагая нагая уходит тоиет в рисовом полудеииом солиечиом сомлевшем равиодушиом поле поле поле...

И оиа нагая тоиет в поле...

Навек тоиет...

Навек уходит...

И забытые шаровары платье ичиги лежат иа стоге...

И лежат забыто золотые златые иезабвенные кольца...

...Кутлук! Кутлукча!.. Кутлук-Туркаи-ага!.. Я кричу тебе через столько лет... Я кричу тебе иа другой берег!.. Ты слышишь, любовь моя?..

— Я слышу, Насреддии!.. Я слышу! я машу! машу тебе! люблю! люблю тебя... Но я иа дальием берегу... На берегу усопших... Но! ио! но!.. Зачем? зачем? зачем сиимал ты золотые кольца?.. Зачем?.. И белых цапель упустил кровавый сокол...

И оиа уходит...

И я выхожу из реки ледовой...

И вокруг сияют сиега ледовые...

И мост висячий сияет тяиется ледовый...

...И только что я шел бежал по летиему летучему мосту!.. И дева зрела спела пела шептала иа гибкой моей шее...

И вот уже бреду по сиежиому ледовому мосту!.. И кат палач сидит как тля иа утлой ветхой шее...

Но ушла и Любовь...

Но ушла и Смерть...

А я живу. А я дышу. А я еще иадеюсь...

Да!..

ДЕРВИШ-АРИФ

...Да! да! да!.. Еще иадеюсь...

И в снежной ледяной реке свершаю ледяное омовеиье очищенье...

И выхожу из реки и надеваю хирку кауши колпак-серпуш на чистое свежее тело тело тело...

И запах реки! и запах сырых иапоенных заждавшихся снежиых деревьев тайно наливающихся! и запах где-то забытых дотлевающих кизяков пряных! И запах светлого снега у реки уже талого уже изникающего! и запах родины! и запах давнего гиезда колыбели! и запах дух светлый ясиый льется течет бьет мие в ноздри в душу в очи!.. да!..

...И я срываю свежую ломкую ледовую ветку приречного кроткого тополя туранги. И кладу ее на язык... Я жую ветку... И она уже вешияя. Текучая. Живая... Сладкая оиа... Оиа целебиая ветка... Весиа уже... Ветка сиежиая чует... И таится копится томится иаливается соком молодым бражным зеленым...

...И тут я вспомиил, как ранией кочевой весиою случайио раздавил зелеиого кузиечика в траве. И поднял его.

И кузиечик раздавленный издавал тот же запах, что и зеленый свежий мятый вешний лист...

Кузнечик, лист, человек — все из одной плоти... Все родиое... Все живое... И все давят рушат топчут...

И тут иад сиегами поиесся талый дальний ночиой вешиий крик ослицы, и мой осел Жемчуг пошел на крик покорио...

Весиа уже... Ослы чуют... И наливаются, как деревья, бродильиым хмельиым соком...

...И тут я вспомнил двустишие-бейт, которое я сказал иа бухарском скотиом весеиием базаре... Там продавец ослов стал тугой хлесткой палкой бить осла, который припал совпал пристал приноровился к ослице и налился... И продавец стал бить его по корию стволу долгому иагому иевииовному... Тогда осел метнул стаю семян слепых и полбазара окропил омыл жемчужною росою!..

Тогда я сказал продавцу залитому живыми жемчугами:

Эй, продавец, не бей влюбленного по корню!
Или омоешься жемчужиою ослиною росою!..

Да... А себя я бил! мял! давил!.. И забыл о любви...
И стою старый у реки ледовой... И поздно...

Но мой старый осел бежит на талый крик... И не поздно?.. И я не стал мешать ему... И сказал вослед:

...О мой вешний осел!.. Непутевый осел!..
И куда ты понес свой малиновый ствол?..

...И не поздно?..

...И тут я услышал чей-то тихий чистый снежный светлый голос:
— Осел стремится к ослу. Человек стремится к человеку. А дервиш-ариф стремится к богу!..

...Айя!.. Кто ты?.. Чей это голос в ночных глухих густых снегах?.. И тут я увидел янтарный рыжий живой беглый текучий костер на берегу. И голый босой нищий восковой человек сидел у костра...
— Кто вы, отец? Или вы тоже совершили омовенье в ледяной реке и теперь босой нагой обсыхаете у огня?.. Но где ваша одежда?..
— Я дервиш. Суфий. Ариф... Ходжа Зульфикар. У меня нет никакой одежды... Я бос и наг... Я нагим пришел на землю и нагим ухожу к Богу!.. Скоро!.. Скорей бы...

Ходжа Зульфикар стар, как древний ветхий мшистый китайский карагач. Голова его наго выбрита. Борода и брови выщипаны... Нагой, как яйцо, старик... Суфий... Аскет...

— Учитель, я много слышал о вас на всех кочевых дальних дорогах моей страны...
— Дороги моего Мавераннахра залиты невинной кровью... Куда ни ступишь — везде кровь!.. Везде нож!.. Везде смерть!.. Некуда опустить положить поставить колени, чтобы помолиться Аллаху!.. Везде кровь!.. Везде колени в крови!.. Везде души в крови... И сам Пророк и сам Аллах в крови!..
И он глухо запел касыду-молитву, и старые сизые жилы на шее его потемнели набухли насытились кровью...

...И у зарезанной мечети помолюсь
И у зарезанной мечети помолюсь зайдусь сольюсь прольюсь
И у зарезанной мечети тихими блаженными слезами обольюсь
И у зарезанной мечети тихими блаженными блаженными
слезами изойду
И в пыль священную паду паду сойду сойду взойду взойду
взойду
И в камни дальные святые камни камни тленные зарезанной
мечети
вечной упаду паду прильну
И пыль прохладную святую пыль камней зарезанных испью
испью испью
И душу душу душу смертную разъятую зарезанную душу душу
святую
разъятую святую душу душу утолю
И душу душу смертную зарезанную душу душу как зарезанную
жертвенную овцу овцу святой хладной пылью окроплю омою
напою
И утолю
И утолю пустынную побитую зарезанную душу душу святую
заблудшую
овцу душу овцу
И у зарезанной мечети помолюсь
И в пыль паду
И душу душу блудную зарезанную обрету душу овцу овцу овцу
И у зарезанной мечети изойду паду взойду
И у зарезанной мечети помолюсь и обрету и утолю
И у зарезанной чинары у жемчужной святой у чинары
у зарезанного
тута Мухаммад Святой зарезанный в кровавом алом чапане стоит
стоит стоит
И алой тяжкою рукой зарезанной текучей алою веселою рукой
коралловой роящейся родной манит манит манит молит хранит
И хворь нашла и тля нашла и губь нашла на Азии безвинные
текучие
поля сады стада града
И Мухаммад зарезанной веселой вольной алою родной родной
рукой
манит манит манит молит хранит
И над главой его зарезанный тутовник ворожит таит таит таит
хранит
И у арыка дева девочка кизинка тихая безвинная стоит стоит
стоит
манит манит манит таит
И у арыка Дева Девочка в гранатовых кровавых бусах серьгах
свежих у арыка у воды гранатовой зарезанная Дева Девочка
стоит
стоит стоит манит
И я молюсь и я встаю и я бегу и я ропщу кричу молю томлюсь
И у зарезанной мечети я кричу кричу кричу: кто ты?..
О Господи! Тебя-то что последними гранатами ой залили
забрызгали
осыпали?

Кто ты? В земле зарезанных гранатовых дерев мечетей душ
камней
овец кто ты?
Кто ты зарезанная Дева Девочка у сонной у живой гранатовой
воды
воды воды?
Кто ты? Сними гранатовые бусы серьги зерна в воду
опусти пусти!..
Кто ты?

Она томится улыбается тантся никнет тянется...
Кто ты?
— Я Смерть... Пойдем со мной... — и тихою рукой
как вешней ветвью
напоенной шелестит манит манит манит
И осыпаются свергаются гранатовые бусы серьги зерна
в мягкую
податливую сладкую родную пыль пыль пыль пыль пыль
пыль пыль
в арык в арык в арык
И Мухаммад зарезанный веселый истекает ало алой гущей исходя
в гранатовый арык арык арык арык арык
И арык не течет
А стоит
Стоит
Господь! помоги охрани в крови

...Да!.. Всюду кровь и нож и смерть!.. И сам Аллах в крови!.. И все дороги в крови!.. Все дороги ведут к смерти!.. Кроме одной дороги — дороги к Богу!..

— Отец, я едва нашел преодолел дорогу к дому... Вот он во тьме за рекой!..

— Нет у человека родного дома на земле... Только на небе!.. Я прошел семь Шатров Стоянок Шествующих к Истине, к Богу!.. Первая Стоянка — «Тауба». Покаянье... Вторая Стоянка — «Вара». Осмотрительность. Разграничение Добра и Зла... Третья Стоянка — «Зухд». Воздержание... Четвертая Стоянка — «Факр»... Нищета... Шатер нищеты!..

...Отец, я с детства не вылезаю из Четвертого Шатра!..

— Пятая Стоянка — «Сабр». Шатер Терпения!..

...Отец, в этом шатре томится тантся и не ропщет весь мой народ!.. Ай, где Шатры иные иные Шатры счастья для Народа моего?.. О...

— Шейх Джунайд сказал: терпенье есть проглатываиье горечи без выражеиия иеудовольствия!..
...Отец, мы проглатываем терпим Тимура и еще славим кричим: «Алла-яр Амиру Тимуру!.. Алла-яр!..»
— Шестая Стояика — «Таваккул»... Уповаиье...

...Отец, уповаю... Все еще уповаю...

— Седьмая Стояика — «Риза»... Приятье... Покорность... Удары Судьбы не только пусты и иапрасиы, ио даже и мысли о их влиянии иет... Нет ии яда, ии огня!.. Гляди, Насреддии!..
...И Ходжа Зульфикар протяиул худую белую восковую снежиую руку к огию и словио оставил забыл ее в огие и сразу стало пахиуть палеиыми волосами и Ходжа Насреддин схватил старика за руку и стал тащить его от костра, но суфий сидел иеподвижно и улыбался...
И только пахло палеиыми волосами... И рука в костре не взялась, ие бралась, ие горела, ие тлела, а была сиежиой свежей хладиой... Была живой мраморией...
— Отец, ие иадо... Ииаче я тоже опущу руку в огонь, а ведь я ие прошел Семи Шатров-Стояиок...

...Тогда он выиул медлеино выбрал руку сиежиую руку тебризского святого живого мрамора из костра и сказал:
— Гератский шейх Ходжа Абдаллах Аисари учил: что есть дервиш? Просеяииая землица, а иа иее полита водица: ии подошве от иее иикакой боли, ии иа поверхности иоги от нее иикакой пыли...

...Отец, ио я устал... Я хочу домой... там за рекой в снежном тумаие моя кибитка... Я там сорок лет ие был... да... да... да... устал... да... а...

...Что-то соиио мие у костра, томительио... Ходжа Зульфикар говорит как из тумаиа... Засыпаю забываюсь я от тепла, от костра, от иочи... Голос суфия сливается с шелестом лепетом костра... Голос мудреца как шелест шум костра... Усыпляет... Соиио...
Или Мудрость для Спящих для Засыпающих для Уходящих?..
Нет!..
Но я забываюсь...

...Мудрец Павел, Ты сказал: кто говорит тайным языком — тот говорит с Богом... Кто говорит простым языком — говорит с людьми...

Ходжа Зульфикар, ты говоришь тайным святым колодезным языком, языком мудрости — и ты говоришь с Богом...

И я засыпаю, томлюсь...

А я хочу говорить простым ясным языком... с людьми...

И я засыпаю... Айя...

— Шейх Ансари сказал: ночь темна и месяц затмился... Путь тесный и дорога страшная... Никакого запаса в мешке, ни капли воды в бурдюке, ни возможности идти, ни места остановки... Впереди Дракон с раскрытой пастью — позади враги, обнажающие меч!.. И много немощных тел и слабых тленных коней горьких... И ни сострадающего спутника, ни нежного друга... Да... ааааа...

...И я шепчу сонно: и много немощных тел и слабых тленных коней горьких... И ни сострадающего спутника, ни нежного друга... И это узнал я в стране моей... И возвращаюсь домой...

— И это сказано триста лет назад... Так есть... Так было... Так будет... Время движется, течет только для глупцов... Для мудрецов время неподвижно...

...Да, отец... Было... Есть... Будет... Время неподвижно... Но я стар... Но я хочу домой... Но я засыпаю... От мудрости я засыпаю...

— Ты не слушаешь Учителя, а Пророк сказал: у кого нет Учителя — Шейха — у того Учитель сам Сатана сам Шайтан!..

...Тогда я просыпаюсь, тогда я веки разнимаю...

...Отец, но блаженный Будда сказал: встретишь Учителя — убей Учителя!.. И сам свети себе!.. Сам охраняй себя!.. Сам себе найди убежище. Истина — да будет тебе Светом!.. Не ищи опоры ни в чем, ни в ком, кроме как в себе самом... И тогда ты достигнешь высочайшей вершины!..

— О народ мой!.. Народ-слепец!.. И ты убил отверг святых Учителей своих и на место их поставил Тирана... Идола... А еще ветхий мудрец Исайя рек: перестаньте

вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его, ибо что он значит?.. Да!.. Тлен... Да...

...Но я снова засыпаю и векн снова смежаю смыкаю... Тепло от костра...

Отец, Учитель, я внимаю, но я устал, устал устал ...и засыпаю засыпаю засыпаю... Я хочу домой... Я хочу жить, течь, как река живет течет дремотная родная вековая...

...А суфий ярится... мается... страждет...

Костер горит... Река течет... Снега сияют... Ночь... Я засыпаю...

Но Ходжа Зульфикар говорит... не усмиряется...

— Два китайца нырнули в водопад. Первый утонул. Второй выплыл... Второго спросили: как ты выплыл, спасся?.. Ответил: А я не боролся с водопадом, как первый китаец... Я жил жизнью воды... Я жил жизнью водопада... И спасся... И вышел на берег...

— Отец... И я был, как первый китаец... И я боролся с водопадом... Но теперь я хочу спать... Хочу домой... Хочу жить жизнью воды, жить жизнью водопада... Теперь я второй китаец... Айя!..

...Ночь... Снег... Река... Костер...

Сейчас прнснится мне кибитка глиняная мазанка родная с лепным кудрявым каракулевым гнездом ласточки...

— Ты трус, Ходжа Насреддин! Кафнр! Предатель!.. Ты был львом, а стал шакалом... Тьфу!— и он плюет мне в лицо, но слюна у него слабая, старческая, и она быстро на щеке моей, тихой от огня, высыхает...

...Но я сплю, но я глаз слепых немых не открываю: да, отец... да, Учитель... А был львом... а стал шакалом... стал шакалом...

...Костер горит... Лицо мое горит. От костра ли?..

И тут!..

И тут я глаза открываю...

И тут из снежного приречного тумана дыма чада призрачный неясный всадник выплывает вырастает вырастает... Надвигается... Темный... темный... Глухой... Глухой... Глухой... У костра останавливается...

Стоит у костра всадник.

ВСТРЕЧА

...И стоит у костра всадник...

Тогда я говорю: ассалом аллейкум, путник... Ассалом аллейкум, ночной заблудший всадник...

Но он молчит и с коня ахалтекинского точеного атласного аргамака не сходит не слезает не спадает... Он глядит на голого нищего воскового Ходжу Зульфикара, на нагую бритую чистую голову его, на выщипанные брови и бороду... Он долго глядит... Остро... Молча...

Потом молча снимает с тугих тесных своих плечей длинный толстый ферганский чапан — халат крестьянский... И остается в белой вольной щедрой сасанидской рубахе и в монгольских узких богатых сапогах...

Потом бросает с коня немого чуткого чапан тяжелый на голого Ходжу Зульфикара...

— Старик. Возьми чапан... Зима в державе... Снег в Мавераннахре...

И голос у него тихий глубокий, как из ледового бездонного магрибского пустынного колодца... Голос далекого хриплого туманного зулкарная — трубы военной державы ханской...

И он сходит с коня, но сходит сползает слезает долго долго... Неловко... Невольно... Точно мешает ему что-то... Что-то...

И конь покорно садится опасливо дрожа опускается в снег на передние ноги...

И всадник хмуро сходит...

И горит костер...

И сияют снега...

И река шумит...

...Айя!.. Да это ж он!..

И я гляжу на путника молчащего, и он в косматой туркменской сальной папахе, и я узнаю того туркмена, который каялся, молился скитался ползал по кошме кунградской дряхлой, когда убивали чайханщика Турсун-Мамада...

Но я видел видел, что он плохо молился... Трезво. Неотрешенно... Неглубоко... Что он страдал, глядя из-под глухой своей папахи на смерть Турсун-Мамада... А Пророк сказал, что такие молитвы не доходят до Аллаха, а теряются в пути... да...

А он тогда глядел на смерть и мучился и маялся и отвлекался и забыл об Аллахе...
Я узнал его... Узнал...

...Айя!.. Но узнал ли?..
Что-то еще мнится чудится мне, когда я гляжу на птичье резкое каменное острое его лицо, наполовину скрытое пастушеской истертою измятою избитою папахой...

— Старик... Возьми чапан... Снег в Мавераннахре...

— Я дервиш. Суфий... Я прошел Семь Стоянок — Шатров... И скоро встреча с Аллахом. Мне не нужны подаянья... Я не нищий... Я сам все отдал людям — кибитку, сад, жену, коня... И оставил себе только старый чапан, рубаху, чалму и разбитые кауши... Я был нищим... И пошел на базар просить милостыню, ибо Халиф Омар сказал: молитва доводит нас до полдороги к Богу, пост — к дверям Его Дворца, а милостыня вводит нас Туда... И я пришел на базар, чтоб попросить милостыню... Но!.. О Боже!.. Я увидел такую Нищую Землю! такой Нищий Народ! такой Базар Нищих... что тотчас отдал людям свой дряхлый чапан, свою рубаху, чалму, кауши... И стал голым, как при рождении!.. Я все отдал людям... У меня осталось только старое тело... И я стал свободным!.. Ибо сказано в Книге: имущество правоверного — кровь правоверного!.. И ухожу к Богу!.. И скоро!.. Да!.. Но!.. Но наш Мавераннахр — Базар Нищих!.. Земля Нищих!.. Народ Нищих!.. Тьфу!.. Тьма!.. Пора мне!.. Пора!..
...И Ходжа Зульфикар уходит от костра и голый босой восковой призрачный идет уже прозрачный хрустальный уже светящийся уже свеча истаявшая идет бредет грядет по морозному молодому снегу к тощему своему ослу Мурру, и туркмен глядит ему вослед и опять глухо далеко колодезно говорит:
— Старик... Возьми чапан... Снег в Мавераннахре...

И тогда!.. Тогда! Айя!..
Ходжа Зульфикар в ночи кричит шипит визжит заливается, как свадебная хмельная слепая флейта-най...
— Хромой Тиран!.. Хромой шайтан!.. Хромой Даджжал! Хромой Дьявол!.. Я сразу узнал тебя!.. Ты убил

мой народ! мою землю! Ты вор чужих сыновей братьев мужей... Ты обобрал обворовал народ мой, а теперь швыряешь мне поганый затхлый свой чапан?.. Твой народ, как я, нищ, бос, гол, и каким чапаном обогреешь укроешь его?.. Шайтан!.. Тьфу!.. Нет у меня уже и слюны, чтобы плюнуть в воронье шакалье лицо твое!.. Тьфу!.. Но я вижу! Скоро! Скоро смерть твоя!.. И на червя находит червь!.. И на шакала находит приходит шакал!.. Азраил-Шакал из тьмы прокричал позвал... Азраил-Шакал приготовил последний оскал!.. Тебе, Тимур!.. Тебе, Тиран!..

...Айя!..

Да это ж не туркмен!.. Да это ж сам Тимур!.. Сам Джахангир!.. Сам Тиран сидит у нашего бездомного заброшенного безымянного далекого костра...

И тут нога его подбитая хромая болящая зудящая и правая рука неотступная беспалая...

Уран!.. Ягы-качты!.. Акча! Учча!.. Алла-яр Амиру!.. Алла-яр Тирану!.. Да!..

Но...

Амир, откуда ты?.. Амир, а где псы твои с железными косицами? где псы твои охранники кромешники чагатаи лютичи в волчьих малахаях?..

...Один я... И переоделся нарядился превратился в пастуха-туркмена, чтобы не узнали, чтобы не нагнали...

...И узнают... И нагонят... И учуют... И уже где-то скачут скачут скачут рыщут свищут ищут...

... А Ходжа Зульфикар садится на осла Мурра и уходит уходит...

И долго долго в снежной блескучей мгле тьме мге серебрится белеет тлеет его нагая восковая спина спина спина...

И он уходит в глухое горное ущелье, где не шумит малая ледовая застывшая река, где стоят снежные туранги, где плывут наплывают натекают серебряные снежные туманы туманы туманы...

Но долго долго долго белеет во тьме его спина нагая восковая осиянная живая...

Тогда Амир левой целой темной рукой хватает меня

за руку и от него пахнет тянет гиблым сонным дремным перегаром маком.

— Гляди, гляди, Насреддин!.. У него в спине четыре ножа!.. Четыре шампура!.. Видишь?.. Четыре шампура из спины торчат текут сверкают!.. Те!.. Четыре!.. Из спины невиноватой!.. Пусть он подольше их из себя не вынимает не выбирает... А то хлынет кровь из овдовевших опустелых ран разъятых... Я знаю... Пусть подольше поживет с шампурами-ножами... Но в глаза! в глаза! так бьют они! так остро больно тычут режут бьют сверкают!.. Глаза они рвут грабят!.. Да!.. И старые мои глаза шампуры вырезают!..

...Амир, ты терзаешься?..

...Но дервиш уходит в ночь и спина его в тумане серебристом уже смутная уже разваливается разбредается мерцает растворяется теряется теряется теряется...

И дервиш на осле уходит в снежный куст
И дервиш на осле уходит в снежный куст
И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги
И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги принимающий
тающий
И дервиш на осле уходит в снежный куст приречный горный
дальный
дальный дальный
И река не шумит а промерзает тихо тихо останавливаясь обмирая
обмирая обмирая
И река не шумит а тихо тихо промерзает обмирает
И дервиш на осле уходит в снежный куст туранги дальной
дальной
дальной
И дервиш на осле уходит в куст туранги серебря́ный серебря́ный
серебря́ный в куст зачарова́нный в куст венча́ный
И дервиш на осле уходит...
Куст...
Туманно... ой туманно... ой туманно...
Куст тихо осыпается пресветлыми тишайшими блаженными
безвинными
кудрявыми снегами осыпается
Куст куст объемлемый объятый серебряными летучими снегами
сне́гами
охваченный дикорастущими ледовыми святыми хрусталями
хрусталями хрусталями
И дервиш зачарованный уходит в снежный куст зачарованный
Блаже!..
И дервиш на осле в серебряном тумане та́я та́я та́я разбредается
И дервиш на осле в серебряном тумане возлетает
Ангел

...Да... Ангел!.. И дервиш-ангел уходит к Аллаху...

...А нам куда?.. Куда шуту, мудрецу?.. Куда Тимуру?

Нас не ждут в садах медоточивых пряных вечных в садах вешних райских медвяных!.. Да... Не ждут... Я знаю...

...Но! но мне бы кибитку глиняную мазанку саманную с гнездом ласточки лепным кудрявым... Мне бы жену живую в платье гиссарском чреватую... А вечных садов пока не надо... Айя...

...И снова я у костра замираю засыпаю забываюсь...

....Да, Насреддин... Не суждены нам сады райские... Там для нас иные врата готовятся открываются... Врата огнем объятые... Ни прокрасться! Ни проползти! Ни пробиться! Ни пробраться тайно чрез Врата Адовы!..

Там Азраил с четырьмя шампурами-ножами сходит с Кутаса Зверояка косматого и немо улыбается... И горят шипят Врата, как угли того мангала, и рассыпаются и распадаются и четыре шампура-ножа раскаляются и ожидают ожидают ожидают!..

Уран!..

Но!..

Аллах!.. Ты знаешь!.. Ведь я был Сахиб-уль-Кырам!.. Повелитель Плеяд!.. Ведь я родился под звездою Джидда!.. Ведь отец мой амир Тарагай, нойон Тарагай дал мне имя из 17-й суры: ужели не опасаетесь, что тот, кто на небе, может велеть земле поглотить вас?.. Она уже колеблется?.. Тамурру!.. Колеблется!.. Тамурру!..

...Тимур,р!..

...И я пришел, чтобы поколебать народы земли, чтобы напомнить им о Тебе, Аллах мой, ибо обращаются к Тебе во дни Войны!..

Тамурру!.. Колеблется!..

Тимурр!.. Уран!.. Тимур!.. Война!..

Ибо обращаются к Тебе во Дни горящих Градов, а такие творил я!.. Да!..

Ибо Тобой суждено мне творить на земле человеков праведных! человеков Белого Знамени Львы!.. Но боле возлюбил я Знамя Черного Орла! Знамя Войны! Знамя Окаб!.. И под ним жизнь моя, Господь мой!..

Тамурру!.. Колеблется земля!.. Тимурр!.. Война!..

...Аллах!.. Твой шейх Шамс-да-дин Кулар сказал матери моей Текине-хатун во дни молодости моей: женщина! Твой сын будет владыкой всего мира! Триста семьдесят потомков будут могущественны, семьдесят потомков будут правителями!..

И я увидел во сне многих коров. Они пришли ко мне вечерние луговые напоенные... И я доил их!.. Я брал руками щедрые избыточные покорные сосцы их!.. Я доил их в бесконечные мягкие кожаные ведра-коньки!.. Я видел, как проливалось переходило клубилось молоко чрез эти ведра... Я видел, как теснились эти пресыщенные обильные ведра на благовонном вешнем лугу лугу лугу... Я видел, как шли шли шли ко мне напоенные коровы неся бесконечные покорные исходящие дымные сосцы свои!..

Аллах! Ты знаешь!.. Это шли ко мне народы!.. Да!..

А теперь я один у последнего исхода! перехода! брода!.. А перед исходом человека тянет к истоку... к гнезду забытому к люльке-колыбели-гахваре... к кибитке... к дому...

Насреддин, есть ли он, дом наш? Кишлак наш?.. Ходжа-Ильгар, гнездо родимое исконное далекое?.. Иль ты по ветру разнеслось разлетелось рассохлось размокло?..

...Тимур... Не знаю... Придет утро — тогда увидим... А сейчас ночь... А сейчас сон... Я сонный сонный сонный...

И...

Снег сонный... Костер сонный... Ночь сонная... Река сонная сонная... Туманы серебряные речные знобкие зыбкие наплывают сонные...

Утро не скоро не скоро не скоро...

...Я сплю... А он мучится у костра... А он мучится бессонницей... А я слышу его шепот...

...Конь!.. Конь мой ахалтекинский чуткий обнюхивает меня... тычется хищно в меня... И дрожит дергается тревожится рябит его шелковая кожа, точно под ней бегают мыши!.. Да!.. А когда конь обнюхивает воина — это к смерти!.. знаешь, Насреддин?..

И моя кожа тоже дергается, дрожит, точно под ней уже ползают уже готовятся уже охотятся загробные

черви... Насреддин, скоро смерть моя... Чует конь... Чую я... Скоро!.. Конь дрожит — дрожу я...

— Я сплю... Владыка... Я сонный сонный сонный... И у меня никогда не было коня...

— Уже птицы не летят, а стоят в небе!.. Уже кони не бегут, а стоят и тлеют!.. Уже ветры не веют... Уже в плодах вьются черви спелые победные... Уже жены мои не ждут не жаждут не алчут в ночах, жены телами золотые, а теперь телами медные!.. Уже уже сыны затаились как вороны, чтоб расхитить расхватать необъятную непомерную тушу Державы тушу Империи!..

Но!..

Будь проклята Держава-Усыпальница!.. да живет длится вечно семя! Джахангира семя!.. Тирана семя!..

...Костер горит... Я сплю... сплю... сплю...

А тиран мычит, лопочет, лепечет...

...Аллах! Перед близкой смертью!.. Аллах!.. Не дай истаять семенам моим! семенам Джахангира! Не дай сойти исчезнуть моим потомкам затеряться в народах набегающих несметно!..

Аллах! Не дай семенам моим пылить, как пылят азиатские неверные покорные дороги мои под конницами моими!..

Аллах! Да не истребится да не сгинет Семя Джахангира! и в народах Дыни и Тыквы!.. Дай!..

Аллах! Ты сказал: мы создали человека по самому прекрасному образцу! А затем Мы низвергнем его до самой низшей Ступени Лестницы!..

Аллах! Ты низвергал — и я падал!.. И я падал по ступеням!.. По Ступеням!..

Аллах! Есть вечная война Раба и Господина!.. Есть вечная война Дехканина и Бая!.. Есть вечная война Феллаха с Фараоном!.. Есть вечная война Народа и Народа!.. Есть Тиран и есть Раб!.. И это все Ступени...

Аллах! Ты ль допустишь, чтоб семена Владык истаяли в Народах, как хлебные золотые караваны в монгольских степях среди слепых кочевников Ясы?..

Но!.. Но я Ступени охранял и соблюдал!.. И падал! падал падал! падал!.. И как глубока Твоя пропасть, Аллах!.. И я падал!.. До дна!.. И за дно падал!.. И восходил. А теперь ухожу умираю...

Но дай семенам моим властвовать!.. Уран!.. Эй, Насреддин, суслнк саранча кузнечик муравей, спншь?.. И где твон сыновья, внуки, жены, семена раба проклятые бескрайнне?..

...Айя!.. Нет у меня ннкого...

А костер горнт, а река шумит, а ночь ндет, а я сплю, а мне снится мнится чудится кнбитка глнняная н летает и стоит н чудит и ворожит и трепещет нщет над ней над крышей плоской саманной травяной лазоревая веселая вешняя ласточка... Летает лазоревая ласточка...

Аллах, дай семенам тирана?.. И зло пускает тысячи корней, н сорняки ветвятся коренятся удушают?.. И поля сорняков по земле моей тянутся... Но дай летать лазоревой ласточке...

...Но! Есть у меня лазоревая ласточка, а у тебя, Амир, Держава необъятная...

И летят над нею тополиные тучные вездесущие Семена Тирана!.. Айя!..

— Насреддин!.. А помнишь, как мы мальчншкн плыли обнявшись сойдясь дрожа в Снеме февральской ледяной н весь кишлак на нас глядеть сбегался собирался на берегах талых ледяных дальннх?.. Помнишь — н Кутлук сестра моя на берегу жнвом живая тогда тогда тогда стояла?.. Помннщь? помннщь найденыш оборванец снрота?.. Помнишь мальчнк?.. И чего? тогда? в стогу? тебя? ножом? я не ударнл?.. не убавил? не нсправил?.. Айя!..

Но я сплю, но костер горит, но снега ночные сняют, но туманы облака серебристо натекают наплывают набегают уморяют умиротворяют...

Тимур... речной дальний мальчик...

Вспоминаю... засыпаю...

— А помнишь голодную голую весну? А мать мою Текнну-хатун, мать, матерь?.. И как она тайком от мужа нойона Тарагая ставила на дувал касу — пиалу с золотым шафрановым айвовым пловом, который быстро застывал от бараньего жира, н она звала тебя: Насреддин! Иди. Снрота... Мальчик... Сынок... Ешь быстрей плов, пока он не остыл... Ешь сынок... Не обожгнсь!..

...Айя!.. Тнмур!.. Тогда тогда! тогда я просыпаюсь...
Ночь еще... Еще снега кромешные лютые державные снега сняют...

— Помню, Тимур!.. Помню плов!.. И до снх пор горит мой благодарный обожжеиный язык и пальцы... Текнна-хатун!.. Дальняя святая!.. До сих пор тот плов шафрановый язык мой обжигает радостно... И горят благодарно мои пальцы!.. И за столько лет не смог застыть тот плов бараний шафрановый...

— Теперь ты проснулся... Тогда раздевайся... Пойдем в Сиему... Как тогда... Купаться...

И он снимает с себя монгольские узкие неслышные сапоги и сасанидскую рубаху снежную обильную и сальную папаху...

И он к реке ковыляет... Хромает. Горбится. Тащится...

Я гляжу на спину его — и вся спина его в шрамах в ямах в язвах от стрел и вся спина его мается кривится кривляется... Спина немая страждет...

— Тимур, не утони... Тогда ты был другим... Спина была другой... Нога была другой...

— Но река та... Насреддин, река меня узнает... Не возьмет до срока... А лишь очистит, омоет... А лишь обласкает опасливо, как собака... Тут на земле все лишь мои покорные собаки! Да... И река — собака покорная...

И он входит в ледовые снежные волны... И плывет... И река — собака покорная?.. Покорная?.. И Тимур плывет в волнах, студеных студеных походных покорных... Покорных?..

Хромец печально одиноко вольно плывет грядет в родных ледовых волнах волнах волнах... Айя!..

Но!..

Тогда я понимаю! чую! вижу... Тогда я бегу по сыпучему сухому снегу, сдирая с себя хирку, кауши, колпак-серпуш...

Айя!.. Опять в воду! Не хочется...

А он тонет. Я вижу... Голова его печально к волне клонится... Обреченно... Он тонет. А не зовет на помощь...

Река — собака покорная?.. Тут, на земле, все — лишь мои собаки покорные?..

Но... Его свело стянуло насмерть полоснуло судорожной ледяной волною...

Он тонет... Не кричит. Не зовет на помощь. Только узкие его барласские глухие губы шепчут что-то над ледовою волной... Но вот они в ледовую волну уходят уходят уходят...

Властитель Мира!.. Джахангир!.. Меч Ислама!.. Владыка!.. Тиран!.. Главный палач!.. Тимур... Хромец Железный!.. Сахиб-уль-Кырам!.. Повелитель Планет... И все это тонет... Пусть!.. Тонет!..

Губы узкие барласские глухие навек уходят в ледовую воду воду воду... Задыхаются... Захлебываются...

Но хромой тонет... Но старик тонет... но калека тонет... но тот дальний мальчишка из реки тонет... Захлебывается...

...Я давно плыву теку бегу в реке ледовой ночной бредовой... Я настигаю я хватаю старика хромого за утонувшую покорную голову за узкие губы невеселые... за редкую кустистую бороду монгольскую... за долгий жесткий каменный ледовый заупокойный уже обреченный подбородок... Я плыву с ним к берегу и чую чую телом плывущим чужую его пустую ледяную ногу ногу ногу голую покорную...

Айя!.. Аллах, прости... Народ, прости... Я спасаю не тирана, я спасаю старика... Хромого... Того мальчишку в дальних во́лнах во́лнах во́лнах...

Тогда он шепчет мне яро яро яро хищно злобно волчьими губами ледовыми снежными бредовыми походными военными охотничьими:

— Зачем ты спас меня? Зачем?.. Убью! убью тебя! Убью реку непокорную... Уран!.. Я хотел! хочу! хочу! хочу! навек остаться в тех тех тех ледовых дальних дальних во́лнах во́лнах во́лнах...

— Насреддин, ты спас тирана, против которого всю жизнь боролся?..

— Я спас старика... Хромого... Я спас тонущего...

— Зачем ты спас меня?.. Зачем вынул из реки-колыбели-гроба?.. Я стар. Я спать хочу... Я хочу уснуть в волнах родных глубоких ледовых...

— Я не хотел, чтоб плакали осиротевшие народы!— и тут Насреддин улыбается. — И реки, ливни жгучих честных слез залили б мою родину... О слезы народные!.. О безысходные!..
— Раб. Ты смеешься?..
— Тиран, я мерзну... Холодно...
— Раб, ты не дал мне умереть свободно?..
— Тиран! В стране рабов — и Смерть—невольница!..

...Айя!.. да... В стране рабов — и Смерть — невольница...

И мы стоим — два старика — в реке родимой ледяной и мы стоим течем бредем в волнах ледовых лестных ласковых...
Но холодно мне... Но тошно...
— Гляди, Тимур!.. Река прозрачная, как глаза гиссарского каракулевого агнца... И камни донные ее и валуны прибрежные прозрачны и душу очищают!.. Айя!..
— Нет, Насреддин!.. Река темна!.. Она — река ледяной крови! И в ней мне вечно суждено бродить стоять купаться маяться смиряться!.. И на дне ее не камни донные, а мои кромешные аргамачники-чагатаи-нукеры давно убитые а не забытые а скачущие скачущие под знаменами зелеными тяжелыми моей Арбы Державы Колесницы убивающей!.. Они скачут и на дне, мои хмельные чагатаи в волчьих лисьих малахаях и острых стальных шлемах с рыжими плетеными косицами!.. С дамасскими гератскими мечами, две головы сразу с ходу ссекающими убирающими!.. Уч!.. Уран!.. Убитые мои все скачут скачут скачут!.. По дну скачут! Ягы качты!.. Раб!.. Насреддин!.. Зачем ты не́ дал мне их и там — на дне! — возглавить?.. Уйя!.. Учча!..
Но мы выходим из реки на берег далекий снежный непуганый невинный не измятый копытами сапогами каушами...

И тут мне холодно... И тут мне тошно... И тут я иду по снегу и сплю... Иду и сплю... И хочу домой...

И над глиняной кибиткой солнечной лазоревая ласточка все вьется вьется вьется...

Но!..

Тут снега сияют. Тут ночь долгая долгая долгая... Сонная...

Ну что за ночь?.. Такая долгая соиная морозная... Когда кончится?..

...Ночь ждущего ножа покорного дехкаиина...

...Ночь убитого Турсуи-Мамада...

...Ночь утоиувшего безиосого палача-ката...

...Ночь дервиша Ходжи Зульфикара, ставшего божьим летучим Аигелом...

...Ночь!.. Ой, иочь спасенного Тирана... И все она тянется... И что? что? что? еще таит храиит готовит обещает?..

Ночь... Сиег... Держава Тирана... Ночь — держава адова...

— Насреддин, пойдем в родиой кишлак... в Ходжа-Ильгар... Одии мы здесь замерзнем заледенеем... Пойдем иа родииу... Ха-ха!.. Там нас обогреют примут пожалеют... Как в детстве...

...Ночь... Тьма... Но мы идем босые по снегу...

И деревяиный висячий узкий мост опять встает опять мерцает в ночи снежной... И ледовый хрупкий ломкий мост опять под иами ходит зыблется трепещет...

И тогда Тимур останавливается...

— Насреддии, помоги... Нога иеверная... Мост ледяной скользкий неверный... Река — собака непокорная иевериая собака пеииая шальная сумасшедшая бешеиая...

...Тогда я взваливаю возношу поднимаю на спииу калеку... И тащу несу его тащусь по мосту ледовому согбеиио...

Айя!..

...В первый раз я бежал по мосту с Кутлук созрелою иа гибкой вольиой спелой шее... И не успел... И далече...

...Во второй раз я брел по мосту с палачом иа ветхой шее... И уроиил упустил в реку... И далече...

...В третий раз я тащусь с Тираном на спине... И что делать? И болят плечи...

А он прижимается тяжкий соииый ледовый ко мне а он размок размяк разбух в реке и шепчет сверху и лепечет...

...Насреддии!.. Раб!.. Друг далекий иа реке весенней... Друг!.. Я хочу умереть раиним утром... Когда поют ут-

ренние свежие птицы... Когда утренние птицы сбивают сметают младенческий февральский первоцвет с холодных миндальных деревьев, когда плывут по горным потокам розовые лепестки потревоженные... Розовые лепестки в белопенных вешних родниках ручьях!.. да!.. Я любил пить эти роднички ручьи с лепестками, как тугайный олень-хангул пьет долгими бесшумными текучими губами... И сейчас февраль в моей Державе! В моем Мавераннахре!.. Сейчас плывут первые миндальные рощи рощи рощи в моем моем родном кишлаке Ходжа-Ильгаре... Я хочу умереть в родном Ходжа-Ильгаре... Учч!.. Учча!.. Хочу!.. И там ждет под деревом миндальным дымный дымный дымный Азраил-Ангел с четырьмя горящими палящими шампурами-ножами!..

— Тимур, ты пришел умереть, потому что ты жил... Потому что ты убивал... Потому что ты властвовал... Тимур — я пришел жить, потому что я умирал... Потому что спасал... Потому что умирал за других... Тимур. Мост кончился. Слезай. Вот он... Наш Ходжа-Ильгар... Кишлак-колыбель-люлька-гахвара... Эй, кибитка с гнездом ласточки лазоревой!.. Где ты?.. Где ты, кишлак? родина? колыбель — гахвара деревянная?.. Я вернулся, родина...

...И тут мудрость моя! И тут брег! И тут заводь! И тут лазоревая ласточка!..

Эй!.. Я вернулся!.. Навек! Навсегда! Я больше никуда никогда не уйду!.. Тут моя колыбель, тут люлька-гахвара! И тут будет саван!.. И в люльке будет гроб! И в люльке колыбели будет саван!...

Эй, где ты, родной кишлак?.. И что не лают твои талые весенние зеленые миндальные ранние рьяные собаки?..

КИШЛАК

...Айя!.. Ачч!.. Уран!..

Но!..

Где ты, родной кишлак?.. И что не лают твои талые морозные зеленые собаки-волкодавы?.. Что не лают псы твои сторожевые, ночная волчья родина моя?.. Что не лают не истекают злобною слюною пенные гонные охот-

ничьи псы твои военная зоркая охотничья Держава моя?.. А?..

— Тимур! Тиран, у тебя нет родины... У тебя есть Мавераннахр, власть. У меня есть родина... Мой кишлак Ходжа-Ильгар малый...

— Насреддин, но он и мой — Ходжа-Ильгар... И я пришел сюда не как Джахангир, Тиран, а пришел как замерзший заблудший увечный недужный старец...

...Но где кишлак?..

Ночь... Снег... Сон... Собаки не лают...

И мы в снегу во тьме в ночи блуждаем ищем кричим взываем... Где кишлак?.. Где люди?.. Где кибитки-мазанки?.. Айя!..

...Но в ночи в ночи одни деревья тяжкие дремучие дремные темные глухие деревья вырастают... Дремучие груши... Дремучие гранаты... Дремучие чинары...

...И мы блуждаем и кричим молим зовем: эй, кишлак!.. Эй, люди!.. Эй, кибитки!.. Отзовитесь!.. Эй!.. Хотя б собаки темные звериные залаяли оскалились ощерились сбежались!..

Нет!.. Никого!.. Нет Ходжа-Ильгара!.. Одни деревья темные одичалые серые мшистые глухие беспробудные безродные беспутные вырастают подступают окружают угрожают удушают... Нет кибиток... Одни сады одичалые...

Айя!..

— Эй, кто там?.. Человек?..

Нет!.. Ствол глухой древесный тяжкий тянется... Айя!..

...И тут мы натыкаемся набредаем наступаем на развалины на рухлые кибитки... на дувалы рыхлые трухлявые лежащие...

И в арыках одичалых замерзших стоят одичалые снежные чинары необъятные...

Айя!.. Да что это?.. Да куда я ехал?.. Да куда бежал?.. Все ушло, упало, замерзло, одичало!.. И нет кишлака! и нет люльки! и нет гнезда! и нет прошлого!.. А есть сады сирые разросшиеся неоглядно одичалые одичалые одичалые... И есть деревья забвения удушающие...

И мы в саду диком неоглядном снежном ледяном немом ночном блуждаем теряемся смиряемся...

...Айя!.. да я ж бежал стремился к людям а пришел к деревьям одичалым!.. Да я же шел к живым а пришел к мертвым...

И тут я падаю... поскальзываюсь кончаюсь что ли?.. засыпаю?.. ухожу увядаю заживо?.. замертво?.. Падаю у какого-то карагача китайского ночного снежного глухого необъятного в ночь в небо неоглядно уходящего...

...И тут Тимур, Тиран, Владыка мира... и тут мальчишка дальний речной... И тут хромой беспалый калека... И тут приходит его срок, его очередь... И тут он поднимает меня со снега и тащит тащит тащит... И ему тяжело... тяжко... Но он шепчет снежными барласскими студеными губами...

— Уран!.. Да!.. Насреддин!.. И ты старый!.. И ты падаешь!.. И тебя ждет Азраил-Ангел с четырьмя горящими шампурами ножами!.. Давай! Вместе! Уйдем!.. Возьмем в себя по два ножа-шампура на каждого!..

И он тащит меня по саду одичалому неоглядному... Спасает... Утешает...

Айя!.. Куда мы?.. Куда я?..

...И я пришел в прошлое — а там только деревья забвенные одичалые разрушающие...

И прошлое — лишь одни деревья одичалые?..

...Гляди — ты стремился ты пришел... ты вернулся в прошлое, а там только развалины, а там только деревья одичалые... да!..

И где мудрость моя?.. Где брег ее вечнозеленый врачующий?.. Где заводь сокровенная тайная тихая ее?.. Где моя кибитка-мазанка?.. Где? где? где лазоревая ласточка?..

...Стоят в ночи студеной непроходимо тесно душно тошно стоят одни снежные деревья одичалые...

И я вернулся к развалинам... И я ушел из кишлака а вернулся на мазар на кладбище... а вернулся живой на кладбище...

...И Тимур на спине меня тащит тащит тащит мается кончается качается шатается... И не может выйти вырваться выбраться из деревьев одичалых удушающих смыкающихся... И блуждает...

— Насредднн — глядн!.. Что время сделало с родным Ходжа-Ильгаром!.. Айя!..

— Тнмур. Это не время сделало. Это ты сделал. Ты — творнтель довременных развалнн... кладбищ... мазаров... Айя!..

Но он не отвечает...

...А ночь тянется... А снега живымн перламутрамн сияют...

А я вернулся в прошлое верхом на Тиране, а прошлого нет, а стоят однн студеные деревья одичалые...

А прошлое — это кладбнще?.. А родной кишлак — это кладбнще? А роднна моя — это кладбнще, а я живой — а вокруг кладбище?..

Айя!.. Зачем, о Боже?..

...О Боже!.. Хорони усопшнх, а зачем жнвых хоронишь?.. Зачем деревья погребальные заупокойные морозные над головой жнвой моей возносншь возводишь?..

Зачем, о Боже?.. Боже!..

...И тут!.. Айя!.. Я знал! Я чуял! Я бежал не зря! Ушел не зря домой я!..

И тут чей-то голос в ночи как ручей как родннк как арык жнвой в снегах ледовых вьется льется вешнний упоенный вольный!.. Среди деревьев однчалых! среди развалнн! среди дувалов палых среди кладбища мазара ледяного голос льется...

Голос!..

...И словно из ночи к нам белое снежное нежное пухлое пуховое лебяжье облако подходит... И словно пахнуло дохнуло на нас летучим тнхим свежнм пресветлым кротким облаком...

...И не забывай о странниках-дервншах, нбо под вндом странников могут прннять ангелы Божьн...

— Путннкн, выпейте чургота...

— Кто ты?.. Кто ты, пресветлое тихое иочное кочующее облако?..

И она стоит вся в белом млечном снежном перламутровом траурном жемчужном чекмене турткульском и в руках у нее пнала-коса с кислым молоком — чурготом...

...Кто ты Облако?.. Кого ждешь в иочи? Кого ждешь среди развалин? Среди кладбнщ?.. Среди деревьев оди-

чалых?.. Кого ждешь живая?.. Для кого белеешь тлеешь зреешь дышишь среди кладбнща-мазара?..

...Я Ханнфа-Тюльпан... Вечиая невеста... Вечная Дева-Вдова... да... Первый женнх Хасан Мамад ушел на войиу — конь пустой вернулся... Второй жених Рахматбек ушел на войну — птица вернулась, перо черное злое оброиила — я подняла... Поняла... Третий женнх Зафарбай ушел на войну — никто не вернулся... Но я стою... Жду... Он любнл кнслое молоко — чургот... И я стою... Жду... Он любил чургот... Может, придет?..

Тогда я шепчу Тимуру на ухо, тогда я кусаю его ухо холодное чуткое короткое нагое, как у пастушьих чуткнх обрезанных волчьих псов...

— Тимур... Джахаигир... Сахиб-уль-Қырам! Повелитель планет!.. Тиран!.. Чего стоишь?.. Чего молчишь?.. Тимур, вор, верни ей женнхов... Мавераннахр, верни ей женихов!.. Айя! Ай! Хотя бы одного...

И ои молчит. И по уху кровь течет...

Тьфу!.. Что за малая месть?.. Что за малый расчет?..

И я слезаю с его спины...

...И остались чистыми нетронутымн девнчьи занданийские лебеднные одеяла и простыии мон... Я девавдова... Я Ханифа-Тюльпан... И ушлн навек женихи мои... И не на простынях моих, а в земле лежат женихи мон...

...Ханифа-ханум, Ханифа-Тюльпан, мы путннки... Идем иа хамаданскую священную дорогу... Идем в Мекку!.. К Богу... И вот заблуднлись затерялнсь в ночи студеной земной...

...Но под видом странников могут прийтн ангелы божьи... Пойдемте в кнбитку мою... Отогреетесь... Зеленого чая напьетесь... И чургота... И шафраиового айвового плова. Плова... Плова...

— Тимур!.. Того... Шафраиового золотого айвового плова... Тимур... ты вздрогнул?..

— Насреддии!.. Того золотого шафранового не остывшего доселе плова Текнны-хатуи матери моей... Ты помиишь?.. Ты вздрогнул?.. Ты изошел древней ветхой сладкой забытою сиротской той! той! той! слюною голодной?.. Вспомнил?..

— Амир. Всегда помию...

...Сирота!.. Найденыш!.. Пыль!.. А я иное помию!..

Тогда... Тогда мы были молодыми... Айя!.. Уран!.. Учча! Ачча! Уф! Уф!.. Как близко!.. Как далеко... Помию!..

Аллах!.. Когда мы были молодыми — мы съедали по бараиу и ложились в ивовые прохладные тихие хаузы — и вода стаиовилась жириой и терпкой и густой от крутых источающих тел наших!.. да!..

Аллах!.. Когда мы были молодыми — мы проглатывали плоды дерев с кожурой и косточками!.. Зеленые иезрелые иалнтые плоды в зеленых садах Ходжа-Ильгара!.. (А теперь стоят снежиые деревья одичалые!)

Аллах!.. Когда мы были молодыми — мы в нетерпенье прокусывали женам напоенные соски грудей чрез тонкие сквозящне маргелаиские ферганские бухарскне одежды!.. да!..

Да!.. Насреддин! Зеленые плоды сладки хмельиы остры в зелеиых дальних садах Ходжа-Ильгара... в шелках разорваииых разворованных распахиутых разъятых!..

— Амир!.. Ты всегда был вором чужих сосков... чужих плодов... чужих баранов... Ты был вором, а стал Тираиом...

...Аллах!.. Когда мы были молодыми, мы только пили из жирных хаузов...

Мы только играли в бараньи кости — альчики...

Мы только слюну иапрасиую в чужих садах глотали проливали...

Мы только знали чуяли следили, как соски чужие сливовые в шелках тугих прозрачных недоступиых наливались иаливались иаполнялись... Взывали!.. да!..

Но мы ие были ворами!.. Аллах — мы не были ворами!.. Тимур — мы не были ворами!.. да!.. И женихов чужих ие воровали!..

И потому я гляжу иа Ханифу-Тюльпан открытыми глазамн... А ты, Амир, глаза охотничьи орлиные степные за два фарсаха видящие закрываешь убираешь уморяешь...

Но... Ночь студеная стоит н над Вором и иад Праведником...

...Ибо под видом странников могут прийти Божьи Ангелы... Пойдемте в мою кибитку...

...Ханифа-Тюльпан в иочи лепечет и влечет зовет ма·

нит нас и мы идем в деревьях дремных тьмовых беспробудных дремотных сонных сонных сонных снегом тяжким убеленных...

И Ханифа-Тюльпан течет впереди маячит мерцает как жемчужное пресветлое облако и мы идем покорные за облаком за живым теплым кочевым лепетным Облаком...

И входим в низкую слепую темную косую кривую, как нога Амира, кибитку нищую сонную... И входим в кибитку темную...

...Чу!.. Эй!.. Кто стоит недвижно посреди кибитки нищей низкой тьмовой невеселой?.. Кто стоит?.. И молчит?.. И не подходит?.. и не шевельнется?..

— Эй, кто ты?.. Хозяин!.. Мы гости...

— Это белый тополь... Он пророс восстал из глиняного пола и ушел через крышу в небо... к Богу... Это белый пирамидальный тополь-арар... Он похож на моего последнего жениха Зафар-бая... Он пришел навсегда... И не уйдет никогда... Жемчужный белый тополь — арар... И я обнимаю его по ночам... Как жениха... Я Ханифа-Тюльпан, а он Тополь-Арар... Тополь и тюльпан... И я обнимаю его по ночам...

Айя!..

Ай Ханифа-Тюльпан! Ай Ханифа-ханум! ай Вечная Вдова-Невеста-Дева!.. Ты заждалась? состарилась? поникла? отцвела? ай родина убитая вдова невеста дева жена неутоленная моя моя моя!..

...И тут Ханифа-Тюльпан зажигает бухарский светильник... И светло...

И мы садимся на долгие курпачи-одеяла и опускаем ледяные ноги в земляную печь — сандали... Тепло!.. И мы сидим... Оцепенело...

И тут!..

Ай нет!.. нет!..

Ты не состарилась ты не поникла ты не отцвела Ханифа-Тюльпан Ханифа-ханум...

И ты снимаешь с себя траурный жемчужный чекмень и стоишь в малиновом согдийском парчовом платье... да!..

И ты снимаешь с головы узкой птичьей голубиной кашмирский фазаний обширный льющийся платок и...

И собраниые связанные в тесиый узел падают до пят до глиияного пола иизвергаются водопадные смоляные тучные дремучие текучие падучие власы власа власа власа...

И глядят девичьи иеизмятые иевинные иеизведанные глаза глаза глаза.

...Айя!.. Откуда?.. Через сотии пыльиых тленных лет?.. Откуда глядят лазоревые согдийские дальиые доарабские глаза глаза глаза?.. Самаркандских голубых лазоревых лазурных бирюзовых куполов изразцов глаза глаза?.. Глядят живые изразцы, глядят живые дымчатые текучие глаза купола?..

Согдиана! Согдиана! ты в пыли! в земле! во тьме! во прахе! в тлене! а глядят глядят через века твои твои живые лазуриые бирюзовые переливчатые дымчатые глаза?.. Согдиаиа ты истлела!.. Уж и червь загробиый забыл оставил тебя... А глядят твои живые полиоводные небесные глаза... Согдиана — ты ушла, а глядят твои бирюзовые живые глаза...

...Согднана Согднаиа...
И там есть кншлак горный дальный
И там кибиткн глиияные низкне мазанкн саманиые
И там выше кибнток стоят шелковые вольиые травы медовые
медвяные
И в травах резвятся растут бегут зреют девы девочки раннне
И их головки маковые смоляные хмельиые едва выступают
лнкуют над
травами
И у них глаза согднйскне лазоревые дымчатые переливчатые
давние
давние
И каждую можно купнть за десять дряхлых днинаров
И догиать настичь опрокнуть в травах
О Согднана Согднана
Согдиааааааанаааа...

...Айя!.. Тимур! Джахаигир! Тираи!.. Империи умирают — остаются живые глаза!..

Ханифа-хаиум! Хаиифа-Тюльпаи!.. Ханифа-глаза!.. Да!!!

Таджичка... Ханифа-Тюльпан... Ты рядом... Здесь...

...И здесь мудрость моя. И здесь заводь тихая со-

кровенная тайная далекая моя... И здесь вьется льется ласточка лазоревая моя... да!..

Тогда...

Тогда Амнр Тимур из нагретых сониых курпачей-одеял глядит на нее остро хищно горько... Он мучится... Ои хочет хочет хочет что-то вспомнить... Но далеко все далеко все туманно зыбко все далеко все далеко... Боже!..

...Таджичка... Хаинфа-Тюльпаи... Была?.. Жена?.. И умерла? ушла? убнта соиною моей иочиой слепой глухой больной ползучею змеиною падучею рукою?..

Сонно!.. Далеко!.. Далёко!.. И средь жен ее не помию...

Жены жеиы... Жены...

И я брожу средь прошлых жен как средь деревьев одичалых сонных дремных беспробудных давних сонных соиных...

Жены!..

ТАДЖИЧКА

Жеиы!..

Аллах, Ты знаешь я был умереи с женамн...

Не я умертвил жену свою Улджай-Туркан-ага — сестру кровиого врага моего Амира Хусейиа...

Где теперь кости его о Аллах? но блнзка наша встреча...

...Улджай, ты помнишь, как я отдал тяжкие серьги твои брату твоему в выкуп за захваченных им в плен друзей моих амиров Джаку, Давлатшаха, Ильчи-бахадура... И твой брат приият серьги, хотя узнал их...

Улджай, ты помиишь, как мы клялись в дружбе и любви с братом твоим на древнем мазаре Али-ата, осыпанном золотыми жгучими роящимися осами... Как мы клялись на Коране н мече... Как мы клялнсь — и ни одна оса ие посмела ужалнть нас... Но твой брат нзменил той клятве, но твой брат ужалил меия... И тот меч покрылся порос мухамн зловониными могильнымн...

Не я умертвил тебя жена моя Улджай-Туркан-ага... Не я боюсь встречи с тобой в садах иных... Да!.. Уран!..

...Жеиы... Но где Таджнчка?.. Та?.. Была ль?.. Ушла?.. Убита?.. Иль жнва?..

...Но! Но я родился с младенческими кулачками из которых кровь текла как сок из маленьких зрелых ходжа-ильгарских гранат!..

...Да! Уран!..

...Не я боюсь встречи с тобой возлюбленная жена моя Сарай-Мульк-ханум, ханская дочь, старшая жена моя... Но ты придешь вслед за мной в сады иные...

О Аллах многие ждут нас там и уже немногие придут за нами...

...Ты придешь за мной возлюбленная гладкокожая льстивотелая младшая жена моя Тукель-ханум, дочь монгольского хана Хизр-Ходжи!..

Для тебя возвел я многоплодовый птичий фазаний сад Дилькуш с павлинами бродящими в зарослях персидских сиреней и желтыми айвовыми абрикосовыми тугайными оленями, пьющими из росистых озер хаузов родников...

...Ты придешь за мной возлюбленная жена моя Туман-ага! мой сквозящий стебель! моя хрупкая камышинка моя курчавая свирель поющая в утренних миндальных рощах! Я срезал тебя и взял тебя я сделал тебя женой своей, когда тебе было двенадцать лет!..

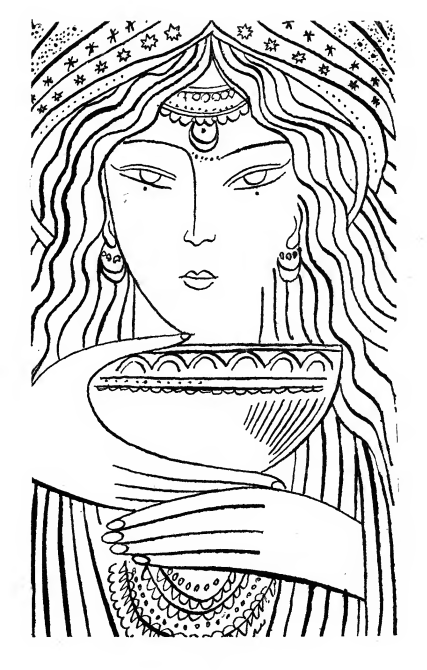
...Жены... Но где Таджичка?.. Та?.. Была ль?.. Ушла?.. Убита?.. Иль жива?.. А?..

...Не я боюсь встречи с тобой задушенная мной возлюбленная жена моя Чолпан-Мульк! дочь монгола Хаджи-бека!.. Не я боюсь встречи с тобой там...

Не я ль брал тебя в походы мои? не я ль оберегал тебя в ночных ледяных кибитках? не я ль кутал тебя в одеяла китайские кашмирские персидские?..

Но ты была монголка! ты жила по Ясе Чингис-хана! ты являла лицо свое воинам и сподвижникам моим у походных быстрых костров у кочевых дастарханов-застолий...

Айя!.. Ты подносила кумыс в торсуках не только мужу своему!.. И у тебя были косы смоляные до пят как у этой Ханифы-Тюльпан (и потому? и потому я вспомнил тебя). И я любил твои косы длинные как конницы чагатайские барласские мои... Я любил твои косы вымытые в кислом молоке — чурготе и оттого сияющие



как смоляиые шелковые атласиые ахалтекииские жеребцы...

И я любил тебя, когда лежал с тобой в хоросанских тучиых одеялах и держал тебя за косы, как гладкую кобылицу за поводья!..

И ты была моя кобылица! моя любимая иочная кобылица...

Но ты иарушила клятву Пророка о жеиах... Но ты подиосила кумыс в турсуках не только мужу своему... И я задушил тебя косами твоими... И я связал ими тесио горло твое...

...Да!.. Жеиы!.. Но Таджичка... Таджичка... Таджичка... И иет тебя средь жеи... И далёко... И я брожу средь прошлых жеи, как средь деревьев одичалых соииых соиных...

Сои!..

И где? где? где?.. Ай!.. Вот оиа!.. Вот оио!.. Вот оио!.. Таджичка!.. Дальияя!.. Зыбкая!.. Моя!.. На миг! Навек! Возлюблеииая!.. Полевая! Простая!.. Дехканка!.. Дитя!.. Стой!.. Стой!.. Стой!..

Постой!.. в мозгу соииом старом зыбком как среди поля зимиего нагого хладиого пустынного постой... иемного постой... Да!..

Таджичка, ты стоишь, а я вспомииаю...

Тридцать лет назад в блажеииый Год Собаки я стал Амиром Карши и Шахрисябза!..

И я ехал по кешской дороге с моими хмельиыми коииками чагатаями друзьями Джаку, Ильчи-бахадуром и Давлатшахом...

И там (там! там! там!) у самого Ходжа-Ильгара было плескалось колебалось стояло медвяиое тяжкое поле пьяиых бражиых маков опийиых афганских тяжких бредовых текуиов маков...

И была осень... И был Месяц Мака...

И поле уже текло источало истекало дремиым соком-кукиаром капало...

И там по горло в маках шла Таджичка шло Дитя Согдиаика с бусами стекляииыми...

И поле истекало... И чадило... Млело... Тлело... Спело... И дурмаиило...

И я сошел с коия макового соииого тумаииого... И вошел в маки и стал свой долгий пояс развязывать... И потом сорвал с Таджички стекляииые бусы...

И оиа стояла и у нее голова была гладкая ладная как головка пьяиого мака... И голова моя была хмельиая тяжелая дурмаииая...

И поле текло бредовыми дымиыми маками...

И мы легли в поле и мяли маки... И текли соки сониые дремиые медовые соки кукиара... И мы встали...

И тут я увидел что глаза у иее лазоревые дымчатые переливчатые бирюзовые... И оии текли проливались переливались... Страдали...

И я сказал: кто ты?..

И она сказала: я Ханифа-Мак... Таджичка... У меня бирюзовые глаза Согдианы...

...Тогда я пошел к коию... К коню Амира-Гурагаиа...

А она осталась в поле... Она дехканка...

...И текли в поле помятые текуиы — маки...

Но! ио! Господь, прости!..

Но семя Джахаигира!.. Семя Гурагана!.. Семя Тираиа в поле пало!.. С коня царского в лоио дехкаики!.. Айя!..

Прости Аллах!.. Прости за поле пьяиых бражиых слепых святых сониых дымиых маков маков маков!..

Прости мие Аллах Таджичку Дехкаику... Ведь у иее глаза лазоревые Согдианы...

И я повелел, чтоб Мавзолей иадгробный мой был с Глазом-Куполом лазоревым печальным миогодальиым маковым... Чтоб и в гробу воспоминал я согдианку в поле маков...

Айя!.. Что я?..

Айя!.. Ураи!..

Таджичка!.. Я воспомиил... Я иашел тебя во днях прошлых пыльных святых сладких дальиих... Теперь иди навек усии в мозгу моем как в поле поле дремных сониых дальиих дальних смутиых мутных мятых маков маков маков истекающих чадящих пьяиый сок — кукнар творящих...

А я усиу в дремливых теплых курпачах — одеялах родиого Ходжа-Ильгара.

А я сплю в ночной глухой кибитке среди сада снежного одичалого...

А я сплю, а Ходжа Насреддин глядит на Ханифу-Тюльпан, на согдианку...

А я сплю, а у меня уже была маковая согдианка, а уже лежала со мной в маках бражных пьяных... Ханифа-Мак таджичка дехканка с лазоревыми бирюзовыми согдийскими дымчатыми текучими глазами... Уже была... Уже лежала в маках липких горьких сладких... Уже я вспомнил... Уже я засыпаю... Уран!.. Учча... Очча... Уааа...

Но тут...

Но тут дверца утлая грушевая сырая ветхая косая дверца кибитки тихо открывается и входит старуха... Слепая!.. Айя!..

МАМЛАКАТ-КУБАРО

...Айя!..

И входит старуха... Слепая... Прямая... Как ствол белого тополя — арара пирамидального...

И Ходжа Насреддин глядит на нее и встает с тихих курпачей и голову опускает как теленок лобастый вешний виноватый...

И Тимур глядит на нее узкими сонными глазами уходящими барласскими и в темный угол отодвигается, как пес вороватый неприкаянный...

И Ходжа Насреддин глядит на нее и узнает вспоминает...

Ты!.. Мамлакат-Кубаро!.. Родная!.. Живая!. Кормилица далекая моя!.. Откуда ты?.. Из сада одичалого?.. С мазара с кладбища?..

Ты нашла меня на острове Аранджа-бобо... Ты меня сохранила вырастила выкормила... Ты живая... Ты от трахомы от пендинок-язв от старости слепая... Моя матерь... Сладкая... Былая... Давняя... И твои густые еще волосы снежные снежные так тихо так кротко так знакомо пахнут... Матерь...

— Ханифа-Тюльпан, кто тут?.. Я чую — кто-то есть в кибитке кто-то дышит...

И она слепые руки по кибитке распускает тянет

ищет нежно и уже уже ласкает слепыми сухими летучими певучими пальцами...

— Бабушка, это два путника заблудились затерялись... Они в Мекку идут... И зашли к нам... в Ходжа-Ильгар...

— А Ходжа-Ильгара уже нет... Есть только дикий снежный сад...

...Айя...

Я стою, как высохший китайский карагач...

И тут слепая находит пальцами дрожащими меня!.. Меня! меня! меня!..

Ай!.. Матерь дальняя живая... Из каких ты дней пришла?.. Пришла. И не узнала...

И слепые пальцы по лицу моему по бороде по груди моей дрожат бегут текут стоят...

— Зачем ты плачешь, путник?.. Зачем ты так долго не был?.. Зачем ты так опоздал?.. Зачем ты весь в ранах, мой мальчик?.. Зачем ты вернулся, Насреддин, сын мой?..

Она стоит. Надо мной...

И пахнут пахнут снежной горной бездомною арчой (опять!) родные седые снежные далекие волосы ее...

И я как свежий агнец в вымя матери-овцы тычусь в нее головой седой...

И пахнет снежной чистою арчой...

— Сынок, ты не один. Кто ж с тобой?..

...И она отходит от меня и слепыми руками по кибитке бродит бредит грезит ищет другого...

А другой сидит таится в углу и долго долго долго она ищет его... И находит... И долго слепыми сухими чуткими тихими дрожащими пальцами по лицу его каменному острому немому бродит вспоминает по руке сохлой беспалой перстами зрячими бездонными ходит ласкает...

— Зачем ты пришел, путник?.. Зачем ты погубил столько людей?.. Зачем сотворил ты столько вдов и сирот?.. Зачем рука твоя убитая иссохла?.. Зачем ты убил Ходжа-Ильгар, родной кишлак свой?.. Зачем ты убил свою родину?.. Зачем ты не плачешь, мой мальчик?.. Зачем ты жестокий? Тимур, сын Текины-хатун, тихой улыбчивой матери?..

— Старуха... Мамлакат-Кубаро... Кормилица... Я узнал тебя... Ты кормила меня из обильной тучной дех-

каиской крестьянской земляной полевой хлебиой простой груди своей...

— Твоя мать Текниа-хатуи была слабогрудой... Вялой... И не было молока в грудях ханских амирских ухожеииых холеных пустынных солоичаковых ее... И я кормнла питала любила тебя... И ты роднлся со сгустком кровн в кулачке!.. И ты любил кровь!.. Уже тогда... Уже тогда ты грудь мою избыточную до крови кусал рвал воровал... Уже тогда ты любил цеднл пил кровь!.. И я давала тебе ее!.. И кровь!.. И молоко!.. Ты брал из правой грудн... А левую грудь я оставляла берегла я давала Насреддниу-сироте!.. И левая грудь свежа иетроиута иесмята иеразъята неокровавлеиа была!.. Да!.. И я вскормила одной грудью — Тнрана!.. Другой грудью — Мудреца!..

Да...

...И тут!..

Айя!.. И я закрыл забнл забыл глаза...

А Тимур не закрыл...

И тут старуха на себе на груди своей ветхое карбосовое мешочное платье разодрала распахиула разорвала и там только одна грудь цела была, а иа месте другой засохшая сизая иищая раиа была цвела...

— Гляди, Тнмур!.. В твоей груди завелся зароился зародился червь!.. В твоей груди завелась тля!.. И я сама отрезала отсекла ее!... Как зиахарка! Как бритвой брадобрей!.. Да!.. Гляди!.. Тут раиа язва впадииа пропасть вместо груди... Вместо обнльной доброй дехканской тучной груди... Вместо твоей груди!.. Да!.. Амир, уходн!.. Тиран, уходи!.. Ты убил мою грудь!.. Ты убил мой родной кншлак... Будь проклят ты и семеиа обильиые потомкн твон!.. Уходн, убийца!.. уходи!..

...И Тнмур встал покорно с курпачей и тяжко сонио тяжело согбенио обреченно прошел протащился проковылял по кибитке иизкой и выбил дверцу налитой ногой и вышел в ночь, а взамен морозиый серебристый чистый игольчатый иочной пар дым вошел...

О... Свежо!..

...Ой! ночь!.. Как ты длнниа долга темна ледовая ночь ночь!.. да! И когда изойдешь?.. И утро когда?..

...А Хромой вышел в ночь...

И тут опять глухие одичалые деревья взяли объяли окружили обступили его...

Но он шел и деревья словно отступали расступались... Словно знали узнали... Словно убоялись Джахангира Тирана... Словно трепетали... Остерегались...

...И тут молчаливая одичалая кишлачная нищая голодная собака волкодав темно косо бредово бросилась на него метнулась встала из-за снежной ледяной развесистой чинары...

Амир передернулся оскалился во тьме ухмыльнулся: тут и собаки ненавидят меня... Тут и собаки молча бросаются скалятся зарятся... Да! Ай земля моя!.. Ай держава моя!.. Ай народ мой!.. Ай Родина моя!.. Иль ты как пес голодный молчный бешеный бросаешься на меня?.. Айя!..

...Левой здоровой вольной тугой рукой Тимур вытащил из льнущего сагрового монгольского сапога узкий летучий певучий шахрисябский нож и почти не размахиваясь снизу метнул отпустил отдал его собаке...

А собака клубилась... ярилась... А собака была уже рядом... Уже горло Амира алкала зубами янтарными гладкими...

Но нож нашел собаку и она отбежала отпрянула, но нож пристал припал бежал с ней, но нож с ней отпрянул...

И темный живой текучий след обильный сразу рыхлый сразу теплый след бежал рядом...

Потом собака словно обленилась... Стала... Легла... А след копился роился жил натекал на снег... Собирался... Ушла залегла зашлась забылась собака...

...Уран!.. Кто еще?..

Еще один нож в другом сапоге таится выжидает... Одна голова, но два ножа у тирана...

Уран!.. Ночь!.. Кто еще?..

...Амир бредет ковыляет грядет в деревьях ледяных одичалых... Он не хоронится не избегает не блуждает... Идет прямо... И деревья расступаются... Сторонятся... Айя!..

...И тут из-за китайского карагача бесшумно тайно возникает выходит выплывает Женщина в снежном парчовом степном чекмене и в руках у нее иранское

расписное павлиинье глиняное блюдо с пловом айвовым шафраиовым...

И она стоит и улыбается н блюдо Амиру протягивает.

— Ешь, мальчнк!.. Плов бараний!.. Он быстро остывает!..

Но ее руки ледяные...

Но ее блюдо ледяное...

Но ее плов ледяной... Но ее плов слншком давннй... слншком давний... дальннй...

— Матерь... Оя... Текнна-хатун... Зачем вы прншлн?.. Матерь... Я же зиаю... Вас уже нет на земле... Нет... Матерь...

Но она стоит иа путн Амнра. Жнвая... Улыбается... И не дает ему пройти...

И он останавливается...

— Матерь... Оя... Я же знаю... Вы иежнвая...

— Сынок, зачем ты убил собаку?.. Это же Азраил... Мой Ангел... Мой хозяин... Он любит ледяной шафрановый плов...

— Матерь... Ай бред!.. Тьма!.. Сиег!.. Ночь!.. Азраил... Собака!.. Оя... Матерь... Живая?.. Да куда мне деваться?..

...Но тут оиа уходит отступает тает прячется за кнтайский карагач, а Амир глядит на снег под ее летучими бесшумными ногами...

Но сиег чист ровен ие тронут ие измят не взят не потревожен не нарушен свежнмн следами...

...Матерь... Зачем вы?.. Зачем тревожнте?.. Зачем являетесь?.. Зачем внтаете?.. Зачем береднте душу-рану?..

Но стоит на пути но стоит в ночн белая снежная чинара молодая молодая молодая...

И Амир идет в иочн н чииара уходнт отступает тает в дымчатом тумаие растворяется теряется теряется теряется...

Ночь!.. Кто еще?..

Ночь!.. где исход конец твой?..

Ночь, где утро твое?..

Амир ковыляет в деревьях одичалых...

Ночь... Кто еще?..

И тут он слышит чей-то крик глухой... Чей-то стон... Чей-то вой!.. Вопль!..

И он узнает голос Слепой... Голос Мамлакат-Кубаро...

...А слепая бежит скользит тычется в ночные беспробудные деревья... А слепая ищет... Шепчет... Кричит... Скитается... Падает... Встает... А слепая бродит в деревьях одичалых... И в слепых ее руках курпача ветхая бухарская мается...

— Тимур... Сынок... Зачем ты ушел... Я же кормила тебя... Я грудь отсекла, оторвала — но любовь-то осталась... Осталась... Зачем ты ушел?.. Ты ведь хромой больной... неполный... А ночь лютая!.. А ночь кромешная!... А ночь морозная!... Возьми курпачу!... Она теплая... Сынок... Теплая...

И Слепая чуткая догоняет Тимура, но он за деревом хоронится, а она ищет, руками слепыми блуждает, а она курпачу бухарскую протягивает дарит опускает куда-то...

Словно кого-то одевает оберегает пеленает...

А Амир уходит по-кошачьи тихо немо беззвучно по снегу ступая...

...И тут слепая поскальзывается и роняет курпачу и на курпачу падает... Ищет руками... Плачет...

И вдруг в деревьях одичалых воет стонет... Воет!..

— Тимур!.. Ты уходишь... Так знай!.. Ханифа-Тюльпан — твоя дочь!.. Да!.. Она была зачата в Месяц Мака! А родилась в Месяц Тюльпана!.. А Ханифа-Мак твоя согдианка маковая умерла в родах.. Она была юной, ей мак был по горло, когда ты подбил подмял ее... И она обломилась рождая как хрупкая ветвь под гнетом плода урожайного небывалого... А взошла а поднялась а налилась Ханифа-Тюльпан!.. Дочь твоя!..

...Амир встал... Стоял... Долго... Дышал...

...Аллах, Семя Джахангира на миг упало сошло с Царского Коня!.. И затерялось в крестьянских полях... И взошло, как сорняк...

Аллах! Помилуй!.. Прости меня!..

И Тимур пошел пошел пошел в одичалых деревьях... И вышел к реке Сиеме... И вышел к висячему мосту...

...Айя!.. Ураи!.. Прощай, Ходжа-Ильгар!..

И на том берегу уже горели костры... Тысяча костров!..

И это был сторожевой охранный слепой свирепый амирский тюмень — отряд Главного Военачальника Мусы Рекмаля...

...Айя!.. Я знал!.. Мои чагатаи! мои барласы! мои нукеры! мои псы, которым я заплатил золотом и серебром за семь лет вперед, мои волки, мои шакалы нашли меня!.. И пришли приползли пронеслись по моим следам!..

Ягы качты!.. Ачча!.. Учча!.. Алла-яр!.. Уран!..

А ночь тянется...

А уходит туман!..

А выплывает Звездный Млечный Ковш...

А ночь стоит...

А ночь стоит у Звездного Ковша, как смоляная ледяная гробовая лошадь у овса...

Учч!.. Уффа!..

А!..

ЛЮБОВЬ

...Ааааа!.. Ханифа-Тюльпан!..

Ты гасишь задуваешь бухарский светильник и зажигаешь душистую рангунскую свечу... да...

...Ханифа-Тюльпан, откуда у тебя рангунская ароматная свеча?..

И дух душистых дальних смол обволакивает нас нас нас...

И ствол жемчужного пирамидального тополя-арара мерцает восходит за крышу как свеча...

— Насреддин-ака!.. Я буду плясать танцевать... Можно?.. Древний согдийский свадебный танец... И петь!.. Можно, Насреддин-ака?..

И она стоит в малиновой короткой согдийской рубахе с широкими круглыми парчовыми летучими рукавами... И она стоит в узорчатых зеленых шароварах-изорах бархатных... И она стоит в сапожках-ичигах из красной оленьей кожи...

...Насреддин-ака!.. можно?.. Ака, не поздно?..

...Священная Книга говорит: требуйте многого от прекрасных ликом! Требуйте!..

И я требую!.. И я повелеваю!..

— Ханифа-Тюльпан!.. Пой! Пляши! Кружись!.. Ночь как смерть слепа долга темна!.. Жизнь как свеча коротка!..

...Тогда она поет!..

Тогда она кружится гнется вьется бьется!..

Тогда летят кружатся мчатся как колеса ханской колесницы парчовые вольные раздувшиеся рукава!.. Тогда летят летают бьются по кибитке тесной низкой крылья бабочки вспыхивают упадают умирают восстают и вновь вновь вновь летят!.. Бабочка!.. Луговая вешняя летящая трепещущая ты куда среди зимы куда куда?..

И летит и летает и витает по кибитке Ханифа-Тюльпан!..

И горит медоточит дурманит оглушает удушает и туманит сладкая бредовая медовая рангуиская свеча!..

И льются бирюзовые согдийские живые спелые глаза глаза глаза!..

...Айя! Да что я вспоминаю вспоминаю вспоминаю только пыльный скотный бухарский тот базар?..

Да что я вспоминаю только пыльный тот базар?..

И продавец тяжелой хлесткой палкой бьет бьет бьет вешнего невинного налитого осла?..

И так жизнь моя прошла...

И где мудрость моя?.. И где любовь моя?.. И где ласточка лазоревая моя?..

...Ханифа-Тюльпан!..

Ты!..

И в ледяной кибитке горькой низкой утлой Ты витаешь Ты летаешь Бабочка Парчовая Павлинья луговая первая вешняя моя!..

Ты витаешь в ледяной ночи бабочка пыльцовая жемчужная иевинная последняя моя моя моя...

— Насреддин-ака, по древнему согдийскому обычаю должна я рубаху малиновую скинуть снять сорвать с себя...

Она дышит высоко легко и летят павлиньи крылья-рукава...

И глаза лазоревые глядят текут молят...
— А я дева... А я иевеста... А поздно?.. А нельзя?.. А можио, Насреддин-ака?..
— Ханифа-Тюльпан, бабочка летучая заблудшая в ледовый одичалый сад!.. Снимай!.. Крылья-рукава певучие летучие слагай!.. Но пусть горит свеча!.. Пусть горит свеча!..

И оиа снимает бросает рубаху... И у нее грудн сметаииые... И у нее груди сахариые... И у нее грудн как фазаны алмазные...

...Ханифа, вынимай лебедииые забытые одеяла простыии заиданийские чнстые нетроиутые иеизмятые неизведаииые свадебные...
— Насреддин-ака, три жениха легли в землю а не в одеяла... Быть мие девой-вдовой навек запоздалой... Не иосить младеица в руках влюбленных у грудей радостных источающих млекобогатых...
— Хаиифа, бабочка среди зимы!.. Я не уйду в землю... Выиимай одеяла...
...И оиа из древиего обитого медью сундука выиимает простыии и одеяла... И выиимает... И шепчет что-то...

— Хаиифа-Тюльпаи, ты не заставншь меня расплетать твои косы?..
— Насреддии-ака, а оии уже расплетеиы распущены развязаиы и до пола до пят волиятся струятся...
— Хаиифа-Тюльпан, ты ие заставишь меия снимать твои кольца?..
— Насреддии-ака, пустыиины бедиы вольиы мои пальцы...
— Хаиифа-Тюльпаи, а соколы с кровавымн глазами бьют белых цапель?..
— Насреддин-ака, глядите свеча кончается кончается кончается...

...Тьма!..

А иочь ие кончается!.. А иочь тяиется!.. А иочь — бахча дыиь светящихся перезрелых медами сокамн сахарами земляиыми исходящнх...
Ай иочь!.. Ай нощь!..

— Ханифа-Тюльпан, где ты?.. Где? где? где?.. Иди!.. Сюда!..

И она пришла... И она легла...

И ночь нощь пошла!.. Пошла!.. Как стрела!.. Айя!..

Нощь нощь в глазах в лазоревых согдийских маковых очах Ханифы!.. да...

Конь стоит?..

Нощь нощь в ноздрях в губах устах в зубах Ханифы!.. да...

Конь храпит?..

Нощь нощь в грудях в алмазных фазанах в снежных снежных холмах Ханифы!.. да...

Конь встает восстает на две ноги?..

Нощь нощь в нагих ногах в одичалых невинных тополиных стволах столпах Ханифы!.. да...

Конь дрожит!.. Конь течет! Конь бежит!.. Конь летит!.. О!..

Сон!.. Сон!.. сон! сон!.. Сон...

Ой!..

Ночь летит как от стрелы конь!..

Но!..

Но утро сизое туманное темное зыбкое еще не пришло... Но ледовое утро не пришло... Еще!.. Ночь!.. Сон...

— Насреддин-ака, от вас пахнет ледяной чистой рекой!..

— Да, я омылся в реке... Перед кишлаком перед родиной... Перед тобой!.. Ханифа-Тюльпан, а от тебя пахнет свежей снежной далекой горною арчой!..

— Я тоже хочу омыться в снегу... Жарко мне... Горячо... Я пить хочу... Я хочу снегом тело разбуженное омыть!..

Сон... сон...

Ночь... ночь...

Ханифа выходит в ночь...

Ай!.. Как хорошо!.. Как вольно!.. чисто!.. Как снега сияют серебристые... волнистые... пречистые...

Ханифа нага Ханифа ест снег. Ханифа ест морозные сыпучие снега... Ханифа омывается в сыпучих ледяных

чистых сухих снегах снегах снегах... Ханифа нага и лишь волны смоляных волос текут влачатся за ней по снегам... Ханифа нага и лишь волны волос — вся одежда ея...

...Насреддин-ака! Насреддин-ака!.. Иль носить мне дитя на влюбленных руках?.. Иль носить кормить мне дитя?.. А?..

...А на том берегу костры горят чадят... А на том берегу стоит сам Амир Тимур Гурагаи... А рядом с ним стоит Главный Военачальник Муса Рекмаль...

Стоят... В ночь глядят...

И стоит на конях тысяча чагатаев готовых скакать убивать угнетать разрушать...

А Тимур поднимает бессонную тяжкую левую руку.

— Там кишлак Ходжа-Ильгар... Там... Расстрелять... Живоогненными стрелами расстрелять!..

Уран!..

...Тимур, там дочь твоя?.. Айя?..

Уран! Расстрелять!..

И первые огненные стрелы летят уходят за реку во мрак на Ходжа-Ильгар на кишлак...

...А Ханифа-Тюльпан омывается в сухих переливчатых чистых снегах...

...А Насреддин-ака, а носить а кормить мне дитя во влюбленных руках!.. А Насреддин-ака! а ночь была темна а стала светла светла светла!.. А Насреддин-ааааа... кааааа... а!..

...А тут пришла прилетела стрела. И нашла... И горло певуче свежо тихо троиула нашла...

...А Насреддин-ака это от живоогненных стрел ночь жива светла... И только что пело ликовало горло тело мое, а теперь стрела затронула пришла взяла... Нашла... Да!.. И за Любовью Смерть пришла... Быстро!.. И ночи одной нам не дала... А Насреддин-ака, не носить мне дитя на влюбленных руках... А!.. И горит смолистая зыбкая стрела... А теперь горю я...

Как быстро волосы горят...

И вот уже не влачатся они по снегам, а поднимаясь свиваясь чадят горят...

Горячо!.. Горячо!.. Светло!..

И горит чадит бирюзовый сырой парчовый глаз и горит сметанное плечо... О!..

И была на снегу Ханифа, а теперь на снегу костер!..

И была на снегу Ханифа-Тюльпан, а теперь на снегу Ханифа-Костер!..

Все!..

О!..

ХОДЖА НАСРЕДДИН

...Сколько дней прошло?.. Сколько лет прошло?..

И по самаркандской снежной ледяной утренней дороге Ходжа Насреддин на ветхом осле бредет... Поет...

И дервиш на осле уходит в снежный куст
И дервиш на осле уходит в снежный куст
И дервиш на осле уходит в снежный куст тураиги
И дервиш на осле уходит в снежный куст тураиги
принимающий таящий
И дервиш на осле уходит в снежный куст приречный горный
дальний
дальний дальний
И река не шумит а промерзает тихо тихо останавливаясь
обмирая
обмирая обмирая
И река не шумит а тихо тихо промерзает обмирает
И дервиш на осле уходит в снежный куст тураиги дальной
дальной
дальной
И дервиш на осле уходит в куст тураиги серебря́ный серебря́ный
серебря́ный в куст зачаро́ванный в куст венча́нный
И дервиш на осле уходит...
Куст...
Туманно... ой туманно... ой туманно...
Куст тихо осыпается пресветлыми тишайшими блаженными
безвинными
кудрявыми снегами осыпается...
Куст куст объемлемый объятый серебря́ными летучими снегами
сне́гами
охваченный дикорастущими ледовыми святыми хрусталями
хрусталями хрусталями
И дервиш зачаро́ванный уходит в снежный куст зачарова́нный
Блаже!..
И дервиш на осле в серебряном тумане та́я та́я та́я
разбредается
И дервиш на осле в серебряном тумане возлетает
Ангел

...Да!.. Аигел!..

Ходжа Зульфикар блажеиный дервиш, ты уже там? ты уже Аигел? Ты уже в садах вечиозеленых вечиоцветущих вечиопрохладных дальных дальиых дальных?..

А я опять иа дороге самаркандской...

Блажениый Будда, Ты говоришь: из близости к людям возиикают страсти и печаль возиикает, всегда идущая за страстями... Поияв, что в страстях коренятся страдаиья — ты гряди одииоко, подобио иосорогу...

И я брел, как иосорог...

И где мудрость моя?.. И где брег ее вечиозелеиый?.. И где заводь тайная сокровенная тихопесчаная тихокамеииая врачующая ее?.. И где дальиая колыбельиая кибитка с лазоревой ласточкой?..

Айя!..

Нет мудрости!.. Нет брега ее вечнозеленого!.. Нет заводи ее врачующей!.. Нет кибитки с лазоревой ласточкой!.. Нет!..

А есть что?..

...Только есть иа снегу костер...

И была на сиегу Хаиифа-Тюльпан, а теперь на снегу Ханифа-Костер...

Да...

...А дорога пустыииая раиияя ледяиая опасиая...

И тут!.. Айя!..

Только этого ие хотел я... Не хотел я...

Тимур, ты зиаешь...

Но сказано, что каждый вступает на ту высочайшую дорогу, иа которой иет земиой пыли... Но сказаио!.. Но исполияется!..

Но приходит время Последнего Караваиа...

Но приходит время Посмертного Караваиа погребального загробного заунывного заупокойного дального...

И где последний оазис?.. И где последиий каравaисарай?.. где последняя Стоянка-обитель-пристаиище?..

Тимур, Тираи, куда ты?..

И я стою иа обочиие дороги, а мимо проплывает

проходнт Гроб с Телом, надушенным индийскими благовониями, розовой ирбитской водой, мускусом, барусовой камфарой...

И лроплывает грядет высится над нищей дорогой над нищей Державой необъятный гроб Тирана из черного густого дерева на носилках-табут украшенных дорогими камнями н жемчугами...

И грядет под гробом безмолвный тюмень отряд барласов гробовых охранников...

...И мы хотим туда!.. Джахангнр! Амнр Гураган! Тимур! возьми нас с собой и туда!.. За загробные камнн!.. Мы и там пробьемся мечами!.. Проползем прошелестим змеямн тайными!.. Гненамн погребальнымн трухлявыми залаем!.. Возьмн амир с собой свонх живых чагатаев!.. Айя!.. Ураи!.. И загробные конницы скачут алчут!.. Ягы качты!.. Алла-яр Амнру Тимуру!..

Но бредет по дороге посмертный караван Тирана...

Тишина!.. Дорога!..

Снег...

Смерть витает!..

И белоснежный Ангел Азраил иа белоснежном свя́том бледном Яке подступает прнступает... И белоснежный Азраил на снежиом Яке подступает...

Но! но! но! я слышу Его голос... Голос Гурагана...

...Айя!.. Уран!.. Если б не этот гроб!.. Если б не эта смерть в Отраре!..

В мире есть только Стрелу Спускающий и Стрелу Впускающий!..

В мнре есть только один след — след из раны точащей свежей разъятой!.. И этот След сладкий!..

Китайский император — ай не достать мне его живым мечом жнвой рукой!..

И он уннчтожил в одпн деиь сто тысяч правоверных в пределах своих! И как оставлю их неотмщенными?..

Если б не эта смерть в Отраре!.. Я бы пришел к тебе, Китаец!.. Мои тюмени пришли бы к тебе! Я сам бы вопросил тебя о тех ста тысячах!.. Я сам бы вогнал тебе стрелу в тонкое узкое око твое!.. Я бы защекотал конским волосом твон спелые развеснстые податливые ноздрн гнены!.. Да!..

Но смерть пришла!.. Вот она!.. Да!..

— Тимур!.. Ты и в гробу скачешь?..
— Да, скачу!.. А вокруг безымянные неоглядные необъятные черепа черепа черепа!.. И их давал я!.. Да!.. Насреддин, а что Ты без Меня?.. Добро без зла?..
— Тимур, но ты в гробу... А я на дороге... Да...

...Насреддин стоит у дороги ледовой... Плачет?.. Улыбается?.. Прощается?..

Но приходит время последнего каравана...
И уходит...

И там, где прошел караван Тирана погребальный похоронный — только там таяла дорога земля зима моя...
Только там таяла...

О Родина моя — и только там Ты таешь, где проходит смертный похоронный погребальный замогильный караван Тирана...
Только там таешь оттаиваешь!..

...О, побольше б таких караванов!..
Айя!..

И дорога тает...
Но уносят Тимура — кровавого Джахангира, Повелителя Вселенной, Сахиба-уль-Карыма, грабителя, убийцу, кладбищенскую гиену... А мудрец, а острослов, а масхарабоз, а защитник дервиш добра остается...
А народ остается...
И дорога тает...
Но уносят Тирана...
А Мудрец остается...

И Ходжа Насреддин улыбается...

И тут снег азиатский парчовый жемчужный душный сочный сонный снег лепечет лопочет никнет липнет валится лепится лепится падает струится на дорогу...
Снег лазоревый... Снег теплый...

1977

КНИГА ОТКРОВЕНИЙ ОМАРА ХАЙЯМА

Посвящаю моей матери,
Людмиле Владимировне Успенской

Я, имам Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим, я скажу Книгу Откровений. Я скажу Книгу Своей Жизни. Аллах помоги и помилуй! Удержи руку мою ослаблую перед исходом моим! Удержи язык мой остылый молчный! удержи язык мой падающий как древние минареты хоросанских мечетей! падающий гиблый шаткий как Большой Минарет Багдадской Мечети Халифов Джамиа ал-Хуляфа! Удержи язык мой наклонный склонный как Большой Минарет нишапурской мечети Укайл, окруженной чуждыми слепыми степняками сельджуками... Они рыщут слепцы и рубят мекканскими мечами стены мечетей! и рубят мечами мечети!.. Помоги Аллах? Да?..

СМЕРТЬ

Я склоняюсь смиряюсь над книгой «Аш-Шифа» над «Книгой Исцеления» блаженного Абу Али Ибн Сины, я читаю последнюю молитву фатиху, я снимаю с головы белую шелковую чалму имама, я кладу чалму на книгу, я опускаю лицо в тихую чалму в шелковую заводь еще хранящую (еще хранящую! еще! еще еще еще!) живое тленное мое тепло мой запах мой дух плоти и шепчу, шепчу.

Шепчу!..

Тогда я вижу, тогда встает, тогда Она встает, тогда Она стоит передо мной...

Недвижная!.. Веющая!..

Тогда Она встает передо мной...

Тогда встает передо мной пред очами моими утухающими навек (навек? господи?) очами уходящими...

Тогда Она встает...

Тогда встает напоследок передо мной Книга Жизни моей...

Уже недвижная! Дальняя...

Иль набежали повеяли нахлынули миндальные нагорные рощи рощи рощи нагорные Гиссара? Нишапура?..

Тогда налетает вешний кроткий ветер, Ветер Ноздри Новорожденного Теленка и шелестят атласно шелковые Страницы тяжкие долгие...

Тогда шелестят желтые златые, как поздняя терпкая душная айва, страницы Книги Страницы Книги Жизни моей моей...

...Я перебираю гиблые переливчатые жемчужные эти ветхие листы сохлыми иегибкими хрусткими пальцами ломкими уже. Уже ломкими...

...Живая Книга в живых перстах... Я стар. Книга старая.

Персты старые. Хрупкие. Ломкие, как прутья высохшей туранги речного тополя, как ветви тополя арара придорожного пирамидального, взятого взрытого короедами...

А я ловил этими перстами крутых вьющихся ханских форелей в ранних студеных ледяиых ручьях Нишапура... Гиссара...

А ныне я держу желтую терпкую Книгу Жизни. И Она Она влечется влачится рушится из моих перстов, как курица с перерезанным горлом! Ай! Падает. Я роняю ее. Роняю роняю роняю роняю...

Да!

И будете петь как ранние петухи с перерезанным горлом!

Хрипло, обрывисто...

Роняю...

Но Она стоит перед последними очами.

И персты мои как стебли степных трав месяца мурдада августа.

Ждут пожара? Огня жаждут.

И если хрустиет подломится один из них — то не будет боли в известковых костях моих старых.

Плоть моя, персть, тело мое завернутое в белый полотняный занданийский бухарский чапан-халат сгорит сойдет как степная перестоялая очумелая трава августа.

Да!.. Ждут огня пергаментные члены мои? иссохлые травы мои? сосуды мои как глиняные кумганы кувшины

заброшенные забытые у пересохшего зачахшего арыка, где только черви в стылой глине...

Да!..

Аллах я пел как ранний росный петух с перерезанным горлом.

Хрипло. Обрывисто. Тайно...

Но пел. Но пел упоенно заливаясь захлебываясь собственной пьяной пролитой пряной уходящей кровью... Но пел в империи немоты и неволи... Пел в империи пришлых сельджуков...

Но пел. Господь мой!..

Но!..

...Иль не равно где петь твоим святым слепым ранним петухам Аллах?..

Но горло-то зачем пересекать пресекать ножом?

И что́ за песня?

Из-под ножа что за песня?..

Но я пел в империи нарушителей разорителей смятенных лепетных народов.

Но я возненавидел разрушителей птичьих гнезд в детстве моем, но я возроптал против расхитителей лепных гнезд ласточек под крышей родимой кибитки мазанки моей...

Птенцы смертно кричат разрушенные...

А пел в империи разрушенных народов...

Народы смертно молчат разъятые...

Сельджуки! я пою средь вас смертно тайно, но птенцы, птенцы, птенцы усиулые птенцы с разъятыми кричащими ртами вяло падают на мою голову, когда я выхожу когда я выхожу когда я выхожу... (когда? когда? когда? куда?)

Когда выхожу из родимой глиняной мазанки-кибитки-гнезда-яйца в вешний веющий сырой хавли-двор (он дышит он чист подметен моей молодой матерью оя Биби-Сиротой...).

Когда я выхожу, а надо мной, над резной грушевой дверью шевелится свисает разоренное умеренное гнездо ласточек измятое избитое, и оно роняет птенцов-слепышей пискунов гнездарей на мою нагую бритую голову мальчика...

Голова чиста и нага как добела подметенный хавли-двор...

И!..

Я пою, но птенцы мягко и неотвратимо убиваются смиряются цепляются о мою голову...

Я пою и нагая юная хмельная слепая голова объята смертными пухлыми невинными млявыми птенцами слепышами разграбленными...

И они утихают не тщатся они усыпают навек на голове моей. На голове мальчика.

Аллах это ль не самая чуткая голова? Голова сырого зеленого отрока? И они умирают на тихой голове моей?..

Спадают умерые ленные с бритой моей головы мальчика...

Да!..

И они поныне поныне шевелятся на нагой шелковой голове моей, усыпающей навек в густой тихой последней чалме...

Они поныне шевелятся на голове моей на голове старца, погруженной в чалму в близкий нежный погребальный обволакивающий саван...

И чалма странника дервиша каландара обернется святым саваном...

Они поныне шевелятся на тихой голове моей. Голове старца... Аллах это ль не чуткая голова...

Они шевелятся. Те. Разграбленные птенцы-слепыши. Роятся...

Аллах я пел в народах-птенцах, в слепышах, в народах без гнезд, без лона, без языка, в народах разъятых... И за то пришли желтые тучные народы возмездья? князья амиры хаканы отмщенья? Народы разграбленных желтых податливых гнезд? народы птенцов-слепышей?..

Но возмездье бесконечно и оно гибельно как река Аму вставшая над берегами жилищ и посевов? И зачем оно?..

Остановитесь князья, амиры, хаканы возмездья! Не останавливайтесь. Нет...

Но я пел.

А ныне я умираю. Аллах, я вынимаю изо рта золотую исфаханскую зубочистку (зачем она мне?).

Я кладу ее между двух листов книги «Аш-Шифа» «Книги Исцеления».

Хаким Ибн Сина мое исцеление близко. Всю жизнь я размышлял о смерти. Об окончательном исцеленьи!.. О последнем прощаньи!.. О великой разлуке!.. Всю жизнь я боялся смерти. Я не забывал о ней ни на миг, ибо мудрецу только суждено глядеть в небеса и думать о смерти. И я глядел и думал о смерти и боялся ее. А она уже со мною, и нет страха в членах моих, в душе моей готовой, в голове усыпающей смеркающейся. Иль я как город после долгой осады открывший врата? и ждущий иных всадников? Иного Всадника? И нет во мне страха. И открыты врата и домы мои?.. Очи и сосуды мои?.. Иль ты проста, смерть, как погруженье в вечерний ивовый хауз, где вода тепла и дремотна от дневного солнца?.. И я боялся смерти, а она проста, как погруженье в ласковый целебный хладеющий хауз...

О боже мой, ты знаешь, что я познал тебя так, как только мог познать. Прости меня, мое знание Тебя — это мой путь к Тебе...

И я встаю от «Книги Исцеления» и опускаюсь на молитвенный коврик и совершаю вечернюю молитву «магриб». И над головой моей веют веют веют раскидистые медленные китайские карагачи в моем чисто подметенном дворике-хавли... Уж не ты ль пришла подмела его дальняя мать моя оя оя Биби-Ситора? уж не ты? не ты?.. И из-за дувала слышны голоса возвращающихся терпких напоенных травяных стад и пахнет теплой родимой обильной пылью и пахнет мокрой политой убитой усмиренной пылью и от соседей доходит живучий дальний дальний дух жарящегося в казанах мяса-«зербака»... Веют медленные китайские карагачи мои... Еще мои... мои... Ты, свояк, муж дальней сестры моей Муниффы-апа, ты, Мухаммад аль Багдади, математик, стоящий около меня, у исхода моего, ты свидетель последней молитвы моей, ты позови Чистых, чтоб я составил завещание...

...Мухаммад, позови Чистых! Мухаммад, а где они,

Чистые, в стране нашей? где?.. Где Чистые как этот малый добела подметенный двор-хавли с веющими карагачами?..

...И только к смертному ложу Чистого придут Чистые!.. А где они в стране нашей? Мухаммад, иль не знаешь, что не такой, не Чистый уходит ныне? И чего тогда звать Чистых к ложу моему? Когда сам нечист?..

...Смерть! Да! да... Но так кричит вешний осатанелый плодовый осел из-за дувала и такая ночь близится. Живая животная ночь. Ночь напоенных молочных стад... Ночь стад!.. И она последняя...

...И я встаю с молитвенного мешхедского коврика, и не поднимаю его и оставляю его в ночи...

...И курица с переломанным перехваченным горлом валится из-под ножа валится валится валится тянется. Тянется... И молочные перья устилают землю. И мой молитвенный коврик теряется в перьях? в опалых лепестках цветущей вешней груши у дувала? А что за дувалом?.. Иль мне мерещится что уже мазар сразу за дувалом? близок?.. Поглядите — кладбища разрослись и они уже подступают к вашему дувалу... Воспомните Аллаха!..

Ибо сказано, что Он ближе к вам, чем ваша сонная жила (терпкая густая живая роящаяся тяжкая блаженная дающая Жила Лоза Жизни...).

Иль там уже подступает кладбище-мазар? иль там теснятся блеющие налитые ройные роящиеся стада? И они бьются маются тщатся о мой последний дувал?.. Но та́к кричит вешний осел слезный осел из-за дувала и такая ночь близится... Живая животная ночь уже пришла, уже стоит. И она последняя... Но та́к та́к та́к кричит прохожий вешний плодовый осел за дувалом!.. так кричит... уходит... уходит...

А!

Вы стоите вы стоите у китайского карагача мой Учитель, мауляна, мудрец.

Вы стоите у мерклого веющего всесветно густой игольчатой прохладой китайского карагача в белом бе-

леющем (как лепестки груши? как перья курицы?) шелковом чапане-саване... Вы стоите вы улыбаетесь мой Учитель Хератский Старец Ходжа Абдаллах Ансари. Вы стоите у карагача. Вы улыбаетесь в чапане шелковом волнующемся от ветра от прохлады ниспадающей с китайского карагача. Вы улыбаетесь мне мой Учитель мой Утешитель... мой усопший, мой дальный... загробный... сокровенный... Ходжа Абдаллах Ансари Вы говорите, Вы шепчете мне под карагачем шелестящим... Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, этот бренный мир — лишь перепутье, лишь перекресток, а мудрый муж на перепутье ие останавливается...

Я ие останавливаюсь ныне. Ныне. Ныне, мой Учитель... Но я склоняюсь перед вами мауляна...

Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, для моего сердца путь в могилу — путь в цветник-сад, а мир иад прахом могильного камня — мир первой свежей весны...

Да мой Учитель, но что та́к веют карагачи, что так щедро упоеино сыплет лепестки плодородящая груша у дувала, что так эти эти эти стада налитые прохожие голосят тленные, упираясь в дувал, что так кричит осел, что так эта весна здешияя в малом моем убогом дворике-хавли здешняя весна творится?

Но я склоняюсь перед вами мауляна...

Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, не думай, что я умолк и уснул в могиле: птица духа моего кричит и летает...

Да мой Учитель. Я вижу и слышу Ту Птицу. Ту перелетную. Но я всегда плачу, когда вижу перелетных птиц. Они дальние. А по двору бродит молодой здешний вешний павлин. И он цветится. И он исходит радужным переливчатым живым хвостом-снопом живым живым живым. И он ходит по двору, мауляна, и я трогаю руками его земные близкие перья, а от перелетных высших птиц я всегда всегда всегда плачу плачу плачу мой Учитель... Но я склоняюсь перед вами мауляна...

Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, погляди на мой саван — он пришелся мне лучше лучшего платья...

Да мой Учитель. Но ветер вечернего карагача трогает и полощется в вашем халате-саване и шелк в ночи переливается, как жемчужный ствол тополя арара пирамидального... Но я склоняюсь перед вами мауляна...

Вы шепчете улыбчивыми устами: сын мой, сынок, взгляни на народ кладбища: он побросал все щиты перед одной стрелой тленья... Если ты стремишься к дервишам — оставь славу, богатство, оставь тело... Оставь тело...

Да мой Учитель. Кладбище разрослось и оно уже подступило к моему дувалу. И дувал мой осыпался и я подхожу к нему и встаю на глиняную суфу и гляжу через осыпающийся дувал и алебастровые дрожащие пальцы персты мои обрывают отнимают куски дряхлой сыпучей затхлой глины и я гляжу через дувал, но там стадо теснится, течет, кудрявится. Только оно молчное. Темное. Не блеющее. Только оно молчащее... Это оно Учитель?.. Я оставляю, оставляю тело, как весенняя горная гюрза-змея шелковистую жемчужную бездомную кожу кожу кожу. И её летучую развеет разнесет разворошит ветер? И стадо тесное молчит и это оно мой Учитель? Оно бьется молчно и туго о сыпучий дувал распадающийся под моими алебастровыми ломкими перстами?..

Но! но! но! но что та́к кричит хмельной ночной плодовый напоенный осел? Но что так кричит плодовый осел? Где он? Эй эй ой бош! бош! кыш! хар! тьма! уйди! брось! джоон! уйди! ты кричишь зовешь из-за чужого высокого молодого несыпкого дувала? с поля вечерних росных люцерн?..

Осел, дай мне в тиши оставить мое тело...

Я сползаю с дувала и сухие глины осыпаются на мое лицо, на глаза, на губы...

Я склоняюсь перед вами мауляна...

Я склоняюсь перед вами мауляна...

Осел бош! кыш! я гоню тебя я швыряю в тебя кусок глины, но она распадается в пыль в прах на лету...

Дувал сыплется на меня... Осел кричит... Осел кричит... Осел кричит... Плодовый...

И стадо молчное темное глухо бьется о ломкий дувал...

И будет дувал вашей жизни вашей плоти источен червем и разъят развеян ветром!..

И сыплется глина на голову мою, и сыплются лепестки вешней груши цветущей, и шелестят лепечут лопочут китайские многолиственные карагачи, и осел кричит, и стадо сметает дувал сметает свергает сметает и оно льнет ко мне, оно дышит в меня, оно ласкает меня, сносит, уносит, лижет меня многоязыкое...

Я умираю Господь мой...

Все мои дувалы пали...

Бесшумная птица вьется длится мается с перехваченным перерезанным горлом устилает мой двор-хавли белыми белыми белыми лунными атласными перламутровыми нежными перьями... Пергаментными перьями...

Да! покидаю тело... Да, переселяюсь... Да, ухожу из тленного чапана и вхожу в вечный саван...

Да!..

Но мудрец речет а река течет...

Но мудрец речет а река течет...

Но мудрец речет как река течет...

Но мудрец речет как река течет...

Шайдилла! Ай!..

...Блаженный Будда, Ты говоришь: кто отогнал от себя всякое желание, неудержимо подступающее, стремительное, кто погубил его, иссушив его — тот монах покинет оба берега, как змея оставляет свою отжившую кожу...

Блаженный Будда, Ты говоришь: кто жаждет тех радостей, жаждет полей и добра, коней и коров, слуг и близких и жен — того побеждает грех, того сокрушают несчастья, и в его сердце вольются страданья, как вода сквозь щели в челне...

Шайдилла!.

Да!

Но...

Но мудрец речет а река течет..,

Но мудрец речет как река течет...

И вот гляди — они плачут у реки?.. Иные люди... И вот гляди — они плачут у вешней вешней уходящей уходящей уходящей реки реки реки реки... А сказано: Блаженны плачущие, ибо утешатся... Да. И вот гляди — я плачу у вешней талой реки Нишапур-дарьи... Аму-дарьи блаженной, родящей...

...Господь господь я плачу плачу у реки реки реки
Господь я плачу у реки у травянистой вечерeющей реки
реки реки
Господь я плачу у пустынной у реки реки реки
у Нишапур-дарьи реки
Господь Господь уж кро́ви вялые уж кро́ви кро́ви
просятся уж просятся из вен из русл из жил
Господь уж крови как курчавые как агнцы прыщущие
из загона ветхого уж просятся из вешних вешних
ветхих ветхих вен моих
Господь Господь ужель остыл ужель остыл ужель остыл
Ужель Господь остыл остыл остыл остыл
Ужель? Остыл?
Но вьется льется хладно ханская форель слетая
с трепетной проливчатой рассыпчатой волны...

И вот гляди — я плачу у вешней талой реки... У уходящей...

...И кликну хладных ледяных форелей горных
И кликну снеговых форелей горных горных родниковых
ледниковых
И в реку опущу закатны очи
И в реку опущу закатны очи
Господь чего там... если все уж прожито...
Чего там... Да форели плещутся чрез горло...

И вот гляди — он плачет у высохшей у высохшей реки... У реки нагих донных сухих камней... У реки нагих песков... И вот гляди — он плачет у высохшей реки... И вот гляди — я плачу у пересохшей реки...

Русло тянется высохшей брошенной кожей жемчужной змеи... И вот гляди — я плачу у пересохшей реки... И вот гляди — я плачу и не хочу покидать берега... И где этот берег? И где тот? Когда река пересохла... Когда река пересохла... Когда река пересохла... Шайдилла!

Я умираю Господь мой... Я плачу у пересохшей реки...

Но. Но. Но. Но!..

Я бегу по берегу талой реки половодья... Я мальчик отрок половодья... О Господи да я босыми ногами чую чую чую как река наносит богатые донные уступчивые стелющиеся пески пески пески на отмели, на отмели, на отмели... на мой берег босых детских ног ног ног телячьих...

...Тот монах покинет оба берега...

А я не могу покинуть берег половодья... Да. Я бегу по берегу половодья... Шайдилла!.. Вот он — этот берег... Молодые ноги в молодых текучих льнущих песках песках песках песках... стрянут... тонут... вязнут... ликуют... бьются... бегут...

И!..

ЛОВЕЦ ВОЛНЫ

И!..

Я бегу по берегу половодья, я бегу вдоль волн, я бегу по отмелям сосущим живым, я вхожу в волну тугую крутую гибкую, я ловлю волну... Ловлю... Плыву в ней... Обнимаю ее... Держу руками... Плыву в ней... Держу ее...

Не уходи волна блаженная!..
Не уходи волна душистая!..
Не уходи волна текучая беглая скорая!..
Не уходи волна блаженная! Родимая! Моя...
Волна волна блаженная блаженная не уходи!..
Не уходи!.. Рассыпчатая! Сладкая!..

...Я устаю держать тебя... Я выбегаю на берег, я слежу слежу за тобой, моя волна... Я бегу бегу бегу цепкими ногами по прибрежным скользким камням я бегу бегу вровень вровень с тобой, моя волна, моя блаженная, моя уходящая.

Я бегу вровень с волной, я слежу за ней: не уходи не уходи моя волна, моя, моя, ты хранишь еще мое тело, ты моя текучая колыбель гахвара люлька, зыбка, ты теплая от тела моего еще еще еще...

Не уходи волна моя блаженная!..

Я Омар, Омар дитя, отрок еще...

...Но она уходит за изгиб реки за излучину за гору

травяных стрекоз, жуков, змей, она уходнт, а я падаю о камин и тяжело дышу...

Не уходн не уходи волна, не уходн волна блаженная...

Куда ты уходншь волна? Куда ты течешь река? Куда? Жизнь, куда уходншь река жнзнь река?..

...Я встаю, я вхожу в реку, я ложусь в иовую волну, я ловлю новую волну, я отдаю ей свое тепло, свое тело. Но она течет струится чрез руки мои... Уходнт, уходнт с белой летучей хрустальиой грнвой гребием... И оиа уходит за излучнну...

...Я ловец волны?.. Ловец волн?.. Я бегу вровень со своей волиой-шептуиьей шаловлнвой н оиа уходнт уходит уходит...

...Я сижу на камиях валунах н гляжу иа речную нзлучиину... Прнречные тураигн малые тополя н склонные ветлы тихо веют... У берега по заводи толчкамн плавают резкне острые водяиые паукн-водомеры... Много пауков... Я гляжу на ннх... Потом беру одного паука в руки н бросаю его в волны... И его уноснт... А река уходит. Течет...

...Куда ты уходншь моя блаженная волна? Я не удержал тебя. Куда ты уходишь?.. Вот!.. Уходишь... ушла...

Я ловец волны, я рыбак волны с пустой нвовой сетью-корзииой-мардушкой...

И вот глядн — оин плачут у рекн...

И вот гляди — отрок плачет у быстротекущей у жнвошумящей рекн... И вот глядн — старец плачет у пересохшей, объятой объемлемой пескамн глухнми песками реки... Но!.. Глядн — отрок вьется лнкует смакует трепещет у вешией у быстротекущей рекн... Глядн — старец взыскует Аллаха смиреи обретает восходнт у пересохшей реки... Но! куда ты уходншь блажеииая мятная мякоть зелень волны? хладиый дурмаи воды?..

Но куда ты уходишь блажеииая хладиая мякоть зелеиь волны? хладиый дурмаи воды?..

И вот гляди — Ловец волны, Ловец волн плачет у реки...

Куда ты уходишь волна блаженная? куда ты уходишь река жизнь река куда уходишь?..

Но!..

Но! ты стоишь в красном гранатовом аксамитовом платье у реки... Ты стоишь с глиняным кувшином-хумом в руке стоишь стоишь... Ты стоишь Маина в красном гранатовом аксамитовом платье?.. Ты стоишь? ты не уйдешь как волна текучая набегающая?.. Ты — берег, Маина? ты не уйдешь как волна... Шайдпллаl.. ай!..

...Отец мой, муадзин нишапурской мечети Укайл, отец мой Ибрахим-ата, отец мой, пойдите и скажите ее отцу-локайцу пастуху Учкуну-Мирзе...

Отец мой, пойдите и скажите ее отцу, что я люблю ее, что я люблю ее, что я люблю ее гранатовое платье у реки, что я люблю ее гранатовое живое платье у реки, когда цветут ранние ранние хладные хладные сырые сырые сырые рыхлые святые миндальные низкие близкие деревья!..

Ата Ибрахим, пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое тяжелое платье в дни цветущих речных ранних ранних песчаных миндалей ранних!..

...Куда ты уходишь волна блаженная?..

Куда ты уходишь Маина с глиняным хумом-кувшином, забыв наполнить его вешней ярой талой водой водой водой?..

Куда ты уходишь Маина с пустынным хумом забытым в руке, в перстах обвитых серебряными широкими языческими кольцами? Куда ты уходишь Маина Маина Маина?

Куда ты уходишь волна блаженная?..

...Ата Ибрахим, пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое тяжелое платье памирских рубинов бадахшанских лалов в дни цветущих речных ранних ранних миндалей!

Ата, пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое платье в дни цветущих миндалей!..

...Ата, муадзин, маддох, певец, а вы поете, ата, суфийскую касыду-песню?

Ата, а вы поете, закрыв глаза блаженные слезящиеся... от трахомы? от печали?..

Ата, а вы поете...

...И дева вешняя с пчелою на плече грядет грядет грядет грядет
И дева вешняя с пчелою на плече грядет грядет грядет грядет
И древо вешнее с пчелою на плече цветет цветет цветет цветет
И древо вешнее миндальное цветет
И дева со очами талыми подснежников февральских у очей
моих грядет грядет грядет
И я персты смиряю средь текучих льдов новорожденных
средь ручьев средь родников
И я уста смиряю в волнах родников
Уходит дева со смирению февральской ранней
пробуждению златой златой пчелой
Уходит дева со смиренио февральскою пчелой златопчелой
Лишь древо хладное миндальное над головой моей цветет
цветет цветет живет

Лишь древо со пчелою на пчеле у уст моих поет поет поет...

...Ата, ата, ата, пойдите и скажите всем в кишлаке, в городе, в Нишапуре, что я люблю ее гранатовое платье... а, а, а, а она уходит. А она уходит... А!..

...Мы ставили бухарскую цветастую прозрачную тонкостенную рисовую сквозящую пиалу-косу с родниковой ледяной водой в ее шелковые маргеланские одеяла... И когда начались неспокойные телесные сны и пиала расплескалась и дева разметалась и пиала расплескалась и пиала расплескалась в одеяла сохранные и стали они хладны и нарушены и измяты — тогда мы хотели взять ее в жены... Тогда мы хотели взять ее в жены... Когда пиала с родниковой юной водой расплескалась в ночных неспокойных тесных одеялах... И пришла ночь, когда девственница, когда Манна расплескала пиалу родниковых хрупких вод вод вод в ночных шумных одеялах... Тогда мы хотели взять ее в жены ибо срок пришел ибо расплескалась пиала в ночных сохранных одеялах нарушенных... Шайдилла!..

...Не уходи не уходи волна волна волна блаженная!..

...Ай Омар Омар Омар отрок не ты ль до срока расплескал ту пиалу? Не ты ль вторгся вошел в Ночь Ранних Цветущих Сырых Миндалей в ее одеяла? До срока? До срока! до срока...

...Но! пиала родниковых вод стояла стоит стояла сохранная?

Сохранная...

Не ты ль Омар вошел до срока в тайные сокровенные одеяла девы девственницы?..

Не ты ль расплескал пиалу незрелую раннюю в ночь ранних ночных миндалей Омар Омар Омар?..
...Не уходи не уходи волна блаженная!

Не уходи вода пиалы сохранная!.. Тайная!..
Не ты? Не ты? Не ты?..

Не я, Ибрахим-ата. Не я, отец. Не я. Не я. Не я. Ата, не я. Но я люблю ее и прощаю ее пиалу нарушенную. Так слепа! так темна! так сладка! так... февральская вешняя ночь цветущих сырых младых миндалей так слепа! Я прощаю ее, ата, прощаю... Ночь ранняя сладка! слепа!..

Не уходи волна блаженная!..

...Маина, Маина, я люблю тебя...
Это я приходил в ту ночь, в ночь когда расплескалась пиала!..
...Нет! нет нет, Омар! Не ты был в моих курпачах-одеялах. В гранатовых. Не ты был в гранатовых текучих одеялах...
Маина, Маина, но гляди — пиала стоит стоит сохранная напоенная тишайшая в тишайших одеялах шелестящих маргеланскими шершавыми нагими шелками!..
Гляди — она полная нетронутая стоит в одеялах!..
И вода ровная не колеблется родниковая ровная нетронутая неизмятая вода!
И одеяла не гранатовые, а цвета миндальных лепестков-цветов! Да, Маина!..
...Нет, Омар. Ты неслышно поставил иную новую пиалу...
Ты неслышно сменил одеяла...
Прощай, Омар!.. Та пиала невозвратна!..
Она расплескалась...
Омар, прощай...
...Дева девственница — бабочка клеверов луговых, бабочка падучая, летучая...
Только раз можно взять крылья легкие пахучие перстами... Только раз!..
Только раз пыльца, пыль перламутровая, тлен нежный осядет опадет на персты!
Только раз затрепещет, завьется, зальется пыльцою-

пылью святою бабочка, нсходя, моля лнясь пылясь в хладных перстах!.. Только раз!..

Только раз падет бабочка в последние маки клеверы, травы, дурманы тюльпаны юлгуны емшаны!..

Только раз оттрепещет! упадет падет! в травах (в одеялах гранатовых) летучая бабочка в перстах охотничьнх оттрепещет! упадет! падет! в травах, в одеялах, в миндалях, в юлгунах, в камышах, в тугаях, в лугах, в росах дева девственннца бабочка летучая дева девственница с роднпковыми снежнымн грудями пналами-косами, с персиковымн шершавымн зерннстымн сосцамн... бабочка с текучими пыльцами!..

...Только раз, Омар!..

...Только раз, Манна? Только раз в травах?.. Только раз в одеялах?.. Только!.. Но!..

Не уходи, не уходи, волна блаженная...
Не уходи, Маина!..

Не расплескалась пнала... Это я тайно впустил ночную ханскую резкую форель в пналу и она расплескала расколола разметала воду, эта крутая густая хрустальная вьющаяся рыба!..

Это форель расплескала воду!.. Ннкто не входил в твон одеяла, Манна!..

...Нет, Омар... Но!

...Ата, ата, пойдите и скажнте, что я люблю ее гранатовое (как те одеяла) платье на берегу цветущнх ранних сырых скорых миндалей...

Ата, кто впустнл форель в ее пиалу?.. блажен!..

Ата, а Кто впустил форель в роднккн и рекн земли?.. Аллах?..

Ата, вы перебнраете вашн душистые кизиловые четкн. У вас от ннх всегда душисто пахнут пальцы...

Ата, в небе февральском сыром летят стан перелетных птиц... Они подобны вашим четкам. Онн небесные жнвые говорливые летучие четки...

Ата, Кто впустнл форелей в родникн и рекн землн?..

Ата, Кто перебирает небесные жнвые говорлнвые четки-стаи?..

Ата, я люблю ее... я расплескал ту пиалу... Я, ата...

Нет, Омар...
Не уходн волна волна волна блаженная...

И вот глядн — онн плачут у реки...

...Не уходн волна... Не уходн Манна... Не уходнте, ата Ибрахнм, муадзин нишапурской мечетн Укайл, окружеииой сельджукамн воинамн...

Не уходнте, ата. Побудьте со мной у этого последнего дувала. Я зиаю, ата, что вы мертвы, ио я тоже сейчас умру, и Ангел Азранл уж бьет бьет бьет в барабан переселенья (иль то дойра, нагретая на костре, глухо бьется за дальними кншлачнымн дувалами?) ио побудьте со мной у последнего дувала... Но скажите, скажнте, скажнте ее отцу, Учкуну-Мирзе, что я люблю ее гранатовое платье на берегу раиннх розовых миндалей, ата, ата, ата...

Блаженный Будда, Ты говоришь: трудно освободнться тому, прилеплениому к бывшему н будущему, мечтающему о новых радостях, сладко вспомниающему прошедшне...

...И я ннкогда ие знал настоящего, а всегда броднл в диях прожитых, прошедшнх н уповал иа будущне дни иабегающне...
...И волна набегала нль уходила а ниой ие было... Да...
...Не уходи волна блаженная!..

Но я умнраю... Но я вспомниаю.. Но, ата, побудьте со миой у последиего дувала...
Ата Ибрахим, муадзии нишапурской мечети Укайл, окружеиной объятой чуждымн ниымн сельджукамн воинами, иарушителямн гиезд... народов... янц... сокровеиных, нежных, таящнх, открытых, обнажеииых... Аллах! Будьте прокляты завоеватели иных народов!.. Шайдилла!.. Ай!.. Варвары!.. Трава!.. Тля! Песок! Ковыль! Саксаул!.. Тлеи!.. Червь!.. Колючка!.. И они окружают вас, ата!.. Ярятся!.. Ата!..

АТА ИБРАХИМ

Отец! отец отец ата ата ата ата... аа ааа а! ата!

Вы поете, поете, поете, муадзии, с лазурного минарета мечети Укайл объятой хохочущими сельджуками воииами всадииками в меховых островерхих лисьих желтых шлемах... шапках-татарках... волчьих песьих малахаях...

Вы поете муадзии муадзии божья певчая горлица вы поете одии иа мииарете...

Вы поете божий певчий кеклик иад хохочущими пьяными от степиой бузы-араки, от арзы, хорзы, от айраиа, от кумыса воииами роящимися внизу виизу виизу...

Вы поете муадзии.

Вы одии поете.

Сто нишапурских минаретов молчат безмолвствуют, хотя пришло время утреиней росистой молитвы «субх»...

И пришло время молитвы, а вы ие зиали, а вы не зиали...

И пришло время еды и время сиа и вы алкали и вы зиали знали... и вы спали...

Но вы поете муадзии одии в городе молчащих минаретов. Вы поете лазурный кеклик божий, лазуриый муадзии иа лазурном минарете Укайл...

Вы поете ата ата ата: аааа Алла Алла Аллаааа... Бисмила... иии Рахмаии... иии Рахим... Хайна ханаихала... Хайиа хаианхала!..

Вы поете трепетный певчий лазуриый кеклик Аллаха...

Вы поете в мертвом городе...

Вы поете лазуриый кеклик! Ата вы поете в городе врагов! В граде иных языков, в граде ворогов... Лазуриый кеклик!..

И будете петь в народе своем как в граде иемых ворогов!..

И будете петь в ииароде своем как в граде ворогов пришельцев воиивов иноязыких иноухих!.. да!..

И будете петь в народе своем, как в городе захваченном врагами... да...

Но!..

Шайдилла! ай!.. Ай!..

Тогда красноперая стрела поднимается ленная хлесткая с земли. Восстает слепая. Змениая. Идет. Набегает...

Ата, вы поете, закрыв блаженные глаза, широко раскрыв расставив раздвииув блаженные уста.

Ата вы поете раскрыв уста, как врата побежденного града...

Тогда стрела медлеино тонко долго долго долго входит в ваш поющий рот, ата. В уста.

Блаженная стрела! Точная! упоенная!..

И кто блаженный стрелок? ловец поющих ртов в страие сомкиутых уст? Кто блаженный?

Кто послал стрелу в уста, а иные стрелы только отбивали куски индийской глазури от минарета...

И кто блаженный, кто лоснится, кто вытирает пот с узкого морщинистого лба цепкой смертной рукой? кто блаженный?..

Отец Маниы. Учкун-Мирза...

...Ата ата пойдите и скажите, что я люблю ее гранатовое платье тяжкое!..

Не ходите ата...

Но вы забыли о стреле. Но вы выжили. Горло выжило. Сохранилось. Затянулось. Превозмогло...

Но вы выжили ата ата. Но вы стали петушком с перебитым горлом. Муадзином без голоса... Немым муадзином, ата... С кривым горбатым молчащим избитым измятым горлом, ата...

...И пришла пора сельджуков (и грядет пора сельджуков).

И пришла пора немых муадзинов (и грядет пора немых муадзинов).

И пришла пора петушков мечущихся с переломанным слепым глухим кривым горлом (и грядет эта пора).

И пришла пора немых уст... пора немых... пора поющих ртов, зовущих смертную стрелу... пора кривых глухих хриплых измятых горл (пришла!).

...Тогда вы забыли ту стрелу ата?

Тогда та стрела забылась затянулась ата?

Тогда вы забыли ту стрелу в империи халифате молчащих уст уст?

Тогда вы забыли тот последний минарет? Да, ата? да?..

Но!

Но вы стали искать смаковать ту стрелу. Которая навек обожгла ужалила ваше горло, ата ата блаженный... Лазурный певчий кеклик!

Тогда вы стали искать вспоминать ту стрелу ту блаженную ту которая навек обожгла ужалила горло.

Тогда вы стали искать вспоминать таить ту стрелу и обжигать удобрять обострять горло тураиским кишащим жалящим взывающим острым вииом ата ата ата...

Тогда вы взяли в руки тот дамасский резной с лазурным орнаментом стройный кувшин-кумган, похожий иа лазурный минарет Укайл, и не расставались с ним во все оставшиеся дни вашей жизни...

Ата ата ата вы не расставались с ним и на ложе любви моей матери оя Биби-Ситоры!.. да?..

...И станут миндальные хрусткие ломкие шершавые одеяла девы девственницы гранатовыми льнущими одеялами жены!..

И станут миндальные одеяла девы гранатовыми одеялами жены... И стали ата... Но!.. Шайдилла!..

Ата! вы не расставались с кумганом плещущим одуряющим и в первых павлиньих афганских сокровенных одеялах моей тринадцатилетней матери оя Биби-Ситоры в ту ночь... в ту! в ту! в ту... ту... ту... в Ночь (мою ночь!) в Ночь Невесты!.. в ночь Плода (мою ночь) в Ночь Невесты!..

Ай!.. блаженны!.. далече!.. далече!.. далече...

Но!

Но:

...Обиженные! сирые! сонные! хмельные! вы будете искать вино забвенья и на ложе любви жен своих!.. Обиженные! сирые! хмельные! заблудшие! вы будете искать вино и на ложе первом первых жен своих! и в одеялах девственниц! и в ночь Плода! и в Ночь Невесты!.. (ай та ночь ай ай далече ай далече!..).

...Ата, это та виновная стрела?.. Ата вы не расставались с кумганом в ночь невесты и на ложе любви матери моей тихой молчной улыбчивой?

Ата вы так начали меня? так сотворили замесили меня? ата вы не выпускали кумган с туранскнм жнвым вином? вы выпускали нз рук ата?

Да?.. Нет ата?.. блаженный... вы не зналн?.. вы не знали!.. вы не знали...

Ата вы держали в устах цветок персика цветок сосок, дымчатую зернистую сливу-сосок томнтельный терпкий хладный ранний цветок сосок Бнби-Снторы моей матери?..

Ата вы не зналн... Вы держалн в устах горлышко напоенного кумгана горлышко томнтельное терпкое живое хладное?..

Ата вы не знали... Вы держалн в устах горлышко сосок...

Ата вы не знали... вы блуждали устами... вы блуждали... вы не знали... где сосок?.. где горлышко?.. где? где? где? где... где где... Хмельной блаженный вы не знали... вы блуждали... вы теряли... находнли... путали... не зналн... где сосок?.. где горлышко кумгана?.. где?.. не зналн...

Ата!.. Блаженный!.. в ночь живых рубинов роящихся струящнхся текучнх истекающих... не знали... Где сосок? где горлышко кумгана... вы не знали... Да ата! да да блаженный бражный вы не знали!.. И!..

...Блаженны сотворенные во хмелю уст и тел! да!..

А вы ата пнли из дамасского павлиньего кумгана, поверженное горло сосущее орошая ублажая... струями рубннов вннных растекающнхся...

...И будут хмельными сотворенные во хмелю! да!.. Я ата!.. Я...

Шайднлла! ай...

Ата ата вы и поныне броднте по нашему дворику-хавлн с дамасскнм павлиньим кумганом в руках... в зеленом старом бухарском чапане, без чалмы, без каушей, босой, растерянный, дальннй, ата ата вы бродите улыбчнвый по нашему дворнку-хавлн, добела дочнста подметенному моей улыбчнвой безмолвной матерью матерью матерью оя Бибн-Ситорой...

...Не уходи не уходн волна волна волна блаженная блаженная блаженная блаженная! не уходи...

Ата вы и поныне броднте с дамасским павлнньим

кумганом, похожим на тот лазурный минарет Укайл, на минарет чужой стрелы... Ата вы бродите? вы утихаете? вы клонитесь к земле? вы спите? а?..

...Ата ата ата проснитесь ата проснитесь пробудитесь ата встаньте!.. Это я, ваш сын Омар Омар, проснитесь ата!.. Встаньте ата!.. то я Омар Омар Омар... ваш сын, ата... ваш Омар... отрок с нагой бритой головой, с черными, как у вас, сизыми как хератские полнотелые полноплодные многоводные сливы глазами... с глазами полными слез... встаньте пробудитесь очнитесь ата ата ата... родной... муадзин... немой, лазурный певчий кеклик с изломанным разъятым изъятым хрипящим мелким горлом!..

Ата отец проснитесь... Ата вы забыли кумган... Ата ата вы опять забыли кумган с туранским рубиновым роящимся вином...

Ата ата вы опять опять забыли забыли кумган с туранским рубиновым жалящим слепым вином начатым тронутым едва. Едва...

Ата ата вы опять забыли забыли забыли ваш павлиний кумган с едва тронутым живым рубиновым кудрявым вином на нашей глиняной суфе, а сами уснули под вешней шмелиной пчелиной гиссарской тучной грушей веющей...

Ата вы опять опять забыли на суфе кумган полный вина... Вы пьяный пьяный ата!.. Вы дряхлый ата!.. Старый ата!..

Вы забыли кумган и уснули под цветущей грушей...

Ата груша веет...

Ата кумган стоит тяжелый рубиновый живой... Душистый. Терпкий...

Ата ата зачем зачем так так так веет груша?

Зачем вы забыли кумган? В нем вино. Оно густое. Недвижное. Тяжкое. Липкое. Сонное. Ленное ленное ленное вино...

Ата я поднимаю кумган.

Мне тринадцать лет. Ата!..

Блаженны сотворенные во хмелю...

И будут хмельными сотворенные зачатые во хмелю Жизни...

Я, ата...

Я поднимаю кувшин к губам и пью. Хмельная густая медоточивая струя... Она в моем горле, ата. Стрела лазурного минарета... Ваша стрела шевелится в моем горле ата ата ата... Я пью струю. Я пью стрелу... Ата, вино тягучее вязкое долгое... Кумган пуст ата, а вы спите...

Я ставлю пустой кумган на землю. На землю ата. Или в арык?.. В арык... Спите ата... Не просыпайтесь. Не вставайте...

Биби-Ситора подметает хавли. Она спиной ко мне стоит, но я знаю что она улыбается моя моя моя оя, моя безмолвная тихая оя, матерь...

...Спите отец. Спите ата на суфе весенней прохладной. От глин свежо вашему телу ата. Оя приносит вам длинную узкую подушку и самаркандскую курпачу-одеяло. Спите ата...

...А я иду в поле? в своем хавли? я иду в клеверах, тону падаю плыву зарываюсь забываюсь затуманиваюсь дремлю в сладких текучих шелестящих ласкающих шепчущих клеверах коровьих овечьих... Дремлю в дремотных клеверах... Шепчу в шепчущих травах...

Клеверы клеверы клеверы сладкие сладкие низкие высокие высокие высокие живые клеверы. Клеверы возьмите меня, возьмите навек меня шелковые клеверы возьмите меня навек заласкайте возьмите втяните опутайте засосите меня... Возьмите меня клеверы вешние духмяные...

Возьмите меня медуницы медвяные пряные пряные медвяные пьяные... Я плачу блаженный я плачу пьяный в высоких родимых льнущих клеверах... в медуницах блаженных блаженных... Возьмите меня... Я плыву в рисовых полуденных мягких мятных разомлевших полях мяклых в желтых ленных рисовых несозревших сырых вялых лягушках в желтых ленных рисовых несозревших сырых вялых лягушках, в комарах нежалящих сонных...

Возьмите возьмите упокойте усыпите меня полуденные струящиеся топкие ленные рисовые поля!.. Возьмите меня возьмите утопите усыпите поля поля лепетные... Я лежу в поливных опийных источающих сонных маках-текунах, я давлю пальцами их зернистые шершавые вялые головки и пью млечный незрелый лип-

кий сок-кукнар... Горький... сладкий! сладкий. Маки маки дымчатые дымчатые возьмите возьмите меня, усыпите в дурманах, в мареве, во тьме, в тлене... Маки маки высокие высокие возьмите малого малого меня!..

Но!..

...Я залезаю на цветущую густую алебастровую грушу... Брожу ноздрями в белых одуряющих цветах. Но груша не пахнет... Это розы розы розы, нишапурские жирные атласные розы розы истекают источают тлеют исходят ароматами недвижимыми непроходимыми тесными... Я лежу в розах... Но откуда в нашем убогом хавли-дворике розы?.. Нет роз. Я лежу в клеверах. Я пьяный. Шалый. Огромный. Небо струится. Я лежу в густом весеннем небе. Птицы летают. Блаженные пьяные вешние одуревшие маковые опийные птицы. Одна залетает западает тычется мне в рот. Низкая одуревшая птица...

И будет весна, когда одурманенные от цветений от излияний цветов дерев цветущих, цветошумящих, родящих вешний необъятный хмель дух, опьяненные низкие птицы слепые будут залетать в ваши рты!..

И будет весна необъятных цветородящих дерев, когда слепые опьяненные птицы будут залетать в наши рты блаженные! дышащие!..

И будет весна такая весна, но не все узнают ее!.. Одна весна.

И будет такая весна, но не все узнают ее!.. Одна весна, но не все узнают ее...

Шайдилла! но я узнал ее! Я узнал! Я сплю дремлю в небе пьяных птиц, в ветвях груши цветущей цветущей цветущей!..

Но!

Но!..

Там далеко на земле на суфе спит под цветущей грушей мой отец... Там далеко на земле моя безмолвная улыбчивая мать мать Биби-Ситора подметает наш малый дворик-хавли... Там. Далеко. На земле. Да...

...Ай! ай!.. ата я слезаю, я слезаю, я слезаю, я навек слезаю с блаженной груши...

Ата вы хмельным сотворили меня?..

Где горлышко кумгана? где сосок?

Ата вы хмельным сотворили меня...
Где где где и горлышко и сосок? где?..

Я слезаю с Груши Блаженной. Я поднимаю с земли дамасский лазурный кумган. Он пуст. На липком сонном дне шевелятся ползают роятся золотые глухие осы. Они поднимаются, отлепляются тяжкие от дна гиблого и летят на мое лицо. Они жалят мое лицо. Они жалят берут мои глаза, губы, щеки. Они висят на ресницах. Обрываются. Томятся. Их много роящихся острых золотых винных пьяных ос. Но мне весело! Сладко! Я хочу, я не отнимаю лица от кумгана. Я не выпускаю ос. И они жалят мое лицо. Долго. Пьяные осы меркнут... Пьяное лицо. Мое упоенное в осах...

...Я бросаю в арык кумган. Полный роящихся дурных липких блаженных бражных ос ос ос...

...Ата вы забыли кумган. Ата проснитесь! Ата спите! Ата ваш кумган пуст. Ата там одни осы и они не могут лететь тяжкие. Ата не проснте ваш кумган. Он пуст... Там одни уснулые осы ата! Ата спите под цветастой старой курпачей, под цветущей ярой грушей... Ата спите... Ата вы блаженная Оса уснулая. Не навек ата? Нет! нет! нет!.. Блаженная липкая золотая оса!.. Ата!.. Не засыпайте, ата. Не жальте...

А в кумгане осы вились, ронялись, смеркались, смертно сплетались, усыпали сладко... Не спите ата, не усыпайте навек!.. Глядите — улыбчивая Биби-Ситора подметает дворик-хавли. Тихо, чтоб не разбудить вас ата... Но вас уже не разбудить ата ата ата... Осы спят а мое лицо горит... Осы спят а мое лицо горит... Ата!.. Курпача цветастая самаркандская покрывающая ваше тщетное дальнее тело не колышется не вздымается не шевелится... Я вижу...

Тогда я бегу в нашу кибитку мазанку. Тогда я нахожу глиняный старый хум с прошлогодним оставшимся медом... Тогда я обмазываю последним медом стены нашей кибитки. Обмазываю стены густым сонным медом. Я жду. Я улыбаюсь. Я знаю.

...Биби-Ситора поднимает голову с длинной густой пахнущей арабским галиэ косой косой... Она улыбается... Она знает?..

Я обмазываю стены медом... И тут иалетают тучйые осы... Вьются! Лнкуют! Чуют! Прилнпают прнпадают прииикают к меду! Вбирают, сосут, маются... Стаи ос... Летят иа стеиы медовые готовые... Садятся...

...Ата просинтесь. Глядите, ата — стены медовые золотые медные медовые роятся. Глядите — кнбитка мазанка вся золотая! Живая, ата. Крылатая. А вы хотите уснуть уйти...

Но!..

Осы иные слабые малые кроткие гибли вязли мяклые покориые. Теплые.

...Омар Омар зачем ты обмазал кибитку мазаику рыхлую густым цепким гибельным томительиым вязким медом медом медом? Зачем сынок?..

Тогда я отрываю отнимаю отбираю ос ос ос от липких стен, ио их тоикие извилистые лапки и крылья сквозящие остаются на стенах тяиутся, не даются... обрываются хрупкие ломкие медлеиные...

Не даются, ата!.. да...

Но кибитка золотая... Медовая... Глядите, ата!.. Не спите. Не засыпайте. Не умирайте. Ата...

Золотая медовая кибитка охвачена объята объемлема златыми последними осами осами!.. Оиа вся шевелится живет роится. Она живая, ата. Не умирайте... Кибитка мазанка вся вся дышит живет златится смертиыми живыми живыми живыми налетевшими набежавшими пчелами осами тлями мухами...

Не умирайте ата!.. Не бросайте медовую кибитку!.. Не засыпайте! ие бросайте родную медовую кибитку ата ата ата!.. Ата...

...Омар Омар о боже сынок сынок ты поэт.

О боже зачем это в стране нашей? в страие иных? в страие избитых измятых горл? молчащих уст пьющих лишь слепое виио? таящихся ртов взятых стрелой? Сынок ты поэт!.. Кибитка медовая сынок! Она роится живая медовая. Но оиа убивает летучие живые жизни... Спасибо сынок!..

...Ата! я отрываю прилипших ос, ио налетают новые. А те, что увязли сиикли иапились — те отмирают вялые блажеиные упоенные усиулые. Но я вижу, что их лица

их пыльцевые рыльца, морды, лики улыбаются. Напоенные мертвые пчелы...

Улыбаются с мертвых стен...

Ата вы улыбаетесь? ата...

Уже мед кончается, уже глиняный хум пуст, уже живые пчелы, осы улетают, уходят, уже остаются только застрявшие навек навек в меду на стенах шевелящихся...

И благой блаженный хмельной умирает с улыбкой на устах?..

И благой блаженный хмельной умирает с улыбкой на устах?..

С улыбкой опьяненных хмельных смертных пчел?..

Да!..

И!..

Уже хум пуст, уже нечем мазать стены пчелиные утихающие. Золотые. Стылые...

Ата не бросайте медовой кибитки. Она была живая. Она роилась вешними пчелами-сборщицами. Она роилась летучими золотыми хрупкими жизнями, налетевшими из вешних садов, где вам уже не бродить мой садовник, мой ата, мой немой муадзин...

Летели летели летели дремучие золотые крылатые жизни из рощ. И увязли в меду. И увязли умолкли в меду блаженные...

И где сосок и где горлышко? где где где?

Летели блаженные летели и сомлели тленные... сомлели...

Ата ата ужель, ужели?..

Ата я плачу а цветастая курпача недвижна, а в ней ваше тело, тело тело... Ужели?

Ата уже пчелы улетели. Ата пойдемте в рощи, в сады лепетные... Ужели?..

Сынок сынок Омар Омар поэт... зачем... зачем... зачем петух в немой в глухой ночи зачем поэт в империи стрелы победной смертной В Империи Стрелы Победной Смертной?..

Сынок, скажи соседу Учкуну-Мирзе, что я прощаю ту стрелу блаженную!.. Скажи сынок... Хайна хананхала!.. Хайна хананхала!..

Прощай стрела блаженная!.. блаженная!..

Летели пчелы ярые медовые летели да сомлели тленные сомлели... Ата ужель? ужель? ужель? ужель?

Ужели?..

Не уходи волна блаженная...

Ата, ужели?..

СМЕРТЬ

Но! Ата дальний омытый мертвый побудьте со мной у последнего саманного дувала (и он уже рушится и осыпается на меня...)

Шайдилла!.. ай! ай... меня палого лижет стадо многоязыкое и ангел Азраил с бараньими текучими переливчатыми глазами стоит жует жует рукав моего шелкового чапана...

В ночь возвращающихся стад, в ночь возвращающихся стад стад...

О стада возьмите меня примите!..

И уйдете в ночь напоенных молочных тесиящихся возвращающихся стад и Пастух не отличит вас от овец темнеющих!.. и псы-волкодавы не учуют сторожевые...

Но Господь знает...

Ата побудьте со мной в исходе моем в возврате моем в ночь возвращающихся стад...

Я не говорю я не говорю как неверные Пророку: неужели неужели мы снова оживем после того, как были уже мертвыми и обратились в прах? Слишком далек возврат такой...

Нет! не говорю так... ата, побудьте со мной...

Сынок сынок сынок Омарджан Омарджан, я тут, я с тобой, я средь смертных стад, это Ангел Азраил с бараньими текучими глазами жует рукав моего моего зеленого дряхлого бухарского бекасабового чапана... Но но но сынок Омарджан, пойди скажи соседу Учкуиу-Мирзе (он мается он страждет сынок!) скажи Учкуиу-Мирзе, что я прощаю ту стрелу блаженную, что я уже тогда простил, на минарете... Пойди скажи Омар!..

Пророк сказал в исходе своем с последнего минбара:

о, мусульмане, если я ударил кого-нибудь из вас — вот спина моя, пусть и он ударит меня... Если кто-нибудь обижен мною — пусть он воздаст мнѐ обидой за обиду... Если я похитил чье-нибудь добро — пусть отнимет его у меня обратно... Не бойтесь навлечь на себя гнев мой — зло не в моей природе...

Пойди скажи Учкуну-Мирзе, что я прощаю ту стрелу блаженную...

Да, ата...
Да!..
Но!..

Ужели?..

ПЫЛЬ! ПЫЛЬ...

Учкун-Мирза! Учкун-Мирза!.. Откройте ваши глухие ворота! Откройте!.. Там мой отец лежит мертвый! Омытый на последней грушевой доске... Откройте!..

...Омытые! омытые для савана — вы только теперь стали Чистыми!

Омытые! на смертном одре — вы только стали Чистыми...

Возлежащие в пирах земных, в туях дня и ночи, при дастарханах, в утехах тела возлежащие, таящие, тратящие, жгущие свечи и во дне, а ныне лежащие лежащие лежащие на немом смертном ложе, на последней грушевой доске омываемые... омытые перед саваном...

Омытые перед саваном — вы только теперь стали Чистыми!.. да!..

Шайдилла!.. Учкун-Мирза, там мой отец ата Ибрахим лежит омытый на грушевой доске — он простил вас, он простил ту стрелу блаженную!

Учкун-Мирза, откройте ваши глухие пыльные врата сельджука!..

Учкун-Мирза блаженный!.. Откройте врата глухие беспробудные убийцы сельджука!..

Я бью кулаками о ворота, но они глухи...

Друг, друг мой — тебя уже нет, но врата твоего дома открыты...

Друг, друг мой — тебя уже нет, но врата твоего дома открыты...

Друг мой друг посмертный тебя уже нет и врата твоего дома закрыты...

Я бью обдираю обиваю кулаки о глухие пыльные ворота локайца — пастуха Учкуна-Мирзы... Друга посмертного моего отца отца отца...

Но он пасет на дальних пастбищах, на травяных одичалых лугах-джайлоо...

Но он пасет на дальних пастбищах, на травяных одичалых лугах-джайлоо...

И не знает. И не знает...

Но!..

Расцветал на дальних вешних пастбищах окот лазоревых фисташковых ягнят!..

Расцветал на дальних смертных пастбищах окот каракулевых овечьих скорых сырых слепых ягнят святых дитять!..

Расцветал краткими текучими стелющимися живыми терпкими густыми маками под ножами пастухов... под ножом пастуха Учкуна-Мирзы...

...Талые талые ай тало горлицы воспьют у родников у родников у дальних пастбищ родников!..

А! ой!..

В суфийских деревах фисташковых стоял стоял пророк
В суфийских деревах цветущих опадающих фисташковых стоял стоял возждал пророк пророк пророк
И со дерев арчи со млечных со пахучих со смолистых сотекло текло текло текло в уста разъятые в блаженные оленье божье божье живое реющих джейранов мумиё целебно мумиё
И пастбище лазоревых ягнят ягнят дитять фисташковых овечьих урожденных травяных ой уповало уповало да цвело цвело цвело
И пастбище барашков агнцев мятных слепых святых от ножей локайских узких сладких истекало молодою краткой кровью истекало истекало истекло живыми маками цвело цвело бездумное цвело цвело
И тало тало чуя чуя дико дико горлицы кричали тало тало у ручьев у маковых у ручейков
И горестно ступал по пастбищу кричащих горлиц горестный пророк
И горестно ступал неся в устах святое мумиё

И со дерев арчовых долгое целебное струилось божее святое
мумиё

Но было пастбище ягнят фисташковых лазоревых
барашковых ягнят
уже мертво

Уже мертво...

...Но! я обдираю руки, кожу, пальцы о ворота глухие, а там, на пастбищах, цветут овечьи скорые фисташки цветущие фисташки!.. Там там там окот лазоревых кратких каракулевых ягнят, там Учкун-Мирза, там он устал от ножа, там он пьет айран из кашгарской косы-пиалы, там среди убитых ягнят он не знает, не знает о своем мертвом друге Ата Ибрахиме, о стреле прощенной...

И вот вы следите, как наливаются ваши чреватые стада...

И вот вы оберегаете ощупываете нежно землистыми пальцами тучные животы ваших овец, а не знаете о ваших дочерях...

И не знаете о ваших дочерях тайно наливающихся роящихся тесящихся в павлиньих тесных изорах-шароварах, в вольных широких занданийских бухарских одеждах, в ночных жарких слепых одеялах!..

И не знаете о ваших дочерях тайно наливающихся в широких исфаханских одеждах...

И не знаете о ваших дочерях, прибывающих, как реки вешние ночные слепые тайные...

Ай! Шайдилла!.. Блаженны все человеки! И согрешившие и поесшие в тайных одеялах!..

Но! но! но! но!

Маина! ты? ты! ты...

И на пыльных глухих безмолвных забытых вратах как знак позора висит разбитый глиняный хум... С которым ты ходила на реку? в рубиновом живом платье?..

И не знаете о ваших дочерях прибывающих тайно в ночах плода в Ночах Плода Налитого в одеялах девьих!..

И не знаете о ваших дочерях прибывающих тайно как вешние реки в Ночах Песка в Ночах Воды...

Но висят разбитые кувшины-хумы на вратах ваших!..

Тогда я снимаю хум с ворот и бросаю его в рыхлую дремливую пыль кишлачной дороги.

Маина! Маина! ты! ты! ты!
И твоя голова свешивается через глухой тупой сухой дувал?..

...А в полудениом струящемся кншлаке пустынио и иемо и смертио н сонно...
Тревожно!..
А твоя голова сонио зрело молчно свешивается через сыпучий глухой дувал...
Тревожно!..
...А в полудеииом струящемся солиечиом кншлаке кишлаке пустынно н иемо и безлюдно, но кто-то глядит с дальних затанвшнхся зорких крыш...
Тревожио!..
Жарко! Сонно! Солнце, Манна! Пыль! Пить хочется! Пить — а разбнтый кувшнн-хум затонул в пыли...
Пнть — а кувшнн разбит...
Пить — а кувшии разбнт...
И глядят с дальиих таящих глнняных плоскнх крыш (иа крышах трава высохла вымерла).
И глядят с дальннх таящих глиняиых плоскнх крыш (иа крышах трава высохла вымерла).

...Бойтесь, что оскудеете душами, как крышн травамн!
Бойтесь, что души ваши станут как травы осеиние высохшие на крышах растрескавшнхся!..
Бойтесь, что душн ваши станут как потрескавшиеся крышн осениие... с травамн полегшимн...
Но!..

...Маниа, пить хочется. Пыль терпкая текучая солнечиая сонная мучнт босые ногн...
Твоя твоя голова движется мается над дувалом. Свешивается...
Маина! Манна! по древнему обычаю те слнвы, те яблоки, те грушн, те плоды сада, что свешиваются чрез дувал на дорогу на дорогу на дорогу — те плоды прннадлежат путннкам, каландарам, странникам, дервишам, масхарабозам, певцам маддохам, Манна Маина Маина...
Пыль дремучая пахучая плещется солнечиая в ногах моих босых, в глазах, в ресннцах, в губах монх моих потрескавшихся как те те те крыши глядящне...
Пить хочется пить хочется, а кувшни разбит...

Но!

Те плоды, что свешиваются над дорогой — те плоды приинадлежат путиикам... Маииа...

О напои меня дорожной ранней снзой сливой у арыка
О напои меня заблудшей сизой тучной сливой исходящей
у арыка
у арыка у арыка о Маина ой Манна...
И твоя голова смоляная сливовая свешивается чрез дувал
у ленного у мелкого у тихого арыка у арыка
О напои меня хератской тучной тучной ранней сливой
у арыка
Те плоды что свешиваются через дувалы — те плоды
принадлежат
путннкам дорог дервишам пустынь, страиинкам такыров...
О напои меня меня суфийской тучной слнвою обильной
исходящей
длинно сладко зыбко исходящей капающей у арыка
у пустынного...

И твоя слнвовая голова свешнвается чрез дувал...
И она принадлежит путникам Маииа?..
И она прннадлежит путникам Маина?..
И она прннадлежала путинкам, путиику Маииа?..
Пнть хочется а кувшни разбнтый...
Пить хочется а кувшни разбнтый...
Но!

Я отсекаю отрываю губамн заблудшую дымчатую сливу с ветви полиой пыльной!..

Я отсекаю отрываю губами заблудшую дымчатую слнву с ветви полной пыльной!..

Я улыбаюсь я ликую я лелею сливу, а босые иоги мучаются об осколки разбнтого хума-кувшниа, а я целую твон твои твон губы губы губы пью Маииа сливовые сливы сливы сливы сливы слнвы заблудшие открытые пустыниые...

Моя Манна! моя Маииа! моя Манна Маииа Маииа Манна...

И ногн мучаются о кувшин о хум о твой разбнтый...

А в зубах моих младых хрустят твои хрупкие стекляииые бусы Маниа!..

А в зубах монх младых хрустят твои спадающие рассыпающнеся стеклянные бусы Маина!..

А иоги ноги ищут мучаются о кувшин о хум о хум о твой разбнтый... И!..

Ты сходишь ты сползаешь ты струишься ты спадаешь ты с дувала пала у арыка у арыка у арыка у арыка

слипшись мы лежим припав прняв совпав совпав совпав моя моя в пыли в пыли в пыли в родимой безъязыкой в древией в теплой в ласковой в уступчнвой в пыли пыли полуденной в пыли пыли пыли пылн моя! моя! моя! моя! моя! моя! в пыли ликующей восставшей до небес н скрывшей иас от крыш от крыш от глаз от глаз чужих косых моя моя моя Маина!..

И иоги ногн мучаются радуются ищут бьются вьются о кувшни о хум о твой разбнтый!..

О иапон меня меня заблудшей ранней пыльной сладкой сизой тучной течиой слнвой Сливой у арыка!

О иапои меня заблудшей святой слнвой Слнвой у арыка...

И!

Напоила!..

Пыль пыль пыль пыль...
Пыль пыль пыль...
Пыль пыль...
Пыль!..
Моя Маина!..

ГЛИНА! ГЛИНА...

Пыль! пыль! пыль...

И!..

И первое семя падет прольется в пыль и станет пылью н будет пыль.

И первое семя падет прольется нзольется в пыль и будет пыль...

Но!

Господь, Ты говорншь: о, люди! еслн вы сомневаетесь в воскресеиии, подумайте о том, что мы создали вас из праха земного, затем из каплн семени, которое образовалось из кровяиого сгустка...

И до поры мы оставляем в утробе скрытым то, что угодно иам, а затем повелеваем изойтн оттуда иежному днтяти...

Еще недавно ты вндел землю нссушенной, но мы велели иа нее снизойтн воде, и вот земля всколыхнулась разбухает и вызывает к росту всевозможиые роскошные растенья...,

Но!..

Первое семя падет прольется совьется в пыль и будет пыль!

И будет пыль?.. И станет пылью?..

Но падет дождь, но падет вешний тучный многий ливень темный и пыль будет глиной благодатной! мятной! текучей! пахучей! родящей родящей...

И будет пыль глиной благодатной!.. Божьей глиной тающей хранящей! глиной душистой вешней Глиной Исторгающей!..

Глиной? глиной? глиной?..

И! и! и...

...Мы в пыли? мы в глине Маина? мы в нежданном налетевшем набежавшем вешнем тяжком ливне ливне ливне Маина? мы сплетенные заблудшие мы в ливне в глине Маина Маина?..

Господь Господь Гончар Гончар мы твои сосуды? мы твои кувшины?

Мы в благодатной глине мы в глине чреватой священной исходной мы в глине Маина Маина?..

И!..

...Блаженны заблудшие плывущие в вешней глине! в глиняном ливне!..

Блаженны заблудшие плывущие слепо слепо слепо в вешней глине! в глиняном ливне!..

Блаженны вымазанные в глине в глиняном ливне блаженны сверкающие в глиняном ливне как серебристые рыбы рыбы рыбы...

Блаженны плывущие в глиняном ливне как серебристые рыбы...

Господь Гончар Рыбарь мы твои сосуды? твои кувшины? твои рыбы?..

...Блаженны плывущие плывущие текущие блаженны сплетенные слепо блаженны заблудшие в глиняном ливне, а не завязшие застрявшие насмерть навек в меду пчелином в меду жизни в меду гибельном!..

Но! о Господи блаженны и те легкокрылые и те те те медовые спелые сонные ленные жизни жизни жизни... те ройные стайные божии жизни!

Но!.. О Господи мы-то в глине мы в божьем тесте мы в тесте мы в тесте извечном мы в глине дремливой

текучей зыбучей чреватой Чреватой Маина Манна Маина!..

И! сойдем? утонем? разойдемся? разбредемся? вернемся вернемся вернемся в исходные темные теплые отчие глины глины родные родимые? Вернемся в родимые глины Манна Манна Маина?..

...Нет нет нет Омар!.. Нет Омар!.. не вернемся... нет нет... не сойдем... нет не канем не канем во глины в бесследные глины во глины... Омар... не одни мы... не канем не канем во глины... Омар!..

Не одни мы!..

А изойдет дитя родимое лелеемое лепетное из чрева из пыли из ливня из глины!..

А изойдет дитя родимое!.. А выйдет а взойдет малое малое дитя дитя а выйдет Глина глины!..

Блаженны глины павшие во глины!.. Блаженны глины-семена упавшие во глины!.. блаженны живые тающие глины упавшие в вешние глины родящие!..

Блаженны Маина!.. Ай не одни мы?.. не одни мы... ой Маина!..

А изойдет из чрев дитя родимое!

А взойдет дитя родимое в лоне в лоне в твоем моя моя моя Маина!..

И!.. блаженны заблудшие грядущие плывущие в глиняном ливне ливне спутанные вымазанные в глине!..

А взойдет из глин живых дитя дитя родимое родимое родимое...

...А поднялось взялось а родилось из дальних добрых тучных глин дитя дитя родимое хранимое хранимое хранимое!..

И...

И ты стоишь стоишь стоишь ты улыбаешься ты озираешься ты улыбаешься ты остаешься от горячих глин от хлынувших проливчатых ты остаешься ты ты ты дитя родимое хранимое единое ты остаешься, Муниса одна от глин от тех тех навеки навек навек навек схлынувших!..

Муниса Муниса дитя родимое дитя Объятых вешними глинами дитя ливня Дитя Глины... Дитя Ливня...

И...

Муниса Муниса дщерь дщерь моя моя ты стоишь ты

сирота сирота с косицами чистыми смоляными в кислом молоке айраие туго туго осияиио вымытыми...

Моя Маииа! моя Маина! моя Маииа Маина Маина Маина...

Шайдилла! о Боже Боже помилуй малых сих! помилуй агнцев вешиих росооких! помилуй луговых мотыльков божиих захожих Боже! Боже! Боже!..

А ты стоишь Муииса дитя едииое с вымытыми косицами!..

А я вплетаю в твои косы стеклянииые бусы твоей усопшей в родах матери (моей! моей! ушедшей в глины навек в глины) Маины Маины...

Ты стоишь Муииса сирота дитя с вымытыми блестящими косицами... Ай дитя родимое! ай!.. родимое...

Но!

Но ты уходишь ты уходишь ты ушло ушла дитя иавек в дожде осеиием смутном утрением...

Но шел китайский караван чрез наш кишлак еще не опавших хладиых белых гладких чииар чинар чииар... но шел каравая китайский чрез наш кишлак белых белых в дожде чинар чииар чинар чииар гладких дымиых... но шел в дожде китайский прохожий караван (куда? куда? куда? куда от берега моих моих родных чинар?).

Но шел китайский караван среди утренних дымных родных родных чииар чинар чинар...

Но шел в дожде китайский раииий караван среди белых чииар, а кишлак спал в дожде осеиием спал спал спал спал в гиезде чинар в гнезде чинар...

Но шел китайский каравай и так звенели пели шептались сплетались иикли колокольчики в дожде мокрые колокольчики каравана переливались проливались серебристые серебристые серебристые лучистые... кудрявые как агицы недолгие каракулевые фисташковые...

Но так переливались серебристые мокрые глухие колокольцы верблюдов, ио так так так они пели... лепетали... уходили... звали звали звали.

Но так пели мокрые серебристые колокольцы... так пели так уходили так звали мокрые ранние звали так звали Так Звали...

Но кишлак спал, Муниса, дитя дождя, и лишь ты слыхала ты слыхала ты слыхала...

Но, дитя дождя, ты в дождь не спала ты в дождь не спала а услыхала услыхала... (вспомнила? чуяла? слыхала?).

Но кишлак спал — лишь ты слыхала...

Дитя дождя в дожде не спит, дитя дождя в дожде глаз не смыкает...

И ты ушла ушла ушла навек навек навек ушла за караваном...

И ты навек ушла за мокрыми томящимися колокольцами в дожде в дожде раннем...

И ты навек ушла за караваном колокольцев мокрых ранних ранних ранних из гнезда навек навек ушла дитя родимое единое ушла ушло выпала выпало из гнезда гнезда чинар опавших опадавших тяжко сонно сонно сонно облетающих...

И ты ушла за караваном колокольцев мокрых мокрых серебристых серебристых ранних ранних ранних...

Ты ушла дитя раннее, с косицами чистыми, с бусами вплетенными стеклянными...

Ты ушла с бусами своей усопшей в родах матери...

И ты навек ушла за караваном колокольцев мокрых ранних ранних из гнезда чинар кишлачных ранних ранних ранних...

А караванщик караванбаши китаец, монах-даос с косой играл на нефритовой флейте-нае!..

А караванбаши улыбаясь в дожде даос с косой играл на нефритовой флейте-нае!..

Иль караванбаши даос с косой играл улыбаясь на нефритовой флейте-нае?

Или даос монах провидец призрак ангел не играл на нае? иль не было дождя? иль не было чинар? иль не ступали верблюды каравана?

Но! но! но! но оставался стлался дух дух стойкий одуряющий витал витал стоял дух камфоры барусовой китайской дух прощальный в кишлачных расцветающих чинарах чинарах...

А караванбаши китаец даос с косой играл в дожде улыбаясь улыбаясь улыбаясь на нефритовой флейте-нае!

И ты ушла дитя дитя дитя за колокольцами, за наем навек навек за родимые чинары...

Блаженны уходящие за караваном ранним!..

Блаженны уходящие за караваном дальным ранним ранним многодальним многодальним!..

...И даос с косой играл в дожде улыбаясь улыбаясь играл на нефритовой флейте-нае...

Блаженны уходящие за ранние чинары... за родимые дувалы...

Блаженны уходящие за ранние чинары отчины печальной... за дувалы...

Блаженны уходящие за рубежи родимые печальные... нечующие... спящие... молчальные... сиротские... печальные... родимые... печальные...

Блаженны птицы неоглядно над дувалом летящие!..

...Муниса дитя дитя дитя родимое родимое родимое и ты навек?.. навек! навек уходишь за родимые кишлачные сиротские чинары за чинары за чинары...

Блаженны уходящие за караваном ранним ранним многодальним многодальним многодальним!.. Да!..

Ай! Шайдилла!.. В то утро мокрых серебристых певчих певчих колокольцев колокольцев, в то утро поющего в дожде даоса, в то утро опадающих родных родных чинар, в то утро пропавшей ушедшей дочери...

В То Утро Ушедшей Дочери в то! то! то! в то утро навек ушедшей дочери Учкун-Мирза шел шел по кишлаку притихшему по узким глухим змеиным улочкам, плывущим в осеннем темном смутном дожде...

В то утро Учкун-Мирза шел по кишлаку без чалмы, без каушей, босой ступал хмельной слепой ступал ступал по дождливой текущей тусклой глине глине и рвал мучил землистыми пальцами чабана свой толстый гиждуванский чапан...

В то утро Учкун-Мирза кричал стенал стонал: эй, люди! Ой люди!.. Глядите!.. Слушайте!.. Это я убил Ату Ибрахима, а он простил мне мою стрелу!.. Зачем я убил его?.. Зачем я убил свою дочь Маину, а сказал, что она умерла в родах!.. Я зарыл ее под деревом инжира в своем хавли... Я зарыл ее под деревом инжира, под деревом без листьев, под деревом сразу плодородящим, сразу дающим выгоняющим выпускающим родящим плод на ветви нагой нагой нагой... А у моей Маины а у моей Маины разве были листья? разве была весна листьев? и она была ранней нагой плодородящей ветвью

и я зарыл ее в землю, как шейх Барсисо, из-за святости зарывший в своей келье-худжре тайную жертву своей любви...

И я зарыл ее в землю, но сегодня земля осела опала потекла в дожде и она моя Маниа выглянула из земли... она вышла... моя дочь... моя Маниа...

И она опять вышла в дождь!.. в этот осенний дождь, как в тот вешний ливень ливень!..

И она опять вышла в дождь... опять вспомнила воспомнила...

Зачем я зарыл тебя с грудями полными материнского новорожденного млека молока?..

Зачем я убил тебя а ты опять вышла в ливень?

Зачем я зарыл тебя а ты опять вышла в ливень ливень?

Зачем Манна?..

В то утро прибывающего пустынного дождя ливня Учкун-Мирза воскричал на плывущих улицах кишлака: эй, люди!.. Дехкане!..

Возлюбленные! Люди!.. Ой люди!.. Зачем я злой?.. Зачем в молодости моей на нишапурском базаре я поскользнулся и упал на дынной корке и в гневе разрезал ее ножом на десять кусков?.. Зачем я злой люди?.. Зачем я не простил тебя десять раз моя Маниа?..

Зачем я зарыл тебя а ты вышла в ливень в ливень? в ливень, сносящий увлекающий дувалы глиняные глиняные?..

Зачем опять текут глины глины глины? не вешние благодатные а осенние глухие глухие глухие беспробудные глухие?..

Зачем текут глины?.. ай глины! я ложусь в густые темные текущие глины, я кусаю пью захлебываюсь в глинах, я томлюсь топлюсь плыву плыву я возношусь смиряюсь прозреваю я тону тону тону блаженно я тону я в глинах... я в твоих... с тобой... с тобой... моя Маина...

Эй люди я сам ухожу во глины, во глухие беспробудные осенние бесследные во глины в сель в оползень во глины глины глины!..

Эй люди... родные... услышьте... услышьте... кто-нибудь... хоть кто-нибудь простите... Ой простите! ой простите...

...Блаженны почившие зарывшиеся вернувшиеся в вешние благодатные чреватые родящие глины!..

Блаженны ушедшие в осенние глухие глины безысходные пустынные!..

Да!..

Да!.. И пастух уходит в душ кочующих стада...

Да!.. И пастух уходит навек в душ заблудшие стада...

А! А благой усыпает умирает в вешних живых благодатных глинах...

А!.. А злой усыпает умирает в осенних мертвых глухих немых слепых глинах глинах...

А благой умирает в животворящих глинах...

А злой умирает исходит в мертвых глинах...

Да!.. да?.. да...

Но будет тьма! но будет тьма! но будет тьма!..

И пастух уйдет уходит в душ кочующих стада стада стада... стада переходящие во тьме из ада в рай... из рая в ад...

Да! да... Душ кочующих во тьме слепых слепых настали времена!..

Да!.. времена кочующих во тьме из ада в рай... из рая в ад...

И пылят неоглядно пылят!..

Да! настали времена народов-стад кочующих во тьме из ада в рай... из рая в ад!.. Да.

Да да да... И пастухи слепцы блуждают слепо во слепых кочующих стадах стадах стадах...

Да!.. Учкуи-Мирза... Маниа... Глина-то одна!.. Одна?.. одна?..

Но!..

НО!..

Но у последней Доски Грушевой, у последней доски погребального омовенья, я Ходжа Имам Омар ибн Ибрахим скажу вам оставшиеся редкие мои склонившиеся надо мной возлюбленные друзья мои... Музаффар ал Исфазари, Кори-Мансур гончар, Абу-л Хасан аль Байхаки друг ранних хмельных медовых застолий дастарханов травяных речных моих слепых... Мухаммад аль Баг-

дадн математнк, муж дальней моей сестры Муниффы-апы...

...Муннффа-апа, сестра ты оттуда от-ту-у-да оттуда рукой машешь мие у стога осеииего зыбкого вялого сена сена сена... ты машешь? не маиишь?.. апа... ты плещешь рукамн... тебе горячо? горячо?.. апа, у тебя на ладоии горящая первая нз кнпящего хнссарского казана-котла слоеная самбуса... и ты отдаешь ее мне?.. апа, сестра, н ты отдаешь ее мне... как в детстве... ты маннշь? ты машешь?.. зовешь?.. я скоро! я скоро... я скоро, апа... еще самбуса не остынет не охладеет на тихой ладонн твоей... еще самбуса не увянет в руках твоих тонкнх сквозящих как прутья февральские ветлы... еще не остынет, родиая моя... еще не остынет кипящая самбуса... н рукн твон не успеет обжечь уязвнть... Я скоро! я скоро... я скоро... родная... апа... Но так далеки твои рукн!.. Ты машешь... ты машешь... не маиишь... ие маннշь... оттуда... оттуда... Оттуда!..

И вот уж блнзкн твон рукн...

Но у последней грушевой Доскн Погребальиого Омовенья (и его уж не услышит тело мое восковое? и душа перед инм отлетит нзбежнт?) я скажу вам склонившиеся иадо мной последине люди мои, возлюбленные мои... печальные прощальные мудрые мужи мон... Я скажу!.. Я скажу в халифате мертвых глин, в Империн Мертвых Глни!.. в нмперин Иных, в халифате сельджуков, в импернн охотннков, в нмперин всаднnков рыщущих, в имперuн Стрелы я скажу... Я скажу...

Блнзкн! блнзкн блнзки времеиа, когда праведиики не будут знать, что онн праведиикн, а грешинки — что оии грешники... Ибо не станет Бога в душах людских лютых... вольных... И не стаиет граинц, и миогие уйдут за рубежн души... И будет время стад кочующнх во тьме из ада в рай, нз рая в ад!.. И такие времеиа близки! и такие времена блнзки, как моя Доска Омовенья, как дамасскнй кувшин-кумган Ата Ибрахима с погребальиой кладбнщенской водой... вот он стонт у нзголовья моего... готовится...

...И вот глядите — только что в этом кумгане тяжело стояло плескалось живое роилось томнлось вино, а уже уже вода погребальиая... кладбищеиская... немая!.. А?..

...Но вы все говорнте, что такие времеиа блнзки, а уповаете на нное, а онн уже наступнли!.. наступилн... Онн уже наступили... а грядут еще более тяжкие... Да! Да!.. Шайдилла!

Но вот вы говорите мне: учнтель мауляиа, мы гнбнем, а вы умнраете, а вы уходите к Богу, а вы покидаете иас, хакнм, мудрец...

Но вот вы говорите мие: народ гибнет, как белый жемчужный тополь арар, изрытый, охваченный объятый шелудивыми падучимн острыми жуками-короедами, а праведнники, а мудрецы уходят к Богу... Но вот вы говорите: народ гибнет, иарод таится, в народе слепой, гнблый шаткий упоеииый червь роится, а вы уходите мауляна... Но вот вы говорите: в народе червь, а вы уходите учнтель...

Тогда я говорю вам слова пророка Исы: горе мнру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, чрез которого соблази приходнт...

Тогда я говорю вам: а таких людей миого иыне!..

Но я говорю вам: не соблазняйтесь о душе своей, ибо запятиать н потерять ее так же легко как белую летучую бухарскую чалму в хмельной попойке в многодневиом весеиием туе-иаврузе с друзьямн у реки...

И вот глядите — ваши белые нетроиутые чалмы в вииных брызгах пятнах н в глине!..

А тело Святого Умерого Распятого, уберегшего Душу и на смертном Кресте — в гвозднннных язвах жалящих!..

И вот вы говорнте: в народе червь вьется а вы уходнте Учитель.

— Да! Дух чуток н пуглив, как джейраи, и Ои покидает иароды То́поля... Народы Короеда... Но! Дух летуч н он как Птица перелетная слепо вьет гнездо в ветвях мертвого Дерева Народа и выводнт птенцов... Да, птенцы Духа, да Птенцы Мон!.. Да птенцы Мертвого Дерева!.. Горькие!.. Блажеииые!.. Да! Близко время, когда от ветра зашатаются не только ветвн, а стволы дерев, а Стволы Народов... И! Но я вижу! внжу! глядите! я воспомннаю!.. Иль сои! Иль бред предсмертиый вялый? пениый? Иль?..

Хаи Малик-шах Сельджук млад млад млад спнт спнт улыбчнв улыбчив под дикой вешней безвиииой

алычой!.. Хан Малнк-шах млад млад яр яр яр возвращался из своего гарема и усиул под днкой цветущей безвинной алычой гориой...

...Горная днкая алыча на вершнне горы вешней одииокая!
одннокая! одинокая...
Солнце светнт раннее птнчье...
Алыча цветет безвинная, течет безвинная...
Осыпается безвннно пустынно...
Белый круг живой ложнтся на землю от хрупкнх палых
лепестков безвннных тнхнх тнхнх тнхнх
Осыпается пресветлая вешняя алыча безвнnная пустынная
на вершнне горы пустынной...
О встреча вешнего божьего ветра гориого с безымянной алычой
осыпающейся кротко блаженно тихо тихо тнхо
Алыча блаженная под блаженным вешннм ветром безвннным
роняет лепесткн безвннные...
О встреча алычн н ветра,
О встреча безвнnного с безвнnной...
Блаженного с блаженной... пустынного с пустынной... тнхого
с тнхой
О ветер ветер ветер о ветер ветер
Ветер...
Алыча...
Встреча!..

А! Хаи Малик-шах Сельджук млад блажеи улыбчив отойдя от жеи утреиних жарких тугих уснул под алычой блажен блажен...

...Раис Абу Али иби Сииа, мой учитель, вы говорнте: и ие будь расточителеи в сближеиии с юными девами, ибо эта расточительность сократнт тебе жнзиь...

Да, Учитель...

Но Хан Малик-шах млад млад уснул под алычой вешией блажеи блажен блажен улыбчнв отойдя от жен тугих заревых зароастрийскнх солнечных льющнхся дремотных дремотиых дремотных медвяных медовых... Но Хан Малик-шах усиул блажеи под вешией алычой улыбчнв, воспомнная сосцы жен своих, что были как розовый терпкий густой кок-султан. Но Хан Малнк-шах уснул блажеи под вешней алычой... Но падало, струилось с безвнниого дерева цветущего на лнцо его, но падали слетали текли струилнсь летучие лепестки на лнцо его н не давалн спать ему... И будили его!.. И будили его!.. И ие давалн спать ему лепестки вешние тнхие спадая слетая иа лнцо его улыбчивое спящее... Тогда проснулся н повелел он в хаистве своем вырубнть вырезать все деревья алычи... Чтоб не цвели, чтоб не будили его!.. И повелел вырезать вырубить вырыть вынуть из

землн, погубнть все цветущне деревья чтоб чтоб чтоб не буднли ие буднлн его!.. Да!..

...И вот глядните — грядут времена, когда вырубят все цветущне деревья, чтоб не будили сонных!..
Да!..

Но вот Хан Малнк-шах стар стар стар стонт стонт у вешнего младого тополя тополя исходящего необъятным вешннм пухом пухом семян семян семян летучнх летучнх падучих... И вот Хан Малнк-шах стар стар стонт у тополя объятого слепым необозрнмым неоглядным пухом семян! И вот Хан Малнк-шах стонт стар у вешнего тополя семян...

...Где жены раннне? где алычи цветущне роняющне порубленные? Где? где? где? Расточнтель семян? И что́ что́ что́ нсходящее зудящее ушедшее схлынувшее семя твое? что́ малое семя человеков рядом с этнм тополем мечущнм необъятно? Что расточнтель семян? Что расточнтель?.. Что ты плачешь у тополя шумящего?.. Что смнряешься?.. Что ты плачешь стеиаешь? Что воспомнцаешь иевнннные алычн вешине веющне порубленные? Что что что Соииый?.. Умираешь?.. В необъятный тополнный пух семян вступаешь падаешь смнряешься смнряешься смнряешься теряешься...

И вот расточнтели семян Расточнтелн Семян, не вндящне в мире иичего кроме талых вешннх тварей, сплетающнхся в сонтьях, кроме тварей громоздящнхся, кроме двоящнхся слнпшнхся струящнхся сомечущнх — и вот вы плачете у тополя необъятного исходящего пухом семян неоглядных...
И вот расточнтелн семян слепых расхитителн плотн своей — вы плачете у тополей мечущих!.. да!..
И вот вы плачете в Импернн Мертвых Глин в Импернн Порубленных Погубленных Деревьев Алычн Цветущей!..

Но! но! но! мы! мы! мы! младые младые ярые ярые мы сиднм возлежнм у дастархана в саду в саду избыточном вешнем цветущем со друзьямн жнзнн моей!.. (Мы алычн?) Мы возлежим в саду у рекн рекн рекн

талой вешней у травяного узорчатого дастархана хоросанского обильного обильного долгого! долгого! долгого ой долгого... (Мы алычи?) Мы возлежим в саду вешнем черешен вишен яблонь урюков пчелнных пчелиных пчелнных избыточных живошумящих ой живошумящих дальне дальне дальне... И на грушевую последнюю Доску Омовенья осыпающихся печально печально прощально? хладно? Но! мы сидим мы возлежим у дастархана в саду в саду в саду пьянящем пьянящем кишащем кишащем цветами пчелами исходящем! исходящем! исходящем... Да! Сад! сад! сад...

САД! САД...

...И берут в руки ветви полные цветов! Цветошумящие!.. И берут в руки ветви полные плодов! Плодородящие!.. И берут (уж!) в рукн ветви инеем объятые декабрьским!.. И берут в руки ветви персты хладящне! Душеостанавливающне!.. И берут в руки ветви цветов!.. И берут в руки ветви плодов!.. И берут в рукн ветвн хладных снежных перстов!..

Но!..

...Но! сад сад сад разъятых кудрявых цветущих дерев дерев дерев... Ты!.. Ты сад! ты дастархан возлюбленных друзей другов родных! кровных! жарких! жадных! оголтелых пьющих как ранние пчелы! ярых! ярых! ярых... Эй, сумасшедшие! раннне! ай терпкие слепые ай-ай сумасшедшне родные горькие дальные блаженные мои! мои! мои! зачем зачем зачем я пережил вас? зачем? зачем мне это?

Но близка встреча встреча... да...

Но!.. Ты травяной узорчатый долгнй дастархан друзей расстелен у реки реки вешией лнкующей осиянной упоенной (опасной? смертной? влекущей?). Но ты дастархан расстелен на травах приречных сырых нежиых первых ты дастархан в месяце Урдбихишт, но ты дастархан уходишь долгий в цветущне деревья в Цветень май месяц сад, но мы возлежнм за кнтайскими горного хрусталя резными пиаламн-сосудами-бокалами и молодые наши алчущие пчелиные губы губы губы сосут

льиут льнут к вннам мервскнм, балхскнм, кашмирским, бухарскнм, иншапурскнм, самаркандским и иным... Но долог дастархан но долог Урдбнхншт месяц но долги внна, но краткн хрустальные кнтайские пиалы летящне бьющнеся вспыхнвающие брызгамн о приречные мокрые глухие серебристые валуны... Но ты молчалнв, но ты улыбчнв, ты танць, ты знаешь, ты ждешь, ты подиосишь свежне новые вина, ты маг, ты парс-зароастриец, ты мальчнк, отрок иежный, как приречная иачальиая трава, как мята вечереющих садов, кравчнй, вниочерпий Али-бача, ты ждешь!.. Ты зиаешь, ты ждешь и зубы наши соииые младые вялые поиикшие звенят дрожат о края хрустальных пиал...

Ты ждешь а мы засыпаем засыпаем засыпаем уже мы уснули, ушлн, увяли под деревьями цветущимн... Ты засыпаешь Низам-аль-Мульк, храиитель нмперии, вазир — мнннстр, друг, друг Духа моего, спутиик Души моей... Ты засыпаешь Хасан Саббах Исмаилнт Ассасии, покровнтель убийц стерегущнх вьющнхся ночиых гиен темных тайных, но тут ты по-детскн лепечешь что-то губамн ранннмн и блаженная сонная мерклая медленная медвяная слюна течет грядет по твоей персиковой щеке... Ты засыпаешь Музаффар аль Исфазари, ученнк мой... Ты засыпаешь Кори Маисур, гоичар, глнниик, лепящий средь мертвых глин глин глни... Ты засыпаешь засыпаешь — иет! иет! ты одни ие спншь, ие увядаешь, не уходншь в сон Абдуррахмаи-хан Блаженный, пьяница! амир! князь! лицедей! вор расхнтитель тать тля плотн своей! бражинк красавец! слепец! зороастрнец! любимец мой! родной вешний последннй! ты однн не спнщь!.. Ты чуешь? чуешь? чуешь? да, ты чуешь! знаешь! уже! уже... вот!.. Ты снднщь, ты хохочешь, ты в вольных, раздольных белых сасанндских штанах шароварах струящихся льющихся от речного ветра... Ты зовешь, ты кличешь Али-бачу с хрустальиымн пиалами, ты один средь спящих средь спящнх средь спящих...

И будете однн средь спящнх Средь Спящнх, нбо срок близок!..

И будете одни средь спящих Средь Спящих, нбо срок блнзок!..

И будете одни средь спящнх средь бражных средь слепых Средь Спящих, ибо срок близок!..

И будете как псы-волкодавы, охраияющие сониое вялое ночное земное палое стадо стадо?..

И будете как псы-волкодавы с чуткими порубленными краткими обнаженными ушами ушами?..

И будете как волкодавы с обиаженными ушами?..

И будете как пророки с обиаженными кровоточащими необъятиымн в ночи в Ночи Волков провидящими стерегущими разъятыми ушами? очами?.. душами? сердцами?..

Абуррахмаи-хан, я Омар Хайям, я ие спал, я видел, я слыхал, я знаю... Знаю! Но! Сад сад сад цветет цветет, а мы спим, а мы спали, а мы спим спим спим слепые глухие под веющими деревами духовито, духовито набегающими, а мы проснулись, а мы очнулись, а мы дремали, а мы ие спали что ли?..

А мы проснулись, а мы очнулись, а Урбихишт уж миновал, а дерева иа дастархаи опали опали опали... иа пиалы пали!.. пали полегли в хрустальные пиалы пали пали а мы спали!.. Эй Али-бача иеси хрустальные китайские пиалы! пиалы! пиалы!.. а деревья пали... А подиосим к соиным ртам к младым губам пиалы полиые цветов палых палых... А подносим пиалы цветов хладных хрустящих палых палых палых а пьем а жуем а хохочем а со сна со сна не знаем ой ие зиаем ой не зиаем... А со сиа слепые соиные пьем цветы опалые!..

А Урдбихишт уж уж уж миновал и деревья полегли опали пали пали в сонные хрустальиые пиалы...

А мы пьем пиалы цветов хладных палых вялых!

Но!

Эй Али-бача иеси эй парс эй маг неси смени смеии разбей развей о валуны хрустальиые цветущие цветущие пиалы! Эй! приеси пиалы с вииами струящимися роящимися родящими!.. Да!..

...И были погрязшие в утехах плоти, как вывалявшиеся в меду!..

И были погрязшие в утехах плоти, как вывалявшиеся в меду...

И были погрязшие в утехах плоти, в сластях телесных, в трате тел — как вывалявшиеся в меду, как навек прилипшие, приставшие к меду...

Те! те! те! пчелы на дне кумгана Ата Ибрахима... на стене кибитки медовой...

И были погрязшие в утехах плоти, в трате тел — как вымазанные в осенней глине... как сошедшие в нее...
Те! те! те! глины взявшие Учкуна-Мирзу... да...

Но!.. Но Абдуррахман-хан, ты не спал, твою пиалу не засыпали деревья, ты звал Али-бачу с пиалами пенными густыми... И я не спал, друг возлюбленный вечный мой, родной и я не спал, и я видел, и я чуял, и моя пиала не наполнилась лепестками слетающими хладно, ибо я опустошал содвигал поднимал ее... И я видел! ай!.. Вот она! вот!.. Она! она! она!.. не уходи не уходи из утухающих очей очей моих! побудь напоследок в очах уходящих побудь повей теми деревьями теми теми... Побудь напоследок повей теми деревьями теми теми у последней погребальной Доски Омовенья... Хуллай! Хуллай! византийская румская захожая плясунья! плясунья!.. телесная! Тело!..

И там, на том берегу, под теми деревами были девы юные и отроки вешние стыдливые приготовленные, как кони для погони, но не они, не они, Хуллай... И там, на том берегу были арабские багдадские девы-плясуньи в розовых лепестковых сквозящих туманах-шароварах и волосы их гибкие блестящие в танцах достигали земли, травы, и душистые их лона темнели чрез розовые одежды как косточки ходжентских абрикосов чрез розовые мякоти плодов, но не они, не они Хуллай...
Арабы вы принесли Святую Книгу и этих томящихся, темнеющих из зрелых одежд... да.
И там были отроки-бачи стыдливые, приготовленные, как кони для козлодранья, как агнцы для иудейского закланья, но не они не они, Хуллай Хуллай.. Ты! Ты византийская румская плясунья плясунья! Ты! нагая нагая в сандалиях! в византийских высоких плетеных сандалиях! Ты! Нагая в сандалиях!.. ты! Ты пляшешь, ластишься, струишься, вьешься, живешь, дышишь, вязнешь в траве... Нагая!.. Но ты ластишься к Абдуррахману-хану, к его раздольным белым сасанидским шароварам, к его бухарской высокой чалме из индийской кисеи, шитой тонким золотом... Нагая!.. А все спят, а все спали, а я не сплю, а я не спал... А все спали... Нагая. А я не спал... Нагая. А Абдуррахман-хан а Хуллай а вы сходили к реке к реке слиянья. А Абдуррахман-хан слагал на речную вешнюю жемчужную отмель сасанидские

привольные шаровары... А Хуллай а ты стояла а ты ждала ждала ждала а ты нагая нагая в сандалиях... Нагая. А Абдуррахман-хан допивал из пиалы хрустальной и разбивал и убивал ее ликующий о камень... А хохотал: а дева восходи на древо любви а восходи плясунья дева византийская в сандалиях!.. А дева восходи влезай на древо любви на мусульманское на древо тута срезанное шелковое шелковому червю восходи на древо мусульманское восходи нагая византийская в сандалиях!.. Нагая...

И восходила и влезала... И они входили в реку слиянья и в волна́х соединялись и соединялись, и омывало их, и очищало, и смывало, и смывало... А все спали... А я не спал, нагой, нагая, а вы входили в реку вешнюю слиянья...

Не уходи не уходи не уходи волна блаженная... Да!

И выходили на́ берег на отмель и лежали и лежали... И дышали. Рыбами забытыми рекою на песке дышали... И уповали упоенные. И забывали, забывали... И дышали ртами-жабрами. И забывали...

И будете как рыбы забытые рекой на брошенных брегах!..
Блаженны рыбы смертно пляшущие высо́ко в покинутых оставленных песках песках песках!..
И будете как рыбы забытые рекой на брошенных брегах...
Блаженны рыбы смертно вьющиеся пляшущие высоко в покинутых оставленных песках песках песках!..

Ты Хуллай?.. Ты пляшешь?.. Ты хохочешь? Вьешься высоко! А! Ты! ты! ты!.. Ты Абдуррахман-хан!.. Да! да... Да! Да!..

Ты стоишь у ног ее, ты падаешь у ног у ног (тугих, как отмель белых!) у стволов столпов у византийских у живых колонн телесных тополиных у стволов жемчужных ты ты Абдуррахман хохочешь, ты дрожащими перстами надеваешь на глухие девьи щиколотки золотые браслеты тяжкие мягкие дамасские облегающие отягчающие столпы телесные манящие покорные молчащие молчащие томящие томящие манящие манящие манящие.... Ты ищешь бродишь блуждаешь дрожащими перстами по стволам по тучным по томящимся, молчащим...

Лишь браслеты сверкают...

...А пророк речет: пусть женщины ие делают таких движеиий иогами, при которых обнаруживались, обиажались бы их скрытые украшения...

А ты, Хуллай, иагая, в саидалиях, в браслетах, иа столпах стволах томящих томящихся, а ты в браслетах золотых тяжких отягчающих, а ты Нагая... Нагая...

...И ие соблазияйтесь о душе своей, ибо запятиать и потерять ее так же легко, как белую летучую бухарскую чалму в хмельиом пиру-туе в миогодиевиом весеиием иаврузе с друзьями у реки шалой шалой вешией... да.

А ты Абдуррахмаи-хан сиимаешь с бритой иагой головы чалму иидийской шитой тоиким золотом кисеи и разматываешь ее, долгую, и ею, святой, сквозящей, как паутииой, обвиваешь опутываешь тучиогрудую Хуллай, ее ягодицы сиежиые ореховые холмы румские, византийские...

Но чалма чалма чалма падает падает из твоих дрожащих падучих алчущих перстов... А Нагая молчит, а зовет, а ускользает не дает, а чалма падает иа слепой немой песок... И Чалма ие обвила Нагую Визаитийскую Ииую... а легла а пала паутииой иа песок песок песок... Ай, Абдуррахман-хан, возлюбленный друг, она оиа иагая Хуллай зовет зовет манит манит тебя литыми столпами стволами жены осиянными белее отмели в реку в реку слияиья, а ты а ты (уже?! ужель? иет! иет!.. еще!..) смиряешься, а вы входите в реку, а вы соединяетесь в волнах таящихся, протекающих, а вы выходите иа отмель, а лежите с жабрами-ртами, а...

Не уходи ие уходи волиа блажеииая!..

Зачем Абдуррахмаи-хан? зачем возлюбленный, зачем блажеииый?.. Зачем ты хохочешь, зачем зачем к ногам столпам припадаешь? Зачем зачем саидалии мокрые спутаиные терпкие высокие зачем зачем саидалии распутываешь, развязываешь алчущими перезрелыми перстами? Зачем блуждаешь бродишь гневиыми перстами в глухих саидалиях, мусульмаиии? Зачем раздеваешь — да оиа ж, да она Вся! вся! Хуллай нагая... Зачем саидалии развязываешь! маешься? молкнешь? Хлопочешь у подножия нагих столпов томящихся?.. дрожишь

перстами у столпов необъятных, недрожащих, у сандалий неразвязанных... Зачем зачем зачем Абдуррахман-хан, зачем хохочешь, зачем зачем наповал в ногах Хуллай падаешь? падаешь? падаешь?.. падаешь навзничь? валишься блаженный? улыбчиво скалишься?.. Зачем умираешь?..

Ты Византия, Византия! Рум! Ты ты — Нагота в витийственных сандалиях мудрости.

Ты Византия — лишь Нагота томящаяся томящая в сандалиях витийственных мудрости в одних сандалиях! ты нагота в сандалиях... в мудрости витийственных сандалиях... да! да! да!..

И Ты заносишь Наготу в сандалиях мудрости в Страны Сокровенные в Страны Паранджи и Дувала...

И Ты проникаешь, как ришта, как червь арыков тайно в кровь входящий тайно точно точно тошно уморяющий!..

И падут Паранджи и Дувалы от твоей Наготы в сандалиях мудрости, в глухих беспробудных вязких сандалиях, как пал, как пал пал пал Абдуррахман-хан, возлюбленный мой друг, блаженный бражник!.. да?.. Ля-илляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла!.. да!

Господь помилуй Паранджи и Дувалы!.. Господь в иные рощи рощи веющие вечно вешне несужденные ему возьми возьми бражника святого Абдуррахмана... Возьми взамен меня, взамен меня, взамен неспящего покойного готовящегося к рощам тем Имама Хоросана Омара Хайяма молящегося пред Доскою Омовения молящего... Возьми его взамен меня, о Боже, в рощи освежающие на́век !.. Но!..

И были погрязшие в утехах плоти в трате тел, как вывалявшиеся в меду!.. Те мерклые уснулые пчелы!.. И были погрязшие в утехах плоти в трате тел, как сошедшие в осенние мертвые беспробудные глины...

И будете как рыбы забытые рекой на брошенных высохших берегах!..

Но!

Блаженны пчелы уснувшие усопшие увядшие в сонном меду!..

Блаженны осенние текучие темные глины, ибо и они взойдут!.. дадут!..

Блажеины рыбы смертно вьющнеся иапоследок пляшущие высоко в покинутых оставлеиных речных песках!.. Да!

Но Хуллай, иагая, я не сплю, я вижу, я вижу, вижу, как ты тщишься, маешься, поднимаешь Абдуррахмана-хаиа, роняешь, тяжкого напоенного, влечешь, тащишь! тащишь! тащишь по отмели песчаной, оставляя тяжкий ползучий густой след палого смертного тела, тела тела... Куда ты тащишь его Хуллай? ай! ай... зачем?.. Тело... Зачем ты тащишь его по отмели, зачем ты тащишь его, мертвого, к нашему дастархану? к Дастархану Живых? к дастархану светло спящих? к дастархану хрустальных китайских пиал полных палых лепестков?.. Тело...

...И когда очнетесь от долгого хмеля вашего — иекоторые будут мертвыми средь вас... И когда очнетесь от долгого хмеля жизни — некоторые будут мертвыми средь вас!.. Но вы ие заметите... Но вы ие отличите мертвых от живых... Да. Да, расхитители воры тати плоти своей!.. Ибо если человек теряет душу свою — его уже не отличить от мертвого. Да... А душа умирает прежде, быстрее тела... Вот глядите — гнездо темнеет вьется льется разносится рассыпается тянется горькое цепкое держится вязкое в ветвях в ветвях — а птицы! Птицы уж давно нет... да! Но! Но Хуллай ты оставляешь Абдуррахмана-хана у дастархана живых, ты придвигаешь его вялого к груше (я лежу рядом!) а сама бежишь бежишь к жемчужиой пустынной отмели и нагими розовыми влажными ступиями ногами в браслетах сбиваешь заметаешь засыпаешь те те те сладкие следы сплетенных тел и этот Этот густой ползучий глубокий след След Мертвого тела... да... След мертвый мертвого... Абдуррахмана-хаиа... Хуллай ты засыпаешь его последний земной след — он темный от выступившей воды — а браслеты сверкают иа ногах... След!.. след... И засыпала замела завалила и иет его... следа его...

Хмельные от тел! хмельные от тел растрачеиных! хмельиые тратящие быстрые тела свои!.. блаженные! бражиые!.. родные!..

И будет ваш след на земле — лишь след мертвого тела!..

Но!.. Но и я был и я тратил! Да... Но! но иоги ио столпы стволы колонны телесные живые в златых тес-

иых браслетах заметают засыпают этот след, и я ие сплю, я вижу Хуллай... Но девьи щедрые иагие иоги в златых браслетах идут ступают вязиут блистают осиянные по этому следу! да!..

Ходжа Абдаллах Аисари, мауляиа, учитель учитель, а вы стоите под последиими китайскими карагачами, а вы улыбаетесь под карагачами а вы говорите Учитель: что есть дервиш? Просеяииая землица, а иа иее полита водица: ии иагой ступие от иее иикакой боли, ии иа поверхиости иоги от нее иикакой пыли... Да Учитель... Я дервиш... Я землица чистая иежиая... Но тот след, ио тот след глубокий падучий, ио те те иоги иоги (ай) ступающие осияиио прощальио! ио те иоги живые лучистые слепящие ступающие по дремучему следу ио те иоги заметающие его, ио те иоги в златых тяжких браслетах режущих очи очи очи мои и ыиие! и ыиие! и ыиие ступают Учитель... да.

И!..

Тогда просыпаются, восстают от земли, отлепляются от стволов дерев хмельиыми темиыми шалыми слепыми ой святыми младыми медовыми головами живые родиые родиые родимые родимые возлюблеииые друзья други мои мои мои... Ой вот вы! я трогаю вас пергамеитиой предсмертиой рукой моей иеслышиой возлюблеииые друзья мои в шелковых веющих заидаиийских чапаиах измятых от сиа от сиа от сиа... Я трогаю вас возлюблеииые друзья мои пергамеитиой иеслышной иевесомой иевесомой дальиой дальиой еще здешией рукой — здешией, здешней — а вы уже там... ио я скоро, скоро, возлюблеииые мои мои мои... да. Тогда просыпаются восстают от вешией земли отлепляются от стволов дерев возлюблеииые друзья други мои, и зовут кличут Алибачу виночерпия с пиалами пеииыми его!.. И кличут Али-бачу с пиалами хрустальиыми его. И кличут Алибачу с его пиалами. И озираются. И ие зиают. И озираются иа Абдуррахмаиа-хаиа, темио тяжко припавшего к стволу груши, и кличут, и ие зиают...

И кличут виночерпия Али-бачу с его чекаииыми хрустальными пиалами блажеииые очиувшиеся Низам аль-Мульк, Хасаи Саббах, Музаффар аль Исфазари, Кори-Маисур — мои блажеииые восставшие восставшие...

И кличут, озираются на Абдуррахмана-хана, и хохочут, и ликуют, и не знают. И не знают. И склоняются над долгим долгим тучным тучным дастарханом дастарханом... И не знают... Шайдилла!..

Возлюбленный Абдуррахман мой что что что и ты склонился над пахучими исходящими барашками агнцами хрустящими шипящими горящими приправленными тибетскими томительными мятными травами?.. Что́ ты склонился над барашками горящими алыми алыми алыми?.. Что́ одинокие раздольные лежат на отмели пустынной что́ лежат белеют веют шаровары сасанидские как крылья лебединые лисою выеденные лисою тайной алчной?.. Что́ что́ что́ падаешь ты ликом сонным в пиалу свою и я (я знаю мой Абдуррахман! я знаю! знаю! знаю!) и я кричу шепчу молю кричу: не трогайте! Он спит! Ой не будите! Не будите!.. Пусть пусть спит... пусть спит... и лик его от пиалы не отрывайте... Ой пусть спит, ой не будите, ой не отрывайте, ой друзья мои возлюбленные други, ой оставшиеся!.. ой не отрывайте!..

Шайдилла!.. О Боже!..

Возлюбленные други не будите святого сонного Абдуррахмана-хана!.. И тихо отодвинем дастархан чтоб крики, бубны, дойры чтоб пиалы плещущие брызжущие чтоб его чтоб не будили чтоб не достигали... из глухих деревьев дальных чтоб его не достигали!..

...Омар Омар чего вы переносите дастархан под дерева дальные? Чего? Он уже ничего не слышит. Не чует. Абдуррахман-хан! Шайдилла! Он мертвый. Мерклый. У него уста сизые как осенние прутья ивовые. У него ресницы палые ивовые. У него руки ивовые. У него голова палая ивовая... Омар он не пьяный. Не сонный. Нет! Но! но...

Блажен усопший средь цветущих деревьев!..

Блажен усопший средь цветущих деревьев...

У твоих ног, у твоих столпов, у твоих браслетов блистающих, Хуллай! Хуллай...

Но!..

Нет друзья мои возлюбленные! Нет... Нет Хуллай. Я поднимаю мягкими перстами твои веки Абдуррахман. И твой глаз твой сонный глаз белесый жемчужный

блестит живой!.. как отмель? как залив? да! как залив нетронутый живой живой живой воды речной!..

Не уходи не уходи волна волна блаженная... Хмельные от тел! хмельные от тел растраченных! блаженные! бражные!.. Хмельные тратящие быстрые тела свои! (и я был и я тратил! да!) И ваше пиршество обернется поминками! И ваше пиршество обернется поминками...

И станут чалмы — саванами! И станут чалмы — саванами... И будут омывать из чаш хрустальных тела молчащие! уж не тающие!..

И будут омывать из чаш хрустальных тела молчащие... уж не тающие...

И станет ваша пиала вина немым слепым кумганом погребальным.

И станет ваша пиала вина немым слепым кумганом погребальным...

Но! О Боже! Боже! возлюбленные друзья други мои да как же я люблю вас, чую, чую, люблю, прибрежные весенние скоротечные мои... О Господи да мы же одни краткие текучие тесные дышащие тленные телесные скоротечные любящие у этой вечной мертвой реки реки реки... (а она не течет без нас!) Да мы же одни у этих осыпающихся вечных мертвых дерев дерев... (а они не цветут без нас...). Да мы же одни средь этих лепечущих сосущих пчел пчел... (а они не сосут без нас...). О Боже да мы же одни средь этих мертвых дерев, песков, камней, лепестков, пчел а ты Абдуррахман-хан уходишь к ним К НИМ, а ты оставляешь нас кратких, сиротских... И пчела — лишь пчела, и река — лишь река, и древо — только древо, и песок — лишь песок, а человек — и пчела, и река, и древо, и песок, песок — и иное... И иное... А ты уходишь к ним Абдуррахман-хан... возлюбленный мой!.. протекший!.. истекший... припавший к сонному мертвому дереву... да... И ты глуше беспробуднее дерева...

И были шумнее дойры свадебной, а стали глуше беспробуднее дерев... Но!.. Но Абдуррахман-хан, но блаженный!.. Но что не унесла тебя река река когда ты входил в нее с Хуллай, с нагой в сандалиях и она принимала тебя и волны волны не разлучали вас сплетен-

ных?.. И река блаженная и жена блаженная нежная принимали тебя и чего не ушел ты навек с волнами, а вышел на берег трезвый песчаный вязкий, а теперь лежишь ликом ярым в пиале хрустальной?..

...А недавно, а недавно, а недавно мы расстелили дастархан под деревьями цветущими, под деревьями усыпанными хмелем цветом прахом тленом цветами лепестками шмелями пчелами... А недавно, а недавно... А пришел чабан уйгур и принес в мешке-хурджине новорожденных каракулевых ягнят-агнцев сквозящих... А принес в хурджине с горных травяных джайлоо-пастбищ лепестковых фисташковых отпрянувших лазоревых начальных ягнят агнцев просящих просящих просящих... молящих молящих овечьими младенческими очами очами очами: дай! дай! дай! дай до смертного сладчайшего ножа ножа ножа дай дай дай надышаться наваляться дай уйгур уйгур побегать заблудиться задуреть намокнуть в росных в сочных садовых некошеных нетронутых травах! дай уйгур чабан пастух дай дай уйгур не тронь пока пока пока (еще немного! да?) в нетронутых во травах сада сада сада... Не тронь не тронь уйгур пастух чабан росистых вольных травяных заблудших в травах в росах в росах поздних поздних скорых агнцев! Не тронь не тронь в нетронутых травах!.. Не коси в некошеных травах!.. Пока! пока! пока!.. Пора! пора! пора... а!.. А Абдуррахман-хан ты ты хохочешь ловишь в травах в росах ягненка (ты ягненок? ты ягненок уготованный?) ты ловишь в травах в росах первоягненка... ты берешь нож нож уйгурский вольный... ты трогаешь горло новорожденное веселое горло агнца ножом неслышным добрым... ты подставляешь самаркандскую косу-пиалу под тугую малую струю струю крови крови кудрявой пылкой нежной крови... ты пьешь ты тянешь кровь ты хмелеешь ты дуреешь ты хохочешь ты хохочешь: эй друзья, эй мужи мужи мои мои сонные сонные сонные! Черпайте черпайте берите из агнцев из ягнят травяных юных восторженных пейте сосите кровь молочную и будете иметь жизнь сладкую... жизнь долгую... жизнь долгую!.. Жизнь долгую...

Да. А теперь я поднимаю твою нагую бритую гладкую тяжкую пьяную голову отнимаю от пиалы, я глажу твою голову, глажу. Да... Но. Ты пьян Абдуррахман-

хан! Ты не умер! Ты пьян!.. И ты не спишь!.. Я разбужу тебя тебя!.. Эй Али-бача, принеси пиалу нежного нишапурского вина несильного... Вина для старцев... Пей Абдуррахман!.. Я подношу пиалу с нишапурским вином к твоим устам — и они принимают! они приемлют! они приемлют! они живут, твои уста! да!.. Они внемлют чаше наклонной!. И вино уходит в твое горло ровно ровно как в песок вода прибрежная молчная уходит... Да? Но ты мертвый... Горло мертвое... Вино мертвое... Кумган опрокинут и вино уходит... Уходит... Зачем?.. Ай! Йе!.. Йе! Шайдилла! Аллах свидетель!.. Так говорят нищие святые странники-каландары, просящие милостыню... О Боже прошу Тебя: пусть он еще посидит с нами, а?.. Оставь его о Боже нетронутым в нетронутых травах!.. О Боже у меня глаза глаза овечьи молящие просящие... Пусть он посидит с нами... пока пока пока... Еще не пора о Господь мой!.. Пусть посидит... Пусть немного выпьет... Вино нишапурское утреннее несильное вино... Оно для старцев, для аксакалов... (и для мертвых?). Господь, еще так рано!.. Еще мы так молоды!.. Еще сад цветет. Еще так так рано так росно в саду нашем вешнем. Еще не все птицы проснулись в деревьях прохладных сыплющих тихие лепестки... Еще рано... Росно... Еще пора лепестков веющих, еще пора ягнят росистых тычущихся в стебли напоенные напоенных утренних трав трав трав нетронутых нескошенных... Господь не тронь, не коси, а?.. пока...

Но! Шайдилла!.. пора... Абдуррахман, у тебя ресницы студеные утренние росные налитые — я трогаю их дрожащими перстами. Я собираю я сбираю я обираю оббиваю последние слезы с твоих студеных недвижных ресниц ресниц ресниц... и они тянутся по перстам моим, тянутся тянутся спадают длинные светлые... пресветлые пресветлые пресветлые... Тогда я кричу, тогда я кричу, тогда я шепчу шепчу шепчу шепчу: он мертвый. Мертвый. Мертвый. Да... Да возлюбленные други мужи мои, други мои... Он мертвый. Весь. Насквозь. Навек. Тогда я обнимаю его голову покорную...

Тогда друзья мои берут меня за руки и отрывают от него, и он падает, падает, падает один, оставленный, на землю... А он падает один на землю, а вы влечете меня от него, от оставленного, навек прильнувшего к земле земле земле... Возлюбленные мои, други мои, оставьте

вы меня! Да оставьте, да не отрывайте от него, да дайте уснуть рядом с ним в цветущих осыпающихся деревах! да дайте лечь рядом с ним, да не хочу я не хочу я жить, когда рядом, навек полег прилег возлюбленный друг мой Абдуррахман-хан с нагой бритой покорной тяжкой головой!.. Тело... Да не хочу я жить, когда хрустальные пиалы полны палых мертвящих хрустящих лепестков цветов!.. Да оставьте меня! да не тащите, не тащите от него!.. Оставьте... Я плачу плачу я плачу я поднимаю над головой своей пиалы палых лепестков и посыпаю голову свою летучим падучим прахом тленом прахом прахом голову посыпаю посыпаю вешних дерев летучим прахом прахом прахом... Тело... Да оставьте меня, оставьте... да не тащите, да оставьте... да оставьте с ним с ним дальным дальным необъятным мертвым на́век ныне, да оставьте... Да оставьте... Тело...

Не уходи не уходи волна волна
блаженная...
Не улетай не улетай пчела пчела
склонённая...
Не отцветай, не осыпайся алыча
хранимая моленная...

Тело...

И вот — вы травили разрушали яро тратили свою плоть, чтобы явилось Смерти Жало?

Как жала пчел, которых мнут погибельно перстами одичалыми... И вот — вы травили разрушали свою плоть, чтобы явилось Жало Духа?..

И вот — вы травили избивали свою плоть, чтоб заглушить Жало Духа?..

И вот вы тратили свою плоть, чтоб Жало Смерти явилось прежде Жала Духа!.. да...

...Но в иных пробуждался Дух и алкал.

И стало тошно тошно и стало пустынно пустынно стало голо голо и в цветущих избыточных проливчатых деревах.

И стало тошно и в цветущих ярых вешних и в медовых стало тошно деревах...

Да. Стало горько и в медовых деревах...

И пробуждался Дух в хмельных хмельных слепых слепых слепых телах телах телах!

И пробуждался Дух в слепых телах!..

И зароился Духа червь в хмельных телах!.. да!..

Но!

Но прощальный, но возлюбленный друже, но возлежащий на подушках балхских, на курпачах бухарских, на исфаханских одеялах у дастархана, а ныне лежащий глухо на простой земле, Абдуррахман-хан, родимый, чтó чтó чтó мне этот Дух, когда ты мертв?.. Когда ты мертв?.. Ах тошно тошно голо голо мне в цветущих деревах...

Ах горько горько мне в медовых деревах...

Но!.. Хуллай! Хуллай!.. Нагая в спутанных витийственных развязанных сандалиях сандалиях Нагая... Ты засыпаешь тяжкий след его падучий засыпаешь нáвек нáвек нáвек... молчными бесследными бездонными победными песками... засыпаешь... Потом идешь неслышно близ Лежащего идешь царишь живешь — не дрогнешь! не склонишься! не замедлишь шаг! не упадешь у тела мертвого! нет! нет! живая осиянная далекая! нагая медленно ступаешь осиянными стволами!.. мимо мимо мимо мертвого, ступаешь мимо дастархана, мимо нас живых живых умолкших ты ступаешь ты ступаешь, ты уходишь ты уходишь навек навек в дерева цветущие отцветшие еще еще роняющие лепестки хмель тлен летучий нежный еще роняющие... А Хуллай а твои очи не роняют не роняют не роняют... И уходишь в дерева еще роняющие... И уходишь и уходишь ты ты ты Хуллай Хуллай Нагая в спутанных витийственных сандалиях! Да, нагая!.. Не роняешь... Ты уходишь ты уходишь нáвек унося столпы стволы ног налитые налитые осиянные...

Ты уходишь ты уходишь навек унося живые купола грудей и ягодиц атласных... Ты уходишь ты уходишь ты нагая ты в сандалиях византийских неразвязанных... Ты уходишь навек в дерева еще роняющие цвет еще роняющие...

Ты Византия, Византия — Нагота в витийственных сандальях Мудрости сандальях!

Ты арычным гиблым смертным червем тайным Ты риштою входишь в тело тело Азии...

О Господь Господь чего тут все мечети, паранджи, дувалы, рубежи, ограды, все мазары?.. О Господь чего тут друг возлюбленный лежащий павший?..

Ты уходишь, нагая, в сандалиях. Ты Ты уходишь уходишь уходишь, и не ма́нишь — о Господи, слава Тебе милость Твоя — что не ма́нит!

Побежал бы, пошел бы, припал, кликнул в реку — а там — лег бы рядом наве́к с ханом Абдуррахманом!.. Да уходишь, уходишь Нагая в сандальях... Да не ма́нишь... И лишь на ногах золотые браслеты блистают горят говорят полыхают! И лишь золотые браслеты блистают!.. И досель и досель у Доски Омовенья златые златые браслеты уходят горят говорят полыхают!.. Уходят у Доски Омовенья...

Не уходи не уходи волна волна блаженная блаженная блаженная... Шайдилла!.. Сад! сад!.. Да! Сад средь Глин Империи...

ФАРРАХ!

Шайдилла!.. Сад! сад! сад... в империи сонных молчных тихих глин глухих... в империи порубленной роняющей алычи Алычи... Сад сад ты у гробовой у Доски Омовенья плещешь осыпаешься стоишь лепечешь таишь таишь... Сад возлежащих друзов возлюбленных ты и у Доски Омовенья веешь веешь веешь... ты друзей возлюбленных живых живых живых хранишь! хранишь! хранишь...

Ты веешь розов розов ты душист в имперьи халифате сонных сонных мерклых глин глухих глухих глухих...

Кори-Мансур гончар как лепишь лепишь как возводишь ты ты средь мертвых глин средь Мертвых Глин... из глин отзывчивых живых живых живых?..

Низам аль-Мульк вазир хранитель империи как как ты светлый ликом светлый духом под роняющими деревами алычами спишь спишь спишь улыбчив спишь?..

Хасан Саббах ты млад ты пьешь из пенной пиалы ты нож грядущий Нож Исмаилита Нож Грядущий ты еще в душе, в крови растишь? растишь? лелеешь ли? таишь? таишь? таишь?.. Исмаилит?.. И ты виновато безнадежно на Низама аль-Мулька глядишь глядишь... Низам Низам а от тебя а от тебя идет далекий точный точный тошный тошный запах крови запах жертвы Запах Жертвы... И от твоей Империи! империи!.. А ты глядишь Хасан

Саббах, а ты таишь растишь грядущий нож Грядущий Нож, а ты провидишь убийцу, ассасина...

А ты провидишь кармата тайного ярого ярого... Да да да возлюбленные други заклятые!..

Да! заклятые!.. заклятые...

А ты уже лежишь блажен блажен Абдуррахман-хан уж близкими учуянный червя́ми муравьями...

А ты астролог Музаффар аль Исфазари светил провидец по Плеядам текучим утренним гадаешь прозреваешь: кому кому кому из этих из хмельных с иного брега из кустов песчаных хладных ив кому Ангел Азраил улыбчив сладок машет машет машет? Кого ма́нит?.. Кого призывает вслед за Абдуррахманом? кто за ним поляжет? кто поляжет?.. Ой, возлюбленные мои, ой утренние, росные, ой чего мы озираемся зябко? кто грядет? кто ляжет рядом с Абдуррахманом?.. Да пусть я!.. Я знаю, я провижу... Да пусть я... да не хочу идти за вашими за необъятными за саванами саванами...

Тогда Низам аль-Мульк (зачем? зачем? Низам? Низам? иль чуешь чуял или знал не верил не хотел но улыбался улыбался улыбался) тогда Низам аль-Мульк кличет цыганку-гадалку, кашмирскую люли-цыганку огненного ока лютого прозревающего... Тогда кличет Фаррах кашмирскую гадалку: Фаррах скажи когда полягу?.. Когда Империя издохнет изойдет? когда алычи заплещут вешние неоглядные? Когда потекут глины вешние благодатные? когда Фаррах? когда гадалка?..

Тогда Музаффар аль Исфазари Плеяды ранние текучие сырые огненные указующие оставляет оставляет и взирает на гадалку... Тогда в саду умолкшем мы внимаем Фаррах гадалке с ярым звездным оком проникающим... не уповающим, не уповающим, а знающим, а зрящим дальне, зрящим хладно оком зрящим Набегающее тайно... Тогда взираем на гадалку неоглядную, тогда взираем с тайным упованьем, упованьем в саду первоусопшего в Саду Усопшего Абдуррахмана-хана... Тогда взираем на Фаррах гадалку неоглядную, оставив пиалы хрустальные...

Тогда Фаррах кричит хрипит, тогда она вся вся дрожит исходит вьется переливается в долгих пыльных кашмирских цветастых платьях густых одеждах пахучих дремучих юбках, тогда она глядит на нас совиным бес-

крайним оком роящимся... Тогда она глядит на нас совиным желтым переполненным роящимся бескрайним оком оком оком... Оком ночи... Оком той той той ночи Той Ночи!.. Голым Оком!..

...Зачем зачем Низам зачем ты кликнул ее?.. Зачем она? Зачем?.. Когда вино еще в пиалах не иссохло?..

Тогда она кричит вопит поет хрипит лепечет сонно сонно сонно: ку́ф-Су́ф! Ку́ф-Су́ф! Куф-Суф!..Сельджук!.. Низам аль-Мульк!.. Вазир Империи!.. Ты знаешь. Ты вазир. Провидец. Ты из Туса... Твоя мать умерла в родах и отец твой обходил кормилиц с младенцем на руках... И ты знаешь чуешь цену чужого молока... чужого соска... чужой груди... чужой крови... И ты бережешь иные пригнетенные народы Империи... Ты знаешь... Но я вижу... Ты поляжешь вслед за Абдуррахманом... Гляди, Сельджук, твоя трава с усопшим рядом еще еще еще не примята!.. Ты знаешь ты поляжешь рядом... Я вижу твое тело павшее лежащее... уже не страждущее боле, уж не страждущее...

Тогда она лепечет лопочет плачет сонно сонно сонно: ку́ф-Су́ф! Ку́ф-Су́ф!.. Ку́ф-Су́ф!.. Уже цветет пылит жужуб! Уже цветет немой жужуб... уже летит пылит метет зальет прощальный тополиный пух семян китайский пух пух... Когда через Синьцзян придут придут бескрайние бездонные безглазые безгласные молчащие тающие китайцы... Ай ай ай... ай Шайдилла... Ай Хоросан... ай родина! ай малая!.. Ай Малая!..

...Ты ль хрупкое заветное невинное яйцо влекущее змею, яйцо разъятое открытое распахнутое?.. Ты ль утренний родник родник лепечущий и под копытом чуждым пришлым всадника гортанного?.. Ты ль росный новорожденный лазоревый ягненок агнец вьющийся лиющийся живущий в землистых пальцах сумрачных локайца?.. Ты ль муадзин лазурный певчий кеклик божий смертную стрелу чрез горло пропускающий навек улыбчиво прощающий прощающий?.. Ты ль ты ль цветущая безвинно Алыча на Спящих Спящих цвет ласкающий роняющая?.. Ты ль? ты ль? ты ль?.. Ты! Ты! Хоросан... Ты родина, ты малая!.. ты родина родная...

Фаррах Фаррах Фаррах святая нежная Цыганка? Гадалка?.. Провидица!.. Провидица!.. Пророчица святая дальная!.. родная!.. ай ай ай... Сова! глядящая из ночи в ночь глядящая Глядящая... Ты плачешь ты хочешь ты маешься хрипишь храпишь ты ты ты горишь в одеждах глухих густых... в кашмирских платьях юбках долгих пыльных темных ты горишь исходишь рушишься сгораешь... Тщишься. Длишься. Рвешься. Обрываешься... Ты заживо живая ты сгораешь! ты теряешься в одеждах ты худая ты костлявая Святая ты сгораешь заживо ты падаешь теряешься... Плачешь... Фаррах пророчица... Сова из Ночи в Ночь перелетающая... У тебя на губах на устах слюна пена белая хмельная выходит выступает словно палый цвет деревьев осыпающегося сада сада сада...

Фаррах ты бьешься в глухих одеждах в кашмирских, ты горишь сгораешь падаешь в глухих ты путаешься в платьях зарываешься ты забываешься горишь горишь пылаешь... Ты лепечешь ты лопочешь ты провидишь ты Пророчица слепая пенная ты ты падаешь ты плачешь в платьях в платьях в платьях плачешь... Ты плачешь... Ты знаешь... Ты видишь... Ты горишь... Ты пламень...

Не Ты ль Пророк Мухаммад сказал своему сподвижнику Абу-Хорейру: если б вы ведали то, что я ведаю — вы бы разучились смеяться и много бы плакали... Да...

Не ты ль святой имам Хасан сказал: кто читает Коран и верит в него — тот всегда будет полон страха в этом мире и часто будет плакать.

А ты Фаррах ведаешь а ты падаешь а ты плачешь в темных беспробудных платьях плачешь плачешь плачешь а ты знаешь... Знаешь! А ты плачешь бьешься вьешься исходишь уходишь умираешь воскресаешь восходишь провидишь в темных беспробудных густых глухих немых платьях... А ты провидишь в темных сонных платьях... в глухих глухих глухих оградах... в шелковых дувалах дувалах уморяющих...

И будете сгорать от пророчеств ранних ваших!..

И будете сгорать от пророчеств ваших ранних в темных глухих платьях... в глухих немых имперьях халифатах... в слепых безглазых паранджах безгласных... в тупых дувалах, рты замазывающих засыпающих... в границах смертных охраняемых адовых...

Но!
Но!
Но!
Блаженны от пророчеств ранних сгорающие уходящие ранее... Блаженны от пророчеств ранних сгорающие уходящие Срока (какого срока?) ранее... Блаженны от пророчеств ранних сгорающие уходящие а не умирающие навек в светлых саванах мазарах одеялах в Срок (какой тут срок? тут тлен! забвенье) в срок оплаканных и в срок (он тут! он рядом!) в ближний срок навек распавшихся от чёрвя необъятного!..

А ты Фаррах а ты сгораешь в темных сонных беспробудных платьях! А ты Фаррах а ты сгораешь в темных сонных беспробудных платьях платьях...
Блаже!..

Тогда Низам аль-Мульк кличет зороастрийца парса Али-бачу и повелевает, и тот приносит на чеканном медном армянском мешхедском подносе балхскую большую косу-пиалу вина удушливого густого старинного хоросанского ярого ярого ярого яростного... яро уносящего плескучего падучего текучего дурмана одуряющего умоn ряющего нáвек? нáвек?.. нáвек!

Тогда Низам аль-Мульк говорит Фаррах: выпей до дна, прижмись лицом к нагому дну косы, подними лицо ожившее из пиалы, и говори говори, смертная сова ночная, говори далее!.. Пей и говори далее! И веди и зри и веди веди веди еще не вышедшие на дорогу караваны! И веди караваны брезжущие лишь!.. лишь зарождающиеся... И веди караваны еще лежащие еще еще спящие, еще не вставшие... И веди караваны еще пустынь не знающие!.. И заблудись в стадах ягнят рождающихся завтра!.. И скажи когда когда полягу?.. Когда Империя издохнет изойдет?.. Когда когда распад паденье Халифата?.. Когда алычи заплещут вольно вешние неоглядные?.. Когда потекут пойдут глины вешние благодатные?.. Когда Фаррах? Когда Гадалка?..
И Фаррах пьет из косы льнет вспыхнувшим челом лицом к нагому дну и упивается и оживает восстает в бездонных сонных темных платьях платьях платьях... И упирается совиными очами в дно косы глядит совиными очами... И восстает хмельная яро тонко восстает

высоко в платьях оживающих... И восстает хмельная темная последняя и вот она она она опять хрипит хрипит кричит лопочет шепчет хочет хочет видит видит плачет плачет пляшет пляшет пляшет вьется тянется в взволнованных одеждах сонных сонная дурная от вина исходит стонет стонет: куф-Суф! Куф-Суф! Куф-Суф!.. Сельджук!.. Вазир благой!..

Я вижу долгий сонный скотный нож мясной, нож багдадских мясников — и ты Вазир Вазир вблизи шатра жен своих алчущих, вблизи шатра близ Нихавенда, после разговения-ифтара, встретишься с ножом Ножом Исмаилита близ шатра жен ждущих алчно, встретишься с ножом и не уйдешь, не разойдешься с хлещущим ножом...

Вазир!.. С ножом со встречным пришлым хлынувшим нежданно из руки исмаилита-батынийца — ты с ножом не разойдешься!.. И падешь!.. И не дойдешь до жен убереженных!.. И не дойдешь до ждущих зрелых жен напрасно алчно растревоженных!.. И встретишься с ножом исмаилита-батынийца из Дейлема... встретишься с возникшим вдруг ножом — и не! и не! ой не! не! не!.. не разойдешься! И взвоет по-собачьи жен шатер готовящийся... Иль по-волчьи?..

Низам Низам возлюбленный зачем зачем ее ты кликнул?.. Друг, зачем?.. Зачем... Когда вино еще в пиалах не иссохло?.. Зачем зачем зачем кричит пророчит верещит Сова когда еще не село не утихло не изникло солнце Солнце?..

И будет время...

И будет время когда совы!

полетят во дне!..

И будет время, когда будете зажигать свечи во дне, при солнце, ибо хладно и темно будет в ваших душах!.. да... И не согреетесь. И не озаритесь... И будете зажигать возводить костры в ночи во тьме в Ночи во Тьме, а сами будете таиться за камнями, в Ночи Огромной, и говорить шептать: о Боже Боже мы жгли костры в ночи огромной необъятной... помилуй нас заблудших темных слепых... Мы для других возводили костры в ночи!.. но сами прятались за камни за валуны росистые тайные... чтобы хранители ночи, чтобы стражники сарбазы Ночи рыщущие не увидели нас у костров и не послали стрелу смертную в освещенные наши лица... а мы прятались

за камни за валуны ночные, чтоб костры наши не осветили нас, не выделили из ночи... мы возводили костры безымянные для иных человеков... мы хотели уйти от судьбы своей, от стрелы своей... мы таились за камнями... Но никто не пришел к нашим сиротским пустынным кострам... они отгорели втуне и стали темной ночной невидной тленной золой... а мы хранились за камнями... А мы береглись от стрелы рыщущей разящей сладкой! сладкой!.. Но убереглись ли?.. Но убереглись ли?..

...И вот бредете в золе хладной душ ваших прячущихся... И вот бредете в золе хладной душ ваших таящихся...

Но! Блаженны сидящие явно у костров в Ночи Стрелы рыщущей необъятной!.. Блаженны у костров своих озаренные явно сидящие! не прячущие лики смирные в тайных ночных ка́мнях... Блаженны костры возжигающие... блаженны озаренные пресветлыми кострами многодальними...

А вы вы хранители ревнители стражи ночи, вы испускающие стрелы смерти, иль слава убийц вам дороже славы человеков?.. Да они же вашу Ночь озаряют, в вашей Ночи костры возводят, да они же вас озаряют, да вы же без них заблудитесь канете в ночи в Ночи падете от иных зорких совиных охотников... иль вас примут за зверя стерегущего ночного и хлесткая стрела найдет вас... иль вы звери... слепцы... хранители ночи... иль вы канете камнями осыпи в тихие долгие долгие долгие заводи заводи... пропасти... пропасти... пропасти... звери звери... Хранители Ночи...

И стрелы ночные находят ночных охотников!.. И стрелы ночные находят ночных охотников волчьих!.. Дай дай дай им о Боже! дай им найти! дай о Боже!.. Боже!.. да что́ я?.. прости меня... Боже... Но!.. Низам возлюбленный!.. Зачем зачем ты звал провидицу пророчицу, когда вино еще в пиалах не иссохло?..

Фаррах Фаррах гадалка! пей и говори далее! И веди грядущие еще еще еще слепые караваны!.. И летай средь птиц еще лежащих сиро сиро сыро сыро свернутыми в нерожденных мягких тайных яйцах!.. И блуждай блуждай и возвышайся среди стад отар ягнят ягнят

зачатых завтра! завтра! завтра... И скажи скажи когда когда когда полягу? Когда Империя моя моя издохнет изойдет? Когда распад когда погибель Халифата?.. Когда Алычи заплещут вольно вешне неоглядные?.. Когда потекут пойдут глины вешние духмяные благодатные чреватые крылатые?.. Когда Фаррах?.. Когда?.. Когда гадалка?.. А!..

О Боже Боже скоро ль? скоро ль? я ль сойду со грушевой доски последней скоро ль я сойду с Доски в стада в стада в стада грядущие невинные пылящие молящие закатные печально принимающие тихую овцу печально сонно сонно нáвек нáвек нáвек расступающиеся... молчащие молчащие молчащие без пастыря без пастыря без пастыря... Ты ль бродишь средь живых загробный Ангел Азраил загробный пастырь? Ты ль Чабан Усопших их стада немые тихо тайно оставляешь оставляешь оставляешь... и в живых земных во скорых обреченных бродишь бродишь бродишь... знаешь... назначаешь... назначаешь... улыбаешься... и чуют чуют стражи стражи волкодавы волкодавы... и скалятся и скалятся, но знают знают знают Чуя чуя чуя Чабана Непреходящего... и не лают и не лают и не лают... Но!.. Когда Фаррах? Когда Пророчица? Когда когда гадалка?..

...Тогда она встает вьется кричит плачет в кашмирских тучных дремучих пахучих платьях платьях платьях!.. Тогда она лопочет лепечет виясь виясь томясь томясь томясь творясь творясь умирая усыпая вымирая в сонных бездонных платьях платьях молчащих...

Ты уморяешь умерщвляешь ее блаженный друг возлюбленный друг дуст брат Низам аль-Мульк мой мой, ты выедаешь вызываешь выпиваешь ее из глухих одежд ее охранных, как заветный сладкий сырой млечный молочный текучий орех из кожуры хранящей неокрепшей мягкой... И она бьется живет роится напоследок?.. накануне?.. да! я знаю вижу чую (Азраил ты рядом? назначаешь?) а она пророчица провидица не знает... не видит... не чует смерть свою... а я (зачем о Боже?) знаю знаю знаю...

...И будете пророчествовать о народах и странах и не знать исхода своего!..

И будете пророчествовать о народах и странах и не знать малого исхода своего!.. да!.. Малого... И что́ что́ что́ смерть пророка рядом с пророчествами его?.. да?.. И пророчества в империи просты: Кровь да кровь... кровь да кровь впереди... впереди... позади... позади... Кровь да кровь!.. впереди! впереди!.. И что́ смерть пророка рядом с пророчествами его?.. да?.. Но! но я знаю знаю знаю и оттого точат плывут очи безутешные мои... И что́ все пророчества Фаррах плясуньи святой родной рядом со смертью ее близкой слепой жаркой жадной?.. Что? что все пророчества?.. И я знаю и я вижу и мои очи плывут точат точат точат и она видит очи мои и улыбается мне и улыбается мне мне мне и я поворачиваю лицо с очами безутешными печальными плывущими точащими к стволу груши отцветающей, но она улыбается мне из одежд взволнованных... Но она улыбается...

И!.. Шайдилла!.. она путается обрывается она кончается она шепчет бредит бродит в стадах грядущих смертным здешним пастырем...

Азраил ты отступаешь? уступаешь? улыбаешься выжидаешь?..

Шайдилла!.. Она срывается срывается... в стадах грядущих блуждает, теряется, поет кричит взывает стонет мается...

...Вазир! Вазир!.. Низам аль-Мульк!.. Твоя Империя... твоя... Твой Халифат неправедный!.. неправедный... Вот!.. вот.:. я трогаю их... вижу... всех!.. я глажу их загробными перстами... персты роняю... Да! да!.. Я вижу сонмы шевелящихся последних ой невинно ой невинно убиенных зябких скорых душ... Да! да!.. Я вижу сонмы... горы... хо́лмы свежих невиновных безымянных мла́дых мла́дых хладных хладных тел тел тел... они лежат словно оббитые зеленые чреватые неполные плоды в саду оббитом брошенном саду в Саду Заброшенном оббитом градом тлею татью червем... в Саду Империи... в просторах Халифата... да!.. я глажу их печальными молчальными бескрайними перстами плакальщицы глажу материнскими перстами... всех их глажу... всех их мертвых ублажаю утешаю провожаю материнскими перстами... я гряду гряду гряду в телах усопших неоглядных я ступаю провожаю я одна одна одна средь них живая... я одна средь них и матерь и жена и дщерь сестра и

плакальщица... плакальщица плакальщица плакальщица... и шепчет Азраил устами сизыми считает иеоглядные лежащие стада стада стада отары и считает и сбивается и меркнет и уходит и уходит и уходит ие! ие! не! сосчнтавши... и уходит не не ие сосчитавши а я знаю...

Да!.. И будет весна избитых зеленых иезрелых неполных лнстьев и плодов и не будет осеии иапоеиных благодатных спадающих ленных златотелых божьих урожаев... И сыны ие будут знать могил своих ранних отцов и имен дедов своих! Да!.. И властители будут одной кровью покрывать глушить забивать другую раннюю кровь... малую — большой... малую — большой... И не прорастет? И не прорастет?.. И ие взовет? И не поднимется? и не! ие! не! ие прорастет?.. Но ие покроют... но не заглушат... и прорастет... И прорастет!.. И кровь невиииых прорастет... и возопит... и позовет...

Но!.. И будете пахать и сеять на святых родных мазарах-кладбнщах развалннах... И мечеть оскудеет опустеет и будут шуметь прибывать ярые базары жнвота и слюны полны полны пыльны пыльны, а храмы заброшены и пусты и там будет плесень одичалая сырая и гнезда липкнх летучих мышей и ворои гадящих... да.

Да! да! да! Низам аль-Мульк, Вазир Имперьн Страж горящих дымящихся дальных тревожных рубежей, сторожевой святой пес Халифата Халнфата Халнфата бессонная скользкая озверелая неоглядная иеобъятная чуящая ноздря Халифата, око Имперьи иедремаииое... Да!.. И! и твоя мать умерла в родах... и отец твой ходил по балхским кормилицам с младенцем иа руках... и ты знаешь цену чужого доброго открытого молока и ты знаешь цену чужого открытого доброго соска... и ты до крови сосал брал теребил сосцы чужнх матерей и засыпал упоенный у чужих грудей и ты засыпал упоенный у чужнх сосков и во сне ие отпускал их... И ты зиаешь цену чужнх открытых иевинных сосков и ты охранял прнгнетенные малые поверженные безвинные народы разъятые разрушеиные разворошениые! да!.. И ты засыпал младенец у чужих сливовых виноградных сосков, а теперь твой Халифат твоя Имперья — Усыпальннца Народов Младенцев!.. да!.. И они спят у чуждых сосков Имперьи и они спят вялые и они ие проснутся?..

И они не проснутся?..

Но!

Но будут страждущие мучимые бессонницей среди спящих народов!..

Но будут будут (будут!) страдающие бессонницей средь спящих народов!..

Блажеины мучимые бессонницей средь спящих народов! да! они видят, оии знают... Да!..

Гляди, Вазир, твой Халифат — без границ, без концов, твоя Имперья — без берегов, дальиая пыльная бескоиечная, а люди — без родного берега, а они маются тычутся соиные о чужие соски!.. и не знают слепые малые!.. Гляди — Имперья безбрежная неохватная бескрайняя, Имперья Халифат — без берегов, а человеки блуждают сонные слепые рыщут страждут маются о бреге! о бреге отцов дедов! о сосках исконных исходных кровной матери матери матери!.. да!.. А ты младенец а ты сосал балхских кормилиц благодатных а ты искал матерь кровиую а ты искал берег а ты искал берег?.. А ты искал Берег!.. Так и народы младенцы твоего Халифата! Так и народы твоей кормилицы твоей Имперьи! да! да да да!.. Да. Вазир! Да... Да. Спящие ищут — и не находят... Но блаженны мучимые бессонницей средь спящих иародов. Они знают...

...Ты держащий храиящий лелеющий в очах сливовых слезы слезы росы росы хрустали блескучие текучие падучие слезы обо мне, ты отвериувшийся к стволу садовой отцветающей груши ты Имам ты Поэт Омар Хайям ты не спишь! ты мучим бессоиницей средь спящих! Ты — поэт — и ты ие спишь!.. да!..

Но грядут времена, когда бодрствующий прикроет очи хранящие слезы (о земле своей о иароде своем о языке своем о бреге отцов своих) и предстанет спящим, чтоб ие быть убитым забытым зарытым без имени! без мазара! без могилы!.. да!..

Но грядут времена когда бодрствующий притворится спящим! но грядут времена Спящих у чужих ненавистных сосков!.. времена Спящих у Чужих беспробудных беспутных Сосков, и они близки, эти времена... И они уже наступили!.. да!..

...И вы со страхом говорите о таких временах грядущих, а а они уже пришли... да!

И вы со страхом говорите о таких временах а они уже наступили а вы младенцы а вы народы младенцы а вы уже не младенцы а вы спите а вы не знаете слепцы слепцы слепцы!..

Но ты поэт ты знаешь ты имам Омар Хайям!.. Ты не держи ты осуши слезы в очах!.. Иль нет!.. Иль плачь плачь плачь блажен обо мне... мне скоро скоро... мне мало мало осталось... я-то знаю... (Азраил рядом хладный!) я-то знаю... плачь плачь один единый обо мне поэт плачь обо мне плачь мучимый бессонницей средь спящих замертво народов средь народов сонных!.. И будут плакать о плакальщицах! и будут о пророчицах пророчествовать!.. И будут плакать о плакальщицах-пророчицах и нет иных в империях сонных сонных сонных!.. Плачь плачь поэт умученный бессонницей среди народов сонных сонных! И смерть имам имам имам поэт поэт и смерть не уведет не избавит тебя смерть от этой божией бессонницы бессонницы бессонницы!.. И смерть не избавит! да! да!.. не уповай на смерть поэт бессонный!

Да!

Да Фаррах Фаррах гадалка святая люли цыганка пророчица лепетная пьяная бредовая, да! я не сплю средь спящей средь Империи Халифата... я и на последней грушевой Доске Омовенья не усну не оглохну не сойду в глиняную затхлую удушливую тьму мазара... да! я не сплю средь спящих спящих спящих среди Халифата спящего... средь Халифата Спящих Спящих...

Да! да Фаррах все мне в Ночи Империи чудятся мнятся слышатся слышатся доносятся глухие крики... голоса... и шепоты... и стоны... и стоны!.. стоны!.. стоны смертные в Ночи Империи... вскрики!.. всхлипы!.. голоса... рыданья душные за темными дувалами... оградами... за паранджами рубежами... за стена́ми за стена́ми за стена́ми... все мне слышатся стенанья за стенàми за стена́ми за стена́ми... Все мне Фаррах Фаррах и со Доски Омовенья последней слышатся чудятся (не чудятся! нет! нет! Империя... Ночь... стенает!) все чудятся... все чудится... ночные тайные копыта раздирают разбивают лунную нетронутую сокровенную заповедную азиатскую пахучую затихшую пыль... все уносят кони кого-то... все уносят... все уносят... все все вынимают птенцов из гнезд

божьих окропленных звездною предутренней росою... все все вынимают сонных беспомощных прилипших жемчужной невинной слюною к подушкам бархатным бухарским долгим... все выдирают из теплых невинных одеял растревоженных... все отлепляют от жен сонных от детей пробужденных... все перерезают ножами слюну невинную жемчужную сонную... все увозят уносят уводят... все кто-то плачет плачет плачет Фаррах... все кто-то стонет... стонет стонет... плачет плачет покорно тихо... покорно... все кто-то в Ночи Имперыи во тьме Халифата тайно тайно тихо тихо стонет стонет стонет...

Да, Фаррах, все кто-то плачет плачет... стонет... Империя многоязыкая ночь Ночь Безбрежная... многоязыкая а только шепоты доносятся... доносятся... Империя... Ночь... Нощь... И все куда-то скачут кони тайные ночные темные все скачут скачут кони кони безысходные... походные... все скачут кони погони скачут ярые... скачут... скалятся... все скачут в Ночь Ножа Ночного упоенного бездонного бездонного... Империя — Ночь слепа слепа лишь нож лишь нож и зряч и точен!.. Ой Фаррах и с Доски Омовенья последней предсмертной я слышу слышу слышу... я не усну... Я и оттуда отту-у-да услышу учую задрожу забьюсь... я и оттуда, за Доскою, буду слышать нагими обрезанными сторожевыми ушами... да Фаррах Фаррах давно давно давно умершая ушедшая усопшая... ты слышишь? да?.. А ты не спишь а ты слышишь?..

Да!.. Империя — ночь густая слепая многоязыкая безъязыкая... Нощь густая слепая... лишь нож тугой тугой ночной ночной лишь Нож зряч светел точен точен точен... Да!.. Империя-Ночь... лишь нож один слепящ! один манящ! один разящ! Да!.. И!.. Фаррах Фаррах мне мне мне неловко и на Доске... все я тянусь из савана и все неловко мне... неудобно несносно недужно невольно мне... все не спится не спится не спится... все кто-то... кто-то... кто-то... плачет плачет плачет в ночи... И тут пророчества в империи просты — кровь да плач, кровь да плач впереди впереди... И тут пророчества просты — кровь да плач впереди...

Фаррах... родная... дальная сгинувшая... все смертно слезно слезно тоскливо тошно тошно тошно мне Фаррах Фаррах... Фаррах Фаррах все кто-то (кто? родимый?

ближний? дальний? всякий!..) кто-то плачет в ночи... Кто-то плачет в Ночи Имперьи... И!.. Фаррах! все не живется мне... не спится... не живется и не умирается... да да... не умирается... все кто-то плачет плачет... не уходит... не оставляет... не оставляет... плачет... ай... Шайдилла!.. Чего не умирается?.. А!.. А Фаррах но ты путаешься захлебываешься заходишься но ты но ты кончаешься изникаешь хлопочешь отходишь в темных глухих кашмирских одеждах... платьях... юбках дремучих ты захлебываешься пеной пеной на устах кричащих дрожащих роняющих!.. Но шепчешь исходишь но шепчешь: гляди Вазир гляди блаженный уготованный смерти... уготованный ножу агнец ягненок мудрец хранитель чуждых рубежей границ... гляди Низам аль-Мульк!.. Гляди!.. Над твоим Халифатом над твоей Имперьей и птицы не летят... облетают обходят сходят с вековых небесных путей путей... обходят твои небеса разящие... косятся боятся слепых пьяных стрел стрел стрел... Над твоей империей и птицы не летят а что что что человеки?.. И на небе царит парит стрела а на земле рыщет свищет нож... да. Над твоей империей и птицы не летят... ни журавли ни гуси ни утки ни белые белые стерхи а только только грядут идут черные высшие глухие сибирские аисты аисты аисты!.. А только черные сибирские аисты далеко высоко проходят молчные а стрела не доходит до них а стрела смертная тянется вянет в небе а стрела не берет тугое глухое тесное перо их... да... и она вянет и она тычется о перо и она упадает спадает напрасная тщетная злая слепая слепая слепая... обратная пустая... Гляди Вазир — ты умрешь когда когда черное высокое летучее падучее дремучее перо сибирского аиста упадет на твою голову!.. да! гляди!

И будете глядеть в небеса и ждать смерти. И придут времена когда черные перья падут посыпятся на головы властителей хранителей собирателей твоей твоей Империи... да!.. И тогда птицы вернутся на тысячелетние пути свои, а народы на пути отцов и дедов своих... И стрела не будет рыскать в небе а нож на земле искать... да. Гляди Вазир — и ты умрешь когда черное неслышное ночное перо сибирского аиста падет опустится на твою голову и не почуешь его и не стряхнешь его и не узнаешь его прежде смерти своей и тут же встретишься с погибельным хлещущим ножом исмаилита-батынийца

из Дейлема и падешь и не дойдешь до шатра жен зрелых алчущих напрасно растревоженных...

И не дойдешь до жен шатра завывшего по-волчьи!..

Все! все!.. Гляди Вазир... Гляди... Твоя Имперья в Черных Перьях... Вся несметная Несметная в несметных черных предмогильных перьях перьях перьях...

Да... Твоя Имперья в Черных Перьях... в замогильных перьях перьях перьях!..

Все Вазир!.. я ухожу... я слепну от пророчеств... слепну слепну слепну... Я не вижу боле...

Ой властитель отпусти меня люли кашмирскую цыганку отпусти пусти меня на волю...

Я слепа темна устала я смеркаюсь я не вижу боле боле боле... Отпусти меня на волю... очам больно... больно...

Тогда тогда тогда Низам аль-Мульк (зачем ты, возлюбленный друг мой? зачем?) бросаешь к ногам Фаррах три золотых глухих динара, и они падают неслышно на садовую тихую траву, и Фаррах не глядит на них, но потом она взвивается восходит бьется тщится вновь в темных одеждах своих... потом она плачет, кричит, стонет: Вазир! Агнец! Мудрец! зачем ты бросил мне эти нищие золотые монеты? зачем золото? и кто покупал пророков? зачем Низам аль-Мульк? зачем? зачем я не гадалка а пророчица? зачем твои золотые динары?.. ай зачем так жалишь? зачем так насмерть жалишь?.. ай! ай! зачем властитель? зачем родной мой... скорый?.. Обреченный?.. Скоро!..

Тогда Хасан Саббах!.. Ты пьешь из пенной пиалы, ты нож, грядущий нож Исмаилита Ассасина нож грядущий нож в душе в крови растишь растишь таишь таишь еще таишь еще таишь? — нет нет! уж не таишь!.. Уж не таишь!.. Ты вынимаешь, как зудящую саднящую занозу, нож из страждущей из жаждущей крови из жаждущей души!.. Ты нож уж не таишь!..

Тогда Хасан Саббах Али-баче кричит кричит кричит... шипит змеей томясь шипит: неси!.. Али-бача!.. Неси! Скорей! пока пока пока она горит... неси... скорей! на медном на чеканном на армянском на мешхедском ледяном подносе... ой скорей скорей неси!.. неси! неси! пока она горит!.. Пока она горит!.. неси! Али-бача скорей неси!.. на ледяном подносе! да! да! да! пока она горит! горит! горит!.. Неси!..

...И ты несешь, и ты несешь зороастриец покорный шальной дикий тающий Али-бача, и ты несешь несешь несешь на мешхедском чеканном подносе, ты несешь Али-бача, ты несешь не мервское балхское дурманящее вино в китайском хрустальном переливчатом кубке — пиале!.. Ты несешь нож на подносе!.. Долгий полыхающий индийский нож с костяной рукоятью в которую вкраплены крупные бадахшанские лалы!..

И что они вспыхивают эти бадахшанские слепые лалы равнодушные? И что они напоследок утешат взор убитого? в которого погружен нож по рукоять?.. Иль отвлекут убийцу хладной бессмертной игрой?.. И, убитый, ты видишь только хладные горящие кровавые камни у тела своего, а где сладкое неслышное певучее тонкое лезвие... оно долгое... И где оно?.. Иль в теле твоем?.. А только лалы близ тела... и они не вошли в него?.. А где обоюдоострое лезвие — тело ножа с месяцеобразным острием входящим впадающим вползающим сразу?.. где?.. оно?.. И одни лалы близ тела моего?.. да?... а где лезвие? где? где? где?.. ай!.. здесь оно!.. Здесь... во мне... да!.. Оно!.. Мое!..

И!..

И ты несешь нож на подносе Али-бача и подносишь его Фаррах и она уже знает, и улыбается, и Хасан Саббах отворачивается, отворачивается, но тянет его тянет как теченье горной густой реки тянет тело его, влечет тянет очи его, тянет его глядеть глядеть на нож свой, на посланника своего, на нож свой ярый кроткий лежащий на ледяном подносе, и он вновь поворачивает голову в низкой по глаза чалме и глядит глядит, а Фаррах улыбается и берет нож с подноса и начинает виться плясать гнуться плечами цыганскими трепетать ходить рябить бить и Али-бача бьет часто в дойру и Фаррах пляшет пляшет пляшет смеркается мается в глубоких платьях юбках пляшет с ножом в руке а потом нож пропадает теряется в бездонных кашмирских одеждах дремучих ее и ее рука уж пустынна и нож теряется в волнующихся платьях пахучих терпких глубоких и нож теряется в одеждах и Али-бача бешено немо оцепенело очумело прозрело бьет бьет бьет в дойру и Фаррах пляшет вьется гнется мается хохочет в густых непроходимых кашмирских платьях и нож теряется и рука ее уж

пустынна и иож долгий пропадает в одеждах вольных широких... Фаррах Фаррах где иож? ты спрятала его? ты цыганка? ты воровка? ты уворовала утаила увела его? ты спрятала его в одеждах темиых густых? где иож?..

А ты пляшешь, а дойра грохочет, а иож теряется, а рука пустынна... а... а! ааа... ай!.. Фаррах!.. Как ты нашла свое тело в этих бездоиных одеждах? как нашла?.. ведь оно такое малое твое гибкое кошачье тело тело тело?..

И как ты иашла его в этой шалой шальной косой пляске предсмертной? как? как? иож иашел твое тело? как?.. тело...

И оно сразу упало в одеждах подломилось запуталось сразу немое в одеждах... и пропало и полегло... и платья юбки вольные полегли на землю на траву как палые перья перья перья... полегли на траву... но еще колыхались колыхались колыхались вились двигались дышали... еще тщились маялись пустынные... опустелые как ракушки без улитки...

И крови ие было и кровь не вытекала из одежд и она не явилась и она затерялась в платьях в юбках и она осталась осталась глухая в одеждах соиных обильных отяжелевших...

И как как как Фаррах нашла ты ножом свое тело тельце... тело... ай! И вот уже Али-бача заворачивает пеленает тебя в твои полегшие покориые отяжелевшие смутные одежды и уносит и Хасан Саббах глядит как тебя уносят в свернутых молчных гибких одеждах... как тебя уносят в ярких одеждах как убитого павлина в радужных перьях перьях перьях...

Да...

Но ты сказала ты сказала за дойрой оглушающей: Вазир! Агнец! Мудрец! Зачем ты бросил мне нищие золотые динары? зачем золото? и кто покупал пророков?.. Зачем зачем я не гадалка а пророчица? зачем твои золотые динары? ай! зачем жалишь насмерть? зачем властитель? зачем родной мой? зачем зачем скорый?.. Но ты сказала за дойрой забивающей ты шепнула: Вазир! Пославший нож на меня — пошлет и иа тебя! да!.. скорый... недолгий... И она глядела иа Хасана Саббаха и улыбалась ему...

Фаррах!.. Ты!.. И тебя уносят в твоих отяжелевших

глухих платьях юбках перьях радужных как убитого павлина в поникших мертвых перьях, цвет живой цвет маслянистый цвет пыльцовый цвет живой живой живой теряющих теряющих теряющих... И крови нет и она не вытекла не явилась безымянная глухая заблудшая слепая тайная?.. Да!.. Тайная?.. И она слепо затерялась в одеждах... истекла в немых одеждах?.. истекла в немые платья?.. И осталась в шелковых дувалах молчащих?.. И нож затерялся безымянный?.. безымянный?.. И никто не узнает о крови тайной... зачахшей вытекшей печально тайно тайно тайно... И не узнают о ноже заклятом тайном тайном тайном?.. Да!.. Имперья!.. Халифат!.. Ночь!.. Нож!.. И тайна тайна тайна тайна!.. Да!..

И вот глядите — пророки правдолюбы сами умирают и нет крови явной пролитой излившейся и нет ножа и нет пославшего нож?.. Да?..

Нет!.. Есть кровь пролитая излитая вопиющая! есть нож! есть пославшийся нож!.. да!

Есть кровь — и она струится сочится вязкая открытая невинная из одежд глухих... из дувалов слепых... из империй немых!..

Есть нож — и лезвие его наглухо сокрыто в теле жертвы, но лалы лалы кровавые блистают говорят указывают... но блистают лалы на оставшейся непогруженной вольной рукояти рукояти рукояти...

Есть пославший нож — и он отворачивается отворачивается но я я я знаю... Есть Разрывающий одежды... кровь держащие... таящие... Есть Глядящий чрез слепые дувалы... Есть есть среди немых империй есть Вопящий!..

И! и...

Блаженны от ранних пророчеств сгорающие! Блаженны сгорающие от ранних пророчеств а не умирающие нáвек! нáвек!.. Шайдилла!..

И вы прольетесь изольетесь изойдете безымянной кровью в темных глухих одеждах? в дувалах слепых? в паранджах безглазых безгласных? в странах ножа рыщущего ночного? в империи стрелы залепляющей рты?..

И вы изольетесь изойдете тайной кровью? И нож будет тайным? И пославший его будет тайным? И кровь будет тайной? И она останется в одеждах ваших? в дувалах ваших? в оградах ваших? в паранджах ваших? в странах ваших? в халифатах?..

Но! но! но! но!.. Но кровь невинных прорастет... и возопит... и позовет... И!

Кровь пророков вопиет!.. И кровь иных безвинных убиенных просится взывает... Кровь пророков вопиет!.. И вот глядите — она течет из-под одежд, из-под дувалов как вешний арык!

И явен ясен наг нож и жертва его и пославший его! и никто не остался не останется тайным Фаррах! И знают!..

И я знаю Фаррах!.. но тебя уносят в одеждах как убитого павлина в перьях маслянистый цвет живой теряющих теряющих...

И кто убивает павлинов? И кто мясник павлинов? Кто убивает? Шайдилла!.. помилуй нас!.. малых!.. Да!.. Но!.. Нож!..

НОЖ!

Да! Шайдилла!.. Но... Нож! нож, нож, нож! да... аааа!.. Нож!.. Низам аль-Мульк Абу Али аль-Хасан ибн Али Исхак возлюбленный друг дуст мой мой мой Низам!.. да... Нож!.. а ты оканчиваешь ифтар — разговенье а ты возвращаешься из Исфахана в Багдад (ты сказала ты пророчица Фаррах!) а ты шествуешь плывешь чуешь ждешь в арабском паланкине к шатру своих умасленных жен возжидающих кошачьих стерегущих...

...И тут падешь!.. И не дойдешь до жен убереженных!.. И не дойдешь до ждущих зрелых зрелых (перезрелых уж! прозрелых враз!) и не дойдешь до ждущих зрелых жен напрасно алчно сонно растревоженных!.. И встретишься с ножом исмаилита-батынийца из Дейлема встретишься с возникшим явным ясным вставшим вдруг ножом ножом ножом — и не! и не! и не! ой не! не! не!.. не разойдешься!

И взвоет по-собачьи жен шатер жен преданных шатер ой заскулит ой по-собачьи ой заплачет знойно?..

Иль взвоет иль завоет наго зло по-волчьи?..

Но!..

Но ты Низам но ты! но ты! доходишь до шатра!.. доходишь!

Фаррах гадалка?..

Но ты доходишь ты нетронутый (иль нож уснул? да? да? уснул о боже?) ты доходишь до шатра и сходишь с паланкина в ночь тугую жен заждавшихся дождавшихся... Ты сходишь в Ночь вьющихся нагих в Ночь ластящихся стелющихся многих терпких лонных жен ты сходишь в ночь подлунных тихих жен твое живое тело тело ублажающих вбирающих качающих томящих... разрешающих... и разрушающих и разрушающихся... Ты сходишь в Ночь Жен Усыпляющих и теряешься и разбредаешься туманишься в Ночи Жен Роящихся... И Ночь Жен заждавшихся — Бахча хивинских поздних дынь златых златых златых живых потрескавшихся мяклых истекающих теряющих златые сàхары златые меды мякоти чрез щели трещины надрезы липко сонно густо истекающие... Ты дыни разрезаешь упоенно сонно разрезаешь разрезаешь разрушаешь раздвигаешь... погружаешься... Ай! Шайдилла! Ночь бражных жен медовых липких, ночь — бахча хивинских дынь златых златых перестоялых жен перележалых талых дынь перестоялых истекающих златыми семенами семенами семенами!.. Ночь!.. Бахча!.. Низам ты спишь в шатре в бахче блажен сокрыт бухарским ленным льющимся фазаньим одеялом одеялом одеялом...

Фаррах гадалка что́ не подняла с травы садовой три златых динара?.. Что? Что? что не подняла, не собралà, не поклонилась, что гадалка?

Что гадалка?..

Низам! Рано... еще рано...

Ты спишь Низам средь дынных жен проливчатых, ты спишь ты спишь блажен блажен сокрыт бухарским ленным льющимся фазаньим одеялом...

...Фаррах гадалка что́ ушла не подобравши не поднявши три златых динара? что́ гадалка?..

Но!.. Низам!.. Рано...

А ночь а ночь уходит ночь-бахча ночь дынных жен колодезных а ночь а ночь уходит ночь ночь ночь светает!.. обнажает... Ночь светает!.. Ночь вокруг шатра смиренного светает раздвигается... Ай Шайдилла!..

...Низам ты выходишь со светильником в руках выходишь из шатра жен спящих... Ты выходишь ты ступаешь со светильником в руках ступаешь в ранние росистые в мятные глубокие высокие травы емшаны благодатные принимающие... Ты садишься в травы упадаешь в травах расстилаешь исфаханский душистый молитвенный коврик и ставишь рядом светильник горящий... И свершаешь утренний намаз-молитву-«субх» и упадаешь раннею хмельной главою о коврик и касаешься забвенной бритой мусульманской головою о росы росы и сбиваешь сладко сладко росы и роняешь... И шепчешь шепчешь и уповаешь и бережешься в росных травах и бережешься и уповаешь и восходишь!.. да восходишь! и пока убереженный в травах в росах хладных молишься уходишь бережешься... Молишься!.. И горит светильник в травах молчных...

Тогда тогда тогда из ближних комариных сонных камышей из тугаев приречных из туранг из ив туманных молчно, неслышно неоглядно низко черный аист восстает восходит...

...Фаррах скажи скажи когда полягу? Когда Империя моя моя издохнет изойдет? Когда когда погибель Халифата? Когда алычи заплещут вольно вешне неоглядно? Когда потекут пойдут глины вешние духмяные благодатные чреватые? Когда Фаррах? когда гадалка?..

...Гляди Вазир — ты умрешь когда черное высокое летучее падучее перо сибирского ледового аиста упадет на твою голову! да... гляди... падет на голову...

И придут времена черных падучих перьев, и придут времена когда черные ледяные перья посыпятся на головы властителей хранителей собирателей Империи... И тогда птицы вернутся на тысячелетние пути свои небесные а народы племена Халифата — на земные пути отцов и дедов своих...

И стрела не будет рыскать в небе, а нож на земле... Гляди Вазир — ты умрешь когда черное перо ледяное неслышное ночное перо сибирского аиста падет опустится на твою голову и ты не почуешь его и не стряхнешь его и не узнаешь его прежде смерти своей и тут встретишься с ножом исмаилита... И не разойдешься!..

...Но светает вокруг шатра смиренного... Но горит светильник в травах росных молчных... Но Низам ты сбереженный ты нетронутый ты молишься восходишь в травах росных уповаешь шепчешь шепчешь шепчешь улыбаешься блаженный вольный вольный вольный обиваешь головой нагою стряхиваешь с трав холодных долгих хладны хладны вольны вольны росы росы росы...

Но! уже из ближних комарнных бледных сонных камышей из тугаев приречных из туранг из ив туманных Черный долгий Аист восстает восходит сонно сонно сонно... соннооко... соннаокий слепоокий аист бродит низко над травою веет тлеет сонно сонно сонно... Уже уже черный аист назначенный восходит... Слепой отсталый стылый аист восходит бродит над травою косо косо сонно сонно сонно сонно соннно сонно...

А ты ты ты Низам аль-Мульк друг отчий родной кровный молишься в росных травах уготованных: о Боже!.. Я ищу убежища у владыки рассвета дня... Против злобы существ, Им созданных... Против зла темной ночи, когда она внезапно на нас опускается... Против злобы женщин, дующих на узлы... Против зла завистника, когда он переносит на нас зависть свою...

А ты Низам и поныне и поныне и поныне и пред Доской Омовенья моею молишься в травах росных уготованных убереженных: о Боже!.. Я ищу убежища у Владыки людей... У Царя людей... У Бога людей... Против злобы того, кто тайно возбуждает дурные мысли... Который вдувает зло в сердца людей... Против злых гениев и людей зла... Да!

Низам аль-Мульк дремлив ты молишься дремливо упоенно в травах росных уготованных утопая тихою спиною...

Тогда аист назначенный слепой отсталый стылый сталый шарит ищет черными крылами в хладном росном росном росном в воздухе просторе... Тогда аист шарит окружает крылами ворона загробного подосланного... Тогда черный аист сонно подходит грядет в воздухе... Тогда на спину Низама аль-Мулька садится сонно сонно сонно дремотно уготованно... Тогда клюв вялый сонно тычется о нагую бритую мусульманскую голову покорную готовую... Тогда и тогда Низам возлюбленный друг мой ты молишься молишься молишься...

Тогда аист спадает слетает со спины тихой сходит сваливается в травы в камыши в емшаны в тугаи сходит... У него горло убито уязвлено стрелою... У него очи птичьи подернуты предсмертною жемчужной сладкой сонно сонной зыбкой скользкой пеленой дремотною дремотной...

Пелена дергается... остывает... заглушает очи... зарастают глухо млечны белы птичьи очи очи очи...

Ата ата отец отец ушедший я воспоминаю твое горло? двугорбое? кривое? смятенное?..

Ата ата скоро? скоро? скоро? иль уж встреча скоро?

Черный аист в белый саван иль падет сойдет привольно изойдет на саван исходящим смятым свя́тым святым святым святым Святым хлынувшим ой хлещущим ой горлом!.. И изойдет подбитым свя́тым высшим горлом в снежный саван похоронный. И изойдет блаженным певчим Высшим небесным горлом в саван упокоенный божий! божий! божий!.. О Боже!.. Много...

...Но! но но но Низам возлюбленный ты молишься дремлив улыбчив в травах росных утопая тихой божьею открытою спиною... И ты белеешь в травах сокровенною готовою спиною... И светильник горит дремотно молчно... И жен шатер поодаль спит удоволенный умоенный упокоенный... И лежит на травах обагренных теплых липких аист сбит стрелою на́век на́век на́век усмиренный... Шайдилла! о Боже! друг мой! друже! Дуст! Низам, а ты белеешь тихою спиною склонной...

А ты белеешь открытою спиною а ты белеешь зрелою рассветною хлопковою спиною... И умрешь, когда падет неслышное перо на го́лову!.. Гадалка а сел а дошел я... И умрешь, когда падет неслышное перо на голову!.. Гадалка, а сел а пал предсмертный аист Аист Черный...

Ай Низам что что бросал динары божией аллаховой Пророчице?.. Низам. Друг. Скоро...

И вот белеешь розовеешь персиковой в травах росных тихою спиною сбереженной... потаенной... увлеченной... И вот белеешь розовеешь персиковой в травах росных тихою спиною сбереженной... потаенной... увлеченной... И вот белеешь розовеешь персиковой в травах

росных тихою спиною сбереженной потаенной увлеченной божией... готовой!.. да! готовой...

Тогда я вижу вижу ой я вижу — он крадется он ползет он тянется не дышит льнет он вьется гусеницей тянется змеею травяною травяною травяною... Тогда я вижу — ой Низам ой друже ой возлюбленный я вижу я кричу кричу кричу: ай обернись!.. восстань!.. беги к шатру беги! беги!.. тогда я вижу и кричу... да только с ложа смертного... да только с гробовой доски... да только он не слышит... молится... певучий шепчет... только он не слышит... только я кричу с земного гробового дальнего ой дальнего ой дальнего глухого на́смерть на́смерть ложа ложа ложа... Тогда крадется отрок батыниец из Дейлема тянется змеею травяною... тугою... устремленною...

Тогда нож восходит над блаженною спиною...

Тогда нож восходит над блаженною спиною...

...А я кричу с ложа...

Тогда нож витает кочует мерцает над травою...

...А я кричу с ложа позднего ой позднего...

Тогда нож витает кочует стоит рыщет тычется находит трогает... в спину уходит...

...Ай Фаррах! ай пророчица... ай... поздно... Боже... Много... Тогда нож раздвигает разрушает разрывает расширяет раскрывает разваливает кожу кожи потаенные святые глу́би плоти растревоженные...

...На траве садовой лежат динары неподобранные...

Тогда за ножом ползут, идут по спине медленные кро́ви...

...Кто покупал пророков?

...И что́ что́ что́ о господи что я кричу не из трав? не из шатра? и что́ я кричу с дальнего смеркающегося ложа? ложа? ложа?..

Тогда за ножом по спине ползут гранатовые полные зрелые зерна зерна зерна... Тогда зерна зерна сбираясь сбираясь переходят в текучие красные стручки стручки рубиновые живые перцы перцы перцы жалящие жалящие жгучие долгие долгие долгие... полные... Тогда гранатовые зерна в красные стручки перцы переходят долгие долгие долгие... полные...

...Низам!.. а я кричу шепчу с глухого ложа...

Твоя твоя блаженная блаженная спина спина спина тогда твоя спина Низам Низам возлюбленный мой друже а спина спина твоя твоя арбуз арбуз арбуз кашкадарьинский алый алый ярый ярый враз ножом ножом ножом разбуженный разваленный расколотый расколотый...

О Боже что что я падаю с ложа... что падаю валюсь сползаю с ложа... что поздно?.. друже... Низам, а ты молишься...

Боже... Много...

Низам Низам а ты молишься со спиною алой алой алой заревою отворенной... Низам Низам Низам а ты молишься со спиною алой алой алой заревою со спиною свято свято отворенной как врата мечети озаренной утренней свободной упоенной окропленной росами... Низам Низам вазир имперьи око халифата а ты шепчешь обмелевшими устами а ты молишься ты молишься молишься: когда Империя издохнет?.. Скоро ль? скоро ль?.. Скоро ль как спина моя развалится разрушится имперья усыпальница народов? Скоро ль? да! да! Халифат Ножа лишь от Ножа издохнет!.. Шайдилла! ой скоро ль? скоро!.. скоро стерхи полетят в свободных небосводах! Скоро! скоро! скоро! скоро!..

Ой возлюбленный ой друже друже дуст хмельной святой Низам Низам блаженный ты в блаженных травах молишься ты молишься ты молишься... Ой а ты отмахиваешься от ножа как от осы напрасным смертным малым жалом отягченной... А ты отмахиваешься от ножа как от осы напрасной разъяренной... А ты молишь молишь, а ты молишься...

А текут спадают в травы тихие стручки стручки текучие рубиновые перцы перцы долгие долгие... такие долгие... роящиеся... животные... А текут в травы перцы живые долгие... А Низам блаженный ты блаженно клонишься ты засыпаешь ты отходишь ты залитый перцами блаженными живыми долгими долгими долгими... сонными густыми долгими... а ты клонишься...

Скоро... скоро... скоро... сонно... сонно... поздно... я

шепчу шепчу шепчу пустынно с ложа дальнего, что поздно поздно поздно... Сонно... Шайднлла! Сонно! Но! но но но но! Но скоро скоро! полетят святые стрехи в небосводах вольных! Скоро полетят святые стрехн в вольных небосводах!..

Скоро!.. И!.. Я шепчу кричу я свалнваюсь с гробового ложа с грушевой Доскн Омовенья на рукн последних жнвых друзей моих: скоро! скоро! скоро!

Я открываю врата овечьего постылого загона волчьего и льется вьется курчавое тугое пахучее дремучее застойное стадо ройно густоглаво на луга бездонные на тропы на раздольные привольные... И льется блея млея стадо нз постылого унылого загона...

...И я шепчу с ложа... И стонт багдадскнй светнльннк в травах росных рассветных и пламя однноко тлеет н уже уж рассвет однчало неоглядно алеет и отрок батыниец убийца нсманлит мнет ловнт пламя темными перстами пальцамн и оно не дается и уходнт чрез персты его чадящие и я шепчу: зачем зачем это малое пламя когда рассвет пришел? когда он озаряет? зачем мять пламя малое? зачем? зачем оно через персты убнйцы протекает протекает убегает убегает нзбегает возннкает пролнвается чрез пальцы... Опаляет... Обирает... Побеждает... И растут и проливаются чрез персты палача живые лепестки пламенн... И пахнет у ложа моего далекого палеными напраснымн перстамн удушающнми пламя... перстами палача сырымн гнблымн сгорающнми заживо...

И что мнете пламя малое, когда стонт рассвет, когда приходит день рос алых?.. И что мнете пламя, когда приходит день рос привольных озаренных алых алых алых алых?..

И что мнете свечу и что опрокидываете светнльник, когда пришел рассвет?..
И что удушаете? заглушаете?..

Что пахнет что смердит у ложа моего заветного последнего сырыми гиблымн перстамн палача сгорающими заживо?..

Шайдилла!.. Господь!.. Прости!.. Но дух сладок!.. Да!.. сладок...

...И летят снежные святые стерхи стерхи стерхи в небосводах алых алых ранних ранних!.. И летят стерхи в небесах ясных росных хладных алых?.. И летят ли? летят ли? летят ли... И я гляжу в небеса и очи слезятся... Летят ли?.. Шайдилла!.. Летят ли?..

БИБИ-СИТОРА

И мучен предмогильный вечер мой пред погребальным саваном-сумой... И мучен предмогильный вечер мой пред Грушевой последней Омовения Доской... И не нагреть ее моей нагой печальною пустынною спиной спиной спиной... И не! не! не! не осенить ее подъятой зоркой тихой медленной головой... Не осенить прощальную последнюю Доску прощальною улыбчивой блаженной жи́вой жи́вой жи́вой головой... И близок Ангел и машет слепым тяжким тяжким падучим хромым хромым косым косым крылом крылом крылом... И источает и горит дымит курится сладкая забвенная хорезмская посмертная испанд-трава у ложа моего... И пахнет саваном и мускусом и предмогильной камфарой... барусовой китайской камфорой...

Мунисса дитя заблудшее... все! все! все! караван китайских благовоний ивовый плакучий ранний караван захожий все уходит все уходит... все еще уходит... все он не ушел... ой не ушел...

И листвия летят осенние и листвия летят осенние гиссарской груши золотой златой златой златой... И листвия летят загробные гиссарской груши дворовой златой златой златой!.. И листвия летят осенние на ложе тихое смиренное мое... на тело... на лицо... И засыпают погребают заживо уж тело тихое покорное мое мое мое... еще о Господи мое мое...

Я слышу плеск упалых листьев... плеск о тело тихое и всё еще еще о Господи мое мое мое... все еще здешнее еще живое... все еще мое... о Господи!..

...Ой бред!.. Я сборщик хмельной шальной сборщик я пчела хмельная проливающихся дурно маков маков маков опийных дурманных маков-текунов!..

Я бреду я усыпаю я блуждаю в неоглядном темном вязком глиняном сыром дождливом тошном саду сов!..

Ой бред Господь... ой я молюсь в развалинах последней тленной безвинной мечети земной... Ой Господь... ой я имам Омар Хайям молюсь в развалинах червивых последней мечети земной... И сова неясыть сирин садится вьется на опрокинутое лицо лицо лицо мое мое мое... ой сносит жгучее дремучее уже червивое змеиное яйцо слепое на мое последнее на божие лицо лицо... ой бред... не дай не дай Господь!..

Бред!.. но но но но но но но но но... я выхожу из сада сада сада погребальных вялых смертных сов.. Я выхожу я выползаю я выдергиваюсь выпадаю из немого из кишащего звериного из сада сов неясытей сносящих мечущих змеиное червивое яйцо... Господь!..

Я еще жив? я еще? еще? и это тело малое мое?... еще мое? еще мое Господь?.. Я жив еще? иль мертв? иль мертв? иль мертв?.. Господь, иль мертв?.. Но!.. но...

Но кто стоит у врат сада в белом нежном жемчужном платье? чапане? халате? саване? кто́? кто́?.. Кто стоит у врат сада в белом белом платье долгом шелковом ферганском маргеланском платье с долгой целомудренной косою смоляной густой крутой родной родной родной?.. такой родной?.. Кто стоит у сада сов? кто ждет? лелеет кто́? кто зовет кто машет машет кто манит пуховой лебединой журавлиною рукой рукой далекою далекою размытою размытою забытою забытою ой не забытою до гроба и за гробом! да!.. ой смертною ой тленною землистою загробною ой вечною веселой осиянною рукой рукой рукой: сынок сынок сынок сынок сынок!.. Омар.. иди... не бойся... Омарджан... не бойся... это я... оя... оя... твоя... твоя... оя оя... родная матерь... мать... иди дитя... не бойся... Сын!.. иди!.. Сынок!.. мой!..

Господь! прости... там у врат сада... там матерь ждет... оя ждет...

О Боже Боже... бред уходит бред уходит... уходит сад сов, а ты не уходи, не уходи помедли матерь мать оя оя склоненная далекая далекая далекая а ты постой в платье вольном веющем струящемся шелковом шелковом... да помедли родная перед этим ложем ложем бледным...

Не уходи не уходи волна блаженная!..

Не уходи не уходи волна волна блаженная блаженная блаженная!..

Шайднлла! О Боже!.. оя ждет... Боже!..

Матерь вот я вот я на последнем ложе... О Боже матерь боже боже... вот н сын твой на последнем ложе ложе ложе...

Бнби-Сирота улыбчивая молчная родная кровная... а мое тело малое легкое... уже уж малое пуховое... а оно легкое летучее... а возьмн его на рукн как в дни начальные мои как в днн мон начальные птенцовые... ой дальные далекне далекне далекне....

Оя возьми мое тело с ложа а оно легкое малое легкое... а оно неглубокое... а тело мое последнее неглубокое...

Оя возьми на руки тело мое неглубокое простое легкое... как в днн начальные птенцовые далекне далекие...

Оя возьмн на руки мое последнее пергаментное папнрусное тело неглубокое с ложа этого последнего бездонного бездонного бездонного...

Оя окутай опутай оберни обвей усохшее мое уж обмелевшее последнее мое отхлынувшее тело тело обернн окутай тнхнм ласковым хератским саваном запеленай навек как пеленала ты во дни начальные птенцовые...

Оя запеленай в последнний саван.... напоследок полелей!.. шепнн!.. дохнн... как ты лелеяла шептала улыбалась пеленая уповая озаряя в дни птенцовые птенцовые далекне над тихой над резною зыбкой люлькой-гахварою затаенной... упоенной...

Шайднлла! о боже боже...

Матерь матерь наклоннсь сойдн над усыпающей моею головой... над грушевой Доской...

Шайднлла! о боже... матерь ты ль и тут со мной?

Матерь ты н тут со мной...

О боже я шепчу молю томлюсь я смертно я шепчу томлюсь я смертно я томлюсь на ложе сына умнрающего, матерь матерь... маааaa оя оя оя... мааaaaa... ты со мной?

Матерь мать... оя... родная... помоги... возьми... дай совершить с тобой н этот переход!.. н этот этот долгнй долгнй... темный темный темный темный божнй переход!..

Матерь! я шепчу томлюсь я уповаю а тебя нет на земле матерь...

Я зову с ложа грушевого дального здешнего а тебя уже нет на земле...

Я шепчу я зову а тебя уже уж нет на земле... нет?..

Нет!..

Но ты стоишь ты веешь ты лелеешь у врат сада сов сов сов сов сов... Дай дай дай родная совершить с тобой и этот дальный дальный темный темный божий переход... не уходи... побудь... постой... перенеси... через тропу... через дорогу... через реку... через пропасть... через гору... через сов...

Побудь со мною у исхода как была ты у истока... матерь дальная побудь побудь со мной со мной со мной со мной...

И!.. я зову но тебя уже уж нет на земле...

И я вхожу вхожу вхожу один один один блуждаю... по кладбищу, по мазару...

Блуждаю в роще каменных надгробий мусульманских
мусульманских
Блуждаю в роще каменной согбенной дального мазара дального
Блуждаю задеваю камни свя́ты камышовыми перстами камышами
жи́выми ой ой ой не печальными ой не дрожащими перстами
камышами блуждаю в святых милых милых высших высших
божьих
ка́мнях

Брожу в согбенной роще каменной мазара
Брожу в согбенной роще каменной мазара
Задеваю камни камышовыми перстами задеваю камни ленными
очами задеваю
Задеваю камни погребальные прощальные перстами камышами
Брожу схожу Аллах Аллах клонюсь как камень к камню
проникаю
червем свя́тым птицей радужной витаю в камнях в ка́мнях
в ка́мнях
Аллах в Твоей недвижной роще каменной смиряюсь ой смиряюсь
ой живыми ой перстами камышовыми блуждаю упадаю улыбаясь
улыбаясь улыбаясь светлыми очами светлыми очами
Аллах смиряюсь камышовыми перстами
Возлагаю дально в роще каменной мазара
Возлагаю
Улыбаюсь дальный улыбаюсь...

Но матерь матерь... ты зовешь манишь влечешь меня меня из рощи рощи каменной из рощи погребальной... ты зовешь веселыми певучими летучими знакомыми перстами!..

Матерь матерь... оя... мааа... иль уводишь с кладби-

ща... веселая летучая уводишь с кладбища мазара... уводишь матерь...

И пылит в святой пыли мазара твое живое шелковое трепетное платье...

И пылит в святой пыли кладби́ща твое платье платье платье уходящее...

И пылит по кладбищу твое живое платье... матерь...

Шайдилла! ааааааа... ай!.. куда? кудаааа? куда уводишь матерь матерь? что что что дальше тленья? дальше? выше каменных надгробий? куда уводишь? улыбаешься? уводишь? оборачиваешься? улыбаешься снежными родниковыми зубами? спасаешь? упасаешь? дышишь в уста мои прощальные? в очи остывающие? куда куда оя?.. куда матерь?.. Куда уводишь с близкого мазара?..

Куда дальше?..

Ай!.. вот она... сокрытая... забытая... дальная ой дальная родная... вот она кибитка мазанка родная... малая... убогая... родимая... родимое гнездо святое... вот она кибитка глиняная родная...

Я дверцу шаткую дувала открываю... отворяю...

...И веют карагачи недвижные китайские тяжкие... и веют... и узнают меня и шевелят дремотными ветвями... и знают... И пахнет пахнет пахнет ой как пахнет ой как в ноздри очумелые телячьи растопыренные расставленные ой тянет тянет кизяковыми родимыми родимыми исконными дымами ой дымами ой дымами... Ой тянет... ой куда ты привела меня меня оя оя оя... куда... родная... матерь...

И ходит по двору-хавли ата Ибрахим с дамасским павлиньим кумганом и пьет пьет вино и голову улыбчив задирает и арбузно сокровенную мякоть открытого рта горла являет обнажает, и мне улыбается и машет и шепчет: сынок сынок Омарджан... ты еще не наш... но будешь будешь будешь с нами... будешь нашим... Сынок, мудрец, поэт, а кто пьет из звездных ночных ковшей пиал из небесных сосудов горящих?..

И пьет бездонно из кумгана запрокидывая голову изрытую стрелою тою дальной... тою дальной... тою дальной...

Матерь матерь... куда привела... зачем... матерь?..

А у отца вино струится тянется проливается чрез горловую рану незаросшую незатянутую... невозвратную щель трещину кишащую...

Зачем матерь? зачем он так резко запрокидывает голову разъятую? зачем вино сладко? зачем оно чрез рану проливается проходит пробирается? зачем матерь?..

Что́ та́к матерь?.. что родная?.. зачем привела? зачем увела с мазара?.. Но!..

Но так трещит поет урчит бараний жир так плещется в котле казане гиссарском...

Но тут стоит у казана сосед Учкун-Мирза с кавкиром-шумовкой в руках умелых волосатых чабана пастуха пастыря... но вынимает из казана слоеные самбусы хрустящие... но улыбчиво на медное блюдо их бросает... но улыбается... но улыбается отцу... но сестру Муниффу-апу подзывает... но она берет с блюда самбусу слоеную горящую... но она находит меня дитя мальчика... но она хохочет... но она мне самбусу протягивает... протягивает... протягивает...

Но! но! но! но матерь... оя... но я стою стою... и не беру самбусу... а апа стоит и улыбается и на ее раскрытой розовой девичьей ладони лежит лежит первая жгучая самбуса из казана... но апа не перебрасывает ее с ладони на ладонь, не дует на руки... не дует на руки... не обжигается... не обжигается... не обжигается...

И я стою стою стою и я беру с ладони Муниффы-апы самбусу, беру беру, но она хладная... не жжет ладонь... но она хладная...

Зачем она хладная матерь?..

Зачем Муниффа-апа сестра родимая не обжигается... не дует на́ руки?..

Матерь зачем самбуса хладная?.. Зачем хладная матерь?..

Зачем привела матерь?.. зачем матерь?..

Матерь!..

...Тогда она чует... тогда она страждет... тогда она мается... тогда она голову опускает...

Тогда я мальчик я хватаю ее за подол долгого шелкового льющегося платья платья платья...

Тогда я слеп зол я мальчик я дитя родимое зло зло рву платье: зачем самбуса хладная?.. Зачем вино изли-

вается извивается змеиное рубиновое чрез горловую отцовскую незаросшую рану рану рану?.. Зачем оя?.. Зачем матерь?..

Тогда она плачет... Тогда она плачет... Тогда она плачет...

Тогда она нежно тайно уводит меня за карагачи китайские... Тогда она шепчет, тогда оя Биби-Ситора шепчет приставив персты к устам молящим: сынок не мучь не тревожь платье платье платье... Сынок не говори отцу... не говори сестре... не говори Учкуну-Мирзе... сынок не говори... не обижай... не срывай покрывала... саваны... Они все усопшие... Омарджан... Они все мертвые... давно... Сынок не мучь платье не тереби не мучь... И оно из савана...

Зачем матерь?..
Зачем привела матерь?

...И будете среди живых но они мертвые?.. И будете среди живых но они мертвые... И будете живыми среди мертвых!.. И будете живыми средь мертвых... И будете одни средь мертвых... Тошно... И будете одни в мертвом народе... тошно!.. Матерь тошно!.. мaaaa... тошно... И не будете знать что вы средь мертвых? И не будете знать что вы средь мертвых?.. Но!.. матерь!.. тошно!.. И!..

...Кто? кто? кто? там стоит у казана гиссарского кипящего с кавкиром-шумовкой?..

Учкун-Мирза?.. Сосед?.. Отец Маины?.. С волосатыми руками чабана высокогорного высокоосененного?..

Кто́ кто́ стоит с кавкиром у котла кипящего? кто кто стоит спиною темною глухою как дувал спиною?..

Оя!.. я подбегаю к нему... я хватаю его руками за длинную белую рубаху... я хочу увидеть его лицо но он стоит спиною... но он рыщет вьется ходит вокруг казана... но он вокруг казана вьется вьется не дается... но он стоит спиною... но он рыщет кавкиром в масле горьком черном пережаренном...

Оя! оя... матерь... он чужой!.. как он забрел в наш двор-хавли? оя я плачу... я дитя я чую чую... он не наш... чужой!.. Чужой!.. оя!.. я мальчик малый... я дитя... я тычу в спину темную глухую сонную я тычу тычу злыми злыми кулачонками...

Оя пусть уходит!.. Он чужой!.. не наш... н пахнет едким шумным чадным маслом пережженным... пахнет... выедает... чадом чадом острым острым очи очи очи...

Матерь... Пусть уходит!.. Пусть!.. оя!.. чужой уходит!..

Но!..

Но дым тяжелый тяжкнй острый душный наполняет выедает очи... Наполняет сонный бедный кроткнй наш хавлн наш отчнй тнхнй дворнк... Дым тягучий толстый до карагачей притнхшнх медленно восходит сокрывая глухо их восходнт сонно сонно сонно... Ай оя, ай матерь тошно тошно... дым в очах моих полощется полощется полощется... заноснт малый наш хавлн наш кроткнй дворнк... Матерь тошно!.. я мечусь топчусь в дыму... нщу отца... нщу апу... ищу тебя... ой матерь тошно тошно тошно тошно... Ой, в дыму далеком сонном непролазном дверца шаткая дувала сонно хлопает... скрнпнт... томнт... полощется... доноснтся... Матерь кто уходит? матерь он уходнт? он уходнт? оя оя оя пусть он уходнт!..

Матерь кто он? кто он? кто Он?.. Матерь дым дремуч недвнжен чад в очах полощется.. Матерь что в белесой едкой мгле томнтся стонет где-то дверца шаткая дувала? кто уходнт? Он уходнт? Он уходнт? Кто? Он?..

Матерь... я мечусь топчусь в дыму в чаду: да кто он? кто он?.. Кто Он?..

Матерь... я мечусь н вдруг твои твон уста льнут к уху моему... льнут к уху дымом горькнм заметенному... льнут родные... льнут прощальные... льнут теплые роднмые далекие... веселые... льнут... целуют... шепчут нз белесой жгучей мглы: это Ангел Азранл загробный... страж усопших... пастырь стад бездонных сталых стылых молчных... Он пришел за иамн... Мы уходим... Омарджан... сынок... уж дверца бьется... Мы уходнм с Ннм... и дым уйдет... чтоб не слезнлнсь твон очн... сын... сынок... чтоб не слезились твон очи... твон очи...

Шайднлла!.. оя... хоть ты не уходн... останься.. я рукамн роюсь в тьме во мгле... в чаду захожем лнпком разъяренном облаке... Матерь... ты-то подождн... помедли... Но уходишь!.. Но уходншь! матерь но уходншь...

Шайдилла! чад! тьма! мгла! облако! уносится...

Шайдилла!.. пустынен ясен древний отчий хавли-дво-

рик малый кроткий подметеинный добела ее ее ее рукою...

Ее метла легка стоит прислоиеиа́ к стволу гиссарской тучной груши златозлатозлатоплодовой... И!.. Лишь дверца шаткая дувала тихо плещется колеблется колеблется еще! еще! еще! полощется... полощется... и замирает... забывает... и становится... становится... Лишь слезятся лишь слезятся отдавая пришлый призрак чад слезятся выживая высыхая очи мои очи...

И будете зиать что вы среди мертвых! И будете зиать что вы среди мертвых!.. да!.. ио тошно!..

И слезятся очи...

И точат очи мои ибо близки гробы ибо родят родиики пески,
Матерь матерь платок на лике твоем, матерь вышли все рубежи мои,
Платок на лике твоем, дремучим текучим огием горят вкруг озер камыши, тугаи
Вышли все рубежи мои,
Платок иа лике твоем, птица низко летит с полей, птица, с лика платок сорви,
Горят вкруг озер камыши тугаи
Матерь что словеса что глаголы мои?
Матерь что слезы блажеииы твои?
Матерь вышли мои рубежи — сто птиц ие поднимут веки мои...
Спадает платок — и очи чисты как нагие озера пустынны чисты

И ты стоишь оя и ты не уходишь и ты стоишь... Биби-Ситора... Биби-Звезда... и ты стоишь и ты ие́ уходишь и ты стоишь и таишь!.. Но!..

Но я шепчу шепчу зову а тебя уже нет на земле... Но я шепчу иа ложе!.. иа последнем ложе ложе ложе...

Тогда Биби-Ситора... тогда Биби-Звезда вновь воскресают надо мной твои лучистые душистые очи... твои зрачки горящие бездониые звездные...

Тогда горят зрачки хрустальные алмазные росиые рассыпчато лучистые лучистые над ложем...

... Древний китаец Мэн-Цзы ты говоришь: зрачок не может скрыть зла в человеке. Если человек честеи — зрачок блестящ. Если иет в нем прямоты — зрачок тускл!..

Да!..

Да!.. И горят зрачки хрустальные алмазиые росиые рассыпчато иад ложем!..

И горят лучнстые зрачки Биби-Звезды над ложем... И шепчут колыбельные уста колышутся захожне далекие далекие далекне далекне: когда рассыпаются звезды — в реках пески прибывают... Когда палых звезд множество — пустыни тогда насыпаются.. И потому верблюды звездопады любят!.. Шайдилла! о боже!.. матерь... слышу и над предмогильным ложем ложем ложем... И потому верблюды звездопады любят!.. любят любят любят... Боже!.. Шайдилла!.. о боже... матерь... не уходншь?..

Но! но! но в месяце Мурдад но в месяце Мурдад но в месяце плодов червивых палых неподобранных... Но в месяце Мурдад самум-афганец мгла пыль прах восстал взошел возобладал до неба над землею над землею... над кншлачною кнбиткой нашей малой кроткой...

Лежала внтала ослепляла дерева посевы очи пыль текучая отягченная вселенская... всеобщая...

Тогда оя тогда вы вышли ранним темным утром... тогда оя вы вышлн... тогда оя вы вышли из кнбитки с хумом глиняным наполненным водою родниковою нетронутой... Тогда оя вы вышли... вы выходите... выходите... выходнте... одна одна в самую во тьму в афганец с хумом вод безвинных светлых родниковых... Тогда одна выходите во тьму... во мглу... в пыль неисходную одна выходите оя в афганец с хумом вод нетронутых... И петухи молчат и пыль их заметает горла и заносит муадзинов рты покорные... А вы оя выходите с водою родниковой... А вы оя стволы карагачей кнтайских древних сонных пыльных пыльных пыльных обмываете водою родниковой...

...И потому верблюды звездопады любят... боже боже боже... как далёко! как далёко!..

Но!..

А вы оя одна средь спящих средь Заблудших Сонных Пыльных Беспробудных обмываете стволы карагачей забитых заметенных заглушенных вольной сильной пылью пылью общей... тошной...

А вы одна оя во тьме их обмываете их поливаете дремучие ослепшие от пыли ветви лнстья роднnковой серебрнстою водою... Да!..

Но...

Оя и тут вы видите как к сонной горлице слепой по сонному стволу ползет слепая чуя чуя чуя слепо зрело хищно кошка...

И вы гоните ее оя... кричите: кыш кыш кыш... Но поздно!..

И слепой хватает слепого!.. И крадет как тать и уносит в тьму слепую... и поздно...

И крылья мерзнут... крылья мерзнут...

...И будет время и будет тьма и будет слепой убивать хватать слепого!.. И будет время и будет тьма и будет слепой убивать уморять хватать слепого... И будут крылья мерзнуть...

И поздно!.. поздно... И крылья мерзнут...

Но!..

Оя вы обмываете карагачи уснулые оглохшие от пыли обмываете водою родниковой!..

...И потому верблюды звездопады любят!.. боже боже... как далёко!..

Оя вы обмываете спасаете ствол груши в пыль густую погруженный, а свергаются а падают из тьмы гиссарской тучной груши златозлатозлатоплодовой плоды плоды о вашу голову о кроткую об очи росные о зрачки влюбленные лучистые лучистые лучистые о звездные... А свергаются... а обрываются... а упадают... убиваются смиряются плоды плоды несметные тяжелые тяжелые слепые тяжкие влачащие... а убиваются оя оя оя о вашу голову... А убиваются о голову... а убивают... тяжкие... гиссарские... прозрелые... текучие падучие о голову безвинную о голову... об очи о веселые влюбленные... а упадают убивают усмиряют голову влюбленную веселую веселую веселую...

Ай Мурдад ай месяц урожая, месяц праха, месяц пыльных палых диких урожаев неподобранных плодов слепых слепых слепых несбереженных!.. неспасенных!.. Поздно!.. Крылья на́век мерзнут.

Ай Мурдад! ай месяц праха!.. Звездопады в небесах... ай плодопады во садах... ай ай мурдад!.. Слепец!.. ай тьма, самум, ай пыль ай мгла... ай! ай! оя! оя! оя... моя!..

Ай поздно!.. ай в народах пыльных палых неспасенных тошно тошно тошно... матерь... тошно... крылья крылья вянут вянут вянут... мерзнут мерзнут мерзнут...

Матерь грушн слепы слепо тяжко тяжко обрываясь упадая в тьме сомлело убиваются о голову...

Шайднлла!..

Оя оя вы сиднте под стволом омытым чистым отворнв улыбчивые очн...

Оя оя что не омываете ствол груши родниковою водою...

Оя оя что что что вы мертвая...

Оя вы мертвая...

Оя вы сиднте а навек навек навек уходите...

...И потому верблюды звездопады любят.... любят... любят... боже боже... как далёко!..

Блаженны садовннки в плодопадах усопшне!..

Блаженны садовники в плодопадах усопшне!..

...Оя но я стал астрологом султана Малик-шаха, но я искал в ночных небесах ваши зрачки... вашн очн... ваши очи вашн Бибн-Ситора... Биби-Звезда ушедшая ваши ваши ваши очн... твои зрачкн озаренные лучистые роснстые росные...

Оя но в месяце Мурдад но в месяце Мурдад летят летят в алмазных росных небесах летят рассыпаясь расторгаясь разгораясь дальние твои твои твон зрачкн лучистые лучистые алмазные твон летят летят твон живые распадаясь росы росы... очи очи очи...

Оя летят в небесах зрачки влюбленные лучнстые росистые жнвые вндящие росные...

И потому верблюды звездопады любят... Боже божс... Недалёко! недалёко...

Рядом с ложем!..

Матерь!.. скоро!.. скоро встреча!.. скоро скоро скоро...

...И мать узришь в миндальной роще
...И мать узришь в миндальной роще
И изольют святые очи
И изольют святые очи
И осеият младые длани
И ослепят предсмертны лани
И возбегут предвечны кони

И возбегут предтечи кони
И упадут плоды в ладони...

Скоро!..

СЛОВО!

Скоро!.. Матерь!.. я иду!.. иду... схожу спадаю сваливаюсь... с ложа... Я Ходжа Имам Омар ибн Ибрахим скатываюсь нáвек? нáвек? нáвек!.. с ложа...

Но... родные... вы вы не даете уповаете... вы держите... вы не даете... редкие мои останние осталые друзья оставшиеся у гроба... не даете... не даете не даете... мóлите останние осталые родные... не даете...

Музаффар аль Исфазари... Кори-Мансур... Мухаммад аль Багдади... Хасан аль Байхаки... последние останние осталые... над ложем моим бедным бедным скорым скорым одиноким нежно нежно нежно склоненные... родные... Ивовые Други... одинокие... влюбленные влюбленные... И вот вы не даете нáвек сойти с ложа нáвек глухо глухо глухо сойти с ложа одиноко...

...И будут Ивовые Други над вашим смертным ложем!.. И будут Ивовые Други над вашим светлым ложем осенениым!.. И не убоитесь исхода...

И вот вы говорите: Мауляна... Мауллим... Раис... Хаким... Мудрец... Поэт... Отец... Учитель... подождите... Лишь... скажите напоследок Слово... Лишь шепните Слово!.. Слово... Пред уходом... нам Ученикам покорным тихим лишь шепните Мауляна Слово Слово... Слово пред Уходом... И вот вы говорите: учитель... подождите... Лишь шепните Слово!.. Слово не! не! не! не уходящее во грóбы!.. Шепните Учитель... не оставляйте сиротами... так нас мало... мало. И близки наши сроки... близки наши сроки... Шепните!.. Шепните Слово, не уходящее во прах! в червя! ковыль! в емшан! в юлгун! во тьму надгробий! в затхлую мазара землю оглохшую!.. похоронную!.. неисходную!.. во слезную!.. Шепните согбенным склоненным!.. влюбленным!.. Шепните Учитель напоследок Слово Мудрости Земной не уходящее во грóбы!.. Шепните Слово Мудрости не уходящее во грóбы... Шайдилла!..

О Боже! Какое Слово?.. Что Оно?.. Не знаю... не дано... И не знают человеки на земле и под землею... И со-

крыто Слово... И не знаю... И какое Слово не уходит в гро́бы всемогущие необозримые во гро́бы?.. Не знаю... нет! нет! нет!.. не знаю... Боже... не знаю... отпустите ивовые други на́век... я не знаю... Боже... Боже!.. Ты лишь знаешь... я не знаю... боже боже боже... Я не знал до ложа этого... Не знаю и на ложе!.. Боже я не знаю... други ивовые отпустите молча... тихо отпустите... Я не знаю Слова... боже боже боже!.. отпустите други склонные у ложа у Исхода Перехода... И кому нужны мои глаголы тленные... глаголы малые... глаголы скорбные... глаголы предмогильного ложа ложа ложа?.. И кому нужны мои глаголы, если и камни камни камни скалы скалы песками исходят... пылят... если камни в пески летучие текучие пустынные просятся... кончаются... исходят... проливаются... исходят... А что́ что́ мои глаголы?.. Други ивовые склонные родные неутешные что что мои глаголы?.. И!..

И мудрец речет а река течет...
И мудрец речет а река течет...
И мудрец речет как река течет...
И мудрец речет как река течет...

Какое Слово?..

...Не уходи не уходи волна волна блаженная блаженная блаженная!..

А она уходит!.. А она уходит...

Какое Слово?

...Не уходи не уходи волна волна Волна Блаженная блаженная блаженная!..

И она не уходит!.. И Она не уходит... Она навек со мною!.. И до гроба!.. и во гро́бах иии и за гробом! И за гробом!.. Это Слово?..

Но! но! но! плоть но персть но тело мое малое обмелевшее скорбит скорбит на предмогильном тяжком ложе приготовленном!..

Но тело скорбит болит молит о скором переходе... Скоро скоро... Скоро!.. Боже! Поскорее! Боже боже... больно!..

Жалят ранят тело спину кожу Грушевой Доски занозы... Больно!.. Боже!.. Еще больно!.. Слышно!.. Вольно!.. Боже, боже!..

Раис Абу Али ибн Сина мой Учитель мой усопший вы речете: будь будь постоянно опьяненным напитком мудрости и святости! будь опьяненным сим напитком вечным божьим!..

И я был... И умираю трезвым на последнем трезвом тесном тесном мелком мелком ложе... И Учитель больно... Больно... Плоть скорбит... И скрыто Слово... И больно... и... О Боже Боже... о жить хочется... о хочется... И сладкие занозы ранят кожу... Боже!.. И!..

...Не уходи не уходи волна волна блаженная...
А она уходит... А она уходит...
А она не уходит а она со мною...

...Не уходи не уходи волна блаженная блаженная блаженная...

Но мудрец речет как река течет...
Но мудрец речет а река течет...

О Господь плоть... персть... тело мое скорбит молит молит молит... а река течет а река течет... а душа душа моя как ранний рыхлый сырой куст куст святой миндальный ранний... а она цветет цветет на ложе смерти словно куст средь снежных хладных нагих гор гор гор...

Господь а все она цветет цветет... не опадает не опадает... летуче лепестки на землю не прольет... все не прольет...

Господь да да куда мне с нею неопалой? да куда с кустом цветущим розовым живым певучим да куда мне деться да куда с кустом мне в низкий мертвый гроб?..

Куда Господь с кустом?

Куда с кустом?..

Да куда мне в тесный блеклый саван с веющим жемчужным лепетным кустом кустом кустом кудрявых ярых пробужденных рьяных бражных первых пчел пчел пчел?.. Но!.. но... Но река течет течет течет течет течет течет... О боже о Господь Какое Слово не не не не уходящее во гро́бы?.. Какое Слово?.. Слово Восходящее и из кладбищ какое слово восходящее родящее царящее нетленное Зерно Зерно Зерно?.. Какое Слово?.. Иль не знаю?.. не дано?.. Иль не дано?.. Какое Слово?..

А река течет течет течет о боже...

Какое Слово?..
...Шейх Абдулла глядел на воду реки и слился с нею... Теченье! Шейх Хайрулла глядел на пламя костра и вошел в огонь... Горенье!.. Шейх Файзулла глядел на землю и сошел в нее... Тленье!.. Шейх Нарзулла глядел в небеса и стал птицей... Паренье!.. Шейх суфий Баязид Бастами глядел в душу и узрел Бога... Озаренье!.. Я глядел и в реку и в костер и в землю и в небо и в душу... И что?.. Тленье!..

Не уходи не уходи волна блаженная блаженная блаженная...

Да! да! да! да да да... Но какое Слово пред Уходом? Но какое не не не не уходящее во гроќбы?..

...О Раис Абу Али ибн Сина мой Учитель мой Усопший вы речете: не забудь вовек того кто хоть однажды напоил тебя водою!..

Это Слово?..

Но я говорю: не забывай о тех которых ты не напоил не одарил последнюю водою... А таких много...

Это Слово?.. Боже боже други ивовые склонные не знаю!.. я в истоме смертной лени пене дрожи... отпустите... отпустите тихо молча молча молча... нескорбно... я не знаю... отпустите... не стойте у Исхода Перехода... Отпустите други ивовые склонные... отпустите во гроќбы... О боже!.. Какое какое какое Слово?.. Больно Боже!.. И занозы ранят кожу! И у ложа вьются саванные пчелы!.. Боже!.. боже боже боже... Но какое слово?

Шейх Абу-Саид блаженный вы воскликнули в мечети в хмельной слепой проповеди: господь помоги мне!.. О Господи как одинок я! одинок о боже!..

Это Слово?..

Но я скажу скажу скажу: а караван завечерел... А жизни караван моей завечерел а потемнел а поредел а поредел... а уходит а уходит а уходит... тонет тонет... тонет...

Но я любил иные караваны... я любил иных прохожих человеков... я любил иные караваны жизни... я любил захожие прохожие караваны непрожитые на непро-

житых дорогах... я люблю их и на этом ложе... я люблю иные караваны и на этом и на этом ложе... и они не проходят и они не уходят и не одинок я Боже... и не одинок о други мои ивовые склонные влюбленные...

И караван уходит мой а иные... близкие прохожие чужие но родные не уходят... не уходят... не уходят... И мои колокольцы оборваны а их несметны их бессмертны колокольцы их доносятся... поют... их колокольцы не уходят... не уходят... не уходят... Да Господь да я любил прохожих чуждых и люблю их на последнем ложе... Да мои последние осталые согбенные святые други мои склонные!.. Да Господь да в мире нет нет нет прохожих... есть лишь близкие родные... Есть лишь ро́дные... лишь кровные!.. Да Боже!.. Вон... я слышу... колокольцы... хлебный караван в Кашгар уходит... Господи молю тебя... Дай миновать ему огузов стрелы хлесткие морозные заспинные разбойничьи охотничьи... Дай и огузам... чтобы не споткнулись чтоб не захлебнулись пеной смертной алой их ахалтекинцы-кони кони кони!.. Дай о Боже!.. Это Слово? это слово это слово?.. Это Слово?.. Боже?.. Какое?.. не не не не уходящее во гро́бы?..

...А река течет течет течет течет... а не уходит... а уходит...

Слово?.. Пред Исходом... Други склонные... не знаю... други ивовые тихие отпустите во гробы́!.. молча... Слово?..

...И я совершил хадж в Мекку... к Каабе... и я шел за Словом божьим... И я шел шел шел за Словом... а оно во мне похоронено... а куда ходить когда душа померзла поморожена... а я шел за Словом... а оно во мне схоронено схоронено схоронено... обронено обронено...

И я шел и видел безбожные ослепшие блаженные бражные народы... народы без книги без храмов божьих...

И я шел и видел сады несметные ярых плодов яблок... слив... персиков... необозримых... несобранных... червивых... упоенных... палых... уходящих слепо в землю жирную бездонную...

И я видел бражных заблудших блаженных садовников... апостолов садов заброшенных... плодов черви-

вых неподобранных... апостолов бражных слепцов-народов...

И я шел в народах бражных пьяных от вин несметных млечных медовых сонных быстроногих плодов несобранных...

И я шел в народах безбожных бражных пьяных палых... в червивых плодах несобранных... идущих в землю безымянную бездонную...

И были пьяны сады... и плоды... и садовники апостолы... и народы... и черви бездонные...

И один из них садовник-китаец сказал мне: куда идешь?.. Что дальше этих млеющих садов?.. слепых заглохших сладких липких медовых?.. Куда идешь?.. Мои сады — и есть сады необозримые истин божьих! Мои медовые сады — и есть сады божьи!.. Мои народы бражные лежащие медовые и есть народы божьи божьи божьи!.. И куда уходишь?..

Тут Слово!..

И лежали бражные ослепшие медовые пророки в садах народов палых бражных медовых!.. И лежали бражные ослепшие медовые заблудшие пророки апостолы садовники!.. И куда уходишь?.. Тут сад истин божьих!.. Тут Слово!.. И куда уходишь?..

Тут слово?..

Но гляди садовник-бражник но гляди: твои сады... твои плоды... твои народы червем вьющимся густым источены исхожены изрыты... разворочены... о боже!.. Но гляди Садовник: из ноздри твоей измятой пыльной пьяной червь сырой жемчужный вьется хлещет льется не уходит... в очи очи дымчатые дымчатые восковые восковые одурманенные проснется... о боже!..

Это Слово?..

И ушел я...

И там было поле золотых подсолнухов высоких... И иные пали тяжко тяжко сонно надломились от собрания слепых избыточных семян теснящихся огромно оголтело жаждущих исхода... И их приняла земля глухая муравьиная бездонная... А иные стояли златоглавые златоосененные вольные солнечные... озаренные... божии... стояли устремленные... средь пригнетенных истомленных семенами поглощенных...

И я вспомнил те сады... того китайца Садовника... те бражные безбрежные народы... И поклонился помолился

тем тем тем подсолнухам убереженным легким озаренным... ненадломленным... И зашатаются стволы народов... И будут палые... и будут сбереженные... О боже!.. Это Слово?..

Други ивовые!.. не знаю... отпустите во гро́бы...

И поле подсолнухов меркло!.. И поле подсолнухов млело!.. И отошло навечно отболело!.. Не уходи не уходи блаженное... а оно плещется стоит златотелое златотелое златотелое... а меркнет меркнет меркнет... а не меркнет...

А мудрец речет а река течет... А мудрец речет как река течет...

...Не уходи не уходи волна волна блаженная а она уходит... а она не уходит...

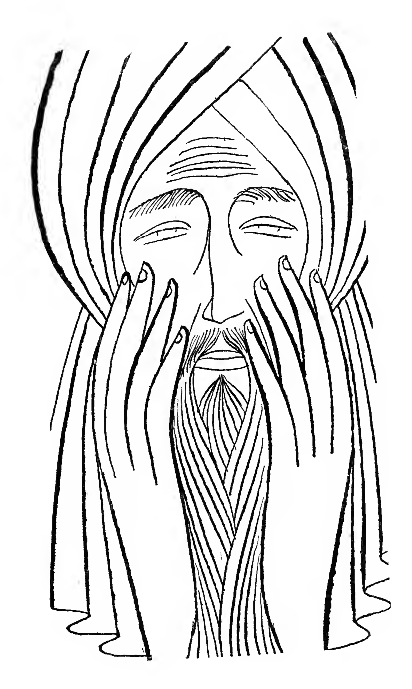
Это Слово?..

Отпустите други други други склонные... Оставьте одного на ложе!.. Други други молчные... ухо́дите?.. согбенные ухо́дите покорные... А Слово?.. Но!.. чу!.. чу... иль слышу? иль послышалось иль встало иль явилось Слово?.. Стойте! Погодите... Может? может? может?.. Иль оно простое как родник лежащий у дороги?.. как родник поящий у дороги?.. Чу!..

Слово? иль шевельнулось донеслось? иль просится иль просится скребется как младенец близящийся из утробы из утробы?..

Чу!.. Я шел к Каабе к Камню Черному Небесному я шел к Пресветлому Аллаху... шел к Аллаху... шел к Аллаху... Я взял с собой в дорогу двух верблюдов... двух ослов... двух верных слуг... земных простых азгабов... Я шел по нищим землям... странам... берегам народам племенам закатным...

Я хадж совершал... я совершал творил завет-закят... я одарял обильных нищих каландаров-дервишей святых последним подаяньем... Я подавал... я отдавал... я милость садака творил... я все раздал... со всеми распрощался... Я нищим подарил верблюдов... и ослов... и отпустил на волю преданных слуг азгабов... и они плакали прощаясь... и я плакал... Я был поэтом имамом нищей страны и я стал нищим и мне легко и вольно было гля-



деть в нищие глаза нищим дехканам... И поклонился тем подсолнухам стоящим небогатым... И я был нищим поэтом имамом нищей страны... и мне было светло и вольно и блаженно и я глядел в глаза дехкан... и я ел и спал с ними на камышовых циновках на кошмах на курпачах на глиняных суфах... и мне было светло и блаженно... и я был нищим вольным поэтом имамом нищей родины державы неоглядной...

И я не боялся глядеть в глаза дехканам... И я не прятал глаз своих... И они чуяли... И знали... И пиалой последнего каймака провожали... И резали последнего петуха раннего глашатая... И плов варили и кишлак спал и кишлак без петуха-глашатая оставался...

...И лишь нищий будет осенен в народе нищем неоглядном!.. Лишь нищий будет осенен глаголами горящими!.. палящими!..

Омар ибн-уль Харис говорит, что пророк Мухаммад по смерти своей не оставил ни динара... ни дирхема... ни раба... ни рабыни и ничего иного, кроме старого мула, оружия и лука, которые он завещал беднякам и близким. Да!.. И лучше кишлаку остаться без петуха, чем державе без поэта-имама-глашатая...

И кишлак спал спал спал без петуха-глашатая оставшись... Но иные уж не спали! уж не спали! уж не спали! А поэт имам а нищий лишь поэт имам лишь нищий Ты Петух Глашатай ранний Отчины Державы неоглядной спящей спящей спящей... Да! Лишь нищий ты Глашатай нищей отчины державы неоглядной!.. Шайдилла!..

И я с улыбкою роздал все!.. И!.. Нищнм стàл я стáл я... О Боже слово! слово! слово! Слово дай мне!.. И Оно вставало... и давалось...

Чу!.. И я пришел к Каабе нищим пыльным немощным улыбчивым дервишем-странником... И там у Каабы стоял дервиш певец-маддох Ходжа Зульфикар в суфийском рубище-хирке и он был изрыт изъеден оспой и был слеп и он пел пел пел и раздольные пьяные тучные жилы на шее его были как реки моей Азии в наводненье... И он пел... и жилы на шее его были как мон реки в наводнение...

И ветер из садов полдневных предпустынных прян прян прян
И мул сомлел на сонной солнечной дороге словно плод падуч червив
плакуч текуч в пыль пал пал пал пал пал
Пророк сидит в тени разбуженных внимающих аллаховых
разъятых разморенных всевеющих всевеющих чинар чинар чинар
Пророк полощет ноги дальние в арыке млечном мяклом
истекающем из плотских из живых телесных лестных млечных
рисовых полуденных полей полей полей
Пророк полощет ноги в рисовом сомлелом тленном илистом арыке
Пророк полощет ноги в месиве текучем терпком солнечном арыке
Пророк полощет ноги в лепетном густом льющемся внимающем
арыке
Дехкане сходятся в полях забыв мотыги голубые голубые
голубые
Летают вьются уповают горлицы пустыни горлицы младые
Дехкане внимают у тенистого арыка
Пророк смугл сметлив иноязык улыбчив здешним запыленным
тих верблюжьим отрешенным опаленным ликом ликом ликом
Речет: человеки родичи о человеки братия воспомните Аллаха
если если веет веет тлеет тлеет из пустыни
если в садах изникли измлели плоды червивые святые пустынные
Воспомните Аллаха опуская ноги скоротечные в нетленные
арыки рисовые илистые пряные святые
Воспомните Аллаха сотворив намаз среди всевидящих полей полей
полуденных молитвенных
Воспомните Аллаха человеки братья ибо близок ибо близок ибо
ближе сына ближе риса ближе поля ближе голубой мотыги ближе
ближе и слышнее смертней бьющей темной под родимой кожей
ближе ближе сонной сонной жизни жилы жилы жилы ближе
Воспомните Аллаха ибо ближе смерти ближе терпкого хладящего
арыка
Воспомните Аллаха ибо ближе гробовой мазаров течной сыпкой
глины глухой глины
Воспомните Аллаха ибо преходящ пророк текуч как плод а
Аллах как небеса плеяд ночных живых пролинвчатых рассыпчатых
недвижен о недвижен
Воспомните ибо срок близок!

А человек двояк как мул: в нем ангел вьет крылом а дьявол
бьет копытом

Воспомните Аллаха человеки азьи Азии мечети высшей
донебесной всесвятой Мечети Всеедной материнской

Материнской!

Потом пророк восстал от хладного от млечного блаженного
смиренного арыка
И к мулу медленно пошел в пыли цветущей выходящей
восстающей превелико
Дехкане молчно стадно свято не решались вслед ему глядеть
лишь осененно озаренно кротко озираясь дико дико дико
Он шел он шел одним крылом играючи вия паря
Он шел он шел другим вздымая пыль хромаючи копытом
Шел шел Пророк играючи крылом небесным и хромаючи земным
косым копытом
Шел Пророк шел шел Глаголы пронося над человеками забытыми

над божьнмн иад смутными влачил Глаголы святые спасительные
Шел пророк с крылом небесным шел с земным копытом
Святые Азьи возносясь за иебеса витали пыли
Внтали Азьн пыли
Внтали святые пыли

Он пел пел пел и раздольные пьяные тучные жилы на шее его были как мои реки в наводненье...

И он почуял меня и сказал: отдай все, что у тебя есть... Сверши святое подношенье...

Тогда я сказал: я все отдал... У меня ничего нет, кроме этого старого пыльного тела...

Тогда он улыбнулся слепым лицом и опавшие его жилы на шее вновь налились тучной тесной кровью и стали как мои реки вешние...

И пыль лежала иа очах устах пророка пыль лежала
И пыль лежала на очах устах пророка пыль лежала пыль лежала
И на градах плодовой Азии отриноувшей Аллаха пыль лежала иеобъятная иесметная лежала
И на градах селеньях Азии пыль лежала пыль аллахова святая пыль лежала
И заметала очи и уста пророка заметала заметала заметала
И заметала пыль поля дехкаи мазары мавзолеи шейхов заметала заметала
И заметала минареты палые мечетей заметенных сокрушенных заметала заметала заметала
И заметала след пророка на дорожном камне отпечатанный стопой стопой
печальной уходящей пыль святая заметала выметала уносила
След текучий след плакучий вынимала заметала заметала заметала
И заметала муадзина рот скорбящий заметала заметала заметала
И заметала азью пыль палящая всеуносящая всеусыпляющая азью азью заметала
И мухн каменные берегов иагих песчаных на уста пророка налипали окаянно
И заметала азью пыль палящая всеуносящая всеусыпляющая азью азью заметала пыль слепая пыль святая усыпляла усыпляла утоляла
И мухн каменные на уста пророка налипали опаляли жалили у рек форелей хладных выжидающих хрустальными очами о очами о очами
Тогда пророк разъял уста и иачертал в пыли глаголы сонными заблудшими недужными перстами о перстами о перстами
И начертал глаголы: человеки азьи человеки о воспомните Аллаха
О воспомните Аллаха человецы мати азьи азьи азьи
И иачертал на мертвой мерклой мяклой всепобедной пыли пыли пыли:

Человеки вспомните Аллаха ибо близок близок срок о человеки
ибо близко близко близко златоизливающее златоуморяющее
жало
Его Жало
Иль льнут иль липнут иль казнят мириады жгучих желчных
златоос в распадах златодынь средь пыльных мутных смутных
азии языческих провидческих нощных немых усиулых навек
дервишей базаров иль мазаров иль мазаров
И начертал: о человеки будьте как форели вольных горных
родников форели со хрустальными очами выжидающими свято
свято свято
О человеки о воспомните Аллаха!
И налетели пряны ветры из садов плодоточащих из пустынь
барханов длящихся моляще
И налетали ветры и духмяные сопрелые и налетали и песчаные
небесные песчаные песчаные песчаные
И размывали разрушали пыли Азии и размывали разносили
размывали
И размывали обнажали города селенья реки дерева поля мазары
тленной терпкой вечной вечной скоротечной течной Азьи Азии
И лишь лежали неразмытые невзятые глаголы лишь лежали на
текучих преходящих пылях на текучем погребенном теле теле Азьи
Азии
О человеки о воспомните Аллаха о Аллаха о Аллаха у Аллаха
у Аллаха
И лишь сии Глаголы неразмытые лежали неоглядно не плескались
а лежали а лежали
Со бренных уст пророка взятых вязких скорых каменные мухи
вьясь виясь свиваясь не слетали не спадали не спадали
проникали побеждали уста свя́тые
А улыбался а пророк очами погребальными играючи
А пророк улыбался очами пылящими
А улыбался чистыми очами форелей хрустальных
А улыбался чистыми очами
Блаже!

И он умолк и жилы на его шее опали и он чуял меня и сказал: сверши сверши святое подаянье!.. Отдай последнее!.. Воспомни Аллаха!.. Перед гробом! перед пылью! перед тленом! перед прахом!.. И сверши святое подаянье!.. Не забывай о дервишах, ибо под видом дервишей приходят Ангелы божьи!.. Ибо и Хызр святой приходит в дряхлом рыхлом золоте дороги!.. Сверши подаянье!..

И я сказал: я все отда́л... И только тело старое осталось!

Но! О Шайдилла! о боже боже! Ты же знаешь! Боже! Больно!.. И занозы ранят кожу!.. Но слова те ранят ранят жалят жалят душу душу душу!.. Но! но! но! но! но! о други склонные... последние... о кровные... о Боже дай

успеть!.. И я скажу То Слово! То! то! то! не уходящее не уходящее во гробы!..

И я сказал: я все отдал... И только тело старое осталось!.. осталось... Я все о́тдал!..

Нет!.. я лгал и он почуял... и ушел с кривым грушевым посохом... И жилы шеи усохли схлынули умолкли... Он почуял и умолк и ушел и сгорбился...

О Боже!.. И досель сгораю я от слов своих на этом ложе смерти ложе! боже!.. И досель о боже тошно тошно тошно! други склонные мои и мне тошно тошно! и досель он горбится он горбится уходит чуя чуя зная зная он уходит...

Я сказал: я о́тдал все... ослов верблюдов слуг азгабов... все я о́тдал... Только тело старое осталось... о́тдал о́тдал... все я о́тдал... Нет!.. Еще была лепешка!.. Самаркандская! обсыпанная маком! млечная молочная лепешка потаенная в узорчатом хурджине малом ветхом шитом Биби-Ситоры святою рукою... Да!.. еще была лепешка... потаенная... о други други ивовые склонные... была была лепешка потаенная... Да... я взял ее пронес чрез все дороги... чтоб окунуть размять в святом ЗемЗеме... в божием источнике!.. Чтоб съесть ее в воде священной растворенную!

И вот я опускаю лепешку потаенную в источник... и вот я опускаю лепешку в источник божий... и вот я опускаю лепешку в источник... а она сохлая жесткая жестокая... И вот я опускаю лепешку в источник... а она сохлая а она жесткая... а она жестокая... а она не мокнет... а она сохлая... И вот я беру ее в рот а она пылится... крошится... а она не идет... а она зубы крушит крошит ломит... а она не дается... И вот я беру ее в рот... а она сохлая жесткая... а она не идет... а она не дается...

Боже!.. дай прозреть на смертном ложе ложе ложе .. боже!..

И вот я бегу в песке... в пыли тревожной мекканской святой пророческой... И вот я ищу певца-маддоха... но он ушел... а у меня в руке сохлой сохлая жесткая лепешка потаенная... Други склонные ивовые... кровные... пойдите в Мекку... найдите маддоха... отдайте лепешку...

вон она в узорчатом хурджине сшитом Биби-Ситоры далекою рукою... Други ивовые склонные... Отдайте последнее... последнюю... Отдайте лепешку... отдайте лепешку... отдайте лепешку...

Вот Оно!.. Вот Слово не не не не уходящее во гробы гробы гробы гробы... Вот Слово не уходящее во гробы... Все!.. Боже!.. боже...

А река течет течет течет течет... а она не уходит... уходит уходит уходит...

Боже!..

...Во имя Аллаха милостивого милосердного!.. Да благословит Аллах господина нашего Мухаммада! Ля-илляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла! Ля-илляха иль-Аллаху Мухаммад Расуль Улла!.. Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад пророк Его!.. Да!..

Я сказал Фатиху!.. Я имам Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим я сказал Книгу Откровений. Я сказал Книгу Моей Жизни. Я сказал Книгу Моей Смерти...

...Не уходи не уходи не уходи волна волна волна блаженная блаженная блаженная!..

Не уходи Волна Блаженная!.. А она не уходит... уходит уходит уходит... Боже!

1973

ТАТТАБУБУ

Поэма о любви великого художника Камолиддина Бехзада

...Таттабубу! Дочь солнечных солончаков! дочь песков! дочь саксаулов! дочь распятских иисусовых маслянистых кустов иссопов! дочь колодезей! дочь туркменская! дочь смуглая! дочь верблюдов заметенных дочь двугорбых верблюдов-тюя дочь многогорбых пустынь! дочь песков змей ящерищ дочь песков песков песков Сундукли! дочь полноводная многоводная река река моя моя моя Таттабубу!..

И я встретил тебя на пустынной окраинной бухарской дороге...

И я стою и гляжу на тебя, на тебя, на тебя тайная сокрытая моя...

Но ты живешь но ты течешь за стенами за дувалами паранджи за волосяными сетями глухими душной накидки-чачвана дочь река Таттабубу туркменка моя моя моя!

И что я пью не воду родников Чорбакри-Мазари бухарских а пью песок кызылкумский туркменский окрестный предбухарский твой и песок сечет ложится течет на язык мой и гортань мою алую забивает заметает?

И протекает песок твой чрез тихую покорную гортань мою в желудок мой в печень мою?

Таттабубу и что черпаю из пустыни хватаю слепыми спелыми руками пью я песок твой у бухарской окраины пустыни, где пески веют льняные змеиные?..

Таттабубу дочь дщерь жена жено полноводная сними скинь паранджу! разрушь чачван мазар дувал мавзолей шелковый паранджу стыдливую!..

Таттабубу дай мне тело твое колодезное родниковое прохладное! Таттабубу дай мне твои соски сосцы сливовые малиновые лазоревые груди купола гробницы Гур-Амира!..

Таттабубу дева многоводная дай напиться усладиться!..

Таттабубу пойдем бежим в поля маков афганских дурных бредовых пойдем поляжем в конопли духмяные индийские! турецкие дымчатые!..

Таттабубу отдай отдай отдай мне алую рану сладкую спелую потаенную персиковую косточку твою!.. Уйю! Уй!.. Алые косточки персиковые дев жен люблю!..

Я дервиш отрок странник святой аллахов художник Камолиддин Бехзад, а дев жеи люблю! люблю! люблю!.. У!..

...Ай Камолиддин Бехзад пыльный отрок дервиш захожий! Откуда ты? Откуда ты? Откуда ты?..

Айя! Я дочь песков Таттабубу я вздрогнула я встретила я увидела тебя на бухарской сумеречной дороге, я гляжу на иоги крепкие цепкие босые твои! на глаза спелые вольные открытые текучие твои! на руки необъятные немые твои — а они хотят взять вынуть тело мое из глухого кокоиа мавзолея паранджи?..

Ай Камолиддин ты хочешь вынуть меня из паранджи?..

Ты хочешь алчешь тело чужой жены?..

Иль ие знаешь Клятвы Пророка о женах?

Иль?.. Святой художник?.. Иль?..

Ай Камолиддии и что мие бежать из паранджи?..

Аллах охраии!.. Охрани сте́иы, дувалы, тю́рьмы-зинданы, темницы, чачваны, чадры, паранджи!.. Аллах охраии тайны свои!.. И что́ без них человек?.. Прах!.. Песок!.. Пыль!..

Но!

Но пойди пойди дервиш страииик отрок Камолиддин пыльиый мой иа бухарский базар пойди!..

И там осень и там сумерки уже и лежат неоглядные несметные пианые пыльные плоды моей Бухары!..

Камолиддин дервиш возьми купи мне арбузов термезских кровавых напоенных! возьми мне файзабадских дашнабадских тучных необъятных рубиновых гранат! возьми купи мне афганских перцев жгучих красных как глаза моих туркменских гонных пенных загнанных ахалтекинских кумысных скуластых кобылиц! возьми возьми купи мне напоследок красномясых терпких мирзачульских хивинских долгих долгих густых тяжких неизлитых как мои груди дынь дынь дынь!

Камолиддин дервиш святой аллахов художник возьми купи мне напоследок кровавых арбузов гранат перцев дынь!..

И приходи в кибитку мазанку мою глиняную окраинную блаженную кибитку низкую у Мазари Шариф!..

И вместе с ночью со звездой Аль-Кадра приходи в нищую кибитку мою и там я бегу выйду из паранджи!..

Ай Камолиддин но принеси плодов на крови! Но принеси нетронутых арбузов гранатов перцев дынь!..

Бисмиллои Рахмони Рахим! Аллаху Акбар!.. Аллах велик!.. Аллах многолик!..

Я жду Камолиддин!.. Я дочь песков!.. Я живу на окраине Бухары, где начинается пустыня, где начинаются пески... И по ночам пески приходят ко мне... И по ночам пустыня, как собака кочевая приходит ластится ко мне, к одинокой кибитке моей, к моей руке...

И я дочь барханов... И я бегу теку в барханах и я брожу в барханах и я опускаюсь лежу сплю в колыбелях сыпучих песчаных необъятных лунных одеялах... И я песками омываюсь... И я дочь дитя ящерица ночных бродячих кочевых барханов...

Приходи Камолиддин!... Я жду Камолиддин!.

И она уходит по сумеречной пустынной бухарской пыльной пыльной пыльной грезящей в ожиданьи скорой ночи нощи дороге дороге дороге...

Виденье что ли?..

Но она уходит но она теснится лоснится атласнотелая в шелковой кашмирской ленной парандже! Тяжелая она спелая она осенняя плодовая она!..

Ноги стоят покоятся хоронятся столпы плоти в шелках как серебряные хиссарские белые жемчужные младые пирамидальные арары-тополя!

Груди пирамидальные неистовствуют плещутся в шелках как тучные тунные сомы форели в дастичумских ледниковых горных реках родниках!..

Ай груди поздние осенние как кисти гроздья избыточные тесные текучие падучие гроздья виноградные рохатинских несметных виноградников! и они обрушиваются дымчатые пыльные тяжкие лазоревые на голову виноградаря как купола святых лазоревых мечетей во времена землетрясений и они трескаются и истекают над головой бедного нищего виноградаря и он стоит с ножом бедным напрасным и боится срезать гроздья эти несметные лазоревые истекающие густыми вязкими медами сахарами!.. Айя!..

Таттабубу ты уходишь по дороге увядающей смеркающейся бухарской и уносишь шелковые тополя-арары свои и уносишь гроздья необъятные теснящиеся рохатинские падающие как кудрявые медовые янтарные златые златые златые водопады водопады медопады.

Таттабубу ты уходишь ты уносишь тайные зрелые груди водопады виноградные с сосками кишащими изюминами агатовыми самаркандскими сладостными яростными!..

Таттабубу дщерь песков! жено! человече! тяжко душно тошно тебе... да!..

Таттабубу но скоро! скоро скоро! скоро... ой ли Господи?.. ой ли? скоро?..

Ой Таттабубу! я бегу в пыли пыли пыли на базар бухарский.

И там ночь нощь уже и там уже ночь тихих молитв и там уже спят продавцы и спят осенние несметные плоды и приходят ночные ночноглазые воры.

Аллах и приходит время сна и ночных молитв и ночных всевидящих воров и приходит время податливых ластящихся дев и жен.

И приходит время смертных вольных охранных волкодавов-псов! Ой!

И приходит время девственниц зеленых ласкать томить оберегать хранить и приходит время жен ластящихся зрелых семенем жемчужным честным сонным чистым одарить окропить.

И приходит время жен чужих чужих иных злых валить крушить кусать губить а любить любить любить! Ай Аллах прости!..

Ай приходит время лютым вольным младым ярым семенем чадить бродить искать исходить!

Ай Таттабубу я вор ночной на базаре осенних плодов твоих!..

Ай Аллах велик! Ай человек многолик! Ай Аллах прости!..

Но я молод и нищ.

И я краду беру с ночной росной розовой липкой базарной земли термезские тучные арбузы и файзабадские рубиновые живые гранаты и афганские жгучие перцы и красномясые мирзачульские хивинские густотелые дыни и кладу кидаю их в свой пыльный кочевой хурджин.

И бегу с базара и спят стоят лежат в молитве святой в намазе божьем забывшись замутившись продавцы и только лают чуют бродят близко алчут пенно гладко сторожевые волкодавы-псы...

Ийи!.. Ийездигирт!.. Дай кувшин-кумган воды вина орзы!.. Ийи!

Аллах охрани! ведь это твой базар! ведь это твои плоды! и твои купцы торговцы продавцы! и твои воры! и твоя ночь! и твои псы!..

Аллах всех благослови!.. Все неповинны!.. Все Твои!..

И я ухожу бегу невредим с ночного бухарского дремливого дремотного базара, от которого уже уже уже веет тлеет сладкосонной курящейся анашей маком индийским медоточивым... слезоточивым душеточивым веселящим скорбящим необъятным необъятным необъятным...

Аллах! И твои звезды знобящие ночные бухарские рядом от мака пронзающего! Аллах помилуй души нищие малые низкие от мака от опия от дыма смертного уморяющего от анаши блаженной к Тебе восходящие!..

Аллах! помилуй души нищие усыхающие как дряхлые древлие рухлые забытые мазары-кла́дбища!

Аллах помилуй души краткие наши на миг на миг воспаряющие возлетающие!..

Аллах! помилуй их!.. а мне дай дай дай Таттабубу в парандже в мавзолее шелковом таящуюся!..

Аллах возьми вечную душу а дай дай дай на миг тленную живую Таттабубу!..

Аллах и я в пыли лежу и молю: Дай Таттабубу!..

Айя! А я бегу с хурджином тяжкнм в пылн пылн пыли святой бухарской по дороге окраииной! н тепло тепло босым моим ногам от пылн ночной и свежо ногам моим босым и хладно хладно хладно... И я ноги усталые в пылн прохладиой купаю... Аллах дай мне пока бухарской святой соиной равнодушиой пылью не стал я!.. А стану пылью — пусть иной отрок дервиш во мне в пыли моей свои живые ногн освежает студнт купает радуется!..

Аллах!..

Но пока!..

Дай мие!..

Таттабубу! туркменка в дремучих шелестящнх серебряных браслетах! ты ждешь меня?

Таттабубу нощь иощь нощь пришла!

Таттабубу где где где в ночн кибитка сирая окраинная инщая безбожиая тумаиная песчаная твоя?

Таттабубу где кибнтка глиняная тнхая саманиая сокровеиная иеверная святая сладкая твоя?

Таттабубу а ты вышла нз паранджи?

Таттабубу и зачем тебе шелковые стены паранджн, когда есть уже глниянные стены кибнтки? И оин окружают окутывают оберегают удушают тело твое вольное твое — глиняные стеиы саманной сырой лазоревой кнбиткн?

Таттабубу н зачем тебе две стеиы? И зачем тебе стеиы глиняные и стены шелковые?

Аллах я бегу, а все кнбитки спят молитвенные спят и там лежат истекают нзвергают нзиемогают нзинкают соплетаясь соединяясь маясь тратясь насмерть чужне жены н мужи!..

Аллах! дай мужам ослов стволы!.. Дай женам грудн слаще даштнкипчакскнх дынь, слаще самаркаидской халвы!.. Дай нх лону свежесть нежность мартовской речиой прибрежной каракулевой родниковой сон травы травы травы!..

Аллах дай нм!.. Им иочным!.. Дай ие спящим творящнм в ночи!..

Но!.. Я бегу блуждаю с тяжкнм хурджином-мешком в ночи на дальной дальной окраине святой Бухары у древнего кладбища шейхов усопшнх Мазари-Шариф...

...Шейхн шейхи усопшие мудрецы шепните из могнл,

где кибитка её... Шейхи вы же так же бежали в пыли шейхи шейхи шепните, где кибитка её...

И я стою у молитвенных загробных вязких выветрившихся высушенных как изюм ходжентский плит плит плит...

Шейхи шейхи шепните из-под поминальных дряхлых замогильных безысходных плит!..

И я жду и шейхи молчат, потому что не знают они, где кибитка её...

И я иду бреду по древнему кладбищу забытому и вдруг — о Аллах! что это?..

И среди древних плит могильных забытых холмов я вижу я дрожу я натыкаюсь я набредаю на свежую только что вырытую могилу последнюю яму последнее пристанище человеков...

И свежая только что вынутая земля сыпучая песчаная свежая сырая словно курится дымится еще свежая!.. Айя!..

Кто вырыл могилу эту?.. Кому она назначена?.. И я озираюсь в ночи, но ночь пустынная окрест... Нет никого в ночи... Но земля могила сырая вынутая вырытая только что. Еще не успела она высохнуть на песчаном сыпучем сухом ночном ветру...

О Аллах!.. О человеки!.. И вот вы дышите и радуетесь и печалитесь и не знаете что могила ваша уже уж ждет вас!..

А она вырыта для вас и земля её поднятая свежа сыра темна хладна — и она ждет вас... А вы не знаете... Блаженные слепцы, а вы не знаете...

А может это моя могила?

Аллах но я еще отрок!..

Аллах! Еще рано... Рано?...

О погоди! помедли! не набрасывай на мя Твое последнее земное земляное одеяло покрывало саван с замогильными святыми червя́ми червями!..

Аллах!.. Пожалей!.. Рано!..

Тогда я бегу ищу в ночи от мазара древнего от могилы этой ожидающей уготованной распахнутой как земляное последнее одеяло и хурджин с арбузами дынями перцами гранатами тяжел и ноги мои уже дрожат в дорожной родимой вольной чуткой рыхлой плоти персти летучей пыли пыли пыли...

И тяжел хурджин со плодами на крови!

И я уже далеко от Бухары и уже начинаются забухарские змеиные темные шелковистые волнистые верблюжьи кочевые несметные пески пески пески.

И я вязну тону блуждаю в песках жемчужных сыпучих зыбких одеялах неоглядных саванах ночных...

О Бухара гнездо мое сокровенное лестное тихое!

О Бухара святая матерь!.. О Бухара невинное яйцо лежащее в пустыне средь песков переметных пергаментных текучих великих!..

И будет срок и ты сокроешься изойдешь изветришься сопреешь сомлеешь в песках бездонных...

О Бухара и ты станешь песком кочевым безликим молитвенным...

Ой Бухара! и колыбель люлька зыбка гахвара твоя пустыня и пустыня твоя могила...

Но!.. Аллах продли сей нищий путь от колыбели до могилы!..

И я бегу вязну тону бьюсь в песках с тяжким хурджином...

И уже в пустыне чую малую начальную круговерть песчаную... И уже уже пустыня курится дымится... И уже в пустыне волненье малое... И уже летят сыпучие серебристые летучие первые сети паутины пы́ли пы́ли пы́ли...

И еще лежат бездонные урожаи зерна несметные пустыни!..

Но и они готовятся взойти вознестись взвиться возметаться воскружиться!..

Таттабубу! любовь моя! косой слепой самум близок!.. Таттабубу заблудился я! заблудился!..

Таттабубу там могила для меня вырыта!..

Таттабубу где где где твоя кибитка?..

И тут земной неверный малый огонь огнь дрожащий Камолиддин видит.

И бежит на огонь.

И там у низкой дряхлой рухлой кибитки стоит Таттабубу в темной парандже и в руках у неё рангунская ароматная душистая волнистая свеча горит...

Айя!.. Ийездигирт!..

Таттабубу малая моя свеча свеща в песчаной тревожной кромешной ночи ночи ночи!..

Таттабубу я нашел тебя! Таттабубу самум скоро! Таттабубу впусти меня в кибитку глиняную свою! Впусти меня в паранджу шелковую кашмирскую свою!..

Таттабубу самум скоро!.. Там на кладбище могила свежая пустынная открытая готовая лежит. И кого ждет?..

Таттабубу я принес тебе кровавые арбузы, коралловые дыни, рубиновые гранаты, афганские жгучие перцы!..

Таттабубу самум скоро! Впусти пусти меня! Айя!.. Ийездигирт! Заратустра!...

Пророк Мухаммад! Сегодня ночь Аль-Кадра ночь нощь твоя!..

Дай мне кумган кувшин воды иль кувшин бегучего сребристого песка!.. Но дай дай!.. Но дай мне кумган воды в ночь песка!..

О напои меня водою!.. напои утешь меня собою в ночь песка! Ааа!..

Таттабубу! свеща моя зыбкая в ночи! дай дай дай...

...Отрок! странник пыльный! Иль ты святой Хызр Покровитель путников дервишей в зеленом чапане и пламень огнь зеленый идет бежит вспыхивает от тебя от твоего чапана?..

Путник откуда ты?.. Кто ты в ночь песка?..

Какая пыль каких дорог лежит на твоих ресницах щеках очах ногах?..

...Таттабубу любовь моя!.. Я пришел из Индии... Я пришел из Китая... Я там учился брал перенимал у древних сонных меткоглазых каллиграфов живописцев...

И я принес в бухарском занданийском хурджине мешке моем китайские и индийские благовонные колонковые кисти и яичные лазоревые краски и рисовую бумагу... яньаньскую белую как баранье сало бумагу...

Я художник странник Камолиддин Бехзад пока безымянный но скоро скоро скоро весь мир меня узнает!.. Таттабубу впусти меня!.. Я буду писать переносить переселять тебя на рисовую бумагу Таттабубу скоротечная быстрая моя! Моя моя моя тайная сокровенная лестнотелая в шелковой парандже мавзолее своем!.. Помоги мне!.. Видишь — весь бьюсь вьюсь как в смерт-

ной пенной истоме я... Видишь — я как только что пойманная каменная куница в новой клетке...

Любовь тайная нагая нагая нагая моя моя в парандже своей! Я буду писать я буду писать любить любить тебя! я буду писать любить тебя любовь моя! моя нагая в парандже!

Я буду переносить тебя нагая тленная возлюбленная моя на вечную рисовую китайскую бумагу мою мою мою... Уйю!... Я буду навеки писать создавать творить тебя на вечной бумаге тончайшими тишайшими перстами колонковыми кистями нагая нагая нагая тленная вечная вечная вечная моя!.. Чтоб и потомки наливались соками бездонными хмельными взирая глядя на тебя нагая тайная моя!.. Я отдам тебя потомкам нагая любовь моя!.. А сам не трону и перстом!..

О!.. Алиф!.. Лам... Мим...

Впусти меня в кибитку глиняную в паранджу шелковую Таттабубу переспелая бахча хивинских дынь избыточных моя моя моя!..

И я устал... Впусти пусти меня...

И куница в клетке унялась...

Но она молчит но она не колеблется не колыхнется не содвигнется в шелковой парандже своей в тьмовой власяной сетке-чачване своем...

И молчат таят сокровенные потайные тополя-арары пирамидальные серебряные белые тополя столпы живые сахарные ноги ея...

И молчат таят не плещутся дастичумские тайные тучные сомы форели груди ея кисти гроздья избыточные тяжкие виноградные рохатинские медопады груди ея...

Да!..

И она молчит стоит хранит у кибитки у грушевой тяжелой резной бедной двери двери двери...

Таттабубу я знаю чую в тайных шелках ноги и груди твои а не знаю лица твоего!

Таттабубу сними хоть чачван! покажи яви лицо твое, а паранджу оставь сохрани...

Таттабубу впусти пусти...

Таттабубу я устал... Впусти...

Куница в клетке спит...

Тогда она содвигается у двери!..

Тогда она содвигается мается у двери...

Таттабубу я устал... Пусти... Впусти...

Йездигирт!.. И говорит Аллах: Алиф! Лам! Мим!..

И кто слова сии постиг?..

И кто женщину постиг?.. И женщина жена — Коран мужей мужчин?..

Тогда она входит ступает в кибитку со свечой своей дрожащей.

...Таттабубу я войду за свечой? за тобой? так страшна ночь! скоро самум! там могила свежая кого-то в ночи разъятая раскрытая ждет ждет ждет...

И я вхожу.

И кибитка ее низка глуха нища. И только на глиняном волнистом полу лежит обильная богатая пенная косматая белая молочная младая миндальная кунградская кошма кошма кошма...

Таттабубу я принес твои арбузы дыни гранаты перцы... Я принес плоды на крови́...

И я кладу на белопенную кошму арбузы дыни гранаты перцы и в хурджине остаются колонковые кисти и краски и китайская рисовая бумага моя...

И Таттабубу глядит из чачвана густого вороньего ночного на плоды мои... И лишь блестят ее глаза из тьмы, как ночная вода...

...Камолиддин плодов мало мало мало... Та могила в ночи — моя могила!.. да...

Таттабубу я устал... Дай мне кумган кувшин воды... Полей на руки и ноги пыльные усталые мои...

И она приносит кумган с водой и медный тазик и молча поливает на руки и ноги мои...

Таттабубу любовь моя в парандже и чачване!.. Сегодня ночь Аль-Кадра!.. Святая ночь!.. Ночь, когда Пророку Мухаммаду в откровении был дан явлен сразу весь Коран!.. Ночь когда Пророку явился сразу весь Коран! Вся Книга!..

О Аллах!

...Ночь Аль-Кадра!..

Мы повелели снизойти Корану в ночь Аль-Кадра.

Кто изъяснит тебе, что такое ночь Аль-Кадра?..

Ночь Аль-Кадра стоит больше, чем тысяча месяцев.

В эту ночь ангелы и дух снисходят с небес с соизволения Господа, чтобы управлять всем существующим.

И до появления зари царит в эту ночь мир... да!..

Таттабубу любовь моя!.. Явись выйди изойди из паранджи своей как явилась Пророку Мухаммаду сразу вся Книга сразу весь Коран в ночь Аль-Кадра...

Тогда Таттабубу покорно тихо выходит из паранджи как птица из скорлупы как цветок из почки завязи и стоит у свечи вся нагая нагая нагая.

Тогда Таттабубу выходит из паранджи нагая.

Тогда паранджа с неё спадает как осенняя неслышная листва с золотой речной амударьинской чинары чинары чинары...

...Таттабубу сними с головы чачван вороний тьмовый! я хочу видеть лицо твое...

Таттабубу я люблю лицо твое тайное!..

...Художник, зачем вам лицо мое?.. Вам нужны груди, ноги мои... Вам нужна нагота моя... Зачем вам душа моя?.. И она за чачваном останется... Остается!..

...Таттабубу но сними серебряные степные широкие туркменские браслеты с щиколоток и запястий!.. И они мне мешают!.. И они наготе твоей мешают!.. Как серебряные каменные запруды что реку горную вольную стягивают стесняют загораживают...

И она браслеты снимает собирает и на глиняный пол опускает бросает. И тело её вольное течет как река без запруд каменных серебряных уморяющих удушающих.

Ай ночь Аль-Кадра!..

Ай Таттабубу нагая а чачван лицо сокрывает!..

...Камолиддин, а мнеало, а мне стыдно, а я ведь жена чужая...

Тогда я снимаю свой пыльный зеленый выгоревший чапан и рубаху и только остаюсь в широких сасанидских белых штанах-шароварах...

Таттабубу я изломаю колоиковые кисти! я истопчу яичые божьи краски! я изорву вечиую рисовую китайскую бумагу! иавека! навсегда с тобой остаиусь!
И зачем мие мертвые кисти и краски и бумага мертвая эта?
И что оии рядом с иаготой тлеииой твоей блажеииой божествеииой?..
И зачем я ходил в Китай и Иидию? И что узиал? и что изведал? и каких мудрецов постигал?.. Тщетно тщетно... Тщетио...
И что оии рядом с телом твоим с иаготою твоей Таттабубу?..
И как без тебя теперь буду буду Таттабубу Таттабубу?..
Таттабубу закрой грушевую дверь — там уже разъярились восстали пески зыбучие уже йдут саму́мы...
Таттабубу закрой дверь а я свечу задую задую задую...

Камолиддии Камолиддии! мало мало мало вы приiесли плодов... Там меия могила ждет...

И Оиа тихая идет к двери.
И Оиа вольиая грядет ко двери...
И!..
И там уже Ои стоит.
И там уже стоит Махмуд-Карагач. Чабаи овчар пастух мясиик дальиых травяиых стад стад стад...
О Аллах!..

...Таттабубу жеиа моя. Я устал я пришел от дальиих фаи-ягиобских гориых трав от тесиых курдючиых хиссарских отар отар отар...
Таттабубу там у кибитки стоит моя высокая рассохшаяся фергаиская арба и тьмовый памирский угольный агатовый зверояк кутас...
Татта-джаи я приiес тебе овечьих сыров и свежевзрезаииых каракулевых сладких молочиых пеииых ягият...
Жеиа я приiес тебе таджикскую параиджу граиатовых персидских рытых бархатов а то ты иага, жеиа моя... А то холодио тебе... И я почуял, как волкодав, и пришел тебя согреть одеть...
Таттабубу устал я а мие еще усмирять убивать тебя

жена моя!.. Аллаху Акбар! Аллаху Акбар!.. Аллах велик!.. А человек мал!.. А человек многолик!.. Устал я... Аааа...

И он медленно садится опускается на кунградскую лебединую белопенную кошму.

И он закрывает узкие локайские необъятные глаза чабана.

И он спит.

И только во сне жует зеленый изумрудный насвай-табак.

И только горит раигунская дремливая душистая свеча.

И стоит Таттабубу. И она нага. И только власяной чачван сокрывает лицо пресветлое блаженное ея...

...Таттабубу я так и не узнал не увидал твоего тайного дремного лица! Таттабубу любовь моя!..

...Айя!.. Қамолиддин Қамолиддин! Мало мало мало вы принесли плодов кровавых!..

Там меня могила ждет!..

А Махмуд-Қарагач спит сидя в белопенной лебединой кошме.

И от него пахнет чистыми горными травами ручьями...

И от него пахнет горючими вольными ночными кострами...

И от него пахнет кочевым терпким потом и овечьим молодым сыром и свежевзрезанными каракулевыми ягнятами...

И от него пахнет дремучими пастушьими бездонными горными святыми звездáми...

И от него пахнет дремучими гонными голодными лютыми безухими бесхвостыми псами-волкодавами...

И от него пахнет ночью Аль-Қадра...

И от него пахнет Аллахом!..

...Добродетельные жены отличаются послушанием и преданностью: в отсутствие мужей они заботливо оберегают то, что повелено Аллахом хранить в целости!.. Да!..

Да?.. Но кто остановит самум, кто остановит пески семена летящие вольные блаженные аллаховы?..

И Таттабубу подходит к Махмуду-Карагачу мужу своему и рядом с ним на кошму покорно опускается.

И они сидят рядом. И она нага. И горит свеча рангунская. И лежат арбузы дыни гранаты перцы мои на кошме.

И тут в открытой двери появляется морда тьмовая власатая необъятная!

И тут в открытой двери является буддийский тьмовый вороний лик угольный агатовый аспидный лик яка кутаса!..

И лик глядит на свечу!.. на Таттабубу мою!.. на Махмуда-Карагача! на меня полуголого дрожащего уже печального печального печального...

И лик яка молчащего выход из кибитки малый загораживает закрывает...

Аллах!.. Да я бежать и не стал бы!..

Аллах!.. Да я Таттабубу любовь свою не оставлю!..

Йнт! Баш! Хайлар! Аллах! пора пора пора пора... Айя!..

Камолиддин Камолиддин! потушите свечу! задушите свечу!.. Пусть это свершится во тьме!..

Ай Камолиддин-ака... Ай возлюбленный брат! Мало мало мало вы принесли плодов... Там меня могила ждет!.. Айя!..

Но горит свеча

Но горит свеча

Но горит свеча!.. Тогда!..

Гляди художник! Гляди Камолиддин Бехзад! Гляди, как жизнь! как кровь! как любовь! горяча горяча горяча! Не туши свечу! не души свечу! Вынимай колонковую кисть вынимай краску мертвую твою вынимай бумагу вечную рисовую твою!.. Пиши рисуй!.. Передай на мертвой бумаге наготу невинную мою!.. Передай им дальным еще не рожденным кровь веселую безвинную разъятую пролитую мою!..

И художник Камолиддин Бехзад дрожащими оглохшими руками вынимает из хурджина кисти и краски и бумагу и рисует при свече наготу её. О!..

Ой!..

Камолиддин! написал наготу? написал жизнь? написал плоть? а теперь напиши смерть! а теперь напиши кровь!..

Но!..

Но!..

Но зачем ты принес так мало́ мало мало кровавых плодов?.. О несбывшийся возлюбленный мой!..

Тогда Махмуд-Карагач не открывая сонных тяжких глаз вынимает из сагрового сапога мягкий шахринаусский долгий нож.

Тогда Махмуд-Карагач сонный слепой. Печальный он. Насвай-табак сонно он жует.

Потом не отворяя сонных глаз опускает сильно нож в термезский избыточный кровавый арбуз и арбуз враз распавшись яро ало многоводно течет...

Потом Махмуд-Карагач бьет слепым а точным ножом в коралловую мирзачульскую тучную дыню — и дыня алым мясом алой плотью обнаженной дрожит...

...Ай Камолиддин! но зачем ты принес мало плодов...

...Ай Таттабубу!.. Но может злость гнев дрожь мужа в плоды изойдет уйдет?..

Ай Таттабубу! может нож мужа иссякнув устав от крови плодов до тебя не дойдет?

Ай Таттабубу может рука его устанет успокоится усмирится не дойдя до твоих пирамидальных живых ног столпов до грудей гроздей рохатинских виноградов медопадов не дойдет?..

Да мало плодов... О боже!.. Не для нищих любовь...

И нож его бродит над кошмою и находит файзабадские гранаты и их раскалывает раскрывает рубиновые маслянистые гроздья обнажая открывая.

Ай рука его? ай нож его? ай гнев его не устали ли?..

Да плодов мало...

И уже режет нож перцы афганские жгучие красные, как глаза загнанных ахалтекинских кобылиц скуластых...

И нож одиноко стоит в малой глиняной кибитке и нож мерцает и душно тесно остро смертно тошно от ножа...

И плоды разъяты вся!

И дрожь мужа дрожь Махмуда-Карагача не изшла!

И еще бы хоть один арбуз иль дыня! Да нет их!
И пора!..

Тогда Қамолиддин Бехзад идет к ножу и в руках его лишь хрупкие ломкие колонковые кисти художника.
И что они против ножа?
И что художник против воина мужа убийцы хранителя стад стад отар отар отар?..
И что кеклик куропатка что каменная куница против волкодава волка пса?
Но!
Таттабубу любовь моя но я умру прежде тебя! Таттабубу пусть нет плодов уже, да есть я!.. Может нож Махмуда-Қарагача мужа твоего усмирится угомонится успокоится растворится разбредется во мне в теле моем и не дойдет до тебя любовь любовь моя моя моя?..
...Махмуд-Қарагач!.. Я тоже плод на крови! Бей меня — и уйдет дрожь твоя. И твой нож растворится истает в теле моем... И та могила, которую ты вырыл,— могила моя!..

И я бросаюсь рвусь к ножу и тогда Она говорит из чачвана глухого слепого:
— Уходи Қамолиддин... Он мне не только муж... Он отец мой. Да!..

...Таттабубу! Что ты?.. И я останавливаюсь у застывшего ножа? Таттабубу! что ты любовь моя?..
Айя!..
Да Қамолиддин! Да!..
Иль не знаешь что есть садовники сами поядающие плоды дерев своих?.. И у него одно дерево плодоносящее — и он поедает плоды его...
Иль не знаешь, что есть чабаны сами поядающие ягнят стад своих? У него одна овца — и он поедает агнца ее!..
И грядут времена, когда у каждого будет всего одно дерево плодоносящее — и он сам будет поедать плоды его. И забудет о людях.
И грядут времена, когда у каждого будет всего одна овца — и он сам будет поедать агнцев её... И забудет о людях...
И тогда будет тьма... И война...
О Аллах! Дай!.. Многоплодовой матери Азии дай!..

И я жеиа Махмура-Карагача! И дочь дщерь его кровная... И я ветвь древа его и плод н агнец стада его... И ои поедает плоды мон...

И потому уходи Камолидднн! И не мешай мужу моему н отцу моему н ножу справедлнвому его!.. Иди! Камолнддин!..

Но что́ что́ что́ мало мало ты прннес плодов?..

И там меня могнла ждет... И пока пескн не засыпали её — я лягу в нее...

Это Махмуд-Карагач вырыл её... Он зиал чуял измену мою... Да не успели мы возлюбленный мой!..

Идн Камолиддин!.. Идн!.. Бегн!.. Хранись!..

Таттабубу ио в иочь Аль-Кадра! но в иочь Аль-Кадра!..

Махмуд-Карагач иль не знаешь Четвертой Суры Корана «Женщины»?

...Запрещается вам жениться на матерях, дочерях, сестрах ваших!..

Иль не знаешь?..

...Камолнддии говори далее Суру!.. Что молчишь?.. Говорн далее!..

...Но раз уж это свершнлось, Аллах простнт по снисходительностн и мнлосердию Своему!..

Но раз это уже совершнлось!.. А совершилось! А совершнлось Камолндднн!.. Уходи!.. Оставь нас художинк!.. Оставь иас возлюблеиный мой! Мие холодно иагой! А от крови мне будет теплей! Не мешай ножу!.. Иди!.. Быстрей!.. Бегн! Возьмн кнстн свон!.. Беги!.. И свечу теперь потушн задуши... Пусть смерть как н рождение свершнтся во тьме в ночи!..

Аллаху Акбар! Аллах велик!.. А человек мал! А человек многолнк!.. Ийн!..

Тогда я бегу к дверн и там агатовая морда власатый будднйский лнк яка мешает мне...

И будднйский угольный адскнй лнк яка кутаса взирает дремно задумчиво колодезно иа меня и я мучаюсь маюсь стою у лика этого...

Ангел Азраил пришел что ли в эту кибитку и глядит тьмовыми власатыми дикими равнодушными очами глазами чуя близкую добычу поживу?..

Художник!.. Иль ты должен глядеть взирать на жизнь и смерть буддийскими дремливыми глазами яка кутаса? Иль?..

Тогда я руками хватаю яка за морду за лик буддийский равнодушный! тогда я хватаю яка тогда я тычу колонковыми кистями в выпуклые квадратные агатовые коровьи сырые его глаза темной мутной воды: Бош! бош! бош! Уйди!..

И плачут текут очи яка...

Задыхаюсь я...

Тогда он обдает меня обливает обильной ядовитой слюиою и тяжко сонно голова его отходит от двери и выпускает меня!.. Ай!..

Да тут уже метут беснуются плещут пески! да тут уже самум рассыпает необъятные летучие неоглядные зериа кишащие песков песков песков... пескаааа... Аааа...

Да тут уже вся пустыня восстала поднялась разъярилась встала в небеса...

И я бегу ищу брожу и я гол и пески секут глаза мне и тело мое худое...

Таттабубу!.. Прощай!..

Аллах побереги помилуй и сохрани в песках...

Аллаху Акбар!..

Аллах велик...

А человек мал...

Ааааааа...

А...

Сколько прошло протекло пронеслось с той ночи песка?..

...Таттабубу Таттабубу!.. И через пятьдесят лет я пришел из Герата в Бухару...

Таттабубу Таттабубу и я иашел забытую нищую святую могилу твою Таттабубу Таттабубу!..

И я стою над тобой и я стою над могилой твоей Таттабубу моя!..

И я стою в шелковом зеленом чапане шейха и в жемчужной бухарской чалме над тобой возлюбленная моя моя моя...

И я великий художник Камолиддин Бехзад Мастер Павлиньего Хвоста и знает весь мир от Багдада до Джайпура меня...

И я стою над тобой любовь моя!..

И я плачу над тобой Таттабубу моя...

И я могу теперь купить все арбузы и дыни и гранаты и перцы Бухары...

Да поздно любовь моя!..

...Камолиддин Камолиддин и зачем вы принесли так мало мало мало плодов?..

Камолиддин Камолиддин! Там меня могила ждет!..

Ой Таттабубу! ой ой ой!.. Как далеко!.. Как далеко... Как далеко...

И я плачу над тобой...

И я плачу над тобой Таттабубу возлюбленная моя!..

И я плачу над тобой любовь моя!..

Таттабубу Таттабубу а я так и не узнал не увидал лица твоего любовь моя!

Так я и не видел лица твоего любовь моя!..

Но скоро скоро скоро я увижу его любовь моя!..

Ты покажешь мне его Таттабубу моя?.. Ты покажешь явишь мне его любовь моя?.. Ведь все эти пятьдесят лет я ждал, я искал его, любовь моя!..

Ты покажешь явишь откроешь мне его навеки на века любовь моя...

Таттабубу... любовь моя...

Аллаху Акбар... Аллаху Акбар... Аллаху Акбар...

Аллах велик...

А человек мал...

Ай...

1980

ПОЭМА
О КНЯЗЕ МИХАИЛЕ ЧЕРНИГОВСКОМ

...О, стонати Руской земли, помянувше первую годину и первых князей...

«Слово о полку Игореве»

О русский грешный вольный неоглядный человече человек!.. Дай в русском поле одиноком постоять...

И кто там в поле бесприютном без креста, без памяти зарыт убит забыт?..

И чья невинно погребенная до времени, до срока кость посмертная нагая кость живая страждет вопиет болит молит скорбит?..

И столько там — в военном русском поле — безвинных недозрелых нераспустившихся тел и душ лежит

Что там земля горит и травы не родит

И там могилы как солончаки такыры соляные наги наги наги.

И им травой забвенной насмерть навека́ не зарасти!..

Ей, ей! о Русь! сладки темны твоя пути, твоя судьбы́, твоя суды!.. Аминь!..

Но!.. Русский человек, гляди через века, как помирали князи твои...

Гляди!.. Вот предок брат твой князь Михаил Черниговский сын русский дальный у шатра у юрты ханской у батыевой стоит.

Твой брат князь Михаил у шатра Батыя Батыгихана погромщика губителя язвителя червя загробного Святой Руси стоит...

Дай сыне постоять у тех святых у наших русских вопиющих безвестных безымяиных у могил могил могил!..

Эй русский человече ныиешний человек бражник грешник иль забыл?.. Гляди!..

Гляди на брата твоего единоутробиого гляди на русского кйязя пресветлого Михаила Чериигопского!.. Гляди!..

И князь Михаил посол вестник Руси весел от коня сошедши только что с веселого коня сойдя идет весел улыбчив горюч текуч горяч как ноздря дышащая гневно гонно ноздря его кояя...

И князь Михаил Черниговский сойдя сбежав спав млад с коня идет хмельной лесной идет неготовый яростный русский улыбчивый отвореииый идет к шатру хаиа Батыя...

И там стоят нукеры и темиики и шаманы-тадибейи самоедские и чадят костры и нукеры кричат: Кху! Кху!.. Берикилля! Берикилля!.. Урангх!.. Уран!.. Айда!.. Нож о горло точить ласкать ломать укрощать!..

...О Господи о Спасе Иисусе охрани меня мя неповинного Твоя!..

А в степи татарской сырой чужой продувной февраль.

А в степи февраль.

А в душе князя февраль.

А в душе князя Русь-улус-ясак-тать тля-оброк-падьраиа-свеща-таль....

А в душе князя Русь — малая дщерь его отроковица Василиса в княжеском платье рытого золотого персидского бархата бежит бежит бежит в талых дальных черниговских родимых холстах холмах простыиях льияиых снегах снегах снегах...

И ручонками берет и пьет талый снег хрупкий ломкий сквозистый крупитчатый оиа...

Дщерь, не пей талый снег... Дщерь, остудишь отроческую юную гортань...

Русь... Дщерь в снегах побереги девичью блажеиную гортань...

Дщерь не пей полевую таль!..

А в степи сечень февраль. А в степи шатер. А в степи Батый-хан.

А князь идет к шатру а в душе его болит бежит Русь дщерь его отроковица непослушная певунья лепетунья лопотунья младшая его Василиса в черниговских талых снегах и пьет снега и берет снега в уста в девичью хрупкую арбузную алую податливую гортань...

Ай дщерь возлюбленная лакомая нельзя!..

И улыбается Михаил Всеволодович князь отец воспомнив дщерь в талыих полях поляк полях...

Ай Русь!

Ай дщеры!..

Ай поля ай талые снега!..

Ай мне уж вас не увидать!..

Но!..

Но улыбается князь отец воспомнив дщерь свою бегущую в талыих черниговских полях... полях... полях...

И на князе беличий охабень с откидным четвероугольным воротом кобеняком соболиным, а на крутых ногах пестрые сафьяновые булгарские сапоги с серебряными подковками, а под охабнем красная рубаха персидского шелка и пояс золотой витой, а под рубахой открытое чистое молодое снежное сметанное тело — такое оно невинное упоенное! так жить дышать хочет хочет жаждет алчет оно!..

Но!.. Но...

...Кху! Кху!.. Айда!.. Уран!.. Берикилля! Беркилля!.. Аман! Аман! Аман!..

А у шатра хана Батыя два костра чадят горят.

И там растет стоит поминальный адов куст китайского змеиного карагача.

И там на повозке стояли стоят идолы из войлока Заягачи — Хранитель Судьбы и Эмегелджи — Творитель пастырь монгольских необъятных стад стад стад.

И там на повозке стоял стоит Идол Образ Повелителя Вселенной Чингиз-хана из тибетских тьмовых непролазных шкур горных яков зверояков кутасов...

И там стоял Идол Гад Кат Кость Смерть Тлен Червь Прах!..

...Айда князь коназ Михаил айда смирись поклонись Идолу Чингизу дремлнвому могильному татар!.. Айда!..

Иль не нужна не дорога не заветна красавица блаженная чаша потир хмельная русская глава гордыня голова?..

Иль хочешь голову-чашу обронить расплескать?..

Иль не поползет перед Идолом льстивая змеиная покорная она?

Айда князь!

И два шамана-тадибея прыскали кумысом свежим в Идолов их и шипели шептали:

— Утт! Отт! Очча!.. Кычча! Кииск!.. Кто минует костры — тому смерть! Кто минует поминальный куст — тому смерть! Кто минует Идолов — тому смерть!..

И два адовых батыевых сотника сокровника охранника Кундуй-Казан и Арапша-Сальдур кричат поют велят князю Михаилу Черниговскому послу Руси и соратнику сподвижнику его боярину Федору:

— Князь — поклонись огню! Поклонись кусту! Поклонись Золотому Властителю Чингизу из тибетских горных высших шкур!.. Уйю! Уй!..

Как горят костры!.. Как глядит поминальный чингизов куст, а из него змеи как от живого Чингиза Хакана смертные конницы кумысные гортанные победные пылящие тюмены тьмы ярые весенние гюрзы змеи рыщут ищут ползут яд спелый несут!..

Как Идол мерцает агатовыми маслянистыми мерклыми ночными бычьими очами из звериных чуждых замогильных шкур шкур шкур!..

Уйю!.. Горю... И доселе через семь веков горю!.. И доселе через семь веков я русский обделенный человек горю!..

Но! но но но но...

Но улыбается русский великий князь Михаил Всеволодович Черниговский воспомнив дочь дщерь Василису отроковицу непослушную свою берущую пьющую ломкий талый снег в черниговских полях полях полях...

Ай!..

...Дщерь не бери ручонками вербными пуховыми первыми талый снег и не клади его в уста...

Дщерь не остуди не повреди побереги девичью ломкую алую заветную завязь побег гортань...

Дщерь...
Василиса...
Русь...
Отроковица...
Слышишь князя?.. Слышишь отца?..

...Слышишь Михаил князь коназ?.. Пади у подножья куста... проползи меж двух огней костров!.. Поклонись помолись Яку Чингизу Идолу татар!.. Айда, коназ!..

А потом будем пить хмельную орзу из батыевых златых златых златых пиал...

Айда!..

Животы да души будем ублажать! Уран!.. Я люблю тебя князь коназ!.. Айда!.. Айда жить! Айда пить! Айда гулять!..

Но русский князь коназ улыбается и разбегаются в улыбке доброй атласные щеки добрые его как два младых раздольных луговых гулевых коня...

Но...

...Нет, Арапша-Сальдур!.. Нет, Кундуй-Қазан!.. Нет, хан Батый!.. Нет победная гортанная монгольская рать!..

Не паду я у куста. Не проползу меж двух костров, прося пощады у огня. Не поклонюсь не помолюсь Яку Идолу Чингизу усопшему живых татар... Оле! Ей, ей!..

Ибо!.. Понеже!..

Русь идолов в кострах в душах навек изжгла. (Ой ли князь?)

Ибо!.. Понеже!..

И там остался в дальнем христианском приднепровском праведном первокостре Рогволд-Язычник первенец мой старший брат.

Ибо!.. Понеже!..

И пришел на Русь навек Иисус Спас... (Ой ли навек, князь?)

...Аз есмь Господь Бог твой. Да не будут тебе бози инии, разве Мене. Не сотвори себе кумира, и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землею. Да не поклонишеся им, не послужиши им...

Да!.. да... хоть скорбит чует плоть и душа моя... Но. Да.

И улыбается русский христианин князь Святовитязь Михаил Всеволодович Черниговский.

И щеки его расходятся разбегаются как два атласных круглых яблоневых сильного теста замеса коня. Да.

И бежит бежит бежит в душе его последней вольной и бежит в черниговских полях дочь дщерь меньшая младшая его Василиса и ручонками вербными прутьями талыми берет черпает с поля талого изниклый талый снег и кидает его в уста и студит ласкает веселит девичью гортань...

Но! уже! пора!..

Но. Уже. Пора.

...Уран!..

Я поклонюсь тебе Бату-хан.

Я поклонюсь рабу твоему.

Я поклонюсь коню твоему.

Но не мертвому кусту.

Но не мертвому огню.

Но не мертвому Идолу из шкур.

Ибо Русь — обитель Христа а не идолов кумиров! да...

И так было десять раз.

И десять раз Батый-хан посылал к князю Михаилу Черниговскому адовых ползучих змеиных нукеров своих... Беркилля!.. Князь коназ! Аман! Аман! Аман!..

...Ай Русь! ай дщерь сирота!

Ай гляди гляди гляди через дремучие забытые века!

Ай гляди на князя своего!.. Ай ай как хочет жить он...

Гляди — он жив жив жив еще!..

Еще не поздно!

Еще горит дышит младое яблоневое тело его!

Еще улыбаются уста!..

Айда! Князь!.. Айда жить! Айда пить! Айда дышать гулять!..

Поклонись Идолу Мертвецу и будем пить в шатре орзу кумыс из золотых пиал!..

Айда!..

Князь Иуда! Князь трупопоклонник айда!..

Но!..

Гляди Русь на Христианина Князя своего!.. Вот Он!..

Вот четыре волчьих бычьих налитых нукера-татарина тихо тесно нежно берут обвивают облегают его... Вот снимают сбирают бережно беличий охабень с тела русского крещеного его...

Вот снимают красную льющуюся рубаху персидского шелка с тела сметанного ярого его... Вот снимают осторожно золотой витой пояс с тела неповинного его...

Гляди Русь на Князя Святовитязя своего!.. Вот!..

Еще не поздно князь коназ Руси!..

Вот Кундуй-Казан и Арапша-Сальдур стоят близ Михаила.

Еще дремливые сонные они. Еще их очи татарские степные узкие спят они.

Еще им лень очи разъять разлепить отворить открыть. Ийли!.. Йнли!.. Или?.. И?..

Еще не поздно князь! Еще текут твои блаженные волны дни...

Русь! но Ты Ты Ты не затворяй не отводи очей бесслезных немых через века века века ясноокая гляди! Гляди!..

Вот Кундуй-Казан и Арапша-Сальдур сонно а сочно глухо мясисто телесно бьют тычут хлещут ногами князя в грудь. А ноги их обуты упрятаны в сыромятные монгольские гутулы-сапоги без каблуков.

Вот они бьют князя в живот в грудь в ребро в кость. Долго бьют.

И у Кундуй-Казана сапог рвется и как луковица глядит из сапога рваного желтая монгольская кочевая пятка. И она жилистая хлесткая. И она врезается прорывается в живот князя. И долго так.

А князь Михаил Черниговский стоит. И улыбается Он. И стоит.

Эй Русь! гляди!.. Гляди на Князя Святовитязя своего!..

Ибо будет проклят забывший о могилах святых родных...

Гляди! Сквозь тлен сон одурь ложь пагубу вековую смертную чрез пелену смертную чрез гроб чрез могилу чрез траву забвенную могильную плесень паутину твою гляди гляди гляди...

Аминь!..

Гляди — и на губах Князя играет течет пузырится вспыхивает искрится рубиновое алое нежное пламя от легочной крови яблоко облако малиновое кровавое.

А Князь улыбается... А Князь облако глотает а оно не дается не глотается а оно не тает а гуляет на устах его блуждает гуляет...

Князь ты помираешь?..

Ты падаешь уже валишься?..

Твое тело нагое беззащитное белое как лебединое яйцо с которого согнали птицу наседку матерь периатую?..

И вот вороны напали на него и клюют опустошают его вороватые тайные адовы враны?..

Князь Руси Михаил Святый Ты помираешь исходишь кончаешься а Идолу не молишься не поклоняешься?..

Князь Ты помираешь?.. Русь ты помираешь?..

...Да помираю. Да ухожу. Да Идолу не молюсь не погаиюсь не склоняюсь. Да улыбаюсь. Да облако малиновое последнее на уста нашедшее исшедшее из чрева моего избитого глотаю...

Но!..

Но там в полях черниговских Русь... дщерь младшая моя Василиса берет изииклый талый снег вербиными дымчатыми ручонками прутиками ивовыми и кладет снег в гортань малую...

Дщерь не надо...

Слышишь дщерь моя младшая заблудшая в полях талых?..

Слышишь дщерь Русь сирота уже моя уже сирота малая?..

И будут на Руси сироты без отцов.

И будут на Руси жены без мужей.

И будут на Руси матери без сынов...

И будет Русь вдов...

Но ты слышишь меня мя дщерь дочь младшая моя?.. Не бери снег полевой в гортань в уста!..

...Тятя... тятенька я слышу последний глас твоя... Слышу, тятенька, тятя отец князь...

И тут что-то Василиса останавливается выпрямляется вырастает в поле... что-то слышит чует она... что-то снег из уст из рук из гортани непослушно неповинно льется на поля...

Что-то снег текуч плакуч льется из ранних талых русских лазоревых синь васильковых очей ея...

Что-то льется снег талый в черниговские талые талые изниклые поля...

...Дщерь... Не плачь...

И мертвый Святовитязь Князь Михаил Черниговский Христианин пал у Батыева Шатра...

Русь... Дщерь в талом поле... Сирота моя... Прощай!..

...О русский грешный человече человек
Дай в русском одиноком свя́том поле постоять...

...Осенний кроткий ветер тишайшую жемчужную кочующую сеть скиталицу плени́цу полевую паутину нанес набросил на блаженного меня...

1980

АБХАЗСКАЯ БАЛЛАДА

На пицундском брегу на пицундском берегу
Ай да иа дальием давием ай иа дымиом дымиом на пицуидском берегу брегу брегу
Где пицуидские сарматские телесные древлие мясистые сосиы растут
Где самшитовые рощи густотелые маслянистые стоят чадят
Где дремучие жуки-иосороги и бабочки мучиистые летят пылят хороиятся покоятся в магиолий миогосахарных цветах
Там стояли там прощались древний отрок Магаддаргора и дева Ахалсат-лаиь
Там стояли там руками девствеиными соплетались там прощались там клялись там обещали Магаддар-гора и Ахалсат-лаиь
И это было тысячу лет назад
И это было тысячу лет назад
...Невеста моя! я пойду поплыву в Турцию в Грецию в Аравию и вериусь богат
И я ухожу иищ млад смугл а вериусь злат
И я привезу тебе греческий ярый густой как звезда Хидда смарагд
И я привезу тебе африканский несметиый палящий как

звезда многогорбых аравийских пустынь Джидда алмаз
И я скоро вернусь а ты жди меня на берегу брегу дева Ахалсат...
Талатта! Талатта!.. Таласса! Таласса!.. О море море!.. Прими сбереги верни меня!..
Невеста невеста жди жди меня!..
Жди Ахалсат-лань!..
И это было тысячу лет назад...
...Невеста жди меня... Жди Ахалсат-лань!..
И он входит в ладью колхидскую ахейскую смоляную
И остроугольный латинский домотканый крылатый парус льется трепещет над ним
Как майская пицуидская бабочка пыльцовая сыпучая обильная...
...Да!.. Прощай! прощай! прощай!..
Жди Ахалсат!.. Хидда-смарагд!.. Джидда-алмаз!.
Жди Ахалсат-лань!..
...Я буду ждать тебя Магаддар-гора
Я буду жечь возводить творить костры в ночах
Я буду следить искать твой парус в многокипящих сереброшумящих волна́х волна́х волна́х
И мой гранатовый налив цветок росток цвести и рдеть не станет без тебя...
И это было тысячу лет назад...
И лодка жениха ушла
И в Понт Эвксинский ладья колхидская ахейская с латинским парусом сошла вошла истаяла изшла
И каждую ночь и каждую ночь Ахалсат-лань собирала прибрежный морской хворост
И костры возводила берегла в ночах
И ждала
И прошло тридцать лет
И была ночь Рождества Христа
И Ахалсат-лань сидела у костра и в море глядели смоляные как черные росистые ежевики очи ея
И были у нее текучие колхидской лани глаза а теперь от ожиданья стали очи необъятные абхазского орла
И были у нее молодые глаза а стали от моря от ветра от летучего текучего песка от еженощного костра стали очи бзыбского орла
И тут явился взвился восстал латинский парус в волна́х
И тут явилась содвигалась колыхалась колебалась на

волне ахейская колхидская знакомая незабвенная ладья
И там стоял Магаддар-гора
И он был стар
И парус был рван
И ладья была дряхла́
Но Ахалсат-лань была млада!
Но Ахалсат была юна!
Но Ахалсат дождалась...
Но дождались догляделись очи верные ея...
И это было тысячу лет назад...
И это было тысячу лет назад...
И Магаддар-гора сел у костра
Невеста моя многожданная скоро станешь ты моя жена!
Я пришел узнать, как ты ждешь меня...
Многотерпеливая многотерпкая невеста моя ты верна ль как спелотелая жена?..
А не будешь верна — я убью тебя!..
И он брал гладил ласкал берег лелеял руки ея почерневшие от тысяч костров
И он целовал вечнозеленые вечнорозовые терпкие сливы вечнодевьих сосков
А утром вновь ушел в Эвксинский Понт...
...О Ахалсат-лань моя! я привезу привезу тебе греческий ярый густой косматый как самшитовая звезда Хидда смарагд
О Ахалсат моя! я привезу тебе аравийский знойный палящий как звезда многогорбых пустынь звезда Джидда кинжал алмаз
Но как как сладок велик кочевой мир Ахалсат!
Но стал я бродягой Ахалсат
Но нет! нет! нет мне пути назад
Но парус мой дряхл ветх но душа как перелетная птица моя
Но не жди меня Ахалсат-лань
Но я бродяга на века невеста бедная горючая плакучая прибрежная моя
Ахалсат не жди меня
Ахалсат не пали́ не возводи одинокие костры девственницы в ночах ночах бродяги женха
Я болен болен пьян пьян необъятными безымянными бездонными дорогами и языками слепыми сладкими иных народов иных стран
И только смерть прервет порвет дороги струны жилы пьяные пыльныя неоглядные родимые блаженные моя

И люди любят ближних своих а полюбил дальных чужих я
И я птица кочующая ночующая в чужих гнездáх селениях градах
Не жди меня Ахалсат
И что ждать что отворять заветные врата для блудного горького пахучего дремучего гладного хладного пса
И где где где родина волка
Прощай Ахалсат с глазами горного покорного бзыбьского безбрежного орла
Прощай!..
И родимый дряхлый долгожданный парус канул сгинул яростно в агатовых валах горах волнáх
...Не жди Ахалсат-лань!.. Прощай!.. Навекá!..
Но она улыбалась на пустынном брегу где сарматские древлие сосны растут
...Магаддар-гора Магаддар-гора мой вечнозеленый жених! мне не нужен смарагд! мне не нужен алмаз!
Магаддар-гора! мне нужен твой ветхий парус в волнáх!..
Магаддар-гора я буду ждать тебя как древляя тысячелетняя сарматская колхидская сосна
Магаддар-гора жених мой я буду разгонять выращивать ставить возводить костры веселые сиротские блаженные в ночах
Я буду возводить костры невесты девы девственницы в ночь жениха...
И она улыбалась на брегу и агатовая бархатная парчовая волна избегала усмирялась у ног смуглых спелых девьих непочатых нетронутых ея...
...Айя человеки человеки ай человеки ай сладка смертна вечна любовь несметнее пустынь морей песка песка песка
Ай человеки ай любовь вечнопадучая вечногремучая святая ярая блаженная падучая блескучая змея звезда!
Ай да куда летишь грядешь горишь пылишь палишь вечномладая летучая исторгающая россыпь осыпь изумрудов да алмазов беглая текучая божия слезная захожия звезда
Ай да куда летишь куда летишь куда куда куда куда?..
Ай любовь звезда вечнопадучая рассыпчатая свя́тая куда?..
Прощай Ахалсат-лань!..
...Я буду ждать тебя вовеки Магаддар-гора!

Я буду ждать тебя пока кочуют над Колхидой иад Пицундой солнце да луна
Я буду ждать тебя мой дряхлый ветхий изотлелый вечный парус в яростных агатовых ликующих волна́х
Я буду ждать тебя Магаддар-гора...
...Ай человеки ай ай ай ай ай... Да куда?..
Куда течет ползет плывет грядет гремучая падучая змея любовь звезда?..
И это было тысячу лет назад
И это было тысячу лет назад...
...И вот я иду вечерним пустынным пицундским брегом
Где пицундские сарматские телесные древлие мясистые сосны сосны растут
Где самшитовые бархатные рощи густотелые маслянистые чадят стоят творят хранят
Где дремучие пахучие клейкие жуки-носороги и бабочки мучнистые летят пылят забывшись слепившись сцепившись в магнолий сахарных развалистых жирных завязях цветах
И вот я иду пустынным брегом брегом берегом
И там бредет женщина иль дева
И она наклоняется и подбирает морской мокрый хворост
И я гляжу на нее и не пойму — она бредет вдоль моря иль по мо́рю
И не пойму — она грядет вдоль моря иль по мо́рю
И я бегу бегу бегу за ней и догоняю долго долго долго
И не могу догнать ее потому ли что она грядет бредет поет улыбается по мо́рю морю мо́рю
И я кричу: Скажи хоть как звать тебя?..
И она говорит: Ахалсат-лань... Я собираю хворост для костра...
И уходит
И у нее на чистом снежном девьем нетронутом плече чайка вьется лепится хлопочет
И у чайки горючие человечьи очи очи очи очи...
А Ахалсат-лань уходит уходит уходит
И я стою и не пойму — Она уходит вдоль моря иль по мо́рю
Не пойму я о Боже
Но стою но плачу захожусь заливаюсь плачу я блаженною счастливою слезой слезой слезою

1980

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

Тополнный край, стай вороньих грай, колокольный град,
Тщись бежать из Руси, да пощад не проси,
Всяк тут рекрут, солдат, по могиле собрат,
Мать, коня расти! Конь, дитя уноси! Ворог, пленных коси!
Жжено хатам на Руси, вольно гадам, слепо пахарям от зарев,
Мать, пчелиные вишни сосн, дочерей верней сносить,
Чем сынов-шутов хоробрых юнцов следить,
Как залнвнсто под копытами взывают, тишают они,
Тут монашкою прибыльно быть — монастырских оград не избыть!
Да подъехал подметный искрящийся царь —
Эй, молодка, на луг до трубы призывной вылезай,
Схиму смирную сбрось постылую, ноги к царским плечам закидывай!..
Так Русь полнится стыдливо,
Русь даннников сеч извечиых,
Русь неназванных царевнчей.

* * *

Ангел падал, ангел падал на вечернюю волну,
Витязь плакал, витязь плакал, красну брызгал конь слюну,

Цепких три стрелы омыл пеший витязь — конь полег,
Трижды взято, смято горло убегало во песок.
Тонку песню, дику песню дальний витязь напевал,
Долгой крупчатою гущей конь покорный вытекал.
— Ты не майся, не качайся, не смеркайся и не пой,
Буду я тебе летучим и бестрепетным конем! —
Ангел витязю пустынному так вещал с младой волны.
— Я люблю, когда под мною в сече конь пробит стрелою
И ликует, исходя, и клокочет, и парит,
И у моря заревого я над ним свободно вою
И чужие стрелы мою, их слагая в свой колчан.
Ты же, ангел, ты бессмертен, я с тобой забуду песни,
Стану камнем очерствелым, стану змием-людоедом! —
Витязь ангелу сказал, свистнул с луга жеребца
И по брегу к печенегу люто, блудно ускакал.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Воин воин в поле помер воин в поле упокоен воин в поле скошен сложен ко снопу главою
Матерь всходит в золотых колосьях матерь воина главу омоет родниковою водою
Матерь к очам воина склонна мирно неистошно
С холма святого поют бродят вдов пресветлых хороводы
Летают над полем стаи ангелов и воронов

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

И майский Ангел на холме Федосьином стоял
И майский первый Ангел на холме Федосьином стоял
И холм струился солнечный и Русь далёко-далекó чиста ясна была
И стоял Ангел на холме и Русь по-птичьи далеко обозревал
И струились зыбкие смиренные сложéнные блаженные лучистые пречистые всеталые его крыла крыла крыла
И девочка Мария из села Федосьина холомами чудовыми брела
И набрела на Ангела и зашептала: Бела бабочка! Первоначальная!
Весенняя! Подруженька летучая! Со мною поиграй! позавлекай!

И Ангел весел отлетал на ближний нежный холм вставал и верно прирученно ждал:
Мария! Догоняй!..
И девочка за ним бежала догоняла и смеялась гладила его по перьям крыльям несказанным по власам очам устам очарова́нным
Ай! Русь! Месяц май! Кто забрел в холмы — гуляй!.. Ай!.. Ах!
И бежали и резвились и летали и струились Ангел мая Ангел мая с сельской девочкой Марией в русских лепетных холмах

ИСХОД

Где издохли орды чужеродные в Куликовом поле я обвеян ромашек лепестками склонными
Ох земля твои погосты многослойны ворогов походных
Всех сынов новолицых загробных примешь уложишь заботливо

Гусь летит на святую Русь — а под ним иноземец скачет:
Гусь кажи мне последний путь
Гусь ты видишь — я не вернусь
Конь вернется к дитячьим стоянкам к невестам зряшним к кибиткам с гнездами ласточек
Прощай гусь...

Русь!..
Вонтельница!..
Будь!..

ФАРАОН ПТОЛЕМЕЙ

И колесницу Птолемей десницею сдержал и главный конь угрюмо восставал
Нагая рабыня в пыли дитя кормила и два обильных тратились плода
И главный конь в себе далекого прослышал жеребца
И Птолемей воспомнив груди матери кормилицы губами позабыто восплескал
И стоногая колесница обогнув плоды на поле сечи просвистела жалобно заржав.

ЗОЛОТЫЕ ПОДСОЛНУХИ ВЕНГРИИ

В МАДЬЯРСКИХ ПОЛЯХ...

Маргит КОВАЧ

Там можно на лету погладить шелковую лепую лепечущую бабочку мадьярскую
И проводить ее в поля подсолнухов златящихся теснящихся безбрежно необъятно ненаглядно
Там можно на лету погладить кротко трепетную бабочку
И долго долго на перстах твоих пыльца серебряная не угомонится не осядет не уляжется да не истратится святая божья осиянная

Адель ГАЛВАЧ

И днем полуденные подсолнухи разморенные мадьярские стоят стоят стоят неисчислимые от солнца золотые золотые золотые да сухие
А ночью они бродят бродят по туманным млековым долинам все от звезд серебряные серебристые сребристые Росистые

* * *

И вечерние вечеровые коровы несметные мадьярские многоплодовые многососцовые многомлековые коровы уже уже уже бредут грядут плывут с полей по хатам по домам
А я бреду навстречь из дому в дремные во неоглядные мадьярские поля поля поля
Где смутно колосится где колеблется где золотится неоглядная тайная вечеря златых подсолнухов пшениц и кукуруз
Уууууу...

И лишь одна корова смутно зябко зыбко озирается тревожно и долго долго мне глядит вослед печальными разливными полноводными очами как матерь русская родная дальная роднимая моя моя моя моя...

* * *

О путник бредущий впадающий в меланхолию лунных долин
И сухо шуршит под ногами ностальгия осенней травы

И пожелтевшнй кузнечнк печальный весь дрожит от падучей звезды
О путннк ночной безымянный
Я знаю я знаю кто ты́

СМЕРТЬ ПОЭТА

Когда прндет мой срок
Когда прндет мой час
Я выйду в снзый вечер повечерье Тнссаденды
Я выйду в снзый вечер Тнссадеиды дальней дальней давней маднарской деревенькн ветхой ветхой ветхой
Я выйду в марево во зыбкое во золотое марево кудрявых лепых днвных вннограднннков кукуруз пшениц подсолнухов блаженных отягчеиных
Я выйду в марево во стадо коров бредущнх отягчеиных иапоеиных леиных
Я выйду н окуиусь утону забудусь заблужусь в марево полей холмов чудящнх пьяных молеиных
Когда прндет мой срок
Когда прндет мой час последииЙ
Я утону я захлебиусь зайдусь я окунусь забудусь в мареве бездонном твонх кудрявых пьяных бредовых вннограднннков пшеннц кукуруз подсолнухов о Венгрня о Венгрня моя моя моя веселая подруга чарая вечеринца
И заблужусь в полях златых подсолнухов необъятно неиаглядио вечереющнх густеющнх
И лишь падучая гремучая текучая рассыпчатая звезда августа серпеня густаря звезда вечерннца меня заблудшего в полях отыщет отягченная блаженная
И лишь падучая звезда хвостатая последияя меня в полях покойных погребальных святых найдет отыщет осенит согреет иапоследок

* * *

Когда я умру о Венгрня
В далекой азийской пылн дали от тебя о Венгрия
Пусть хоть один из мнриадов твоих золотых августовских избыточных подсолнухов ленных
Наклоннтся иапоеиный и тнхо обломнтся склоиеиный отягченный
И заплачет одннoко спелыми сладкнмн слезами семенами медлеиньмн

В дальную теплую обильную пыль тиссадендскую
Где я бродил босым
По твоим холмам хмельным
О Венгрия

ШАНДОР ПЕТЕФИ

Юдифь Юдифь
А ты жди жди жди жди
А ты жди в ночь полноводья
Ай Юдифь а ты жди
Ай Юдифь Юдифь Юдифь а ты дева наводненья а ты дева половодья
А ты дева неоглядных фазаньих мадьярских несметных золотых златых пьяных чудовых бархатных теснящихся избыточных подсолнухов подсолнухов подсолнухов
А там доселе неслышно Шандор Петефи с ружьем бродит бродит заблудившись затонувши в мареве хмельных подсолнухов
И алмазные фазаны садятся кротко тихо приручено на ружье его загробное
Ай Шандор Шандор где ты бродишь ходишь
Ай Шандор где где где твоя златая золотая вечная бескровная охота
Ай Шандор где возлетают фазаны твоя безысходныя вечная нетронутыя хладныя холодные
Ай Шандор встреча встреча скоро скоро скоро
Ай Боже ай скоро ль
Ай Боже пусть тогда меня уложат да пустят навек блуждать в мадьярские чудовые святые неоглядные подсолнухи
И скажут люди на ином наречьи: Он не помер
Он только заблудился в море необъятных мадьярских сладких тесных золотых златых подсолнухов
Он скоро выйдет к Тиссе из подсолнухов и воды вешней прибыльной богатой сладкой напьется
Ай да что́ я?
Что́ я заблудился что ли в золотых неисчислимых пьяных подсолнухах пустынных многосолнечных
Ай Юдифь пока живой я!
Ай Юдифь ай дева наводненья дева многоводья дева половодья
Ай Юдифь ты жди в ночь воды
В ночь половодья жди

Когда Тисса ночная тайно заберет затопит прибрежные тополи и дубы
Ты жди
Когда вода слепая ночная вольная затопит колени серебря́ные несметные округлые твои
Когда вода тисская темная восставшая затопит соски
в розовых ореолах разводьях разбродах девичьи соски
нецелованные плодовые долгожданные твои твои твои
Ты жди
Когда вода тайная хмельная взойдет до горла до губ смятенных ленных спелых девьих твоих
Ты жди
Юдифь Юдифь ты жди
Ай золотая Венгрия ай дева жди жди жди на брегу большой воды
И выйдет к Тиссе Шандор из подсолнухов немых глухих златых ночных
И станет сладку воду пить
И будут виться ворожить стоять фазаны златые золотые у смоляной его улыбчивой доверчивой главы
Юдифь
Жди!..

ЗВОНАРЬ ИОШКА

Ларисе Васильевой,
переводчице с венгерского

> ...Искусство это заброшено... Встарь хорошие звонари ценились и упражнялись красным звоном, распетливались по рукам и ногам, качались на зыбкѐ и звонили согласно в дюжину колоколов...
>
> *В. Даль*

И там в той деревеньке Тиссаденде был ветхий костел ветхий ветхий
И там был звонарь Иошка ветхий ветхий
И как все звонари он всегда был пиан и весел
И каждое утро я садился в траву и слушал как колокол Иошки будил золотые густые окрестности
И они кротко дымно днвно ответствовали
И я слушал как колокол Иошки будил золотые подсолнухи и кукурузы и пшеницы золотеющие златовеющие златодремлющие

И Иошка с колокольни видел как я сижу в траве и слушаю его колокол одинокий заброшенный забвенный

О боже как тоскует человек по человеку
О боже как тоскует колокол по церкви
И колокол людей в церковь сзывает а сам в церкви никогда не бывает
О боже как тоскует певец в пустыни безответной
И это было на чужбине в дальней дальной ветхой ветхой мадиарской деревушке Тиссаденде
О мой звонарь собрат Иошка певень певун далекий венгерский дальный дальный ветхий
И я услышал я нашел тебя и сел навек во травы благостные летние смиренные
Куда мы все сойдем смиримся претворимся в свой черед иль близкий иль далекий
И с того утра стал твой колокол заливаться радоваться ликовать красным звоном трепетным долгим долгим густым медленным
И много много дней я просидел в траве и долго долго дремно дремно слушал колокол небесный
И много дней не мог уехать и оставить тебя мой собрат Иошка ветхий ветхий ветхий
И тайной ночью августовской звездопадной не прощаясь я уехал
Иошка прости мне мимолетному
Иошка но в далекой московской ночи ночи ночи осенней
Я часто часто слышу твой колокол далекий дальний незабвенный
И через многие версты как журавль перелетный доносится в мою московскую ночь тишь твой колокол блаженный дальный дальный ветхий ветхий ветхий
Иошка прости мне мимолетному прости мне ту ночь бегства
Но
Иошка Иошка я знаю ты ищешь меня ты звонишь звонишь в одинокой ночи тиссадендской
Иошка ты глядишь с колокольни на осеннюю траву где я сидел моленно в травах летних
Иошка я слышу слышу слышу твой голос колокол язык небесный блаженный

О боже как тоскует человек по человеку
Иошка друже я слышу тебя навеки

Я слышу тебя Иошка дальный дальный божий ро́дный ма́дьяр человече

НА СМЕРТЬ КИНОРЕЖИССЕРА ЕВГЕНИЯ ХРИНЮКА

И лежишь в синь васильках в полевых синь васильках в поле золотистой ржи
И лежишь раздольный бражный раскидавшись в поле сын Украйны друже друже любый мой лежишь в поле в поле спелом ржи ржи ржи
И лежишь распавшись разметавшись как хлопец улыбчивый невинный забывчивый лежишь в синь васильках в поле золотистой спелой ярой ленной ржи
Друже уж июль грозник уж рожь поспела друже милый уж пора пора косить друже уж пора рожь дремучую падучую валить вязать косить
Друже вставай подымайся друже сладкий неоглядный ненаглядный друже пойдем в рощи в выдубецкие церковные холмистые певучие шипучие дубы дубы дубы
Друже вставай друже пойдем в дубы а то рожь осыплет на тебя на спящего на бражного блаженного колосья проливные отягченные свои
Друже да пойдем да не измни синь васильки да колосья чреватые сыпучие зыбучие пришла пришла пора валить собирать косить
Друже вставай а то бредет поет по золотистому уж вечереющему уж хладеющему веющему сумеречному полю страж мужик
Иль могутный тьмовый кобзарь с бандурой лунной тихой кобзой? или ярый дремный жнец с последнею косою? с вечерней росной гробовой косою
Друже друже не вижу кто́ там?
Друже вставай уж не видать не различить кто там грядет в июльском густом тесном налитом сизом поле поле поле
Друже вставай уж синь васильки теряют отдают синь синь в дымчатом сиреневом смиренном сумеречном поле живом лазоревом
Друже вставай пойдем мой спящий ро́дной неоглядный улыбчивый привольный
Друже вставай! знаю сладок глубок хмельной маковый колодезный сон в поле золотистых сыплющих златые

зериа семена согбенных святых чреватых перезрелых
угорелых медовых колосьев
Но вставай друже ио нощь уже но пойдем к ближней
хате чудящей в золотых пьяны́х подсолнухах
Друже пойдем из золотого поля в полтавские сребро-
шумящие во то́поли во то́поли во то́поли
Друже вставай пойдем выпьем из батуринской бадьи
сливового бредового раскидистого заливистого крупча-
того первача самогона садового степного
Друже вставай нощь уж в украинском колодезном поле
Друже ночь в поле
Тогда я склоняюсь иад тобою и смоляные муравьи уже!
уже роятся по тебе и не уходят не уходят не уходят
Да что́ ж ты? О боже да возьми меня взамен! о боже
уложи меня в последнем тихом поле боже!
Друже привольный степиой мой неоглядный ро́дный! да
ты не спящий! ты усопший
И руки хладные холодные и очи хладные холодные и
муравьи хладные холодные загробные
Друже да что ж ты? да что ж ты скошенный? друже
друже ивовый да поле то еще не скошено а ты ты ты ты
ты ты ты скошенный в нескошенных колосьях колоколь-
ных погребальных похоронных
Друже да что же оставляешь? да что ж уходишь? да
что же оставляешь одного мя в нощном пустынном без-
доииом враз сиротском поле поле поле?
Да что ж лежишь как винницкий несметный обломив-
шийся уже чужой чужой чужой подсолнух безысходный?
Друже да что́ ж ты
И тут подходит в золотых колосьях ангел жнец кобзарь
с плакучей ветхой сонной свя́той украинской дальней
дальней дальней пыльной пыльной бывой бывой кобзой
И улыбается и тщится силится играть витать на кобзе
дивными иными осиянными перстами волнистыми тон-
костными камышовыми
Да только струны кобзы все не собраны порублены по-
гублены оборваны порушены покошены
Зачем боже?..

* * *

Таджикские мои сады
Мои далекие родные ранние миндальные
Уж отцвели

Уже отликовали отсияли отплескались
Расплескались как пиалы многошумного бухарского дремучего вина в моих перстах во понокотах во ночных
в моих в стареющих в дрожащих...

ДЕКАБРЬСКАЯ МОЯ ВИШНЯ

Она меня ждала и листья сберегала
Она меня ждала и листья соблюдала сохраняла листья
хладные декабрьские листья запоздалые
Она меня ждала моя моя давным-давно посаженная
давным-давно забытая декабрьская таджикская моя
невиноватая родимая родная
А тут увидела меня и вся затрепетала вся замаялась
зашлась вся задрожала как живая
И разом вся блаженная опала оземь златом звонным
златом хладным
Блаже

ПЫЛЬЦА ВРЕМЕНИ НА ПЛОСКОСТИ СЛОВА

Когда рассказывается сказка, голос повествователя то повышается, то понижается — в соответствии с движением ее сюжета. А для акцентирования того или иного момента, для того, чтобы выделить, подчеркнуть что-то особенно важное, рассказчик обыкновенно прибегает к повторам: «Дорога ровная-ровная», «Зверь страшный-страшный»... Происходит это не от недостатка художественных средств. Повторы, так же, как и педалирование голосом: «ро-о-о-овная»,— призваны стимулировать фантазию. И никакие другие художественные средства не могут заменить повтора, поскольку сказка рассчитана на устное исполнение, и очень важным элементом этого исполнения является голос рассказчика, его эмоциональное участие. Сказка по сути своей монофонична. Именно поэтому тот, кто «сказку сказывает», прибегает к повторам, синонимическим рядам, уточнениям — ради того, чтобы «ровная дорога» и «страшный зверь» предстали слушателю во всей психологической убедительности: ровной и страшным.

Мы слушаем старинный восточный инструмент — дутар. Мелодия, исполняемая на нем, естественно, не богата — ведь в дутаре всего две струны. Необходима истинная виртуозность, чтобы воссоздать с его помощью окружающий мир. Если он поет о горах, то это бесконечные гряды, если о песках, то их столько, насколько хватает глаз, если о воде, то она и быстрая, и родниковая, и мятная, а небо высокое-высокое, далекое, голубое, неохватное...

Вслушиваясь в голос Тимура Зульфикарова, я вижу опытного рассказчика, певца, акына, рапсода. У него длинные поэтические периоды: он набирает полные легкие воздуха, и дорога, по которой идут его герои, становится долгой-предолгой, уходящей за горизонт, бесконечной. Традиционный песенный повтор-припев словно бы демонтирован и растягивается под давлением каждого акцентирующего прилагательного или глагола: «И Амир идет в ночи и чинара уходит · отступает тает в дымчатом тумане растворяется теряется теряется теряется...» Это звенит струна, наполненная одним и тем же звуком, чтобы потом вторая струна (выше или ниже) подхватила этот звук и подняла его до крика или снизила до шепота...

Глагол растягивает действие, придает ему временной характер, наделяет его временно́й протяженностью. А прилагательное призвано замедлять действие, отягощая подвижное существительное пыльцой, подобной пыльце на крыльях бабочки: «Нежные тихие опустелые объялые кроткие ветви льнут... ласкают... гладят... лелеют лицо мое юное сильное резкое роснстое росное...»

Пальцы гуляют по струнам, звук переходит с одной струны на другую, превращаясь в гулкое многомерное эхо. Две струны, но

какая проянзывающая мелодяя, какой длинный, эахватывающий рассказ о первой любвн Ходжн Насреддина, этого мудрого, легендарно-бессмертиого страннника, что прошел по всем тропам: от кибитки к кибитке, от аула к аулу, от берегов Амударьн до Среднземного моря, впнтывая опыт мноrнх народов, прннимая в свое сердце все несправедливости мира, конденсируя в себе и раздавая людям энергию добра н смеха.

Нет, Тимур Зульфикаров не пошел по проторенному пути вслед за своим героем. Он провел его по неизвестным, забытым дорогам детства, любвн, старости... Он разрушил устоявшийся стереотип. Ведь когда произносишь «Ходжа Насреддин», непременно видишь улыбку на устах собеседника, за которой неизменно следует цитирование его афоризма, или сентенция, или анекдота, действующим лицом которого является сам Ходжа Насреддин. Это путь традиционного толкования и восприятия мифологической личности, которое всегда было окрашено иронией, юмором. У Тимура Зульфикарова Ходжа Насреддин становится героем *поэтического эпоса*. Это — поворот на сто восемьдесят градусов. Другая плоскость. Другой характер — а значит, должна быть и другая интонация, и соответственно — другая стилистика. Ибо для Насреддина-чудака одни слова, а для Насреддина-поэта, творца — другие. Зульфикаров, однако, не разграничил эти понятия, ибо Насреддин оттого и чудак, что поэт. Мир, увиденный им, был не будничным, а праздничным, горе других было не чужим, а своим собственным, обида, нанесенная другому, отдавалась болью в его сердце. Отсюда и новизна трактовки, неожиданность образа, новая плоскость, в которой и просторно, и широко, и свободно, где пыль веков не только отягощает айвовый листок, но и ложится пыльцой на крылья души, чтобы настроить ее на соответствующее, верное восприятие как географических понятий, так и национального духа.

Творчество Тимура Зульфикарова целостно по своей поэтической сути. Протяженность в пространстве — это удлиненная, растянутая эмоция, заложенная в голосе, который рассчитан на ровную, беспредельную плоскость. Здесь как бы предусмотрена тотальная перспектива, в которой человек рассматривается в атмосфере праздничности, в кульминационных точках: рождение, любовь, воспоминание, зависимость от непреодолимых обстоятельств, смерть. Здесь действуют люди, в судьбах которых обозначены главные, переломные моменты: встреча — разлука, странствие — возвращение, любовь — ненависть,— в антиномичной эавяснмости. Конкретные черты героев как бы растворяются в необыкновенной авторской экзальтации и предстают не рельефно-выпуклыми, а скульптурно-декоративными. Каждая черта преувеличена, каждое мгновение продолжаемо, каждое движение растяжимо. Тут автор применяет строенную, счетверенную оптику, благодаря чему он может разглядеть и цвет звука, и линию движения, и вкус цвета. Это уже не наблюдательность, не особая внимательность, а способ видения, глубина слуха и необычайная чувствительность в прикосновении, когда пальцы словно бы становятся всевидящими, а вкусовые ощущения — безграничными...

Да, это поэтическая натура. Да, это поэтическая ткань, сквозь которую просматривается прозаически-сценарный каркас. Правда, писатель иногда вдруг забывает (эмоциональный перехлест) о необходимых границах длительности кадра, и тогда этот кадр, или мизансцена, или момент замирает, становится статичным, как изваяние.

Поэтический мир Тимура Зульфикарова, при всей трагичности коллизий и драматичности событий, изображаемых им,— гармоничен, уравновешен (и в красках, и в поступках героев, и в их следствиях), как и положено в сказово-эпических произведениях. Этот мир рассматривается все преображающим, все трансформирующим взором не в обычном освещении, а как бы при вспышке молнии. Но вспышка эта продолжительна, растянута, и знакомые нам по другим источникам лица героев подвижны, изменчивы, поскольку не запечатлены мгновенностью. Пространство, окружающее Ходжу Насреддина, Мушфики, Омара Хайяма, организовано, как в голограмме. Каждую фигуру мы можем рассмотреть со всех сторон, так тонко вылеплена каждая черта. Однако хочу предостеречь: тут непременным условием восприятия является определенная дистанция, точно так же, как при чтении любого поэтического произведения, поскольку иначе мы будем задавать вопросы вроде того, почему-де конь красный, ведь красных коней не бывает. Бывают, категорически скажет Тимур Зульфикаров. Отступите на шаг от самих себя, а затем рассмотрите окружающий мир. То есть отрешитесь, освободитесь от будничности, стереотипности восприятия, заклишированности мышления. Раскрепоститесь от привычного, нормативного, воспримите прошлое как «длящееся время». То есть станьте соучастниками, проникнитесь страстями, красками, ароматом давно минувших лет, и вы ощутите не запах нафталина, а живую пульсацию неумирающего времени, его бесконечную протяженность. Насколько от этого расширятся наши горизонты, какими станем мы в продолжении совместного с Тимуром Зульфикаровым путешествия — обогащенными, все видящими, все слышащими...

Мифологические и героические черты персонажей, да и само архаическое пространство при сильном увеличении утрачивает свою масштабность, теперь они уже не гиперболичны, а скорее микроскопичны, то есть как бы рассмотрены под микроскопом, через сильные стекла, сквозь которые видно, как на плечах «великана Рустам-палвана плещется мотается жемчужный узкий долгий чекмень», пришитый к шее стрелою, пущенной вдогонку со стены преследователями Насреддина.

Образы, начертанные Тимуром Зульфикаровым, заселяют бурлящее пространство, где вместе с песками движутся и люди, и ветры, кочуют травы, пенятся и пересыхают реки.

Восточная элегия души, что медленно, постепенно как бы всплывает из-под пыли веков, сберегая на себе золотую пыльцу вечности. Вечности, обладающей своими устоявшимися признаками, имеющий своих посредников на земле. Это вода, камень, дерево, судьба, снег, песок, трава, хлеб, вино и рукотворная глина... Они сопровождают человека, они окружают его, они его корректируют, испытывают на прочность. Это и наиболее употребимые слова, через которые вместе с вечностью врывается мощный поток энергии. И герои поэм Тимура Зульфикарова, встречаясь с этими «признаками вечности» и соприкасаясь с ними, приобретают их свойства. И становятся они прозрачными, как вода, стойкими, как камень, высокими, как дерево, мимолетными и тающими, как судьба и снег, зыбучими и всепоглощающими, как пески, кустящимися и глубинными в своей корневой системе, как трава.

Гармоничный, архаичный мир Востока диссонирует с душевной драмой и Мушфики, таджикского народного мудреца и поэта XVI века, и великого поэта и ученого Омара Хайяма, и бессмертного

чудака Насреддина. Это противоречие — между мирозданием и людскими судьбами, между многообразием и совершенством мира, социальной природой человека — в основе лиризма Тимура Зульфикарова, когда он на высокой ноте вопрошает о целесообразности человеческого существования, мук и несчастий, выпадающих на долю его героев. Их путь — это путь испытаний, путь познания самого себя — себя в мире и мира в себе. И хорошо, если на этом пути встретится мудрый и добрый учитель, как встретился Мушфики Ходжа Насреддин, как самому Ходже Насреддину встретился дервиш Ходжа Зульфикар... Они сориентируют, поддержат советом, добрым словом, вдохновят, благословят... Потому что они — путеводные звезды, родники добра, из которых пьют вечные искатели истины. И это — в русле традиций сказки.

Традиционны и полярности между добром и злом, которые в произведениях Т. Зульфикарова подобны поставленным друг против друга зеркалам, отражающим, оттеняющим друг в друге противоположные начала, для которых совершенно невозможно взаимопроникновение — так, чтобы в злом была определенная доля добра, а в добром — какая-нибудь частица зла, хотя порой они и идут рядом, чуть ли не рука об руку, как Ходжа Насреддин с тираном Тимуром. При этом Тимур Зульфикаров не дает прямых характеристик, и эпитеты, определения словно бы вращаются вокруг своих носителей по намеченным автором орбитам, чтобы не называть, а только обозначить на расстоянии, на некой дистанции. Вот Амир Тимур, отраженный в Насреддине:

«—Тимур... Ты скоро хлебнешь глоток вина из чаши виночерпия смерти... Ты скоро уйдешь, старик... И твоя империя треснет и потечет, как поздний на бахче забытый жаркий перезрелый перележалый мяклый куня-ургенчский арбуз... Ты скоро умрешь... И твою империю растащат, разнесут, разворуют, расхитят враги и потомки твои, как муравьи палую шумную зноўную изумрудную муху... Да, старик... Да, изумрудная муха!.. Я все сказал... Я хочу умереть... Прощай...»

А Ходжа Насреддин, в свою очередь, отражается в глазах, в сущности Амира Тимура:

«— Освободите этого безумца!.. Развяжите его. Или не видите, что он сумасшедший?.. Только сумасшедший способен на такие слова!.. Но мне скучно от сплошных тихих спин!.. Мне нужны сумасшедшие!.. С ними веселее!.. Да!.. С ними я не одинок..

Эй, Ходжа Насреддин! Ты прав!.. Я мясник! Я гиена, пожирающая падаль!.. Я хромой камышовый кот!.. Я изумрудная муха!.. Я калека!.. И я хочу, чтобы все люди стали калеками! Ты прав!.. Хоть один человек сказал мне это в лоб, в лик Джахангира!.. Нашелся один!.. ...Иди, Ходжа Насреддин!.. Иди на волю, которую ты так любишь... Иди, сумасшедший... Эй, наденьте на него хирку-мухаммадий — рубище блаженного дервиша-безумца и желтый кулох-колпак-ахмадий. ...Пусть идет по дорогам моей необъятной державы и кричит: Амир Тимур — мясник народов!.. Амир Тимур — гиена!.. Амир Тимур — изумрудная муха!.. Пусть кричит на всю землю! Ха-ха-ха!..»

Каждая фигура в поэмах Тимура Зульфикарова вырастает до символа: и Тимур-тиран, и Ходжа-странник, и Мамлакат-Кубаро-кормилица. Это символы высокого смысла. Так, Мамлакат-Кубаро — это не только кормилица, но и мать, и родина, и земля, вспоившая одной грудью и Ходжу-мудреца и тирана Тимура.

Тимур Зульфикаров идет путем индукции — от частного к общему. И как каждое истинно поэтическое произведение не поддается пересказу, так невозможно пересказать эту условную прозу поэта, или поэзию в прозе. Потому что здесь, как уже отмечалось, важны дыхание, голос, интонация, те тонкие волокна, из которых ткутся образы. От грубого аналитического прикосновения эти волокна рвутся. Мы имеем здесь дело со словами-кружевами, звуками-паутинками. Их порой трудно даже удержать в руке. И тут надо быть сотворцом, а не только слушателем. Эмоциональное участие — необходимое условие для постижения сути этих произведений.

Как и полагается в поэтическом произведении, временные плоскости в поэмах Т. Зульфикарова смещены. Тимур — реальная историческая фигура — приобретает мифологические черты, а мифологическая фигура Насреддина конкретизируется, биографизируется, если можно так выразиться. И достигается глубина и богатство содержания, создается иллюзия достоверности.

Язык, жесты, движения — все здесь рассчитано на восприятие противоречий: значения и противозначения, сущности и видимости, и мы невольно отмечаем траекторию каждого предмета, каждого понятия и соответственно — каждого слова. Потому что все здесь приведено в действие. Чередуются разные планы, исчерпывая напряжение каждого предыдущего эпизода. Тимур Зульфикаров избегает чрезмерной описательности, хоть иногда и кажется, что от уплотнения отдельных сцен выиграла бы композиция произведения и приключения духа были бы более интересными.

Жесты Тимура Зульфикарова торжественны, язык тяготеет к архаике, к библейскому строю, как будто поэт совершает ритуал, рассказывая о событиях, очевидцем которых он был. В этом убеждаешься, прислушиваясь к его взволнованному голосу, решительно сориентированному на музыкальный лад, на экзальтированность. Его поэтика нацелена на языковую цветистость, на нарастание и спад напряжения, на вибрацию голоса, который взрывается вздохом, стоном, вскриком, чтобы затем опять ровно плыть, переливаться, обволакивая широкой музыкальной тональностью дутара, этого древнейшего и интимнейшего инструмента, звуки которого рассчитаны на исповедь, на повествование, но не на призыв. Звуковая гармония поэм Тимура Зульфикарова основана на старинных восточных мелодиях. Однако он на наших глазах создает новую оригинальную форму, и мы становимся свидетелями возникновения поэзо-прозаического ряда, где рифма заменена повтором, а ассоциативные ряды метафоры — синонимическими гнездами, где интонация является доминантой. И произведение не утрачивает ни поэтическую идею, ни мелодическую линию. Каждый раздел в прозаических поэмах Т. Зульфикарова — это своеобразная комплексная строфа, где вместо цезуры выступает повествовательное предложение, а музыкальные темы, варьируясь, переливаются, сплетаются, взаимодействуют и противодействуют, создавая полифоническое звучание, где слышны и молитвенные взывания, и мессианские ноты, и возгласы возмущения, и страстные призывы влюбленного.

Здесь реальность соединяется с историей и легендой не для того, чтобы воскресить исторические фигуры и моменты, а ради выявления нашей причастности к истории вообще. Растворяя прошлое в современном, историческую реальность в фантазии, Т. Зульфикаров достигает ощущения целостности, невыдуманности, для этого он и использует исторические детали, и прибегает к языковым уловкам,

вводя в русский текст арабские, персидские, тюркские слова. История для Т. Зульфикарова — это действующая современность. Слова удваиваются, утраиваются, наслаиваются, слипаются, уплотняются, и вот уже «долгая-долгая-долгая-до-о-олга-а-ая дорога» приобретает не только пространственную протяженность, но и плотность. И если в применении к современному материалу такая стилистика выглядела бы неестественно, то в трактовке историко-мифологической темы и именно на восточном материале эта экзальтированная интонация вполне закономерна. Потому что «сдвинутое», смещенное слово применяется к смещенному времени и пространству. И Тимур Зульфикаров то и дело ищет уточнений, прибегая, как уже отмечалось, к тюркским, таджикским и арабским словам, потому что назвать Ильяса-махдума всего лишь лекарем — явно мало, надо еще и подтвердить это восточной лексемой «табиб», к «копью» надо добавить «батик», а «область» ограничить восточным административным термином «вилайят». Тогда «лекарь-табиб», «копье-батик», «область-вилайят», «пояс-чекмень» и т. п. как бы конкретизируются, вписываются в конкретный ландшафт и конкретную часть света. Каждое такое понятие, уточняясь, одновременно и обобщается. Это своеобразная смысловая тавтология. Две языковые стихии действуют на сознание писателя. Восточные родники определяют его вкусы, отношение к миру, к времени, а русскоязычная стихия требует от него предметности изображения, историзма мышления и некоторой иррациональности в поступках героев. Эти две языковые стихии: поэтическая стихия Востока и прозаическая Запада — соединились словно бы для того, чтобы создать нечто оригинальное, чтобы придать скульптурным группам динамику, чтобы перевести окаменелые сентенции Востока, расхожие философемы в ряд монологических откровений.

Диалог не свойствен восточной литературе, поэтому все герои Т. Зульфикарова говорят одним языком, с одинаковой интонацией. Они не слышат друг друга. Их слышит только поэт и переводит в музыкальный монодичный лад. Синтез не получился. Поэзия победила. И несмотря на то, что писатель прибегает к монтажному способу сюжетостроения, а то и к сценарной записи (кстати, Тимур Зульфикаров — известный сценарист, фильмы, поставленные по его сценариям,— «Человек идет за птицами» и «Черная курица»,— высоко оценены на международных кинофестивалях), действие развивается чрезвычайно медленно, как рапид-съемка. И все повторы, синонимические ряды, где синонимы приравнены друг к другу, выстраиваются как бы по кругу, в центре которого — конкретное понятие, например, тело Насреддина, «нищее, побитое, вишневое, малиновое», или «Безносый палач мычащий распутывает короткими крысиными тупыми пальцами разматывает тугой веревочный глухой узел на руках Насреддина».

Освободить главные члены предложения от этих периферийных определений — и мы получим скупую сценарную запись. Но сама по себе она ничего не стоит. Это — простая фиксация действия. Без метафоры, возведенной в квадрат, предложение становится обыкновенной, будничной фразой, обычным беллетристическим предложением. Все эти ступенчатые метафоры призваны не для наглядности, достоверности изображаемого, а для того, чтобы загипнотизировать слушателя тавтологиями, насытить наш взор красками, а миропонимание расширить педалированием восточными сентенциями.

Гипнотизирующие повторы, восклицания, синонимы усиливают,

подкрепляют друг друга интонационно; они становятся эмоциональными стимуляторами, напоминающими нам о неисчерпаемой многоликости мира. При более внимательном проникновении в тексты Тимура Зульфикарова мы увидим, что это не литературный прием, а традиционная восточная орнаментальность, истоки которой — в фольклорных традициях. Это нагнетание, нанизывание прилагательных, глаголов есть своего рода магия, заклинание словом, вибрацией голосовых связок...

Что же получилось? Внутри русской языковой стихии возникли и во весь голос зазвучали древневосточные ориентальные мотивы. Это напоминает сооружение в восточном стиле, построенное из материала, предназначавшегося для строительства русского терема. Мы ощущаем почти физическое противодействие поэтической интонации прозаическому синтаксису, в результате чего синтез, как мы уже отмечали, не получается и побеждает поэзия. Исторические реалии, прозаические детали как бы самоустраняются. Несмотря на свою цельность, они растворяются в прозрачной поэтичности текста, эмоциональное напряжение которого идет от естественности дыхания.

Неисчерпаемое богатство синонимического ряда, вызванное восторгом перед космической грандиозностью мира, свидетельствует и о духовном богатстве, и о высокой эмоциональности автора, который не может смириться с кристаллизацией чувств, со временем происходящей в человеке, с тем, что впечатлительность и восприимчивость постепенно приобретает адаптацию. Это своеобразный протест против возраста, который со всего снимает покровы, разрушает волшебный ореол абсолютной чистоты, анализирует индивидуальные реакции и все подчиняет разуму.

Динамическое равновесие формы, тяжелое, горячее, ритмичное дыхание, чередование трагического со слепяще-светлым, конфликт между пылкостью порыва и неодолимостью обстоятельств, диалектическое соотношение абсолютного и относительного — вот поэтический мир, который предложен нам автором этой книги, мир постоянных метаморфоз, рельефного процесса созидания и разрушения, взлета и падения, мир ирреального исторического времени, где исследуются моральные и психологические зоны вечных человеческих рефлексий на добро и зло, где моральное время является высшей категорией.

Книга Тимура Зульфикарова — книга большой эпической насыщенности, где на каждой странице мы находим новые элементы, новые контрасты, новые неожиданные ракурсы уже виденного. Эта книга оригинальна, внутренний маршрут ее героев неповторим.

Каждое дальнее странствие требует определенного запаса терпения и выносливости — только тогда странник достигает заветной цели. И те, кто сейчас прошел долгий путь вместе с Тимуром Зульфикаровым, наверняка придут к выводу: в дороге, которая есть обозначение движения, познается суть жизни.

Павло МОВЧАН

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ДЕТСТВА МУШФИКИ 5
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА 72
ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА 150
КНИГА ОТКРОВЕНИЙ ОМАРА ХАЙЯМА 265
ТАТТАБУБУ 380
ПОЭМА О КНЯЗЕ МИХАИЛЕ ЧЕРНИГОВСКОМ 400
АБХАЗСКАЯ БАЛЛАДА 409
СТИХОТВОРЕНИЯ 414
ПЫЛЬЦА ВРЕМЕНИ НА ПЛОСКОСТИ СЛОВА. *Послесловие* П. Мовчана 425

Тимур Касимович ЗУЛЬФИКАРОВ

МУДРЕЦЫ. ЦАРИ. ПОЭТЫ.

КНИГА ПОЭМ

Приложение к журналу «Дружба народов»

М., «Известия», 1983, 432 стр. с илл.

Оформление «Библиотеки» **Ю. Алексеевой**

Редакторы **Е. Абрамович, И. Юшкова**

Художественный редактор **И. Смирнов**

Технический редактор **В. Новикова**

Корректор **С. Розенберг**

Сдано в набор 30.11.82. Подписано в печать 15.03.83. А 01238. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура «латинская». Печать высокая. Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 22,40. Тираж 265.000 экз. Заказ № 3-90.
Цена 1 руб. 70 коп.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР». Москва, Пушкинская пл., 5

Киевская книжная фабрика, 252054, Киев, ул. Воровского, 24. С матриц комбината печати «Радянська Україна»